МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ: ЭКОНОМИКА ТРАНСФОРМАЦИЙ И УСТОЙЧИВОГО РОСТА

Сборник материалов
XIII Международной научно-практической конференции молодых ученых

Санкт-Петербург

20 февраля 2026 года

Под научной редакцией
доктора экономических наук, профессора Е.А. Горбашко

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТ
2026

ББК 65
Н34

Научные исследования молодых ученых: экономика трансформаций и устойчивого роста : сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции молодых ученых. Санкт-Петербург, 20 февраля 2026 г. / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Е.А. Горбашко. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2026. – 362 с.

Н34

ISBN 978-5-7310-7113-0

Сборник включает материалы конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Авторы статей представили результаты исследований по широкому спектру научных направлений: от вопросов российско-китайского бизнес-диалога и социально-экономического развития Арктического региона до информационных технологий в цифровой экономике, устойчивости логистических систем, управленческих практик и современного права.

Издание может быть полезно научным работникам, преподавателям, специалистам-практикам, студентам и аспирантам, а также всем, кто интересуется проблемами устойчивого развития, междисциплинарными подходами в управлении и перспективами экономического взаимодействия.

This collection is based on the proceedings of a conference for undergraduate and graduate students, doctoral candidates, and early-career researchers. The contributors present findings across a broad range of academic fields, covering topics from Russian-Chinese business dialogue and the socio-economic development of the Arctic region to information technologies in the digital economy, the resilience of logistics systems, management practices, and contemporary law.

The publication will be of interest to researchers, educators, practitioners, students, and doctoral candidates, as well as anyone concerned with issues of sustainable development, interdisciplinary approaches to management, and the prospects for economic cooperation.

ББК 65

Редакционная коллегия: М.Ю. Воскобойникова, А.Ю. Бомбин, А.В. Павлова, А.Д. Колбина, А.С. Ковалева, А.С. Наговицына, О.О. Дымова, С.Н. Дорошенко, О.С. Ковалевская, А.В. Купрякова, О.Д. Димитриченко, Н.С. Печенко, С.М. Газуль, М.П. Декина, Д.А. Багдасарян, Д.А. Павлова, О.Ю. Дудко, К.В. Михайлова, Е.М. Мейксина, Д.Ю. Игнатова, А.А. Трубецкая

Ответственные за выпуск: А.Ю. Бомбин, М.Ю. Воскобойникова, А.В. Павлова

ISBN 978-5-7310-7113-0

© СПбГЭУ, 2026

Содержание

ВЕКТОР СОВМЕСТНОГО РАЗВИТИЯ: РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ БИЗНЕС-ДИАЛОГ

Ганюшкина Мария Денисовна, Голикова Ева Антоновна, Ковалева Анастасия Александровна. Стратегическая роль юаня в обеспечении финансовой безопасности 11

Ковалева Анастасия Александровна. Китайский фактор в адаптации экономики России: прагматизм и стратегическое партнерство в условиях новой реальности глобальной экономики 13

Коробейникова Эвелина Евгеньевна, Квачева Ольга Александровна, Ковалева Анастасия Александровна. Сравнительный анализ вступления России и Китая в ВТО: влияние на развитие малого и среднего бизнеса 16

Костерина Анна Александровна. Феномен POP Mart: уроки китайской креативной экономики для российского рынка 19

Куценко Иван Дмитриевич, Сорока Матвей Дмитриевич. Цифровизация сельского хозяйства в Китае: возможности для России 22

Ницуленко Дарья Алексеевна. Совместное развитие атомной энергетики России и Китая на примере сотрудничества «Росатом» и CNNC 25

Овчинникова Дарья Николаевна, Штирц Ксения Александровна. Стратегические векторы развития нефтегазового сектора России и Китая 28

Охотский Александр Игоревич. Роль размещения панда-бондов российскими эмитентами как способ развития новой финансовой архитектуры 30

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Бодрова Николь Павловна. Вопросы социально-экономического развития Арктического региона 34

Гордиенко Яна Александровна. Модель управления событийной повесткой в целях социально-экономического развития Арктики 37

Гуляева Валерия Борисовна. Малое и среднее арктическое предпринимательство: состояние и перспективы 39

Евдокимов Роман Юрьевич. Экономические особенности организации грузовых авиаперевозок в Арктической зоне Российской Федерации 42

Маменова Ксения Маратовна, Дымова Ольга Олеговна. Перспективы сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте развития Северного морского пути 45

Салтыков Кирилл Витальевич. Корпоративная социальная ответственность как драйвер устойчивого развития арктических моногородов 49

Шашиашвили Анна Шотаевна. Правовое обеспечение безопасности недропользования в Арктике в условиях западных санкций 52

Ю Син Чже. Перспективы российско-южнокорейского сотрудничества в судостроительной отрасли в контексте развития Северного морского пути ... 55

ВОПРОСЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ

Гаврилова Лада Дмитриевна, Димитриченко Оксана Дмитриевна. Инфраструктура качества как институциональная основа пространственного развития регионов России 59
Дятчина Екатерина Дмитриевна, Четыркина Наталья Юрьевна. Особенности применения стандартов качества в организациях сферы услуг.... 62
Камешков Владислав Алексеевич. Влияние санкций на качество продукции ТЭК: дефицит импортных МТР и невозможность сервисного обслуживания оборудования 65
Кожин Макар Олегович, Четыркина Наталья Юрьевна. Управление качеством при внедрении ИИ-решений в IT-проектах 69
Колбина Анастасия Денисовна. Цифровая зрелость персонала и её влияние на качество услуг 71
Лозгачёва Софья Антоновна, Сальникова Екатерина Юрьевна. Цифровые платформы и программные решения в управлении качеством 74
Матвеев Евгений Владимирович. Цифровизация риск-менеджмента как фактор повышения качества экономического развития..... 77
Матвеева Полина Евгеньевна, Виноградов Леонид Викторович. Российско-китайский бизнес-диалог как вектор совместного развития: аспекты стандартизации и управления качеством 80
Уткина Анна Сергеевна. Концепция повышения качества организации труда профилактического приема в сфере здравоохранения..... 83

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ И РЕШЕНИЯ

Атюганова Екатерина Викторовна, Бабина Елена Николаевна. Место политической партии в жизни общества..... 87
Григорьева Елизавета Сергеевна. Роль университетов в развитии инновационного потенциала регионов..... 89
Джураева Диана Георгиевна. Оценка эффективности установления обязательных требований к предпринимательской деятельности через механизм оценки регулирующего воздействия Челябинской области и оценки применения обязательных требований 91
Задорожная Тамара Алексеевна, Медведева Вера Николаевна. Перспективы развития экономического потенциала Ставропольского края 94
Капцова Алла Владимировна, Татарникова Марина Анатольевна. Результаты использования цифровых технологий в сфере государственных услуг и управления..... 97
Косарева Анастасия Владимировна. Оценка результативности государственной поддержки некоммерческого сектора: поиск оптимальных подходов 99
Крюкова Александра Валерьевна, Резвая Анна Дмитриевна. Реализация федеральной целевой программы развития образования: современное состояние и пути оптимизации 102

Мельниковская Алена Олеговна. Город с высокой плотностью населения как особый объект государственного и муниципального управления 105
Соловьева Елена Геннадьевна, Татарникова Марина Анатольевна. Уровень жизни населения России: современный взгляд на действительность 108
Черных Анна Евгеньевна. О преемственности государственного управления при работе с молодежью: опыт СССР и Российской Федерации 111

ЗАРУБЕЖНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ
Авдеева Екатерина Алексеевна, Егорова Юлия Александровна, Димитриченко Оксана Дмитриевна. Специализация и производительность труда в экономиках западных регионов Китая 114
Власов Константин Александрович, Старцев Богдан Максимович. Соглашение между ЕС и МЕРКОСУР: выгоды и издержки 117
Вознева Ксения Григорьевна, Мягкова Алиса Артемовна. Дифференциация уровня экономического развития и качества жизни в регионах Китая 120
Ермоченко Гордей Иванович, Яковлева Софья Игоревна. Типологизация регионов Республики Сербия по плотности экономического пространства 124
Завгородняя Анастасия Алексеевна, Коршун Владислава Михайловна. Динамика региональной структуры ВРП Испании: оценка методом индексов структурных сдвигов 126
Симкина Арина Александровна, Соболева Ярослава Владимировна, Хобатенкова Мария Викторовна. Модели экономического развития провинций Восточного Китая: сравнительный анализ на основе рейтингового метода 129
Старцев Богдан Максимович, Власов Константин Александрович. Торговые отношения между США и Германией в эпоху глобальных потрясений 133

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ
Кокшаров Егор Дмитриевич. Этапы трансформации бизнеса в цифровой экономике: анализ этапов и их особенностей 137
Мустафаев Заур Имран оглы. Информационные технологии industry 4.0 как фактор устойчивого развития предприятий 140
Краснощеков Дмитрий Семенович, Калюков Николай Сергеевич. Особенности оценки экономической эффективности цифровых проектов предприятий производственного сектора 143
Кузьменко Карина Александровна. Особенности информации как товара в условиях становления цифровой экономики 146

Леонов Максим Александрович, Дмитров Денис Владимирович. Риски внедрения искусственного интеллекта в процессы управления предприятиями: анализ операционных, этических и правовых рисков 149
Родионов Леонид Сергеевич, Садыков Александр Мунирович. Информационная безопасность как ключевой фактор устойчивости цифровой экономики 152
Рябченко Алексей Александрович. Искусственный интеллект как драйвер роста цифровой экономики 155
Туджани Амаду. Инновационные подходы к моделированию физических процессов с использованием VR-технологий 157
Шаламовских Ярослав Егорович, Потемкина Татьяна Владимировна. Цифровая трансформация малого и среднего бизнеса: роль платформы 1С 161
Шепелёв Пётр Юрьевич, Дудко Ольга Юрьевна. Характеристики потребителя в эпоху искусственного интеллекта в когнитивной экономике доверия 164
Кокшаров Егор Дмитриевич. Этапы жизненного цикла роботизированной автоматизации: выявление и минимизация рисков 167

КОНГРЕССНО-ВЫСТАВОЧНАЯ И СОБЫТИЙНАЯ ИНДУСТРИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ
Багрей Дарья Вячеславовна, Орловская Виктория Петровна. Инклюзивные практики в создании инфраструктуры выставок 171
Гордиенко Яна Александровна. Потенциал применения технологий искусственного интеллекта в цифровом анализе событийной деятельности (на примере арктического региона России) 173
Грабовская Анастасия Игоревна, Сушкова Ульяна Сергеевна, Кострюкова Оксана Николаевна. Специфика организации и проведения кейс-чемпионата: возможности для молодых специалистов и индустрии событий 177
Лапин Кирилл Викторович, Редькина Елена Михайловна. Особенности свадебного рынка в Тюмени 180
Максименко Олеся Геннадьевна. Возможности применения искусственного интеллекта в конгрессно-выставочной индустрии 183
Марушнева Софья Владимировна, Михайлова Карина Валерьевна. Расширение жизненного цикла мероприятия: модель «ивент – профессиональное сообщество – ивент» в событийной индустрии 186
Попова Алина Романовна, Шахова Анастасия Яковлевна. Цифровой этикет и гибридные форматы мероприятий в странах ШОС: синтез традиционных норм и современных технологий (на примере России, Китая, Индии) 189
Сывак Вероника Андреевна, Орловская Виктория Петровна. Ивенты в апарт-отелях: особенности и тренды 192

ПЕРСПЕКТИВЫ И ТОЧКИ РОСТА РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Бондаренко Георгий Владимирович. Экономические выгоды от внедрения энергоэффективных технологий на автомобилестроительных предприятиях 195
Голофеева Мария Евгеньевна, Потемкина Татьяна Владимировна. **3D**-печать в строительстве: перспективы развития 198
Руденко Анастасия Сергеевна, Горощенко Виктория Викторовна. Технологические векторы промышленного роста в условиях новой геоэкономической реальности 201
Дорошенко София Николаевна. Автономный мониторинг критической инфраструктуры: от сбора данных дронами к управляемым решениям на основе ИИ 204
Крылов Арсений Артемович, Юдина Василиса Васильевна, Борисова Виктория Владимировна. Комплексный подход к международным проектам как основное конкурентное преимущество (на примере ГК «Росатом») 207
Ларионов Евгений Евгеньевич, Ткаченко Елена Анатольевна. Глобальные тренды ИКТ и инноваций: оценка по данным международных индексов GII, IDI, GDII и прогноз для рынка труда 210
Леонов Максим Александрович, Рубцова Лариса Николаевна. Технологический суверенитет в промышленной отрасли Российской Федерации 213
Лукин Андрей Анатольевич, Газеев Мансур Хамитович, Осиновская Ирина Владимировна. Перспективы и точки роста ресурсно-производственного потенциала компаний нефтегазового профиля 216
Мейксина Екатерина Максимовна. Арктические нефтегазовые проекты как драйвер индустриального роста: мультипликативный эффект и стратегические вызовы 219
Рудаков Михаил Алексеевич. Экономика замкнутого цикла, как фактор регионального роста отечественной промышленности 223
Саньков Артём Олегович, Серов Алексей Геннадьевич. Электротехнический комплекс как основа для технологического рывка в сельском хозяйстве и промышленности 226
Синицкий Дмитрий Геннадьевич. Оценка влияния неприменения налога на сверхприбыль на финансовые результаты топливно-энергетического сектора в РФ и налоговые поступления федерального бюджета РФ в 2023 г. 229
Титов Алексей Сергеевич. Модернизация системы управления регионального бизнеса в промышленности с государственной поддержкой 231
Черевко Валерий Евгеньевич, Бережных Михаил Алексеевич. Экономика замкнутого цикла как фактор производительности в России 234

Чжан Фэнхао, Сопина Наталья Владимировна. Проблемы и возможности отрасли станкостроения на современном этапе 237
Шибаев Андрей Иванович, Серов Алексей Геннадьевич. Технологический суверенитет России через синтез АПК и промышленности 240

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ЭПОХУ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
Аксентьева Евгения Юрьевна, Иванова Анастасия Юрьевна. Предпринимательство в эпоху санкций и устойчивого развития как стратегия технологического суверенитета АПК 243
Квартникова Анна Олеговна, Колесников Виктор Викторович. Роль внутреннего аудита в обеспечении устойчивого развития предпринимательских структур в России 246
Крайнова Алёна Сергеевна, Бобровникова Виктория Владимировна. Проблематика принятия обоснованных управленческих решений на основе данных в условиях малого предпринимательства 248
Купрякова Анастасия Владимировна. Инструменты поддержки молодежного научного предпринимательства в условиях устойчивого развития экономики 251

СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ НЕОБХОДИМОСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ПОИСК РЕШЕНИЙ
Бабичева Софья Валерьевна. Регулирование нейросетей в авторском праве 255
Григорьев Никита Евгеньевич. Сервитут как ограниченное вещное право: проблемы защиты в земельно-правовых отношениях 257
Жижкун Александра Игоревна, Жижкун Илья Константинович. О врачебных ошибках в эпоху развития искусственного интеллекта 260
Павлова Дария Андреевна. Цифровое наследие: особенности правового регулировании перехода цифровых прав 263
Пупкова Анна Сергеевна. Международное усыновление детей-инвалидов: отдельные вопросы правового регулирования 266

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И МОДЕЛИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОГО РОСТА
Волкова Елена Витальевна. Статистическая оценка региональной насильственной смертности в контексте достижения цели устойчивого развития 269
Горюнова Анастасия Александровна, Сергеева Вероника Вадимовна, Алиев Аяз Аладдин оглы. Статистическая оценка влияния инвестиций в инновации на устойчивость рыночной капитализации российских компаний 272
Каменев Никита Олегович, Дашкевич Павел Михайлович. Методические аспекты расчёта индекса потребительских цен при анализе инфляции: на примере данных по РФ за 2025 год 275

Лежнин Даниил Сергеевич. Моделирование спроса на рынке дентальных имплантатов в России 278
Матвеев Павел Игоревич. Методологические ограничения традиционных макроэкономических индикаторов устойчивого роста и статистические подходы к их преодолению 281
Тусупханова Шакиман, Дашкевич Павел Михайлович. Анализ развития возобновляемой энергетики в Российской Федерации в контексте глобального мегатренда «зеленая энергетика» 284

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО РЫНКОВ
Шамсиддин Абдужабборов. Инфляция и валютные риски: сравнительный анализ антиинфляционных мер Центрального банка России и центрального банка Турции 288
Ахметова Камилла Аслановна, Шибаев Вениамин Юрьевич. Демографический кризис Китая и его экономические последствия 291
Бабенко Михаил Андреевич. Водород в российском энергетическом комплексе как фактор экономического развития 293
Каменских Анна Витальевна. Трансформация российской экономики под влиянием санкций 297
Никитин Максим Андреевич. Сравнительное исследование расходов продавцов товаров на российских и зарубежных маркетплейсах 299

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
Абдужалилов Тимур Фарходович. Ретроспектива и адаптация социолого-правовой концепции Макса Вебера в современной юридической мысли 303
Багдасарян Диана Арцруновна. Оценка цифровых рисков и социальной безопасности населением Санкт-Петербурга 306
Бурова Вероника Андреевна, Мишкова Маргарита Петровна. **Направления** развития деловой карьеры в условиях цифровой экономики ... 308
Гремилов Александр Владимирович. Трансформация управленческого контроля и автономии в условиях дистанционной работы 311
Дерябин Владислав Сергеевич. Региональная идентичность у молодежи как ресурс устойчивого социально-экономического развития субъектов Российской Федерации 313
Карташова Маргарита Сергеевна. Бескорыстность бизнеса и НКО в контексте концепции устойчивого развития 316
Максимова Александра Николаевна, Лунева Светлана Курусовна. Молодёжная политика – стратегически важная сфера и инструмент укрепления национальной идентичности и государственности 319
Потемкин Константин Александрович. Социальные ожидания и условия развития внутреннего туризма в региональных образованиях 323
Цю Сяоди. Общие принципы и особенности развития человеческого капитала в России и Китае 326

Кацюба Олег Павлович. Интегрированная модель управления социальным проектом на базе цифровой валюты и кооперативных принципов 329

УСТОЙЧИВОСТЬ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ЦЕПОЧЕК ПОСТАВОК

Есипко Максим Сергеевич, Фетисов Павел Алексеевич. Анализ данных и искусственный интеллект как инструменты повышения устойчивости цепей поставок 333
Марьин Александр Васильевич, Митяшин Глеб Юрьевич. Риски использования параллельного импорта российскими автодилерами 335
Овчинникова Полина Владимировна, Митяшин Глеб Юрьевич. Логистический аутсорсинг как фактор повышения эффективности российских компаний 339
Печенко Наталья Сергеевна, Отев Кирилл Сергеевич. Информационные потоки в логистике цепочки поставок: синергия для эффективного управления 342
Пигин Михаил Игоревич. Гибкость и устойчивость цепей поставок: управление в условиях ограничений 345
Удоденко Ульяна Юрьевна, Согомонян Левон Артурович. Обзор перспектив развития рынка цифровой логистики 348
Усенко Арина Александровна, Кудинов Эдуард Алексеевич. Интеграция маркетинга и логистики как фактор повышения устойчивости цепочек поставок в условиях глобальной экономики 351
Хайдапова Татьяна Евгеньевна. Управление логистическими рисками при транспортировке сопутствующих продуктов добычи газоконденсатных месторождений в целях обеспечения устойчивости цепочек поставок 354
Хомич Татьяна Андреевна. Барьеры и драйверы устойчивого развития в международных цепях поставок 357
Цянь Фэйфань. Устойчивость цепочки поставок промышленных предприятий в условиях цифровой трансформации: эволюционно-игровой анализ без субсидирования 360

УДК 339.9

Стратегическая роль юаня в обеспечении финансовой безопасности России

Ганюшкина Мария Денисовна
студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
marusyyya@icloud.com
Голикова Ева Антоновна
студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
itseffa@yandex.ru
Ковалева Анастасия Александровна
ассистент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
SPIN-код: 1449-8971, akovaleva0795@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется трансформация концепции финансовой безопасности РФ от банковской устойчивости к обеспечению национального суверенитета. Исследуется системная роль китайского юаня как ключевого инструмента адаптации экономики к санкционному давлению. На основе эмпирических данных показано, что интеграция юаня в торговые расчеты, резервы ФНБ и инфраструктуру позволила снизить внешние риски.

Ключевые слова: финансовая безопасность, национальный суверенитет, китайский юань, трансграничные расчеты, финансовая инфраструктура.

Понятие финансовой безопасности страны в последние годы претерпело существенные изменения. Если ранее под ней понималась преимущественно устойчивость банковской системы к кризисам ликвидности и отсутствие дефолтов, то в текущем контексте акцент сместился в сторону национального суверенитета. Теперь критически важно не просто иметь резервы, а свободно ими распоряжаться, вести расчеты без участия западных банков и обеспечивать технологическую независимость инфраструктуры от внешнего давления.

В научных статьях отмечают, что эта новая парадигма фокусируется на защите четырех ключевых компонентов: платежи, активы, инфраструктура, валютный курс [1]. В сфере платежей главными угрозами стали блокировка трансграничных расчетов и вторичные санкции, способные приостановить внешнюю торговлю. Безопасность активов теперь определяется не их доходностью, а защищенностью от риска заморозки и конфискации в иностранных юрисдикциях. Акцент в инфраструктурной устойчивости сместился с технической надежности оборудования на использование локализованных решений и автономного ПО. Валютная политика

перешла от свободного плавания к регулированию движения капитала. Это позволяет ограничить влияние внешней рыночной волатильности и снизить риски, сопряженные с расчетами в иностранных валютах [1].

По мнению авторов, повышение роли китайского юаня в российско-китайском сотрудничестве является системным ответом на вызовы финансовой безопасности РФ.

По данным "Обзора рисков финансовых рынков" Банка России, на фоне снижения объемов по внешнеторговым операциям доля юаня в расчетах за российский экспорт в январе 2024 года увеличилась до 40,8%, в импорте – до 38,5% [2, 3]. В стоимостном выражении объем юаня в экспортной выручке составил 13,2 млрд долл. США, в расчетах за импорт – 9,1 млрд долл. США. Кроме того, по данным Банка России, доля юаня на торгах Московской биржи в мае составила 54%. Предполагается, что биржевой курс юань/рубль будет задавать траекторию и для других валютных пар, станет ориентиром для участников рынка [6]. Это результат перенаправления торговых потоков на Восток и изменения валюты расчетов на рубли, юани и другие валюты дружественных стран. Таким образом, юань не только обслуживает торговые потоки, но и становится значительным элементом курсовой политики и стабильности валютного рынка России.

Практическим измерением суверенитета активов в текущих условиях выступает их деноминация в юанях. По данным Министерства финансов России, на 1 января 2026 года объем Фонда национального благосостояния (ФНБ) достиг 13,415 трлн рублей. Ликвидная часть активов ФНБ, которая размещена на счетах в Банке России, за девять месяцев 2025 года возросла на 355 млрд рублей, достигнув 4,2 трлн рублей. В структуре этих ликвидных средств: 58,2% было инвестировано в китайские юани, 41,7% – в золото в обезличенной форме, 0,01% составили российские рубли [5]. Центральный Банк России заключил, что «юань с учетом роста его международного статуса и развития российского валютного рынка играет ключевую роль в составе активов Банка России» [6].

Помимо функции резервного актива, юань также играет значительную роль в создании независимой платежной инфраструктуры. Прямая интеграция платежных систем СПФС и CIPS служит мощным инструментом укрепления финансового суверенитета России и Китая, снижая зависимость от санкционных рисков. Практическая реализация этой модели способна радикально ускорить трансграничные расчеты, с нескольких суток до нескольких часов, и сократить операционные издержки почти вдвое. Экспертные интервью подтверждают данные преимущества, а уже достигнутый уровень расчетов в национальных валютах, превышающий 95%, наглядно демонстрирует стратегическую ценность и экономическую эффективность новой финансовой архитектуры [4].

Однако, несмотря на выявленное повышение роли юаня в обеспечении финансовой безопасности РФ, существуют ограничения, которые можно разделить на две группы: внутренние ограничения двустороннего характера и внешние системные ограничения. К первой группе относится товарный дисбаланс (преобладание сырья в экспорте РФ в КНР и готовой продукции в импорте РФ из КНР), валютные риски, зависимость от решений Пекина. Ко второй – сохранение долларового ценообразования, ограниченная глобальная ликвидность юаня, геополитический баланс Китая между Россией и Западом.

Исследование показало, что современная концепция финансовой безопасности России базируется на приоритете национального суверенитета и технологической независимости. Китайский юань стал системным инструментом реализации этой стратегии, обеспечив непрерывность внешнеторговых расчетов, защиту резервов ФНБ и автономность платежной инфраструктуры в существенной степени.

Список источников

1. Клоков, Е. А. Финансовая безопасность государства: сущность и современные угрозы // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2010. – №2. – С. 43–47. – EDN MTWQAF.

2. Обзор рисков финансовых рынков (январь–февраль 2024) // Банк России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/48958/ORFR_2024-02.pdf (дата обращения: 21.01.2026).

3. Официальный сайт Банка России // Банк России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru (дата обращения: 21.01.2026).

4. Фань, Иньбинь. Интеграция национальных платежных систем России и Китая: стратегические пути и оценка эффективности в условиях глобальных финансовых трансформаций // Аудиторские ведомости. – 2025. – № 4. – С. 121-130. – DOI 10.24412/1727-8058-2025-4-121-130. – EDN MMNOCH.

5. ФНБ увеличился до 13,4 трлн руб. к началу 2026 года // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8362221 (дата обращения: 22.01.2026).

6. ЦБ: биржевой курс юань/рубль станет ориентиром для участников рынка // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/21083997 (дата обращения: 19.01.2026).

УДК 339.9

Китайский фактор в адаптации экономики России: прагматизм и стратегическое партнерство в условиях новой реальности глобальной экономики

Ковалева Анастасия Александровна
ассистент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
SPIN-код: 1449-8971, akovaleva0795@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется роль китайского фактора в адаптации экономики России к фрагментации глобального экономического пространства. На основе функционального подхода показано, что при высокой финансовой интеграции сохраняется нестабильность товарооборота и стагнация инвестиций. Рассматриваются международные территории опережающего развития (МТОР) как новый институциональный механизм. Выявлено противоречие между декларируемым стратегическим партнерством и глубиной кооперации.

Ключевые слова: Россия, Китай, экономические отношения, стратегическое партнерство, внешнеэкономическая политика, торговля, прямые инвестиции.

Фрагментация глобального экономического пространства, регионализация торговых потоков и трансформация производственных цепочек формируют новую реальность, к которой вынуждены адаптироваться национальные экономики. Для Российской Федерации, интегрированной в азиатский вектор внешнеэкономической политики, углубление взаимодействия с Китаем является объективным процессом, обусловленным необходимостью адаптации к текущей конъюнктуре глобального рынка.

В настоящее время Китай выступает одним из системообразующих участников, совмещая функции крупнейшего производителя, технологического донора и источника конечного спроса на сырьевые товары. Пройдя этап экспортно-ориентированного роста, Китай перешел к стратегии развития, опирающейся на масштабные инвестиции в национальную инфраструктуру, а затем к концепции «двойной циркуляции», нацеленной на сочетание внутреннего роста с инвестированием в зарубежную инфраструктуру и технологии [7]. Экономическая модель Китая базируется на данной концепции, где внутреннее потребление и производство выступают основой, а внешнеэкономическая экспансия – инструментом наращивания глобального влияния. Это позволяет Китаю одновременно удерживать позиции ведущего экспортера готовой продукции и наращивать компетенции в высокотехнологичных секторах, таких как возобновляемая энергетика, производство электромобилей, развитие цифровой инфраструктуры. Кроме того, как показано в работе Рамича М.С., Китай изменил свое место в системе глобального управления, реализуя стратегию расширения деятельности в традиционных международных институтах (ООН, ВБ, МВФ) и создания новых институтов – инициативы «Пояс и путь» (ОПОП) и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) [4, с. 7]. Таким образом, китайский фактор выступает не просто катализатором изменений, но и структурообразующим элементом новой конфигурации мировой экономики, в которой выстраивание отношений с КНР требует учета его возросшего потенциала.

Трансформация глобальной роли Китая и формирующаяся новая конфигурация мирохозяйственных связей создают новые условия для экономического взаимодействия России с Китаем. Анализ реальной глубины экономической кооперации, по мнению автора, целесообразно проводить в функциональном разрезе, а не в отраслевом. Торговый и инвестиционный каналы фиксируют текущую конъюнктуру и долгосрочные стратегии сторон, а финансовый канал, обслуживающий международные экономические отношения, приобретает критическое значение, поскольку его устойчивость и безопасность выступают необходимым условием реализации торговых и инвестиционных связей.

Динамика двусторонней торговли демонстрирует долгосрочный восходящий тренд при краткосрочной волатильности: рекордные 244,8 млрд долл. США в 2024 году сменились незначительным сокращением до 228,1 млрд долл. США в 2025 году, что стало первым снижением за пять лет. Эксперты связывают это с комплексом факторов: переориентацией части потоков через третьи страны для снижения санкционных рисков, падением цен на нефть при сохранении физических объемов поставок, а также обострением конкуренции для российской агропродукции на китайском рынке [5]. Структура товарооборота сохраняет сырье-

вой характер российского экспорта при преобладании готовой продукции, автотранспорта и электроники в импорте из Китая. При этом агросектор демонстрирует опережающую динамику: товарооборот сельхозпродукции вырос на 40%, достигнув 9,7 млрд долларов [2]. В среднесрочной перспективе ожидается восстановление положительной динамики товарооборота за счет углубления расчетов в национальных валютах, реализации долгосрочных энергетических контрактов и расширения несырьевого неэнергетического экспорта.

Инвестиционное сотрудничество России и Китая характеризуется институционализацией новых механизмов при сохранении осторожной стратегии китайских инвесторов. Общий объем накопленных инвестиций КНР в РФ остается статичным (не более 17,4 млрд долл. США) с тенденцией к снижению вложений в добычу полезных ископаемых и ростом лишь в секторе финансовых услуг. В ответ на инерционность частных капиталовложений российская сторона инициировала создание нового институционального механизма привлечения инвестиций: с 1 января 2026 года вступил в силу закон о международных территориях опережающего развития (МТОР) на Дальнем Востоке, ориентированных в первую очередь на китайский капитал [3]. Дальнейшая динамика инвестиционного взаимодействия будет зависеть от успешности реализации пилотных проектов в рамках МТОР, адаптации китайского бизнеса к новым институциональным условиям и способности сторон предложить механизмы, снижающие риски капиталовложений в чувствительных секторах.

Ключевым результатом развития двусторонних экономических связей стал структурный сдвиг в валютной структуре расчетов: доля рубля и юаня торговых расчетах достигла 99,1% [1], что обеспечивает операционную независимость торговых потоков от внешней инфраструктуры и санкционных рисков. Развитие альтернативных платежных механизмов и расширение практики валютных свопов создают предпосылки для закрепления этой модели, а выход российских эмитентов на долговой рынок КНР («панда-облигации» Росатома и Газпромбанка с ожидаемым размещением в 2026 году) открывает новое направление финансовой интеграции. При этом, как отмечает Черкасов В.Ю., достигнутый уровень двусторонних расчетов не меняет общего подхода Пекина к интернационализации юаня: китайская валюта выполняет прежде всего функцию обслуживания импорта КНР, и ее глобальная роль остается ограниченной [6].

Динамика рассмотренных каналов адаптации обнаруживает как новые возможности, так и системные ограничения. Базовым преимуществом для России выступает сохранение доступа к китайскому рынку, подкрепленное долгосрочными энергетическими контрактами. Вместе с тем фиксируется нестабильность торговой динамики (сокращение товарооборота на 6,5% в 2025 году при снижении импорта инвестиционных товаров на 8,7%) и осторожность китайских инвесторов, избегающих секторов, чувствительных к санкциям.

Таким образом, китайский фактор выступает значимым элементом адаптации российской экономики. Дальнейшее развитие партнерства сопряжено с необходимостью решения ряда задач: повышение эффективности новых институциональных механизмов (МТОР), обеспечение устойчивости торговой модели в условиях ценовой волатильности, определение оптимального баланса между

углублением кооперации с Китаем и задачами диверсификации внешнеэкономических связей и укрепления технологического суверенитета.

Список источников

1. Антон Силуанов: Россия и Китай почти полностью перешли на расчеты в нацвалютах // Эксперт. [Электронный ресурс]. URL: https://expert.ru/amp/news/anton-siluanov-rossiya-i-kitay-pochti-polnostyu-pereshli-na-raschety-v-natsvalyutakh/ (Дата обращения: 15.01.2026).

2. Владимир Путин рассказал о достижениях и перспективах сотрудничества РФ и КНР // Эксперт. [Электронный ресурс]. URL: https://expert.ru/amp/news/vladimir-putin-rasskazal-o-dostizheniyakh-i-perspektivakh-sotrudnichestva-rf-i-knr/ (дата обращения: 25.01.2026).

3. КРДВ представила возможности Международной ТОР на Экспортном совете Приморья // Минвостокразвития России. [Электронный ресурс]. URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/krdv_predstavila_vozmozhnosti_mezhdunarodnoy_tor_na_eksportnom_sovete_primorya/ (Дата обращения: 01.02.2026).

4. Рамич М.С. Подходы КНР к «перезагрузке» системы глобального экономического управления в контексте теории структурной власти // Проблемы Дальнего Востока. –2024. – № 5. – С. 7–24. – DOI: 10.31857/S0131281224050012.

5. Товарооборот России и Китая сократился впервые за пять лет // Bfm.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bfm.ru (Дата обращения: 01.02.2026).

6. Черкасов В. К вопросу о международной валюте, интернационализации юаня и расчетах в национальных валютах // ЭКО. – 2018. – № 48(9). – С. 128-146. – DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-9-128-146.

7. Brühl, V. The economic rise of China – an analysis of China's growth drivers. Int Econ Econ Policy 22, 16 (2025). https://doi.org/10.1007/s10368-024-00640-w.

УДК 339.9

Сравнительный анализ вступления России и Китая в ВТО: влияние на развитие малого и среднего бизнеса

Коробейникова Эвелина Евгеньевна
студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, eek195@mail.ru
Квачева Ольга Александровна
студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, kvachyova.olga@yandex.ru
Ковалева Анастасия Александровна
ассистент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
SPIN-код: 1449-8971, akovaleva0795@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются последствия вступления России и Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) с точки зрения структурных изменений в экономике и последствий для малого и среднего бизнеса (МСП). Выявлено, что различия в результатах интеграции обеих стран в мировую торговую систему объясняются

не столько правилами ВТО, сколько особенностями национальных моделей экономической политики и институциональной среды.

Ключевые слова: ВТО, малый и средний бизнес, либерализация торговли, промышленная политика, Россия, Китай.

Членство во Всемирной торговой организации традиционно рассматривается как важный инструмент интеграции национальной экономики в мировую экономику. Либерализация международной торговли позволяет концентрировать ресурсы в более конкурентоспособных местах производства товаров и услуг. Однако это создает трудности для национальных экономик, особенно для малого бизнеса. Без активной промышленной политики рост внешней конкуренции может привести к сокращению числа МСП и снижению их роли в промышленности и развитии национальной экономики в целом.

В декабре 2001, после 15 лет переговоров, начавшихся в 1986 году, Китай стал членом Всемирной торговой организации. Этому предшествовали структурные реформы, которые касались в том числе субъектов малого и среднего бизнеса. Государство реализовало комплекс мер, направленных на повышение конкурентоспособности этих предприятий и дальнейшую их интеграцию в мировую экономику. Были введены льготные условия кредитования для субъектов МСП, особенно в высокотехнологичных и ориентированных на экспорт отраслях, предоставлены гарантии государства для снижения инвестиционных рисков, разработаны обширные образовательные программы и программы повышения квалификации для занятых в МСП, обеспечены меры защиты прав интеллектуальной собственности, информационной и консультационной поддержки [6]. Реализация данного комплекса мер отражает изначальную стратегическую ориентацию Китая на развитие сектора МСП в качестве основного драйвера формирования ВВП.

Членство Китая в ВТО привело к радикальному смягчению торговых ограничений, тарифы на промышленную продукцию были снижены с 25% до 7% [3]. Данные внешней торговли, представленные на рис. 1 демонстрируют, что присоединение Китая к ВТО привело к существенному росту как экспортных, так и импортных операций Китая.

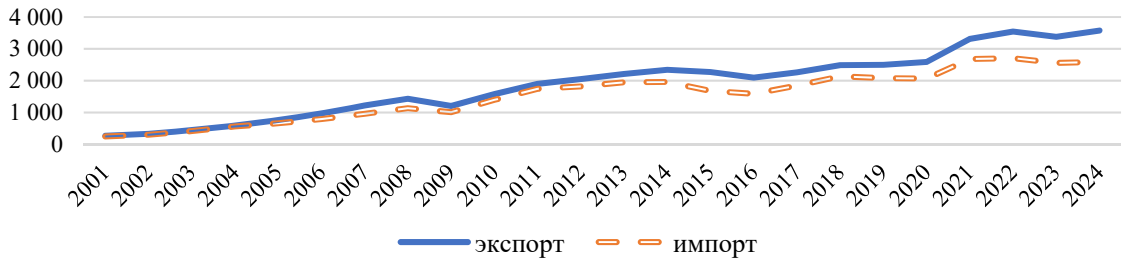

Рисунок 1 – Объем экспорта и импорта Китая в 2001-2024 гг., трлн. долл. США [4]

Статус развивающейся страны, присвоенный КНР при интеграции в ВТО в 2001 г., обеспечил льготные условия участия в системе международной тор-

говли. К ним относятся смягчённые обязательства по либерализации, расширенные переходные периоды и сохранение инструментов государственной поддержки экспорта. Данные преференции способствовали эффективной защите внутреннего рынка, интенсификации экспортной деятельности и последовательному экономическому росту. В частности, доля МПС в ВВП Китая увеличилась с 50% в 2001 году до 60% в 2010 году и около 70% в 2024 году [2].

В отличие от Китая, Россия присоединилась к ВТО в 2012 году, приняв обязательства, соответствующие стандартам стран с рыночной экономикой, без получения формального статуса развивающейся страны. Это выразилось в значительном снижении импортных тарифов, ограничении промышленных субсидий и адаптации законодательства к нормам ВТО, без полномасштабного использования льготных режимов. В частности, были существенно снижены средние импортные пошлины (с 11,9% до 7,1%), поэтапно отменены экспортные пошлины по 700 товарным позициям, а также устранены административные препятствия для иностранных компаний к отечественным рынкам в 74% сектора сферы услуг. Эти меры, направленные на либерализацию торговли, одновременно поставили перед российскими производителями вызов повышения конкурентоспособности в условиях усилившейся внешней конкуренции. Малый и средний бизнес остался без необходимой поддержки и возможности быстрой адаптации к новым правилам.

Данные внешней торговли, представленные на рис. 2 демонстрируют, что присоединение России к Всемирной торговой организации (ВТО) не привело к росту как экспортных, так и импортных операций и имело неоднородную динамику. Кроме того, доля МПС в ВВП России после вступления в ВТО увеличилась совсем незначительно с 19,2% в 2012 году [5] до 21,7% в 2024 году [1].

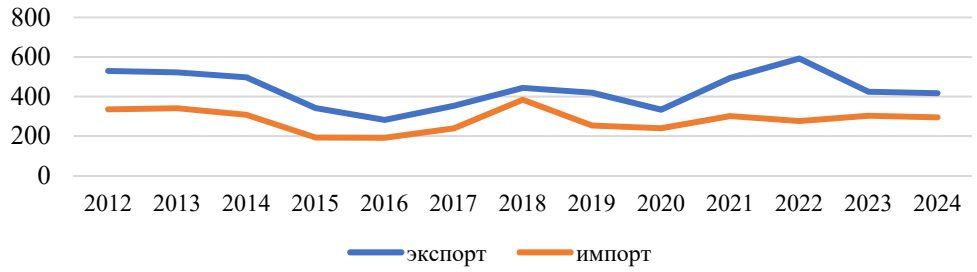

Рисунок 2 – Объем экспорта и импорта России в 2012-2024 гг., трлн. долл. США [4]

Таким образом, сравнительный анализ продемонстрировал, что интеграция Китая и России в систему Всемирной торговой организации имела различные последствия для динамики экономического роста, внешнеторговых показателей и деловой активности сектора МСП в обеих странах. В случае Китая, предварительные структурные реформы и последовательная государственная политика поддержки малого и среднего предпринимательства обеспечили успешную адаптацию к условиям глобальной торговли. В России же либерализация торгового режима не сопровождалась комплексной стратегией развития МСП, что, в

итоге, ограничило потенциал данных субъектов для диверсификации национальной экономики и формирования устойчивой предпринимательской среды.

Список источников

1. Вклад МСП в экономику России // Минэкономразвития РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/vklad_msp_v_ekonomiku_rossii_prevysil_345_trln_rubley.html (Дата обращения 14.01.2026).

2. Официальный сайт Национального бюро статистики КНР // Национальное бюро статистики КНР. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stats.gov.cn/ (Дата обращения: 14.01.2026).

3. Понкратова, Л.А. Внешняя торговля Китая: особенности динамики и оценка структурных сдвигов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 2 (95). – С. 44–53.

4. Стоимость экспорта и импорта товаров // Statbase. [Электронный ресурс]. URL: https://statbase.ru/datasets/trade/merchandise-exports-wto/ (Дата обращения 14.01.2026).

5. Топтание на месте // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2210196 (Дата обращения 14.01.2026).

6. Чжу, Ц. Китай и ВТО: трудное вступление и становление в качестве лидера / Ц. Чжу, Ю. Вэй // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – Т. 17, № 3. – С. 7-22. – DOI 10.17323/1996-7845-2022-03-01. – EDN PDBORF.

УДК 339.9

Феномен POP Mart: уроки китайской креативной экономики для российского рынка

Костерина Анна Александровна
студент, Санкт-Петербургский государственный университет,
annkosterina2005@mail.ru

Аннотация. Впервые анализируется опыт китайской компании Pop Mart как пример стратегического перехода Китая к экономике, основанной на интеллектуальной собственности и креативных индустриях. Особое внимание уделяется роли продукции Pop Mart как инструмента «мягкой силы» Китая. Компания способствует изменению международного имиджа страны и укреплению ее позиций в глобальных рейтингах. Рассматриваются стратегические аспекты развития бренда Pop Mart, важные для креативных (творческих) индустрий России и реализации нового законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: Pop Mart, креативная экономика, мягкая сила, Китай, Россия.

В условиях глобальной цифровизации и усиления конкуренции за культурное влияние в мире креативная экономика становится ключевым драйвером развития национальных хозяйств. Китай, сочетающий многовековые культурные

традиции с современными технологиями, демонстрирует уникальную модель роста креативного сектора. Вклад креативных индустрий в ВВП страны составил 4,56% в 2024 году [2, с.10], а темпы роста сектора в 2-3 раза опережают традиционные отрасли.

Одним из самых показательных примеров этого прорыва является кейс компании Pop Mart (Поп Март) – крупнейшего в Китае производителя модных игрушек, уникальных коллекционных фигурок. По итогам первого полугодия 2025 года Pop Mart получила чистую прибыль в размере 4,57 миллиарда юаней, что на 397% выше показателя годичной давности за аналогичный период. Выручка Pop Mart за указанный период выросла на 204,4% год к году и составила 13,88 миллиарда юаней. При этом почти треть доходов компании принесла серия игрушек Labubu (Лабубу) [3].

Феномен успеха Pop Mart является результатом целенаправленной государственной и корпоративной стратегии по переходу от экономики материального производства к креативной экономике. Изучение китайского опыта особенно актуально для России. В 2025 году вступил в силу Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», который определил основы правового регулирования организации и развития в Российской Федерации креативных (творческих) индустрий как базового сектора креативной экономики и установил условия деятельности и государственной поддержки в сфере креативных (творческих) индустрий [1]. Реализация названного Федерального закона требует адаптации лучших международных практик.

Креативная экономика представляет собой особый тип организации хозяйственных отношений между субъектами гражданского оборота. Она основана на широком использовании результатов интеллектуальной деятельности при создании, использовании, продвижении на внутреннем и внешнем рынках, распространении и реализации продукции (выполнении работ, оказании услуг), а также ускоренном внедрении инноваций во всех областях деятельности. Так, в отличие от традиционных ресурсов (труд, капитал), главным активом здесь становятся знания, идеи и интеллектуальная собственность.

Конкурентное преимущество компании Pop Mart формируется за счет нескольких взаимосвязанных стратегических элементов. Так, бренд использует концепцию «слепых коробок» (blind boxes) или же сюрприз-боксов, в которых продукция полностью запечатана, и покупатель не может узнать, что конкретно находится внутри до вскрытия упаковки. Данная модель основана на психологии азарта и коллекционирования. На некоторые коллекции игрушек и брелоков создается искусственный дефицит, тем самым стимулируется высокомаржинальный и повторяющийся потребительский спрос за счет использования поведенческой экономики. Продукты компании (MOLLY, Crybaby, Hirono, Hacipupu), особенно вирусная серия Labubu, сочетают элементы уличной культуры с эстетикой «странного милого» (weird cute), что обеспечивает особую популярность у поколения Z.

Расширяя собственную линейку персонажей под брендом Pop Mart, компания заключила лицензионные соглашения с такими компаниями, как Disney,

Universal, Warner Bros., Sanrio и NBA для разработки продукции, привлекательной для глобальной аудитории.

Для продвижения своей продукции Pop Mart использует комбинацию офлайн и онлайн-каналов. Игрушки можно купить как в розничных магазинах, так и в автономных робошопах. По итогам первого полугодия 2025 года у бренда имеется 571 магазин в Китае и за рубежом (Республика Корея, Япония, США, Великобритания и другие страны), свыше 2 700 робошопов по миру (2 516 в материковом Китае и 192 за рубежом). На международные рынки приходится около 40% продаж. Компания сосредоточилась также в сети «Интернет», продвигая свой бренд на таких видеоплатформах, как Bilibili, TikTok, XiaoHongShu и Poizon. Pop Mart сотрудничает с популярными среди молодежи знаменитостями и блогерами в качестве пиар-кампании, что укрепляет модный имидж бренда [6, с.16].

На успех бренда значительно повлияла эффективная монетизация интеллектуальной собственности. Pop Mart не производит просто игрушки, а создает и продвигает персонажей как целые миры со своими вселенными и аудиторией. Ценность активов компании заключена не в производственных мощностях, а в авторских правах на дизайн, развитой фан-базе и сюжетах вокруг героев. Успех сотрудничества с известными художниками (Кенни Вонг, Касинг Лунг, Молли и другие) заложил основу для создания собственной команды дизайнеров.

Достижения Pop Mart служат инструментом «мягкой силы» Китая. Компания стремительно увеличивает долю экспортной продукции, превращаясь в проводника китайской культуры за рубежом. Этот процесс является частью государственной стратегии по изменению международного имиджа Китая, направленной на переход от образа «Сделано в Китае» к «Создано в Китае», к статусу центра культурного и креативного экспорта. Сильная и эффективная экономика может быть причиной привлекательности той или иной страны, а значит, ресурсом «мягкой силы» [5].

Анализ международного ежегодного рейтинга «мягкой силы» The Global Soft Power Index компании Brand Finance [4] показывает, что влияние КНР на международные экономически отношения продолжает расти, «мягкая сила» укрепляться. Так, согласно данным The Global Soft Power Index в 2025 году Китай поднялся на 2-е место с показателем 72.8 из 100, уступив только США. В 2026 году Поднебесная сохранила 2 место, но в то же время стала единственной страной в десятке лидеров с ростом индекса до 73,6 пунктов. Россия улучшила международный имидж, поднявшись с 16 на 14 место.

Таким образом, Pop Mart предлагает важный опыт для России, ищущей новые модели экономического роста. В современной экономике стратегический приоритет должен смещаться в сторону создания экосистем, благоприятствующих созданию и глобальной монетизации интеллектуальной собственности. Это требует развития креативного класса, поддержки стартапов в сфере дизайна и развлечений, а также построения инфраструктуры для международного продвижения культурных брендов. Привлекательность национальной экономики и ее продуктов влияет на международный имидж страны. Россия может использовать «мягкую силу» для геополитического влияния и роста несырьевого экспорта, включая креативную экономику.

Список источников

альный закон от 8 августа 2024 г. «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/ (Дата обращения: 29.01.2026).

2. Перспективы развития креативных экономик в странах БРИКС+ // ООО «Капт Наполи и Консультирование». [Электронный ресурс]. URL: https://cdn1.tenchat.ru/static/vbc-gostinder/2024-07-01/18c5e5be-fa4a-4abc-a816-cf5e0fe6cbaa.pdf (Дата обращения: 31.01.2026).

3. Производитель Лабубу отчитался о росте прибыли за 1 полугодие на 400% //Finam. [Электронный ресурс]. URL https://www.finam.ru/publications/item/proizvoditel-labubu-otchitalsya-o-roste-pribyli-za-1-polugodie-na-400-20250820-0840/ (Дата обращения: 26.01.2026).

4. Brandirectory: official website. URL: https://brandirectory.com (date of access: 31.01.2026).

5. Nye J.S. Bound to lead: The changing nature of American power. – New York: Basic Books,1990 -336 p.

6. Wang Youtai, Bi Sumei. Pop toys «blind box» marketing model / Wang Youtai, Bi Sumei // Modern Business. – 2021. – № 23. – P. 15–17. – DOI: 10.14097/j.cnki.5392/2021.23.005.

УДК 332.1

Цифровизация сельского хозяйства в Китае: возможности для России

Куценко Иван Дмитриевич
студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, ivankucenko2006@gmail.com
Сорока Матвей Дмитриевич
студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, m.soroka2020@gmail.com
Научный руководитель – ассистент, Ковалева А.А.
SPIN-код: 1449-8971, akovaleva0795@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется китайская модель цифровизации сельского хозяйства, основанная на синергии государства и бизнеса. Делается вывод о необходимости её адаптации для России с учётом территориальных и структурных различий. Предлагается гибридная модель для российского агропромышленного комплекса, сочетающая создание государством цифровой инфраструктуры с разработкой бизнесом нишевых технологических решений.

Ключевые слова: цифровизация; сельское хозяйство; Китай; аграрная политика; цифровая экономика.

В связи с продолжающимся ростом внутреннего спроса в Китае и ограниченностью природных ресурсов, цифровизация аграрного сектора с упором на

технологический прогресс и внедрение инновационных, прорывных систем в сельскохозяйственные производства является одним из основных векторов развития и модернизации экономики Китая. Обладая менее чем 10% мировых пахотных земель, Китай обеспечивает продовольствием более 20% населения планеты, что требует развития собственного аграрного комплекса, причем с применением интенсивных методов из-за с нехватки плодородных территорий [4].

Целью исследования является выявление возможностей цифровизации сельскохозяйственной отрасли России на основе анализа процесса и механизмов цифровизации сельского хозяйства в Китае. По мнению авторов, цифровая трансформация аграрного сектора КНР была обусловлена реализацией государственной стратегии, в которой формирование базовой цифровой инфраструктуры и регуляторной среды стало катализатором для развития частных технологических решений и создания устойчивой отраслевой экосистемы.

Государственная стратегия цифровизации сельских территорий Китайской Народной Республики реализуется в рамках двух ключевых национальных программ: «Интернет+» и «Цифровой Китай». Функция государства заключается в создании базовой цифровой инфраструктуры, включающей широкополосные телекоммуникационные сети (4G/5G), спутниковую навигационную систему «Бэйдоу», обеспечивающую высокоточное позиционирование объектов, формирование централизованных аграрных баз данных.

Институциональной основой цифровой модернизации сельских территорий в КНР стала утверждённая в 2019 году стратегия развития цифровых деревень (Digital Village Development Strategy), рассматривающая цифровизацию как экономический инструмент повышения производительности и устойчивости аграрного сектора [5]. Основные направления программы включали внедрение новых цифровых технологий в АПК (IoT, Big Data, AI, облачные платформы), введение определенных мер по ускорению строительства сельской информационной инфраструктуры («умные сети, «умное» водное хозяйство) [1].

Вклад частного сектора в реализацию концепции «умных деревень» в Китае носит комплексный характер и охватывает как цифровые платформы, так и производство специализированной техники. Со стороны ритейла и логистики компании-гиганты (Alibaba, JD.com) создают инфраструктуру для прямых продаж сельскохозяйственной продукции, устраняя цепочки посредников. Со стороны индустрии высоких технологий производители (XAG, DJI) обеспечивают непосредственную технологизацию полевых работ через поставки агродронов, беспилотных электрокаров и интеллектуальных систем ирригации [2]. Эта синергия между платформенным и технологическим бизнесом трансформирует традиционные фермерские хозяйства, интегрируя их в цифровую экономику и существенно повышая их производительность и конкурентоспособность.

Согласно статистическим данным, в результате реализации запущенной в 2019 году стратегии развития цифровых деревень (Digital Rural Development Strategy) почти все сельские территории Китая (98%) были подключены к широкополосному интернету, 80% сельских участков были оборудованы высокоскоростной системой связи 5G. В 2024 году более чем 1,5 млн квадратных километ-

ров были обработаны орошающими и собирающими дронами DJI, а метод точного земледелия в пилотных зонах позволил сократить потребление воды на сельскохозяйственных участках на 30-40%, что способствовало росту доходов фермеров на 15-25%. Модернизация инфраструктуры напрямую стимулировала рост цифровизации услуг в аграрном секторе: общий объём онлайн-розничных продаж в сельской местности Китая составил 2,17 трлн юаней, а объем онлайн-продаж сельскохозяйственной продукции в 2022 году превысил 531,38 млрд юаней, что подтвердило результативность цифровых платформ для электронной коммерции. Одновременно была обеспечена интеграция сельских территорий в систему электронного правительства: к цифровым сервисам (электронный кадастр) подключены около 86% деревень [3].

Таким образом, проведённый анализ демонстрирует, что китайская модель цифровизации сельского хозяйства, основанная на синергии государственного инфраструктурного каркаса и рыночных технологических сервисов, обеспечила системную трансформацию сектора. Однако прямое копирование китайской модели в России невозможно из-за фундаментальных различий в условиях. Огромная территория при низкой плотности населения делает экономически нецелесообразным создание сплошной наземной инфраструктуры (как сети 5G в Китае); экстремальный и разнородный климат (зоны рискованного земледелия, вечная мерзлота) требует иных технологических приоритетов; структура агропромышленного комплекса с преобладанием крупных агрохолдингов создает иной запрос на цифровые решения, нежели массовая работа с миллионами мелких хозяйств.

Однако с учетом того, что сельскохозяйственные угодья занимают лишь около 13% территории России, приоритетом развития агропромышленного комплекса должна стать глубокая технологическая модернизация. Стратегически верным для этого представляется ключевой принцип китайской модели – четкое разделение функций, при котором государство фокусируется на создании условий для инноваций, а именно формирует базовую цифровую инфраструктуру и адаптивную регуляторную среду. В свою очередь, частный бизнес, используя эти условия, разрабатывает и внедряет конкретные рыночные решения. Следовательно, адаптированная для России гибридная модель должна быть направлена на точечную технологическую интенсификацию ключевых производителей через внедрение прецизионных, логистических и сбытовых решений, а не на их тотальный охват.

Список источников

1. Авдокушин, Е. Ф. Цифровизация села в Китае / Е. Ф. Авдокушин, Ван Жуй // Мир новой экономики. – 2021. – №15(4). – С. 6-15. – DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-4-6-15.

2. Воронина, Н.П. Цифровая трансформация сельского хозяйства как драйвер развития сельскохозяйственной кооперации: правовое обеспечение и стратегическое планирование / Н. П. Воронина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 4 (142). – DOI: 10.23670/IRJ.2024.142.23.

3. China Statistical Yearbook // National Bureau of Statistics of China. [Digital resource]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm (Accessed: 31.01.2026).

4. Report on China's development and investment in land and water // FAO. [Digital resource]. URL: https://www.fao.org/4/ac623e/ac623e0d.htm (Accessed: 16.01.2026).

5. The General Office of the CPC Central Committee and the General Office of the State Council issued the Outline of the Digital Rural Development Strategy // State Council of the People's Republic of China. [Digital resource]. URL: http://www.scio.gov.cn/gwyzclxcfh/cfh/2019n_15127/2019n07y01rxw/wjxgzc_15478/202208/t20220808_302993.html (Accessed: 27.01.2026).

УДК 339.92

Совместное развитие атомной энергетики России и Китая на примере сотрудничества «Росатом» и CNNC

Ницуленко Дарья Алексеевна
студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
nitulencodaria@gmai.com

Аннотация. В статье анализируется роль государственной корпорации «Росатом» и China National Nuclear Corporation (CNNC) в развитии атомной энергетики России и Китая в условиях трансформации мирового энергетического рынка. Рассматриваются ключевые совместные проекты в области строительства АЭС и внедрения инновационных ядерных технологий. Делается вывод о стратегическом значении российско-китайского атомного сотрудничества для обеспечения энергетической безопасности и формирования новых центров технологического лидерства в глобальной атомной отрасли.

Ключевые слова: атомная энергетика, Росатом, CNNC, российско-китайское сотрудничество, технологический суверенитет, замкнутый ядерный топливный цикл, низкоуглеродная энергетика.

В условиях трансформации энергетических рынков, которая во многом обуславливается климатической повесткой и перестройкой международных экономических связей, вопрос обеспечения энергетической безопасности и технологического суверенитета приобретает особую значимость. Для России и Китая, как крупных индустриальных держав с высоким уровнем энергопотребления, ключевым элементом долгосрочного устойчивого развития становится формирование надежной энергетической базы.

Атомная энергетика занимает стратегически важное место в национальных энергетических и климатических стратегиях Российской Федерации и Китайской Народной Республики [7, 8]. В отличие от других источников низкоуглеродной генерации, атомная энергетика обеспечивает стабильное энергоснабжение и высокую производительность, что особенно важно в условиях растущего спроса на электроэнергию и необходимости снижения углеродных выбросов в атмосферу.

В данном контексте государственные корпорации «Росатом» и China National Nuclear Corporation (CNNC) выступают не только как ведущие игроки

атомной отрасли, но и как гаранты технологического суверенитета своих стран. Деятельность компаний охватывает полный жизненный цикл ядерных технологий, от научных исследований и проектирования до строительства, эксплуатации и сервисного обслуживания атомных объектов.

«Росатом» и CNNC совместно реализуют ряд масштабных проектов в области атомной энергетики на территории Китая, которые представлены в Таблице 1[1, 5, 6]. Ключевые инициативы охватывают сооружение энергоблоков с реакторами ВВЭР-1200 поколения «3+», а также разработку инновационных реакторов на быстрых нейтронах.

Таблица 1 – Крупные совместные проекты «Росатом» и CNNC на территории Китая [1]

Название проекта	**Мощность**	**Этап**	**Местоположение**
Тяньваньская АЭС (энергоблоки 7 и 8)	1200 МВт (ВВЭР-1200)	Ввод в эксплуатацию энергоблока №7 намечен на конец 2026 года. Строительство энергоблока №8 продолжается	г. Ляньюнган, провинция Цзянсу
АЭС «Сюйдапу» (энергоблоки 3 и 4)	1200 МВт (ВВЭР-1200)	Ввод в эксплуатацию энергоблоков №3 и №4 намечен на 2027–2028 годы	г. Хулудао, провинция Ляонин
CFR-600 (АЭС Сяпу)	600 МВт (электрическая), 1500 МВт (тепловая)	Первый реактор запущен в эксплуатацию в 2023 году. Строительство второго реактора началось в декабре 2020 года	Провинция Фуцзянь, округ Сяпу, остров Чанбяо

В рамках курса китайского правительства на низкоуглеродную энергетику атомная генерация рассматривается как один из ключевых инструментов сокращения выбросов CO_2. Китай планирует существенно нарастить мощности АЭС, однако это ставит перед страной острую проблему обращения с отработавшим ядерным топливом (ОЯТ) и радиоактивными отходами [2, 7].

В этом контексте стратегическое партнерство с Россией приобретает новое, критически важное значение. Россия не только обладает технологией приема и переработки ОЯТ, но и совместно с Китаем работает над решением проблемы отходов через развитие реакторов на быстрых нейтронах. Реактор CFR-600, сооружение которого ведется в Китае, основан на российской научной школе и многолетних наработках, в том числе Института атомной энергии им. И. В. Курчатова («Курчатовский институт»).

На данном этапе, реакторы, составляющие основу технологий замкнутого ядерного топливного цикла (ЗЯТЦ), позволяют «дожигать» долгоживущие радиоактивные изотопы, превращая их в топливо и существенно сокращая объем и

радиотоксичность окончательных отходов. Таким образом, совместные проекты не только помогают Китаю решать актуальные проблемы масштабирования атомной энергетики, но и продвигают переход к более экологичным и эффективным технологиям замкнутого ядерного цикла.

Важным направлением углубления российско-китайского партнерства в атомной сфере является кадровое сотрудничество, которое в 2025 году получило дополнительный импульс в рамках действующих и новых соглашений между «Росатомом» и CNNC [4]. Совместные программы подготовки и повышения квалификации специалистов, академические обмены и участие в научно-образовательных инициативах формируют устойчивую кадровую базу для реализации долгосрочных атомных проектов.

Значимость данного взаимодействия усиливается на фоне того, что на Россию и Китай в совокупности приходится около 70 % всех строящихся ядерных реакторов в мире, что объективно закрепляет их лидирующие позиции в глобальной атомной отрасли [3]. В то же время ядерная энергетика США и Японии демонстрирует признаки стагнации, во многом обусловленные последствиями аварии на АЭС «Фукусима-1» в 2011 году, ужесточением регуляторных требований и снижением инвестиционной активности. В результате именно Россия и КНР становятся ключевыми центрами развития ядерных технологий, задающими темпы и направления эволюции глобального рынка атомной энергетики.

Список источников

1. Атомное сотрудничество России и Китая углубляется // Rosatom Newsletter. [Электронный ресурс]. URL: https://rosatomnewsletter.com/ru/2019/04/12/atomic-collaboration/ (Дата обращения: 27.01.2026).

2. Китайское замыкание // Вестник атомпрома. [Электронный ресурс]. URL: https://atomvestnik.ru/2025/07/27/kitajskoe-zamykanie/ (Дата обращения: 27.01.2026).

3. На Россию и Китай приходится 70% строящихся реакторов в мире // Neftegaz.RU. [Электронный ресурс]. URL: https://neftegaz.ru/news/nuclear/782907-na-rossiyu-i-kitay-prikhoditsya-70-stroyashchikhsya-reaktorov-v-mire/ (Дата обращения: 27.01.2026).

4. Росатом и CNNC подписали меморандум о взаимопонимании по кадровому сотрудничеству // Госкорпорация «Росатом». [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosatom.ru/mainpage/rosatom-i-cnnc-podpisali-memorandum-o-vzaimoponimanii-po-kadrovomu-sotrudnichestvu/ (Дата обращения: 27.01.2026).

5. Росатом подписал генеральный контракт на строительство седьмого и восьмого энергоблоков Тяньваньской АЭС // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/21279877 (Дата обращения: 27.01.2026).

6. Тяньваньская АЭС // АСЭ (Инжиниринговый дивизион Росатома). [Электронный ресурс]. URL: https://ase-ec.ru/about/projects/aes-tyanvan/ (Дата обращения: 27.01.2026).

7. Ховавко И.Ю. Энергетическая стратегия Китая: на пути к устойчивому развитию / И.Ю. Ховавко, Цайцюань Чжоу // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2024. – Том 16. Выпуск 3. – С. 35-46. DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-3-35-46.

8. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года // Правительство Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf (Дата обращения: 27.01.2026).

УДК 339.924

Стратегические векторы развития нефтегазового сектора России и Китая

Овчинникова Дарья Николаевна
студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
dasha_ovchinnikova07@mail.ru
Штирц Ксения Александровна
студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
shtirts.ka06@gmail.com
Научный руководитель – доцент, Павлова Е.А.
SPIN-код: 6848-0295, pavleniar@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются современное состояние и тенденции нефтегазового сектора в мире, а также его специфика в Китае и России. Уделяется внимание совместным проектам стран в отрасли. Также упоминаются существующие на сегодняшний день риски и возможности Китая и России в нефтегазовом секторе. На основе проведенного исследования определены стратегические векторы дальнейшего взаимодействия двух стран.

Ключевые слова: Китай, Россия, нефтегазовый сектор, «Восточный вектор», энергоресурсы, добыча и потребление.

Мировой нефтегазовый сектор адаптируется к новым правилам, где геополитика и энергопереход формируют основные тренды. Россия, сохраняя лидерство по добыче, существенно переориентировала экспорт с Европы на Азию, используя преимущества двустороннего сотрудничества, взаимовыгодные условия и новые формы взаимодействия. Большое внимание уделяется развитию торговли СПГ (сжиженный природный газ), цифровизации и инвестированию в технологии улавливания углерода (CCS). Однако отрасль сталкивается с волатильностью цен, санкционным давлением и структурными проблемами, такими как ухудшение качества запасов. В долгосрочной перспективе компании балансируют между максимизацией прибыли от традиционных ресурсов и подготовкой к будущему с низким уровнем выбросов.

Применительно к нефтегазовому сектору КНР стоит отметить, что в КНР существует множество различных месторождений, например, Дацин (провинция Хэйлунцзян) – крупнейшее месторождение нефти в стране, морская нефтедобыча ведется в Бохайваньском заливе [1]. Также, в августе 2025 года было открыто крупное месторождение сланцевого газа, которое расположено на границе между городом Чунцин и провинцией Хубэй. Однако этого недостаточно, чтобы обеспечить всю страну необходимым количеством энергоресурсов, поэтому Китай импортирует ресурсы из других государств.

На сегодняшний день в Китае два главных источника нефти и газа – это импорт и собственная добыча. Однако доля импортных энергоресурсов превы-

шает объем, получаемый на отечественных месторождениях. Для увеличения количества добываемых ресурсов, КНР может продолжать осваивать глубоководные месторождения в шельфе Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, что создает стратегический резерв.

Для российской стороны на данный момент стратегическим приоритетом является дальнейшее расширение торгово-экономических отношений с КНР, что обусловлено необходимостью приспособиться к переориентированию структуры экспортно-импортных потоков, особенно в сфере высокотехнологичных товаров и промышленном оборудовании, поставки которых приостановились вследствие международных торговых санкций [4]. Одной из ключевых перспектив является стратегическая ориентация России на Китай как на основного партнера в рамках Восточного вектора стратегии России по диверсификации экспортных рынков. С учетом давления Запада и экономических санкций Китай становится жизненно важным рынком для российских энергоресурсов. Начиная с «Силы Сибири» (совместный проект ПАО Газпрома и Китайской Национальной Нефтегазовой Корпорации), который был запущен для поставок газа в КНР в 2006 году, открывается новая эра энергетического сотрудничества, характеризующаяся надежными и долгосрочными контрактами [2]. К тому же, по плану газопровод проходит через многие районы России с низким уровням газификации, а значит данный проект поможет улучшить состояние отдельных территорий России и способствовать росту экономики за счет торговых взаимоотношений с Китаем.

Кроме того, имеется ряд перспектив в области совместного освоения новых месторождений. Китайские компании, такие как CNPC, уже активно участвуют в разработке некоторых крупнейших месторождений на Востоке России. Одним из ключевых проектов, в которых участвует CNPC, является разработка месторождения «Ковыктинское», расположенного в Иркутской области. Это месторождение знаменито своими крупными запасами газа, и его разработка осуществляется в рамках главного проекта по созданию Восточной газовой рабочей группы [3]. Другим важным проектом является «Скворцовское» месторождение, которое также находится в Иркутской области и имеет значительные запасы углеводородов. Разработка этих месторождений осуществляется на условиях долгосрочного сотрудничества, которое предполагает как инвестиции из Китая, так и возможность поставок газа и нефти на китайский рынок. Китай вносит в проекты не только инвестиции, но и свое оборудование, технологии, а также опыт в управлении проектами и организации процессов добычи. Учитывая высокую потребность Китая в энергоресурсах, сотрудничество в этой области может укрепить позиции обеих стран на глобальном энергетическом рынке.

Нефтепровод Сковородино-Мохэ-Дацин – ключевой канал поставок российской нефти в Китай, являющийся ответвлением от трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» до города Сковородино, затем до границы стран на нефтеперекачивающей станции Мохэ, а далее в город Дацин провинции Хэйлунцзян, где транспортируется вглубь КНР. Первые поставки энергоносителей начались в 2011 году и уже превысили 200 млн тонн нефти. В связи с санкциями и разворотом курса поставок нефти на Азию, значение трубопровода возросло. Он ежегодно обеспечивает гарантированную поставку энергоресурсов в размере

15 млн тонн. Однако в количественном выражении его доля в общем экспорте нефти в Китай снизилась, так как вырос общий объем торговли за счет морских поставок танкерами.

Таким образом, российско-китайское энергетическое сотрудничество имеет долгую историю и продолжает укрепляться. Для обеспечения устойчивости сотрудничества и развития нефтегазового сектора обеих стран предлагается уделить внимание следующим основным направлениям:

1. Технологическая и финансовая кооперация: проводить обмен технологическими достижениями, разрабатывать новые технологии по разведке и добыче, в том числе в сфере СПГ, а также инвестировать в совместные проекты, направленные на комплексное развитие территории, инфраструктуры дальневосточных регионов;

2. Углубление научного сотрудничества и расширение образовательных проектов, в том числе, в рамках разведки арктических шельфов и др.;

3. Переход от торговли энергетическим сырьем к вертикально интегрированному взаимодействию.

Список источников

1. Баодон Ван. Развитие нефтегазовой отрасли Китайской Народной Республики / Баодон Ван, Чанвэй Пан, Л. С. Рубан // Бурение и нефть. – 2015. – № 1. – С. 18-23. – EDN TNPUAR.

2. Газпром и CNPC подписали контракт о поставках газа в Китай // РБК. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/21/05/2014/57041d169a794761c0ce9fa5 (Дата обращения: 30.01.2026).

3. Ковыктинское месторождение // ПАО «Газпром». [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazprom.ru/projects/kovyktinskoye/ (Дата обращения: 30.01.2026).

4. Кузнецова Н. П. Энергосотрудничество Китая и России в контексте устойчивого развития: микро-уровень (продолжение) / Н.П. Кузнецова, Ж.В. Писаренко, Цян Ванг, Нгуен Кан Тоан // Проблемы современной экономики. – 2020. – № 1 (73). – С. 139-145.

УДК 339

Роль размещения панда-бондов российскими эмитентами как способ развития новой финансовой архитектуры

Охотский Александр Игоревич
аспирант, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
SPIN-код 4056-3647, alex.okhotskiy24@yandex.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности размещения облигаций, номинированных в китайских юанях («панда-бонды»), эмитентами которых выступают как российские корпорации, так и государственные органы. Анализируются перспективы механизмов панда-бондов, препятствия и возможности дальнейшего расширения

применения данных облигаций как между Россией и Китаем, так и в рамках международных объединений, в том числе БРИКС. Делается вывод о том, что применение панда-бондов может выступать предпосылкой к формированию более многополярной и устойчивой мировой финансовой архитектуры.

Ключевые слова: облигации, панда-бонды, валюта, мировая финансовая архитектура, финансирование.

В 2025 году Китай объявил о намерении открыть внутренний рынок облигаций для крупнейших российских компаний. Данный шаг, подразумевающий выпуск корпоративных облигаций в юанях, известных под названием «панда-бонды», имеет стратегическое значение для укрепления финансовых связей между Россией и Китаем, а также для развития глобальной финансовой архитектуры. Для таких компаний, как «Газпром», «Русал» и др., выход на рынок панда-бондов особенно актуален в контексте ограничений, возникших после 2022 года с закрытием доступа к западным источникам финансирования [2]. Данный инструмент предоставляет российскому бизнесу новые возможности для привлечения капиталов и углубления экономического сотрудничества с Китаем. Это особенно важно для компаний, оперирующих в капиталоемких секторах, где требуется значительный объем инвестиций.

Выход на крупный и динамично развивающийся китайский рынок позволяет привлекать средства от местных инвесторов, в том числе государственных банков и страховых компаний, а также минимизировать валютные риски [3]. Более того следует ожидать, что размещение панда- бондов предоставит более выгодные условия займов, чем на внутреннем рынке России в силу сравнительно более низких процентных ставков в Китае. Китайский рынок облигаций является одним из крупнейших в мире, и для российских компаний, планирующих реализацию масштабных проектов, это представляет уникальную возможность диверсификации источников финансирования и укрепления экономической кооперации.

Также Россия и Китай изучают возможность эмиссии ОФЗ в юанях посредством механизма панда-бондов. В декабре 2025 года Министерством финансов Российской Федерации осуществлен локальный выпуск облигаций на сумму 20 млрд юаней, покупателями которых стали российские инвесторы [4]. В перспективе выпуск государственных панда-бондов предоставляет Правительству Российской Федерации возможность диверсификации источников финансирования и снижения зависимости от спроса на внутреннем рынке. Данная стратегия особенно актуальна в контексте постепенного снижения внешнего долга России, которое отражает как уменьшение долговой нагрузки, так и ограниченность доступа российских финансовых институтов к международным рынкам капитала, что оказывает дополнительное давление на корпоративных заемщиков в условиях высоких процентных ставок на внутреннем рынке. Более того, расширение доступа к покупке государственных панда-бондов иностранных инвесторов, в том числе из Китая, будет способствовать увеличению притока капитала в российскую экономику и финансовую систему.

Таким образом, в условиях роста внешнеторгового оборота с Китаем, выпуск государственных и корпоративных панда-бондов предоставляет значитель-

ные экономические преимущества для России, в том числе получение ликвидного инструмента для управления валютной выручкой, диверсификация финансовых потоков, хеджирование рисков и доступ к иностранным инвестициям [5]. Кроме того, размещение панда-бондов российскими эмитентами является важным элементом стратегии по формированию новой финансовой архитектуры, направленной на укрепление многополярности в глобальной экономической системе. Происходит укрепление позиций юаня с повышением его привлекательности для международных расчетов, что способствует снижению зависимости от доллара США. Такая тенденция изменяет структуру глобальных финансовых потоков и открывает новые возможности для стран, стремящихся диверсифицировать свои валютные резервы.

Более того, панда-бонды соответствуют глобальному тренду на создание альтернативных финансовых механизмов, не зависящих от западного контроля. Они дополняют инициативы государств по разработке платежных систем и проведению трансграничных расчетов в национальных валютах [1]. Это выступает предпосылкой для формирования параллельных финансовых экосистем, снижая зависимость от традиционных параллельных институтов.

При этом необходимо учитывать потенциальные препятствия и риски, связанные с развитием механизмов панда-бондов. Для российских эмитентов риски связаны с сохранением уязвимости к изменениям обменного курса, зависимости от внешнего финансирования, конкуренцией за капитал при выходе на китайский рынок, на котором присутствуют эмитенты из других стран, возможностью дефицита валюты на фоне преобладания импорта из Китая над экспортом, а также отсутствием соответствующей инфраструктуры между двумя странами. Также для выхода на китайский рынок панда-бондов эмитенты обязаны проходить строгие процедуры одобрения регуляторами. Сохраняются угрозы применения вторичных санкций в отношении китайских финансовых институтов.

Для эффективного применения механизма панда-бондов требуется скоординированная инфраструктурная работа России и Китая, в частности в сфере совершенствования регуляторных механизмов, упрощения процедур доступа и создания депозитных мостов между финансовыми рынками двух стран. Стоит отметить, что размещение панда-бондов способствует интеграции рынков, что создает благоприятные условия для углубленного сотрудничества между российскими и китайскими финансовыми институтами и возможности для разработки в перспективе новых финансовых инструментов и продуктов, как, например, двухвалютные облигации, кросс- валютные свопы и пр., что расширит спектр возможностей для инвесторов и эмитентов. Также в дальнейшем возможно осуществление эмиссии юаневых облигаций в китайских зонах свободной торговли («FTZ-облигации») и Гонконге («дин-самы»).

Для преобразования мировой финансовой архитектуры обоснованным является предложение инициатив с панда-бондами в рамках БРИКС+. Так, в рамках объединения возможно согласование регуляторных рамок, касающихся выпуска и обращения панда-бондов, что повысит прозрачность и снизит барьеры, а также создание совместного рейтингового агентства БРИКС и унификация стандартов

в области раскрытия информации, рейтинговая и защиты прав инвесторов. Расширение использования панда-бондов может выражаться в интеграции их в разрабатываемые альтернативные платежные системы (BRICS Bridge и BRICS Clear), использовании как инструмента финансирования инфраструктурных, энергетических и иных проектов в рамках объединения. Наконец, на основе опыта панда-бондов возможно создание национальных альтернатив, эмитентами которых выступят члены БРИКС+, согласованно стимулируя спрос на них и национальные валюты через механизмы НБР, продвигая в том числе юань и рубль в качестве инструментов финансирования и резервов [6].

Таким образом, выпуск корпоративных и государственных панда- бондов не только открывает новые возможности для роста российской экономики, привлечения капитала и интеграции финансовых рынков, но и укрепляет роль юаня как международной валюты и способствует дедолларизации и многополярности глобальной финансовой системы. Путем расширения сотрудничества на рынке капитала, применения механизмом панда-бондов, Россия и Китай способны содействовать преобразованию мировой финансовой архитектуры, снижая зависимость от традиционных финансовых центров. Успешный опыт использования панда-бондов, в том числе при их применении в рамках в БРИКС+, может укрепить позиции стран, демонстрируя жизнеспособность альтернативных моделей финансирования, и способствовать реформированию глобальных финансовых институтов.

Список источников

1. Грызунова, Н. В. Финансовые горизонты БРИКС: инновационные финансовые стратегии компаний / Н. В. Грызунова, А. М. Трамова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2025. – Т. 27, № 5. – С. 261-272. – DOI 10.35330/1991-6639-2025-27-5-261-272. – EDN RYPXKY.

2. За дешевым юанем: зачем российским компаниям размещать облигации в Китае // Forbes. [Электронный ресурс]. URL: https://www.forbes.ru/investicii/545589-za-desevym-uanem-zacem-rossijskim-kompaniam-razmesat-obligacii-v-kitae?ysclid=mknx2gvblg744556920 (Дата обращения: 18.01.2025).

3. Калькаева Е.В., Львова Ю.Н. Иностранные облигации как инструмент проектного финансирования / Е.В. Калькаева, Ю.Н. Львова // Известия СПбГЭУ. – 2022. – №1 (133). – С. 59-65.

4. Минфин впервые занял в юанях // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2025/12/03/bond-panda-bond.html?ysclid=mknx01sckv578725511 (Дата обращения: 18.01.2025).

5. Хао Х., Галынис К.И. Тенденции развития и направления взаимодействия фондовых рынков России и Китая/Х. Хао, К.И. Галынис // Человек. Общество. Инклюзия. – 2024. – Т. 15. – № 2 (58). – С. 56-69.

6. Шкваря Л.В., Охотский А.И. Экономические трансформации в XXI веке и направления адаптации к новым условиям деглобализации: финансовый аспект/Л.В. Шкваря, А.И. Охотский // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2025. – № 1 – С. 105-111.

УДК 338.2/.4:911.3

Вопросы социально-экономического развития Арктического региона

Бодрова Николь Павловна
магистрант, Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина,
nikavxod12@gmail.com

Аннотация. Арктическая зона – территория с уникальными характеристиками, где переплетаются геополитические интересы, экономические амбиции и экологические риски. Статья рассматривает проблемы освоения северных территорий, демографические процессы, инфраструктурные ограничения, особенности хозяйственной деятельности и перспективы устойчивого развития региона. Рассматриваются механизмы господдержки арктических территорий и роль международного сотрудничества в решении общих проблем Крайнего Севера.

Ключевые слова: Арктика, северные территории, ресурсная экономика, коренные народы, инфраструктура, устойчивое развитие, социальная политика.

Арктический макрорегион – обширные пространства с экстремальными природно-климатическими условиями и низкой плотностью населения. Температурные минимумы, полярная ночь, вечная мерзлота создают специфическую среду, требующую адаптированных подходов к организации производства, строительства и повседневной жизни людей. Демографическая ситуация в арктических регионах складывается под влиянием множества факторов. Отток населения связан с ограниченными возможностями трудоустройства, высокой стоимостью жизни и недостаточным уровнем социального обслуживания. Старение населения в северных поселках усугубляет проблему, поскольку сокращается трудоспособная часть жителей, способных поддерживать местную экономику [5].

Коренные малочисленные народы Севера сталкиваются с особыми вызовами. Традиционные виды хозяйствования испытывают давление со стороны промышленности. Изменение ландшафтов при добыче полезных ископаемых нарушает миграционные пути животных и сокращает площади пастбищ. Молодое поколение коренных народов оказывается перед дилеммой: сохранять традиционный уклад жизни с его ограничениями или интегрироваться в современное общество, рискуя утратить культурную идентичность. Госпрограммы поддержки не всегда учитывают тонкости традиционного природопользования и социальной организации общин. Экономический потенциал Арктики определяется запасами природных ресурсов. Разработка месторождений нефти и газа на континентальном шельфе требует значительных капиталовложений и передовых технологий, а логистические цепочки отличаются сложностью и дороговизной.

Инфраструктурная обеспеченность арктических территорий остается недостаточной для комплексного развития. Автомобильные и железные дороги представлены фрагментарно. Строительство и эксплуатация дорог требует специальных инженерных решений и мониторинга состояния грунта. Сезонные зимники не обеспечивают стабильного сообщения между поселениями. Развитие Северного морского пути открывает перспективы для транзитных перевозок между Европой и Азией, однако навигационный период ограничен, аледокольное сопровождение увеличивает транспортные расходы [2].

Энергетическая система базируется преимущественно на привозном топливе и локальных дизельных электростанциях. Высокая стоимость завоза дизельного топлива делает электроэнергию одной из самых дорогих в стране. Альтернативные источники энергии имеют ограниченное применение из-за климата и необходимости создания систем аккумулирования энергии. Атомные станции малой мощности рассматриваются как перспективное решение для обеспечения энергетической независимости отдаленных территорий, но их внедрение сопряжено с технологическими и экологическими рисками.

Социальная сфера имеет дефицит квалифицированных специалистов. Медицинское обслуживание часто ограничивается фельдшерско-акушерскими пунктами, а сложные случаи требуют эвакуации пациентов в региональные центры. Образовательные учреждения страдают от нехватки педагогических кадров и современного оборудования. Жилищный фонд заметно изношен и требует модернизации. Возведение нового жилья затруднено высокой стоимостью материалов, короткими сроками строительного сезона и необходимостью применения специальных технологий для работы с вечной мерзлотой. Программы переселения из ветхого жилья реализуются медленно из-за бюджетных ограничений и организационных сложностей [1].

Экологические аспекты хозяйственной деятельности требуют особого внимания. Природные экосистемы северных широт отличаются хрупкостью и низкой способностью к восстановлению после антропогенного воздействия. Разливы нефтепродуктов, загрязнение атмосферы, накопление отходов создают долгосрочные экологические проблемы. Изменение климата проявляется в Арктике более интенсивно, чем в других регионах планеты. Государственная политика формируется с учетом геополитических, экономических и социальных факторов. Стратегические документы определяют приоритеты развития региона, механизмы поддержки инвестиционных проектов и меры социальной защиты населения. Налоговые преференции и субсидии стимулируют предпринимательскую активность и привлекают частный капитал. Реализация проектов требует координации действий федеральных и региональных властей.

Международное измерение арктической проблематики связано с тем, что циркумполярный регион затрагивает интересы нескольких государств. Делимитация континентального шельфа, регулирование судоходства, охрана окружающей среды, права коренных народов становятся предметом международных пе-

реговоров и соглашений. Арктический совет – площадка для диалога приарктических государств. Научные исследования часто проводятся в рамках международных проектов [3].

Перспективы развития Арктического региона определяются значимостью баланса между экономической эффективностью, социальной справедливостью и экологической ответственностью. Модель развития, ориентированная только на добычу ресурсов без учета долгосрочных интересов местного населения и сохранения природной среды, не может считаться устойчивой. Диверсификация экономики, развитие перерабатывающих производств, туризма, рыбного хозяйства создадут дополнительные рабочие места и снизят зависимость от конъюнктуры мировых рынков сырья. Технологические инновации открывают новые возможности. Цифровизация управления промышленными объектами, использование беспилотных систем для мониторинга территорий, применение искусственного интеллекта для прогнозирования погодных условий и ледовой обстановки повышают эффективность и безопасность хозяйствования. Развитие телемедицины и дистанционного образования сделает доступными социальные услуги для жителей отдаленных поселков. Внедрение возобновляемых источников энергии и энергосберегающих технологий снижает экологическую нагрузку и эксплуатационные расходы [4].

Комплексный подход к развитию Арктики предполагает учет интересов государства, бизнеса, местных сообществ, коренных народов, экологических организаций. Механизмы общественного участия в принятии решений, касающихся освоения территорий, способствуют выработке сбалансированных решений и предотвращению конфликтов. Инвестиции в человеческий капитал, поддержка образования, здравоохранения, культуры создают условия для закрепления населения на Севере и формирования устойчивых сообществ, способных адаптироваться к меняющимся условиям и вызовам современности.

Список источников

1. Белоножко, М.Л. Социальные показатели системы управления устойчивым развитием арктических территорий / М.Л. Белоножко, Ю.М. Конев, И.Е. Пинигин // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – №4. – с. 30-42.

2. Кулешов, И.А. Развитие Арктической зоны Российской Федерации / И.А. Кулешов // Молодой ученый. – 2018. – № 51 (237). – с. 243-245.

3. Самарин, А.В. Комплексные научные исследования арктики в контексте геополитических интересов России / А.В. Самарин // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2022. – №1 (53). – с. 124-131.

4. Тишков, С.В. Оценка современного состояния инновационного развития северных и арктических территорий / С.В. Тишков, Н.Е. Егоров, А.Д. Волков // АиС. – 2022. – №47. – с. 57-75.

5. Хотеева, Е.А. Миграция населения в российской Арктике в статистических оценках и практике управления регионами / Е.А. Хотеева, И.С. Степусь // Проблемы развития территории. – 2023. – №2. – с. 110-128.

УДК 332.1, 338.48

Модель управления событийной повесткой в целях социально-экономического развития Арктики

Гордиенко Яна Александровна
ассистент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, SPIN-код: 5005-2361, 79819530636@ya.ru

Аннотация. В статье обосновывается значимость событийной деятельности как инструмента социально-экономического развития Арктического региона, обеспечивающего высокий уровень влияния через различные мультипликативные эффекты, и предложена модель управления событийной деятельностью в рамках региональной экономической политики, отражающая процессы автоматизации обработки данных и оценки вклада событий, прогнозирование перспектив регионального развития в рамках единого цифрового пространства.

Ключевые слова: событийная деятельность, Арктика, социально-экономическое развитие, инструменты региональной экономической политики

Социально-экономическое развитие Арктического региона России требует применения комплексных инструментов, обеспечивающих устойчивую коммуникацию между ключевыми участниками регионального развития, где одним из таких инструментов сегодня выступает событийная деятельность, формирующая ключевую повестку развития региона. Однако так как события в Арктике зачастую реализуются как отдельные мероприятия, не связанные напрямую с целями региональной экономической политики, системное использование событийной деятельности, позволяющее обеспечивать мультипликативные эффекты и усиливать управляемость социально-экономических процессов, является перспективным, что обуславливает необходимость формирования универсальной модели, позволяющей интегрировать события в региональную политику, а также оценивать вклад в развитие региона [2, 3].

Влияя на ключевые параметры регионального развития, событийная деятельность обеспечивает мультипликативные эффекты, проявляющиеся в различных сферах: 1. экономические эффекты (рост деловой активности, стимулирование услуг, туризма и инфраструктурных инициатив); 2. социальные эффекты (вовлечённость населения, развитие локальных сообществ, повышение качества среды); 3. коммуникационные эффекты (повышение узнаваемости территории, формирование позитивного образа Арктики, усиление медийного присутствия); 4. институциональные эффекты (координация акторов, закрепление партнёрств, появление устойчивых форм взаимодействия) [1, 4]. Подробный анализ и оценка данных эффектов для каждого события и всех событий на регион позволяет определять значимость событий, формировать приоритеты событийной повестки региона и обеспечивать результативность региональных решений.

В рамках проведенного исследования предложена модель включения событийной деятельности в СЭР Арктики (рис. 1) [5].

Рисунок 1 – Модель включения системной событийной деятельности в региональную политику Арктики

Предлагается система управления событийной деятельностью на основе модели посредством создания единого пространства для сбора, накопления, анализа, оценки и прогнозирования событийной активности региона, а также оценки ее влияния на развитие Арктики и прогнозирования тенденций развития Арктического региона в рамках единого цифрового пространства, что обеспечит переход к системной событийной деятельности, интегрированной в социально-экономическое развитие региона.

Однако у предлагаемой модели существует ряд ограничений внедрения, среди которых можно определить фрагментарность источников данных, различия в качестве событийной статистики, зависимость от открытых данных и слож-

ность унификации индикаторов эффективности, что требует внедрения механизмов верификации и стандартизации описания событий. При этом практическая значимость результатов исследования состоит в возможности использования модели органами регионального управления при формировании системной событийной повестки, оценке вклада событийной деятельности в региональную экономическую политику и прогнозировании перспектив развития Арктики.

Таким образом, событийная деятельность является перспективным инструментом социально-экономического развития Арктики, обеспечивающим мультипликативные эффекты и усиливающим региональные процессы развития, в связи с чем интеграция событийной деятельности в развитие Арктики является актуальной задачей, требующей цифровых решений и управленческих моделей.

Список источников

1. Интеграция искусственного интеллекта в экономику Арктики: перспективы российско-китайского сотрудничества / И. В. Скворцова [и др.] // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2025. – № 4. – с. 152–168. doi:10.37614/2220-802X.4.2025.90.010.

2. Новикова, И.В. Инструменты ресурсного обеспечения стратегических приоритетов развития Арктической зоны России / И.В. Новикова, М.К. Алимурадов // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2024. – № 4. – с. 42–52. DOI: 10.37614/2220-802X.4.2024.86.003.

3. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: http://www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic_stratery/ (дата обращения: 15.01.2026).

4. Фадеев, А.М. Цифровизация как фактор развития целевых арктических субпространств / А.М. Фадеев, И.В. Ильин, А.И. Лёвина и др. // АиС. – 2025. – №58. – с. 84–101.

5. Цифровой мониторинг событийной Арктической повестки: от данных к стратегическому развитию / Я.А. Гордиенко, О.А. Максимовская // Технико-технологические проблемы сервиса. – 2025. – № 4(74). – С. 99-107. – EDN TRBVYF.

УДК 338.24

Малое и среднее арктическое предпринимательство: состояние и перспективы

Гуляева Валерия Борисовна
доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена,
SPIN-код: 8481-3239, gulyaevavb@herzen.spb.ru

Аннотация. В статье рассматривается состояние и перспективы развития малого и среднего арктического предпринимательства в России. Отмечается, что малое и среднее предпринимательство развито неравномерно в арктических регионах. Перспективными направлениями развития арктического предпринимательства видится развитие

инновационного предпринимательства и предпринимательства коренных малочисленных народов.

Ключевые слова: Арктика, предпринимательство, малое и среднее предпринимательство, социально-экономическое развитие Арктики, отраслевая структура.

Малое и среднее предпринимательство (далее – МСП) небезосновательно называют драйвером развития экономики. Во многих странах мира применяются программы поддержки и развития малого и среднего предпринимательства. Однако для Арктики малый и средний бизнес играет не только экономическую, но и социальную роль. Ввиду объективных причин малый и средний бизнес в Арктике подвержен особенно высоким рискам [5]. Целью исследования является анализ состояния развития малого и среднего арктического предпринимательства и определение перспектив его развития. В исследовании использован описательный и сравнительно-аналитический методы, а также метод анализа статистических данных. При подготовке текста использованы труды российских исследователей по вопросам развития арктического предпринимательства и специфике предпринимательства в Арктике.

Основные направления по реализации государственной политики в области социально-экономического развития Арктики и общее определение, какие территории следует относить к Арктике, отражены в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, утвержденных указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 № 164 [1]. Для целей управления состав сухопутных территорий АЗ РФ конкретизирован в Указе Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [2]. В данном исследовании мы будем руководствоваться данными документами. К Арктической зоне Российской Федерации (далее – АЗРФ) полностью относятся Мурманская область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа. Частично к АЗРФ относятся Архангельская область, Республики Саха (Якутия), Карелия, Коми и Красноярский край.

На данный момент отраслевая структура МСП в Арктике достаточно типична, что можно рассматривать как недостаток. В условиях необходимости диверсификации экономики АЗРФ и поиска новых точек роста именно МСП могло бы задать новые векторы развития. Однако в отраслевой структуре МСП преобладает торговля и услуги, туризм и лесозаготовки. Данные направления безусловно позволяют местному населению получать устойчивый доход, а также содействуют сохранению культурных традиций и повышению качества жизни. МСП легче подстроиться под изменение климата, например в части ведения сельского-хозяйства или лесозаготовительной деятельности.

Для того, чтобы составить примерную картину состояния МСП в Арктике, обратимся к данным Единого реестра субъектом малого и среднего предпринимательства. В таблице 1 представлены данные по количеству субъектов малого и среднего бизнеса в арктических регионах.

Таблица 1 – Количество юридических лиц
и индивидуальных предпринимателей в АЗРФ (на начало 2026 г., ед.) [3]

Регион	Юрлица			ИП			Всего	Вновь созданные
	Мик.	Мал.	Ср.	Мик.	Мал.	Ср.		
Мурманская область	7 894	644	42	17 304	149	0	26 033	3 869
Архангельская область	9 256	882	80	24 658	211	5	35 092	5 664
Ненецкий автономный округ	459	50	6	1 452	52	0	2 019	296
Республика Карелия	9 031	716	40	17 272	71	3	27 133	4 031
Республика Коми	6 600	591	47	18 596	136	1	25 971	4 228
Ямало-ненецкий автономный округ	3 744	437	56	15 006	113	1	19 355	3 608
Чукотский автономный округ	423	46	2	1 280	22	0	1 733	295
Республика Саха	10 673	766	47	34 430	279	6	46 201	8 792
Красноярский край	36 087	3 190	336	77 033	611	18	117 275	21 104

Из таблицы 1 видно, что распределение субъектов МСП по арктическим регионам неравномерно [4]. Следует также учитывать, что данные по регионам частично входящим в АЗ РФ представлены по региону в целом. Обращает на себя внимание небольшое количество средних предприятий и сравнительно большая доля вновь созданных предприятий, приходящаяся на западную часть российской Арктики. Вероятно, это связано в первую очередь с потенциалом рынков сбыта продукции и различием в издержках ведения хозяйственной деятельности по регионам. Поверхностное прочтение данных позволяет предположить, что МСП недостаточно развито в Чукотском и Ненецком автономных округах. Однако автор не считает возможным делать подобные выводы – необходимо также принимать во внимание вид деятельности и его социальное значение, финансовые результаты и социально-экономические особенности региона, а также применяемые в данных регионах меры поддержки МСП.

Ключевым вопросом развития МСП в Арктике является выбор и оценка эффективности мер поддержки и развития. По мнению экспертов применение прямых мер поддержки МСП оправдано к новым видам деятельности, в целях сокращения издержек. В долгосрочном плане более уместно применение косвенных мер поддержки МСП, направленное не на номинальное увеличение числа

МСП, а создание условий для устойчивого развития действующих предпринимателей и формирования предпринимательской культуры, привлекающей новые единицы. В этом плане перспективным представляется развитие инновационного МСП и предпринимательства коренных малочисленных народов Арктики, ориентированного на местные рынки [6]. Однако применение мер поддержки должно быть скорректировано под природно-климатические, отраслевые, демографические особенности конкретных регионов.

Список источников

1. Об основах государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 г. : указ Президента РФ № 164 от 5 марта 2024 г. // СПС Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347129/ (дата обращения: 31.01.2026).

2. О сухопутных территориях Арктической зоны РФ : указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 (с изменениями на 5 марта 2020 г.). // СПС Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162553/ (дата обращения: 31.01.2026).

3. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба. URL: https://rmsp.nalog.ru/index.html (дата обращения: 31.01.2026).

4. Жура, С.Е. Особенности развития предпринимательства в российской Арктике / С.Е. Жура, В.В. Маркин // Социально-политические исследования. – 2020. – № 3(8). – с. 97-109. – DOI 10.20323/2658-428X-2020-3-8-97-109. – EDN AHKTEG.

5. Земцов, С.П. Сложности ведения бизнеса в Арктике и в северных регионах России / С.П. Земцов, В.Л. Бабурин, Ю.В. Царева // Известия Русского географического общества. – 2022. – Т. 154, № 2. – с. 37-51. – DOI 10.31857/S0869607122020069. – EDN GOHMEK.

6. Колпакиди, Д.В. Особенности развития малого и среднего предпринимательства в Арктической зоне / Д.В. Колпакиди // Петербургский экономический журнал. – 2020. – № 3. – с. 76-89. – DOI 10.24411/2307-5368-2020-10026. – EDN PHPRJU.

УДК 338

Экономические особенности организации грузовых авиаперевозок в Арктической зоне Российской Федерации

Евдокимов Роман Юрьевич
аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, roma365able@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются экономические особенности грузовых авиаперевозок в Арктической зоне Российской Федерации. Актуальность выбранной темы обусловлена высокой себестоимостью, разреженными грузопотоками и инфраструктурными ограничениями. Цель исследования – систематизация факторов функционирования перевозок. Сделан вывод о ключевой роли государственной поддержки и социальной значимости авиаперевозок в Арктической зоне РФ.

Ключевые слова: грузовые авиаперевозки, арктическая зона, экономические особенности, транспортно-логистическая система, себестоимость перевозок, государственное регулирование, авиационная инфраструктура.

Арктическая зона Российской Федерации является одним из самых перспективных географических направлений экономического развития. В первую очередь, это связано со стратегической важностью региона, именно здесь проходят важные логистические морские пути, связывающие восточную и западную часть России, а также находятся значительные запасы полезных ископаемых. В среднесрочной и долгосрочной перспективе основой грузопоток потребителям, находящимся в Арктической зоне РФ, будет поступать по Северному морскому пути (СМП) [5], что связано, прежде всего, с развитием газоконденсатных месторождений на полуострове Ямал.

В связи с такими особенностями региона, как климатические условия, ограниченность инфраструктуры, высокая себестоимость перевозок, зависимость от государственной поддержки, высокая социальная значимость перевозок, возрастает потребность в анализе функционирования логистической системы в данном регионе.

Развитие Арктики напрямую зависит от эффективно выстроенной логистической системы, которая связывает между собой ключевые хабы зоны. Одним из самых ключевых видов транспорта в Арктической зоне является воздушный поскольку именно в Арктике выполняется 30-40% от всех местных авиаперевозок в стране, до 80% арктических перевозок являются социально значимыми [6]. Авиационная техника обеспечивает решение ключевых государственных задач: обеспечение безопасности, экономический рост территории, а также создание благоприятных условий для ведения бизнеса.

Суровые климатические условия и достаточная удаленность от ключевых экономических центров страны создают проблематику с особой спецификой. Себестоимость перевозок является ключевым показателем в транспортной отрасли, особенно в условиях рыночной системы, где успешная оптимизация затрат представляет собой важное конкурентное преимущество. Такие потребности отрасли как: поддержка авиационной техники, инфраструктуры, обеспечение непрерывного грузового потока, создание благоприятных условий оплаты труда экономически активному населению формируют высокую себестоимость перевозок как грузовых, так и пассажирских.

Низкая плотность и нерегулярность грузопотоков также являются особенностями организации грузовых авиаперевозок в Арктической зоне. Данные характеристики обусловлены разрежённостью населения, ограниченным числом предприятий и преобладанием проектного характера хозяйственной деятельности. Нерегулярность грузопотоков проявляется в сезонных колебаниях объемов перевозок и высокой доле разовых поставок, связанных с реализацией программ северного завоза и инфраструктурных проектов. В результате снижается коэффициент загрузки воздушных судов и возрастает удельная себестоимость.

Немаловажной проблемой является ограниченность инфраструктуры. Она проявляется в ограниченном числе аэропортов и посадочных площадок, корот-

ком периоде их эксплуатации из-за погодных условий, высокой стоимости строительства и содержания объектов, также недостаточном развитии наземной логистики. Вследствие этого снижаются возможности масштабирования и оптимизации маршрутов, а также увеличиваются операционные риски и зависимость от сезонных поставок.

Такое положение формирует высокую зависимость отрасли в данном регионе от государственной поддержки. Ключевые направления государственной поддержки заключаются в модернизации аэродромов, например Федеральный проект «Развитие региональных аэропортов» включает реконструкцию аэропортов севера Нерюнгри, Олекминск, Полярный и других [2]. Также немаловажным является субсидирование перевозок, Государственная дума и Минвостокразвития работают над расширением федеральных субсидий для местных авиарейсов внутри Арктической зоны поскольку региональных бюджетов недостаточно для улучшения финансового состояния субъектов [1]. Так объем федерального субсидирования за 2025 год составил 3,5 млрд рублей [3]. Кроме того, резидентам Арктической зоны предоставляются налоговые льготы, включая снижение налога на прибыль и льготы по налогу на добычу полезных ископаемых, что косвенно поддерживает авиаперевозчиков, обслуживающих промышленные проекты [4].

Таким образом роль, государства в развитии грузовых авиаперевозок и всей экономики региона в целом является определяющей. Государственная поддержка в виде субсидий, проектного финансирования и развития транспортной инфраструктуры существенно компенсирует экономические ограничения, повышая устойчивость авиаперевозок и позволяя поддержать регулярность и надежность доставки социально важных грузов. Эффективная координация государственных и частных ресурсов способствует оптимизации маршрутов, снижению операционных рисков и повышению экономической эффективности перевозок. Это демонстрирует, что сбалансированное сочетание социальной значимости отрасли и активного участия государства обеспечивает стабильное функционирования авиагрузового сообщения в условиях Арктической зоны России, создавая основу для дальнейшего развития региональной транспортной системы и поддержки экономической активности в северных территориях.

Список источников

1. В Госдуме предложили субсидировать авиаперевозки на Дальнем Востоке и в Арктике // Arctic Russia. URL: https://arctic-russia.ru/news/v-gosdume-predlozhili-subsidirovat-iz-byudzheta-aviaperevozki-na-dalnem-vostoke-i-v-arktike/ (дата обращения: 10.01.2026).

2. В Якутии продолжают обновлять аэропорты // Комсомольская правда. URL: https://www.yakutia.kp.ru/online/news/6681992/ (дата обращения: 10.01.2026).

3. Минтранс РФ: Северный морской путь развивается // Министерство транспорта Российской Федерации. URL: https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11885 (дата обращения: 10.01.2026).

4. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386/ (дата обращения: 10.01.2026).

5. Об утверждении Плана развития Северного морского пути на период до 2035 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.08.2022 № 2115-р (ред. от 28.04.2023). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_423713/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 30.01.2026).

6. «Первым делом самолёты»: развитие авиации в Арктике // Форум «Арктика». URL: https://forumarctica.ru/news/%C2%ABpervym-delom-samolety%C2%BB-razvitie-aviatsii-v-arktike/ (дата обращения: 10.01.2026).

УДК 332.1; 339.9

Перспективы сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте развития Северного морского пути

Маменова Ксения Маратовна
магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет
SPIN-код: 9626-1386, ksjusch.mamenova@yandex.ru
Дымова Ольга Олеговна
ассистент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
SPIN-код: 4174-2823, dyimovao@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены перспективы развития Северного морского пути, стратегические цели и задачи в данном направлении. Определена проблема дефицита флота ледового класса к 2030 г. Отмечено, что при реализации потенциала Северного морского пути возникают высокие экологические риски. Выявлено, что существуют перспективы сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в части развития судостроения и эксплуатации Северного морского пути. Перечислены возможные варианты международного сотрудничества.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, Северный морской путь, международное сотрудничество, судостроение, ресурсный потенциал.

Развитие Северного морского пути (далее – СМП) для России является стратегической задачей, закрепленной во многих нормативно-правовых актах [6]. Учитывая серьезное санкционное давление, Россия в мировых отношениях все больше переориентируется на Восток. И в этом контексте обеспечение транзита грузов в/из Азиатско-Тихоокеанского региона становится перспективным вектором развития.

Возможности СМП действительно огромные. Грузооборот по нему составил 37,04 млн тонн в 2025 г. Динамика грузооборота положительная [1, 2]

Одной из сопутствующих задач в контексте развития СМП становится его обеспечение судами ледового класса. В настоящий момент действуют 8 ледоколов. В процессе строительства – 4 ледокола (по состоянию на 2025 г.). Всего же

в 2023 году на Северном морском пути использовалось 30 судов необходимого ледового класса [7].

При этом эксперты указывают на риск дефицита ледоколов, а также иных судов ледового класса к 2030 г.: потребность во флоте ледового класса увеличится на 53 единицы [7]. Это обуславливает потребность развития отрасли судостроения. Однако на текущий момент все заводы АО «Объединенная судостроительная корпорация», которая является монополистом в строительстве таких судов в России, загружены заказами. Соответственно, государству необходимо рассматривать возможности сотрудничества с другими странами, которые в наибольшей степени заинтересованы в перевозках по СМП. В данном контексте наиболее заинтересованными являются государства Азиатского-Тихоокеанского региона, а именно представители крупнейших экономик – Республика Индия, Китайская Народная Республика и Республика Корея. Кроме этого, нельзя не отметить другие возможные направления взаимодействия, такие как разработка технологий по минимизации негативного воздействия на окружающую среду и проведение исследований для своевременного реагирования на экологические вызовы и борьбы с последствиями чрезвычайных ситуаций.

Оценив потенциал трёх рассматриваемых государств, можно сказать, что КНР является одной из наиболее заинтересованных стран в развитии Северного морского пути. Будучи одной из крупнейших экономик мира, Китай нуждается в быстрых и безопасных маршрутах в Европу. Благодаря русско-китайскому сотрудничеству КНР может получить стабильный доступ к ресурсам и логистике, а Россия – финансирование и долгосрочные грузопотоки. Китай уже включил арктический маршрут в свою стратегию «Полярный шелковый путь» и инвестирует в российские энергетические проекты в Арктике [4].

Что же касается сотрудничества Южной Кореи и России, то на данный момент государства имеют неоднозначные двусторонние отношения из-за нестабильной мировой ситуации. Тем не менее страны сохраняют сотрудничество благодаря развитой судостроительной промышленности. Корейские верфи являются мировыми лидерами в строительстве танкеров для СПГ, судов ледового класса и высокотехнологичных грузовых судов. Предоставляя суда для российских операторов, Республика Корея укрепляет тем самым партнёрские отношения с Россией. Также южнокорейские верфи сталкиваются с нехваткой рабочей силы. В 2024 году они создали центр подготовки судостроителей в Индонезии. Это тесно связано с целью России по расширению кадрового потенциала в судостроительной отрасли и открывает возможности для сотрудничества в области развития человеческих ресурсов [5].

Рассматривая Индию как партнёра в области развития СМП следует отметить, что недавно страна стала занимать одну из лидирующих позиций в мировой экономике, в том числе за счет развития в качестве торгового хаба. Это обуславливает интерес Индии в эксплуатации Северного морского пути и в сотрудничестве с Россией в данном вопросе. Несмотря на то, что Индия интенсивно развивает собственную судостроительную промышленность и старается участвовать в российских проектах в арктическом регионе, сравнительный анализ показывает, что индийских ресурсов не хватает для углубления сотрудничества с Россией [3].

Северный морской путь – это не только торговый маршрут, но и инструмент геополитического влияния, который так или иначе влияет на баланс сил в арктическом регионе. Определённым преимуществом является то, что СМП помогает снизить геополитические риски от других торговых маршрутов, ослабляя зависимость от стран Запада. К тому же немаловажным достоинством является факт российской юрисдикции над путем, что означает единую защиту и безопасность проходящим судам. Как видно из проведенного исследования, Северный морской путь стал более быстрым маршрутом транспортировки товаров для стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в то время как для России СМП – это инструмент привлечения инвестиций и технологий. С этой точки зрения, между государствами формируется евразийское партнёрство, которое выражается не только в экономических, но и в стратегических отношениях. Однако привлечение для перевозок по СМП флота третьих стран создаёт дополнительные геополитические риски, а именно, подкрепляет стремление к установлению режима международного регулирования данной транспортной артерии и, соответственно, её выводу из исключительного управления Россией. Так, на протяжении долгого времени страны, имеющие выход к Арктике, пытаются дестабилизировать ситуацию и ослабить влияние России в регионе. Данное утверждение можно проследить через наращивание военного потенциала стран НАТО, расширяющих совместные военные учения и укрепляя арктические базы. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО также изменило стратегический баланс в регионе, окружив значительную часть российской арктической границы членами организации. Кроме этого, западные страны настаивают на рассмотрении СМП как части международных вод, что напрямую угрожает суверенитету России и повышает градус напряжённости в Арктике. По мере того, как Арктика становится все более ценной для мировой торговли, конкуренция будет продолжать усиливаться, порождая новые претензии.

Взаимодействие России, Китая, Индии и Южной Кореи способно стать важнейшим фактором в деле предотвращения конфликтов и обеспечения надёжного, эффективного функционирования Северного морского пути.

В будущем страны могут выйти на новый уровень стратегического партнёрства – посредством подписания рамочного соглашения. В этом документе целесообразно закрепить базовые принципы и конкретные условия обеспечения безопасности на маршруте.

Такое соглашение станет действенным механизмом сдерживания возможной эскалации напряжённости в регионе. Если государства выстроят единую модель сотрудничества в сфере безопасности, Северный морской путь сможет реализовать свой потенциал как международный торговый коридор – а не как потенциальная зона конфронтации.

Вместе четыре государства образуют взаимодополняющее партнерство. Россия предоставляет территорию, инфраструктуру и ресурсы. Китай обеспечивает объемы торговли и инвестиции. Южная Корея поставляет суда и технологии. Индия добавляет рыночный спрос и логистический потенциал. Северный морской путь обладает значительным экономическим и стратегическим потенциалом

для всех рассматриваемых стран. Государства могут создать более быструю, безопасную и диверсифицированную глобальную торговую сеть, одновременно снижая зависимость от традиционных морских путей.

Список источников

1. Дымова О.О. Развитие транспортно-логистического потенциала Арктической зоны РФ, как одного из элементов интегрированного потенциала региона / О.О. Дымова // Экономика строительства. – 2024. – № 3. – с. 88-95.
2. В 2025 году по Северному морскому пути перевезли свыше 37 миллионов тонн грузов: как меняется маршрут // Российская газета. URL: https://rg.ru/2026/01/19/ledtronulsia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Falice.yandex.ru%2F (дата обращения: 28.01.2026).
3. Индийские ледоколы в Арктике: сотрудничество на ближайшие десятилетия // Инвестиционный портал Арктической зоны России. URL: https://arctic-russia.ru/article/indiyskie-ledokoly-v-arktike-sotrudnichestvo-na-blizhayshie-desyatiletiya/ (дата обращения: 28.01.2026).
4. Костин К.Б. Анализ конкурентоспособности современной судостроительной отрасли Китайской Народной Республики / К.Б. Костин, Л.Э. Мамедова, В.А. Ленская // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14. – №. 12. – С. 7641-7662.
5. Республика Корея: возможности и перспективы сотрудничества в области судостроения. Шаги реализации концепции «Девяти мостов» // Международная выставка и конференция «НЕВА». URL: https://www.nevainter.com/mediacenter/news/18-iyunya-sostoyalas-mezhdunarodnaya-onlayn-konferentsiya-rossiya-respublika-koreya-vozmozhnosti-i-p/ (дата обращения: 28.01.2026).
6. Об основах государственной политики в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу : указ Президента РФ от 18 сентября 2008 г. N Пр-1969 // СПС Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119442/ (дата обращения: 30.01.2026).
7. Северный морской путь: технологические вызовы // N.Trans Lab. URL: https://ntranslab.ru/local/templates/.default/public/img/Доклад%203.pdf (дата обращения: 28.01.2026).
8. Стратегия развития судостроительной промышленности на период до 2036 года и на дальнейшую перспективу до 2050 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 мая 2025 г. № 1181-р // СПС Консультант плюс.URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336470/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 30.01.2026).
9. Russia to order icebreakers in India with a cost of $713 million // Marine. URL: https://www.imarinenews.com/15302.html?utm_source=chatgpt.com (date of access: 28.01.2026).
10. Shipping and shipbuilding industry. Several revamped laws and provisions in Budget 2025-26 to usher in sea change in shipbuilding // ICRA Limited. URL: https://www.icra.in/Rating (date of access: 28.01.2026).
11. Statistics of India's Ship-Building and Ship-Repairing Industry 2023-24 // Ministry of Ports, Shipping and Waterways Transport Research Wing. URL: https://shipmin.gov.in/en/content/statistics-indias-ship-building-and-ship-repairing-industry-2023-24 (date of access: 28.01.2026).

УДК 332

Корпоративная социальная ответственность как драйвер устойчивого развития арктических моногородов

Салтыков Кирилл Витальевич
магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, saltkv@yandex.ru

Аннотация. В данной работе анализируется роль корпоративной социальной ответственности (КСО) градообразующих предприятий как одного из существенных условий обеспечения устойчивого социально-экономического развития арктических монопрофильных населённых пунктов. Обоснована эволюция КСО от второстепенного компонента корпоративной социальной политики к полноценному инструменту стратегического управления устойчивостью территорий. На основании изучения стратегических документов, официальной статистики и актуальных научных источников определены приоритетные направления реализации КСО и охарактеризованы её социально-экономические последствия в Арктической зоне Российской Федерации.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, устойчивое развитие, Арктическая зона РФ, моногорода, градообразующие предприятия.

Арктическая зона Российской Федерации занимает исключительное положение в структуре национального социально-экономического развития, совмещая значительный природно-ресурсный потенциал с уязвимостью демографических и социальных процессов. Для многих арктических регионов характерна узкоспециализированная экономическая база, при которой устойчивость локальных сообществ во многом определяется функционированием одного или нескольких градообразующих предприятий. В условиях депопуляции, оттока населения и ограниченности инфраструктурных возможностей особую значимость приобретают инструменты, способные нивелировать внутренние структурные несбалансированности.

Согласно Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2035 года, устойчивое развитие северных территорий предполагает активное участие бизнеса в решении социально-экономических проблем регионального масштаба [5]. В этой связи корпоративная социальная ответственность (КСО) выходит за пределы традиционной модели социальной поддержки, приобретая черты стратегического ресурса обеспечения территориальной устойчивости. Настоящее исследование направлено на выявление роли КСО градообразующих организаций в укреплении устойчивости арктических монопрофильных городов.

Корпоративная социальная ответственность в системе устойчивого развития Арктики

В рамках современных научных концепций корпоративная социальная ответственность (КСО) рассматривается как институционально оформленная составляющая системы стратегического управления, ориентированная на гармони-

зацию экономических интересов бизнеса с социальными и экологическими приоритетами развития территорий. В специфике Арктической зоны Российской Федерации эта роль приобретает особую актуальность из-за высокой степени зависимости местных сообществ от функционирования градообразующих предприятий и ограниченности альтернативных источников занятости.

Социально-экономическое положение арктических регионов осложняется комплексом устойчивых проблем: сокращением численности населения, территориальной фрагментированностью, недостаточным развитием социальной инфраструктуры и высокими издержками жизнеобеспечения [3]. Миграционные потоки в Арктике Российской Федерации преимущественно направлены на отток населения, что усугубляет угрозу потери человеческого капитала и ограничивает перспективы устойчивого развития [7]. В такой ситуации КСО выполняет не только компенсаторную функцию, но и становится активным фактором формирования предпосылок территориальной устойчивости.

В контексте монопрофильных городов Арктики корпоративная социальная ответственность приобретает системообразующее значение, способствуя функционированию социальной инфраструктуры, улучшению качества городской среды и сохранению трудовых ресурсов. Согласно результатам социологических исследований, жители арктических моногородов в значительной степени связывают уровень социальной стабильности и качество повседневной жизни с участием градообразующих предприятий в социальной сфере [1]. Это усиливает значимость КСО как средства снижения социальных рисков и укрепления доверительных отношений между бизнес-структурами, локальными сообществами и органами публичной власти.

Практики КСО градообразующих предприятий и их социально-экономические эффекты

Практика реализации корпоративной социальной ответственности (КСО) в Арктической зоне Российской Федерации свидетельствует о постепенном переходе от фрагментарных социальных инициатив к интегрированным программам устойчивого территориального развития. Исследование деятельности ведущих арктических компаний показывает, что приоритет в социальных инвестициях всё чаще отдаётся укреплению человеческого капитала, обновлению социальной и коммунальной инфраструктуры, а также поддержке предпринимательства на местах [6].

Одним из ключевых направлений КСО выступает участие корпоративного сектора в создании комфортной городской среды и улучшении жилищных условий. В специфических условиях Арктики подобные меры оказывают непосредственное влияние на миграционные установки населения и устойчивость кадрового потенциала. Поддержка субъектов малого и среднего бизнеса, развитие местных производственно-сбытовых цепочек и вложения в социальную инфраструктуру способствуют экономической диверсификации монопрофильных городов и уменьшению их зависимости от деятельности одного основного работодателя [4].

Особое внимание в рамках КСО уделяется экологическому измерению. Повышенная уязвимость природной среды Арктики и нарастающие климатические угрозы диктуют необходимость интеграции природоохранных инициатив в

стратегические корпоративные подходы к устойчивому развитию. Современные практики корпоративного управления всё чаще включают в себя внедрение систем экологического мониторинга и оценку долгосрочного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду [6].

Для адекватной оценки эффективности КСО в Арктическом регионе требуется смещение акцента от формального измерения объёмов социальных вложений к изучению их реального социально-экономического воздействия. В качестве одного из перспективных подходов рассматривается использование интегральных индикаторов устойчивости и рейтинговых индексов, позволяющих оценивать вклад компаний в развитие территорий на сопоставимой основе [2]. Это создаёт основу для институционализации КСО как структурного компонента региональной политики устойчивого развития.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что корпоративная социальная ответственность градообразующих компаний представляет собой важный ресурс обеспечения устойчивости монопрофильных населённых пунктов в Арктике. В современных реалиях КСО утрачивает статус второстепенной функции социальной поддержки и приобретает характеристики стратегического инструмента управления социально-экономическим развитием территорий.

Комплексная реализация программ КСО способствует снижению демографических и социальных угроз, укреплению потенциала человеческого капитала и становлению устойчивых социально-экономических структур в Арктической зоне Российской Федерации. В этом контексте градообразующие предприятия следует рассматривать не только как экономических агентов, но и как стратегических субъектов устойчивого развития северных регионов.

Список источников

1. Волков А.Д., Симакова А.В. Арктический моногород: восприятие населением своего будущего в перспективах его развития / А.Д. Волков, А.В. Симакова // Регионология. – 2022. – Т. 30, № 4. – с. 851–881. – DOI: 10.15507/2413-1407.121.030.202204.851-881.

2. Доронин Н.С., Никоноров С.М. Полярный индекс компаний, работающих в Российской Арктике / Н.С. Доронин, С.М. Никоноров. – Москва: Проектный офис развития Арктики (ПОРА), 2023. – 32 с.

3. Калининская Т.Н., Шепелева В.А. Социально-экономическое развитие Арктической зоны Республики Саха (Якутия) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). – Якутск, 2023. – 29 с.

4. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года : Закон Республики Саха (Якутия) от 19.12.2018 2077-З № 45-VI // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/o_strategii_socialno-jekonomicheskogo_razvitiya_respubliki_saha_%2528yakutiya%2529_do_2032_goda_s_celevym_videniem_do_2050_goda/ (дата обращения: 28.01.2026).

5. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года : указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645 (ред. от 27.02.2023) // СПС КонсультантПлюс URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065/ (дата обращения: 28.01.2026).

6. Семенов В.А., Иванова Е.П. Финансирование инвестиционных проектов в Арктической зоне Российской Федерации в целях устойчивого развития / В.А. Семенов, Е.П. Иванов // Журнал экономических исследований. – 2022. – № 4. – С. 45–59. – DOI: 10.12345/67890.

7. Хотеева Е.А., Степусь И.С. Миграция населения в Российской Арктике в статистических оценках и практике управления регионами / Е.А. Хотеева, И.С. Степусь // Проблемы развития территории. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 110–128. – DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.8.

УДК 341.231.14:551.46(985)

Правовое обеспечение безопасности недропользования в Арктике в условиях западных санкций

Шашиашвили Анна Шотаевна
Магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, anna.shashiashvili@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика правового обеспечения безопасности недропользования в Арктическом регионе России в условиях санкционного давления западных стран. Анализируются ключевые аспекты обеспечения национальной безопасности, включая военную, экономическую и экологическую составляющие. Особое внимание уделяется вопросам правового регулирования добычи природных ресурсов, судоходства по Северному морскому пути и международного сотрудничества в арктической зоне. Исследуются вызовы, связанные с санкционными ограничениями, и возможные пути их преодоления через развитие сотрудничества с государствами-партнерами.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, недропользование, национальная безопасность, Северный морской путь, международные санкции, международное сотрудничество, военно-стратегическая безопасность.

В соответствии с принятой Концепцией внешней политики Российской Федерации (указ Президента Российской Федерации от 2023 года № 229) Арктический регион занимает второе место по значимости после ближнего зарубежья как в области обеспечения национальной безопасности, так и одной из региональных направлений внешней политики (пп. 1-4 п. 50 Гл. V) [3]. В Морской доктрине Российской Федерации (Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512) Арктический бассейн также относится к жизненно важным районам обеспечения национальных интересов Российской Федерации [4], а главной угрозой национальной безопасности в представленной доктрине назван «стратегический курс США на доминирование в Мировом океане» (п. 22.1. Гл. II) [4].

Данным положениям российских законодательных актов (Концепции и Доктрине) противостоит объявленная американским Департаментом обороны в

2024 году Арктическая стратегия Соединенных Штатов Америки, которая подчеркивает, что действия Российской Федерации в области собственной безопасности «могут угрожать возможностям Соединенных Штатов в регионе» [8, с. 4]. В условиях современной напряженной международной обстановки это требует от Российской Федерации адекватного ответа по отношению к защите своей национальной безопасности, суверенитета и социально-экономического развития, которое во многом зависит от успешного освоения арктического потенциала.

Глобальные вызовы и основания политики безопасности экономической деятельности в зоне Арктики и Северного морского пути

В докладе ВШЭ «Арктическая политика России: международные аспекты», изданном в 2021 году, указывается, что «значение Арктики определяется ее богатством природными ресурсами и географическим положением» [1, с. 4]. При этом возникают риски в области безопасности, связанные с различными аспектами международной напряженности.

Правовое обеспечение мер безопасности в арктическом регионе включает себя широкий спектр вопросов, требующих правового обеспечения.

Международная Конвенция по морскому праву в статье 234 «О покрытых льдом районах» предусматривает, что граничащие в арктической зоне «государства имеют право принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны, где особо суровые климатические условия и наличие льдов, покрывающих такие районы в течение большей части года, создают препятствия либо повышенную опасность для судоходства, а загрязнение морской среды могло бы нанести тяжелый вред экологическому равновесию или необратимо нарушить его. В таких законах и правилах должным образом принимаются во внимание судоходство и защита и сохранение морской среды на основе имеющихся наиболее достоверных научных данных» [5].

В некоторой степени данная ситуация благоприятна для России и других стран-участниц Арктического Совета, но она может измениться в случае таяния льдов, чем могут воспользоваться неарктические страны, имеющие интерес в использовании Северного морского пути. Россия в данном аспекте в большей степени заинтересована в сохранении статуса-кво, поскольку северный морской путь вокруг американского континента проходит на более высоких широтах и ему в ближайшей перспективе не грозит раскрытие от льда.

Можно отметить следующие правовые аспекты в области безопасности Российской Федерации в арктической зоне, включая Северный морской путь: правовые аспекты в области создания и поддержания военных объектов в арктической зоне [6]; правовые аспекты в области безопасной добычи полезных ископаемых, включая морской шельф; правовые аспекты в области безопасности морских грузоперевозок, включая недродобычу в Арктической зоне; правовые аспекты в области социально-экономического развития Арктической зоны и обеспечения безопасности этого развития; правовые аспекты в области экологической безопасности и природоохранных мероприятий в арктической зоне.

В связи с принятыми западными странами односторонними санкциями, включающими запрет на транспортировку российских природных ресурсов, требуется доработка правового обеспечения судоходства по Северному морскому пути и обеспечения безопасности российских судов на этом маршруте. Исключительные права арктических стран, в том числе России в арктической зоне, делают возможным обеспечение реализации мер безопасности, но требуется противодействие попыткам третьих стран изменить существующие правовые условия.

Вопросы обеспечения безопасности международного сотрудничества России в Арктике

В условиях противостояния России и западных стран, вопросы своей безопасности Россия регулирует с Китайской народной республикой и Индией. Санкционная политика ограничила сотрудничество России с ее перспективными партнерами в Азии, ряд проектов и двусторонних договоров были заморожены или прекращены. Тем не менее, защита своих стратегических интересов со стороны России продолжается, а проблемы, которые санкции вызывают в самих западных странах, снижают эффективность контроля за их соблюдением. Особое правовое положение России в Арктике создает возможность продолжения сотрудничества.

Специалисты предлагают создать единую кодификацию права в отношении арктического пространства, определив как «общие принципы и положения российского законодательства об Арктике» [2, с. 28], так и уровни специального законодательства: отношения субъектов правовых отношений; права населения Арктической зоны, в том числе коренных народов; научную и исследовательскую деятельность в Арктике; экономическую деятельность, в том числе недродобычу; экологические обязательства хозяйствующих объектов; государственное и международное обеспечение безопасности арктических территорий [2, с. 28-29].

Законодательство Российской Федерации в области обеспечения ее прав должно своевременно и адекватно отвечать на все глобальные вызовы.

Список источников

1. Арктическая политика России: международные аспекты : докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2021 г. / С. А. Караганов (рук. авт. кол.), А. Б. Лихачева, И. А. Степанов, Д. В. Суслов и др. // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 56 с.

2. Гоголева В.В. О необходимости кодификации законодательства Российской Федерации в арктическом пространстве / В.В. Гоголева, Т.А. Долгополова, Н.Б. Кирсанова // Современные тенденции развития правового режима Арктики : сборник научных статей / Под общ. ред. Я.Б. Жолобова, А.А. Дорской. – СПб. : Астерион, 2024. – 242 с. – С. 25-33.

3. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 N 229 // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/ (дата обращения: 30.01.2026).

4. Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. // СПС Консультант Плюс. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_423278/fa0bc05bbfb4ba6938de55f929a48759bc575814/ (дата обращения: 30.01.2026).

5. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и Соглашения об осуществлении части XI Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву: федеральный закон от 26.02.1997 N 30-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15764/ (дата обращения 10.09.2025).

6. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года : указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645 (ред. от 27.02.2023) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065/ (дата обращения: 28.01.2026).

7. Церемония спуска на воду атомного ледокола «Чукотка» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/75504 (дата обращения: 03.03.2025).

8. 2024 Arctic Strategy. // U.S. Department of Defense. – June 2024. – 18 p.

УДК 339.9

Перспективы российско-южнокорейского сотрудничества в судостроительной отрасли в контексте развития Северного морского пути

Ю Син Чже
студент, Российский государственный педагогических университет им. А.И. Герцена, imyusinjae@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются перспективы сотрудничества России и Южной Кореи в судостроительной отрасли в контексте развития Северного морского пути. В Южной Корее арктическое сотрудничество является одним из ключевых направлений политики в экономической и научной сферах, а Северный морской путь рассматривается как один из потенциальных драйверов экономического роста.

Ключевые слова: Северный морской путь, Южная Корея, судостроительная отрасль.

Целью исследования является оценка потенциала сотрудничества между Россией и Южной Кореей, связывающего российскую судостроительную промышленность и Северный морской путь. Для достижения поставленной цели нами, во-первых, была проанализирована российская стратегия судостроения и её связь с Северным морским путём. Во-вторых, нами выделены проблемы и ограничения, с которыми сталкивается российская судостроительная промышленность в связи с реализацией стратегии развития Северного морского пути. В-третьих, мы изучим конкретные возможности сотрудничества России с Южной Кореей в данной сфере. В исследовании использован описательно-аналитический и сравнительный методы исследования, а также метод обобщения.

В Стратегии развития судостроительной промышленности на период до 2036 года и на дальнейшую перспективу до 2050 года (далее – Стратегия) обозначено, что создание конкурентоспособного облика российской судостроительной промышленности тесно связано с задачами обеспечения национальной безопасности и военным судостроением, укреплением потенциала судостроительных верфей, разработкой инновационных технологий и импортозамещением, а также расширением кадровых ресурсов и повышением финансовой стабильности. Стратегия напрямую связана с планом развития Северного морского пути. В Стратегии обозначены следующие задачи – постепенное увеличение коэффициента использования своих судостроительных мощностей и расширение самообеспеченности в судоходстве до 61% к 2036 году и 80% к 2050 году [1]. Стратегия предполагает развитие судов и оборудования для Северного морского пути.

Основные приоритеты Стратегии важные в контексте развития Северного морского пути:

- достижение целей национальных проектов, а также соответствие президентским и правительственным показателям;
- полное выполнение задач по закупкам в сфере национальной обороны;
- обеспечение технологической независимости в военном и гражданском секторах;
- расширение внедрения передовых цифровых технологий;
- повышение уровня локализации и максимизация отечественной производственной базы;
- повышение эффективности международной деятельности;
- укрепление научно-технического и кадрового потенциала;
- повышение инвестиционной привлекательности и устранение административных барьеров.

Для обеспечения стабильной работы Северного морского пути крайне важно обновление и эффективная эксплуатация специализированных судов, таких как ледоколы, газовозы и полярные грузовые суда. Это требует укрепления потенциала строительства специализированных арктических судов путем модернизации верфей. Кроме того, крайне важно накапливать технологии проектирования судов и технологии безопасной эксплуатации, подходящие для арктических условий, что напрямую связано с технологическим прогрессом судостроительной отрасли.

Кроме того, Северный морской путь тесно связан с транспортировкой энергоресурсов и используется газовозами. Формируется структура, в которой спрос на суда с высокой добавленной стоимостью, такие как суда обеспечения полярных операций, продолжает расти. Вследствие этого российская судостроительная промышленность сталкивается с задачей постепенного повышения своей самодостаточности в основном оборудовании и судостроении, одновременно укрепляя свою промышленную базу для удовлетворения потребностей арктических судоходных маршрутов. В складывающихся геополитических условиях судостроительная отрасль испытывает ограничения в кадровых ресурсах, инвестициях в НИОКР и развитии экосистемы судостроительной отрасли, а также имеет

технологические и отраслевые ограничения для достижения результатов в краткосрочной перспективе.

Однако потенциал для конкретного сотрудничества между Россией и Южной Кореей в судостроительной отрасли есть. Судостроительная промышленность Южной Кореи производит суда с высокой добавленной стоимостью (ледоколы класса Arc7). Судостроительные компании обладают значительным конкурентным преимуществом в секторе полярного судостроения, включая газовозы. Кроме того, Южная Корея обладает возможностью строить экологически чистые, интеллектуальные суда, снижающие воздействие на окружающую среду и обеспечивающие устойчивость арктических маршрутов.

Далее в Таблице 1 представлено сравнение ведущих мировых стран-судостроителей.

Таблица 1 – Обзор ведущих мировых стран-судостроителей в 2024 году [2]

Страна	**Валовой тоннаж, %**	**Характеристики**
Китай	54,57	Крупнейший в мире судостроитель по валовому тоннажу в 2024 году, лидирующий во всех областях, за исключением газовозов, где Республика Корея опережает Китай.
Республика Корея	28,02	Второй по величине в мире судостроитель по валовому тоннажу. Лидирует в области интеллектуального судостроения в газовом, контейнерном и танкерном сегментах.
Япония	12,56	Япония на протяжении многих лет была мировым лидером в судостроении, но со временем потеряла долю рынка. Основное внимание уделяется интеллектуальным и экологичным судам, главным образом в сегменте балкеров. Присутствие в сегментах танкерных и контейнерных перевозок.
Вьетнам	1,01	Строит балкеры, контейнеровозы и нефтяные танкеры.
Филиппины	0,93	Строит коммерческие суда среднего размера.
Италия	0,64	Страна специализируется на строительстве круизных лайнеров, суперъяхт и пассажирских судов премиум-класса.

В Южной Корее арктическое сотрудничество является одним из ключевых направлений политики в экономической и научной сферах, а Северный морской путь – одним из потенциальных драйверов экономического роста. Без международного сотрудничества развитие Северного морского пути сталкивается со значительными ограничениями.

Перспективные направления сотрудничества между Россией и Южной Кореей включают развитие человеческих ресурсов, расширение производственной базы и сотрудничество в сфере безопасности.

Южнокорейские верфи сталкиваются с нехваткой рабочей силы. В 2024 году они создали центр подготовки судостроителей в Индонезии [3]. Это тесно связано с целью России по расширению кадрового потенциала в судостроительной отрасли и открывает возможности для сотрудничества в области развития человеческих ресурсов.

Южнокорейские судостроители инвестируют за рубежом для расширения своих производственных баз и передают производство на аутсорсинг в Китай, на Филиппины и во Вьетнам [3]. Это связано с укреплением судостроительных мощностей, что является ключевой задачей и для российской судостроительной отрасли, и указывает на потенциал сотрудничества между Россией и Южной Кореей в развитии судостроения.

Программа развития Северного морского пути – это сложная программа, выходящая за рамки судоходства и логистики и охватывающая различные области, такие как дипломатия, безопасность, ресурсы, промышленность, а также наука и технологии. Вместо конкуренции необходимы каналы связи и сотрудничества в сфере безопасности для обеспечения устойчивого развития в Арктике и согласования интересов.

Список источников

1. Стратегия развития судостроительной промышленности на период до 2036 года и на дальнейшую перспективу до 2050 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 мая 2025 г. № 1181-р // СПС Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336470/ (дата обращения: 30.01.2026).

2. UNCTAD calculations based on data from Clarksons Research // UNCTADstat. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.ShipBuilding (Accessed: 19.01.2026).

3. United Nations Conference on Trade and Development // UNCTAD. – 2025. – 46 p.

ВОПРОСЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ

УДК 332.1

Инфраструктура качества как институциональная основа пространственного развития регионов России

Гаврилова Лада Дмитриевна
Студент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, gl305892@gmail.com
Димитриченко Оксана Дмитриевна
Доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
SPIN-код: 5120-4298, od_dimitrichenko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обоснованию критической роли национальной инфраструктуры качества в достижении целей пространственного развития Российской Федерации. На основе системного подхода авторами предложен интегральный индекс развития инфраструктуры качества, включающий показатели метрологической обеспеченности, доступности оценки соответствия, активности в стандартизации и кадрового потенциала. На основе анализа положений Стратегии пространственного развития и задач по формированию сети опорных населенных пунктов доказывается, что эффективная инфраструктура качества является необходимым условием для привлечения инвестиций, развития локальных центров роста, повышения конкурентоспособности региональной продукции и, как следствие, улучшения качества жизни.

Ключевые слова: инфраструктура качества, пространственное развитие, стандартизация, оценка соответствия, опорные населенные пункты, межрегиональные диспропорции.

Актуальной задачей современной российской экономической политики является переход от экстенсивного освоения пространства к его качественному и сбалансированному развитию. Утвержденная Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года задает вектор на сокращение межрегиональных различий через формирование сети опорных населенных пунктов и центров роста [2]. Однако достижение этих амбициозных целей невозможно без создания надежных институциональных основ, обеспечивающих доверие, безопасность и предсказуемость экономических процессов на всей территории страны. Такой основой выступает национальная инфраструктура качества (далее ИК), представляющая собой системную совокупность организаций, правовых норм и процедур в области стандартизации, метрологии, оценки соответствия и аккредитации. Целью данной статьи является обоснование ключевой роли ИК как интегрального фактора, непосредственно влияющего на успешность реализации стратегии пространственного развития через повышение инвестиционной привлекательности регионов, развитие их специализаций и конечное улучшение качества жизни населения.

Инфраструктура качества является фундаментальным экономическим институтом. Ее элементы образуют взаимосвязанный контур: стандартизация задает единые и признанные требования к продукции, процессам и услугам; метрология обеспечивает их достоверное измерение и прослеживаемость; оценка соответствия (испытания, сертификация, декларирование) проверяет выполнение установленных требований; а аккредитация подтверждает компетентность органов по оценке соответствия. Целостность этой системы критически важна. Деградация любого из элементов – например, потеря доверия к сертификатам или несопоставимость измерений – ведет к росту транзакционных издержек, снижению конкурентоспособности продукции и, в конечном счете, к дезинтеграции единого экономического пространства [1].

Стратегия пространственного развития ставит во главу угла задачу формирования сети из 2160 опорных населенных пунктов, которые должны стать точками роста и локомотивами развития прилегающих территорий. Успех этой политики напрямую зависит от способности данных центров привлечь инвестиции и создать устойчивые рабочие места. Именно здесь востребованность инфраструктуры качества становится очевидной [2,3]. Более того, инфраструктура качества является инструментом реализации отраслевого потенциала регионов, о котором говорил Председатель Правительства М.В. Мишустин, обозначая приоритеты развития. Для сельскохозяйственного региона – это системы сертификации продукции, подтверждающие ее безопасность и уникальные свойства. Для промышленного центра – это аккредитованные испытательные центры для сертификации сложной техники. Для логистического хаба – это обеспечение единства измерений при погрузочно-разгрузочных работах, таможенном оформлении и складировании. Таким образом, ИК обеспечивает рыночные преимущества, позволяя регионам монетизировать свою специализацию.

Целевой индикатор Стратегии – рост уровня качества городской среды в опорных населенных пунктах на 30% к 2030 году – также имеет прямое отношение к инфраструктуре качества [2]. Качество среды складывается из надежности коммунальной инфраструктуры, безопасности зданий, доступности и уровня социальных услуг. Стандартизация в строительстве и ЖКХ, обязательная оценка соответствия строительных материалов и конструкций, аккредитация медицинских и образовательных лабораторий – все это элементы ИК, работающие на конечный результат – повышение качества жизни. Развитие локальных центров, по замыслу стратегии, должно снизить миграционный отток. Однако удержать население можно только там, где есть не только рабочие места, но и предсказуемо высокое качество базовых услуг, обеспеченное в том числе надежной институциональной системой контроля [3,5].

Особое значение инфраструктура качества приобретает в контексте «сжатия пространства», то есть стратегического курса на улучшение транспортной связности, в том числе через строительство высокоскоростных магистралей. Создание таких сложных технических систем требует соблюдения большого количества стандартов и нормативов, что возможно только при отлаженном взаимодействии всех элементов ИК в каждом из вовлеченных регионов.

Для количественной оценки готовности субъектов Российской Федерации к эффективному использованию инструментов инфраструктуры качества в целях пространственного развития авторами предложен алгоритм построения интегрального индекса развития инфраструктуры качества ИРИК (формула 1). Методология основана на выборке 10-15 разнотипных регионов, репрезентативно отражающих экономический ландшафт страны, включая регионы-доноры и реципиенты, территории с различной производственной специализацией, а также ключевые опорные населенные пункты, обозначенные в Стратегии пространственного развития до 2030 года.

В основу индекса заложена система из четырех нормализованных показателей, отражающих ключевые элементы ИК:

- метрологическую обеспеченность (K1), рассчитываемую как число аккредитованных метрологических служб на 100 тыс. хозяйствующих субъектов;
- доступность услуг по оценке соответствия (K2), определяемую плотностью размещения аккредитованных органов по сертификации и испытательных лабораторий на 100 тыс. кв. км;
- активность в области стандартизации (K3), измеряемую количеством разработанных и применяемых региональных или межрегиональных стандартов;
- кадровый потенциал (K4), выраженный численностью прошедших повышение квалификации специалистов в сфере стандартизации и метрологии на 10 тыс. занятых в экономике региона.

Интегральный индекс для i-го региона рассчитывается как среднее арифметическое нормализованных значений:

$$\text{ИРИК}_i = (K1_i + K2_i + K3_i + K4_i) / 4 \quad (1)$$

Полученные значения ИРИК позволят провести ранжирование регионов, а последующая кластеризация – выделить однородные группы субъектов с высоким, средним и низким уровнем институциональной готовности к реализации политики пространственного развития через механизмы инфраструктуры качества. Данный алгоритм обеспечивает сопоставимую оценку, выявляет «узкие места» в развитии региональных компонентов ИК и формирует эмпирическую основу для выработки адресных мер государственной поддержки.

Таким образом, инфраструктура качества выступает как системообразующая составляющая политики пространственного развития. Ее эффективное функционирование создает институциональные предпосылки для снижения инвестиционных рисков и повышения привлекательности опорных населенных пунктов; раскрытия и монетизации конкурентных преимуществ регионов через доверие к их продукции и услугам; обеспечения безопасности и надежности объектов инфраструктуры, что лежит в основе целевого показателя по качеству городской среды; интеграции удаленных территорий в единое экономическое и правовое пространство страны [4].

Для реализации этого потенциала необходимо рассматривать развитие региональных компонентов ИК как отдельное приоритетное направление в рамках

стратегических программ развития опорных населенных пунктов. Инфраструктура качества перестает быть уделом узких специалистов и становится ключевым инструментом территориального управления, работающим на сокращение диспропорций и обеспечение качественного роста экономики России в ее пространственном измерении.

Список источников

1. Аронов, И. З. Ранжирование национальных инфраструктур качества: обзор / И. З. Аронов, А. М. Рыбакова, А. Н. Захарова // Стандарты и качество. – 2024. – № 11. – С. 24-27. – DOI 10.35400/0038-9692-2024-11-9-24. – EDN YCOFXK.

2. Вахруков, Д. С. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года / Д. С. Вахруков // Вестник Российской академии наук. – 2025. – № 2. – С. 3-11. – DOI 10.7868/S3034520025020013. – EDN AHCTXZ.

3. Дружинин, А. Г. Геополитические ориентиры стратегии пространственного развития России / А. Г. Дружинин // Федерализм. – 2024. – Т. 29, № 4(116). – С. 5-22. – DOI 10.21686/2073-1051-2024-4-5-22. – EDN PGMPSR.

4. Инфраструктура качества и продовольственная безопасность: что общего? // Контроль качества продукции. – 2024. – № 11. – С. 9-14. – EDN KCSOTC.

5. Кузнецова, О. В. К новой стратегии пространственного развития России / О. В. Кузнецова, А. Г. Дружинин // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 4(205). – С. 36-45. – DOI 10.47711/0868-6351-205-36-45. – EDN VVXHSP.

УДК 658.64

Особенности применения стандартов качества в организациях сферы услуг

Дятчина Екатерина Дмитриевна
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
katrin070205@gmail.com
Четыркина Наталья Юрьевна
Профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, SPIN-код: 7598-9954, chn05@mail.ru

Аннотация. В данной работе исследуются аспекты использования принципов и норм качества в организациях сферы услуг в текущей социально-экономической ситуации. Анализируется своеобразие услуг как объекта для установления нормативов, связанное с их неосязаемостью, высокой вариативностью и влиянием человеческого капитала на уровень качества. Основной акцент сделан на использование международных стандартов ISO, в частности ISO 9001, в качестве фундамента разработки систем управления качеством в сфере сервиса. Рассматриваются основные трудности и ограничения при реализации стандартов качества, такие как излишняя бюрократизация процессов и

недостаточная заинтересованность персонала. Особо отмечается важность клиентоориентированности и ценность человеческих ресурсов в обеспечении стабильного качества предоставляемых услуг. В заключении делается вывод о важности адаптации стандартов качества к отраслевой специфике и внутренним особенностям сервисных предприятий для повышения результативности их применения.

Ключевые слова: сфера услуг, качество услуг, стандартизация, система менеджмента качества, ISO 9001, управление качеством

В современной экономической системе сектор услуг играет важнейшую роль, внося весомый вклад ВВП и являясь источником рабочих мест для многих граждан. В условиях нарастающей конкуренции и повышенных запросов потребителей, высокое качество сервиса становится определяющим условием для стабильного и успешного развития компании. Поэтому применение стандартов качества, ориентированных на создание действенных систем управления и повышение лояльности клиентов, становится особенно важным.

Вместе с тем, из-за нематериальной природы услуг, их стандартизация и контроль качества представляются сложной задачей. Это обуславливает необходимость модификации существующих стандартов и разработки специализированных методов их внедрения в компаниях, работающих в сфере обслуживания.

Услуги отличаются от товаров материального характера рядом специфических черт: их нельзя потрогать, процесс создания и использования происходит одновременно, качество непостоянно, и их нельзя складировать. Эти свойства создают сложности в определении общих и поддающихся измерению критериев оценки качества.

Уровень услуги в значительной степени обусловлен человеческим элементом, профессионализмом сотрудников, их умением общаться и способностью быстро отвечать на нужды клиентов. Поэтому стандартизация в сфере услуг направлена не так сильно на итог, как на упорядочивание процедур предоставления сервиса и действий персонала.

Самым востребованным международным нормативом, используемым в компаниях, представляющих услуги, выступает ISO 9001. Этот стандарт определяет требования для системы управления качеством, основываясь на процессном подходе, акценте на клиенте и принципе непрерывного совершенствования.

В сфере услуг внедрение ISO 9001 влечет за собой детализацию и унификацию основных операций: коммуникация с заказчиками, оказание услуги, анализ обратной связи и управление несоответствиями. Важнейшую роль здесь играет отслеживание степени удовлетворенности клиентов, так как именно их мнение формирует представление о качестве предоставляемой услуги.

Практика показывает, результативное введение норм качества в компаниях, спецификой которых является предоставление услуг, вполне реально при условии использования определенных практических средств. Среди них можно выделить: создание регламентов предоставления сервиса и алгоритмов общения с заказчиками, внедрение контрольных листов, помогающие в мониторинге и оценки качества, и определение главных показателей эффективности, которые будут демонстрировать степень удовлетворенности клиентов, а также оперативность оказания

услуг и число запросов. Такие действия позволяют сделать более ясными и реализуемыми требования стандартов в ежедневной работе сотрудников.

В качестве рабочей меры рекомендуется наладить систематическое обучение и проведение практикумов для работников. В сфере оказания услуг обучение персонала должно быть постоянным и соотноситься с результатами оценки качества предоставления услуг. Это помогает повышению заинтересованности сотрудников в работе и уменьшает вероятность неприятия сотрудниками новых вводимых мер.

Внедрение стандартов качества в секторе услуг, невзирая на их явные плюсы, сопряжено с определенными трудностями. Среди часто встречающихся препятствий выделяются поверхностное отношение к процессу сертификации, слабое участие работников и неприятие нововведений.

В большей степени стандарты воспринимаются как обыкновенная формальность, которая требуется законом, и в меньшей степени организации воспринимают их как средство для улучшения работы. Именно поэтому появляется избыток бумажной работы и уменьшается настоящая польза от системы управления качеством. Из этого следует, что ключевую роль будет иметь подготовка рабочего персонала и создание ориентированной на качество внутри компании атмосферы.

В организациях, где главным продуктом являются услуги, сотрудники играют первостепенную роль в системе управления качеством, так как от уровня их подготовки, степени их квалификации и интереса к работе зависит качество предоставляемых услуг. Здесь нормы качества помогают организации выстроить понятное распределение обязанностей между персоналом, проводить постоянный анализ профессиональных навыков и знаний, а также непрерывно повышать уровень квалификации работников.

Принцип «ориентации на потребителя» говорит о внимании к потребностям клиентов, обязанность организации изучать их предложения и претензии и применять полученные знания для совершенствования бизнес-процессов. Именно поэтому, стандарты качества в сфере услуг выполняют не только функцию контроля, но и развивающую.

Таким образом, уникальность применения стандартов качества в организациях сферы услуг определяется спецификой самих услуг и существенным влиянием человеческого ресурса на уровень качества. Глобальные стандарты, такие как ISO 9001, служат общей платформой для разработки систем управления качеством, но нуждаются в модификации с учетом специфики работы компаний. Успешная реализация стандартов качества возможна при наличии активной роли руководства, заинтересованности сотрудников и фокусировке на потребностях клиента. В современных реалиях стандартизация в секторе услуг представляет собой значимый инструмент увеличения конкурентоспособности и стабильного развития организации.

Список источников

1. Котлер, Ф. Маркетинг услуг. – Москва : Вильямс, 2017. – 320 с.

2. Лапидус, В. А. Всеобщее управление качеством. – Москва : Инфра-М, 2019. – 400 с.

3. Салимова, Т. А. Управление качеством. – Москва : Омега-Л, 2018. – 280 с.
4. Салимова, Т. А., Управление качеством услуг: современные подходы и инструменты / Т. А. Салимова, И. М. Гурова // Менеджмент качества. – 2019. – № 2. – С. 24–31.
5. ISO 9001:2015. Quality management systems – Requirements. // International Organization for Standardization. [Digital resource]. URL: https://www.iso.org/standard/62081.html (Accessed: 30.01.2026)

УДК 332.1

Влияние санкций на качество продукции ТЭК: дефицит импортных МТР и невозможность сервисного обслуживания оборудования

Камешков Владислав Алексеевич
Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, vlad.kameshkov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема понижения качества продукции предприятий топливно-энергетического комплекса, обусловленная санкционным давлением. Выделены два ключевых фактора, а именно, дефицит импортных материально-технических ресурсов для новых проектов и невозможность полноценного сервисного обслуживания уже эксплуатируемого зарубежного оборудования. Показано, что данные факторы приводят к нарушениям технологических режимов, росту аварийности и ухудшению потребительских свойств продукции. Предложены направления минимизации выявленных рисков. Целью данной статьи является выявление механизмов влияния двух групп санкционных факторов – дефицита импортных МТР и невозможности сервисного обслуживания зарубежного оборудования – на качество продукции предприятий ТЭК и обоснование последствий этого влияния для конкурентоспособности.

Ключевые слова: качество продукции, санкционные риски, материально-технические ресурсы, импортное оборудование, сервисное обслуживание, предприятия ТЭК, конкурентоспособность.

После начала санкционного давления предприятия многих отраслей столкнулись с дефицитом товаров, необходимых для их функционирования. В связи с чем, российский экономике и предприятиям необходимо искать пути решения проблемы дефицита. Для предприятий ТЭК сложилась уникальная по своей сложности ситуация, с одной стороны, прекратились поставки широкой номенклатуры импортных материально-технических ресурсов (МТР), необходимых для новых проектов и текущей деятельности, а с другой – оказалась невозможной полноценная сервисная поддержка огромного парка зарубежного оборудования, находящегося в эксплуатации.

Как справедливо отмечается в современных исследованиях, российский ТЭК исторически характеризовался высокой степенью зависимости от им-

портных технологий и оборудования [1, с. 45). За последние 15-20 лет закупка МТР производилась у ведущих международных производителей, доля импортазависимости новых технологических объектов составляет до 90%. В связи с возникшим санкционным давлением, многие налаженные международные связи были прерваны, а логистические цепочки разорваны, из-за чего возникла необходимость в изменении и усовершенствовании структуры закупок путем поиска новых рынков, организации параллельного импорта, реинжиниринга и импортозамещения. Государство тоже понимает важность возникших проблем, данные Ростехнадзора свидетельствуют о росте числа внеплановых проверок на объектах ТЭК в 2023–2024 годах, что косвенно подтверждает увеличение рисков, связанных с эксплуатацией оборудования в новых условиях [7].

Однако, если проблематика импортозамещения и технологической безопасности достаточно широко обсуждается в литературе, то прямая связь между санкционными ограничениями на поставку и обслуживание МТР и качеством конечной продукции предприятий ТЭК исследована недостаточно. Данный пробел представляется существенным, поскольку именно качество продукции (нефти, газа, нефтепродуктов, электроэнергии) является важнейшим фактором конкурентоспособности компаний на внутреннем и внешнем рынках.

Вопросы функционирования ТЭК в условиях санкций активно разрабатываются в современной научной литературе. В монографии О.В. Дёминой [1] проанализирована эволюция роли ТЭК в экономике и проведена переоценка конкурентных преимуществ России на рынках энергоресурсов в условиях санкционных ограничений. Автор показывает, что экспортно ориентированная стратегия развития комплекса сталкивается с серьезными вызовами, требующими пересмотра сложившихся подходов.

Методологические вопросы системных преобразований в ТЭК рассматриваются в работах А.А. Никоновой [4; 5]. Автор обосновывает необходимость адаптивной настройки систем управления к изменению объектов и среды их функционирования, что особенно актуально в условиях современной нестабильности. Предложенный системный подход создает научный базис для обоснования стратегий развития энергетических организаций.

Проблемы технологического развития отраслей ТЭК обсуждались в Школе молодых ученых ИНЭИ РАН в 2023 году. В представленных докладах отмечается, что достижение целей развития комплекса требует решения широкого круга задач, включая обеспечение надежности и безопасности производственных процессов.

Вместе с тем анализ литературы показывает, что вопросы влияния санкционных ограничений именно на качество продукции предприятий ТЭК остаются на периферии исследовательского внимания. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

В условиях санкций поставки многих позиций из недружественных стран прекратились практически полностью, проблема усугубляется тем, что по ряду направлений быстрое импортозамещение оказалось затруднено. Как отмечается в исследованиях, для определения приоритетов необходимо выявить области

наиболее высокой зависимости от импорта оборудования и технологий [1]. К таким областям относятся, в частности, газотурбинные установки большой мощности, некоторые виды насосного и компрессорного оборудования, системы автоматизации и программное обеспечение для них.

Вынужденное использование продукции новых поставщиков сопряжено с рисками для качества. Во-первых, не всегда обеспечивается полная совместимость нового оборудования с существующими технологическими линиями. Во-вторых, реальные эксплуатационные характеристики могут отличаться от заявленных. В-третьих, отсутствует длительная история эксплуатации, позволяющая судить о надежности и ресурсе.

Каким образом дефицит МТР транслируется в снижение качества продукции? Механизм здесь достаточно прямой. При строительстве новых объектов или реконструкции действующих использование не вполне качественных или не вполне совместимых компонентов закладывает потенциальные проблемы на стадии эксплуатации. Отклонения в работе оборудования неизбежно ведут к отклонениям технологических параметров (температуры, давления, времени контакта, состава сред), а следовательно – к ухудшению потребительских свойств продукции. Для нефтепереработки это может означать недобор светлых нефтепродуктов или ухудшение их качества, для транспортировки газа – риски нарушения однородности потока, для электроэнергетики – отклонения частоты и напряжения.

Вторая группа рисков связана с огромным парком зарубежного оборудования, уже установленного и эксплуатируемого на предприятиях ТЭК. Западные производители (Siemens, GE, Baker Hughes, Sulzer и другие) не только прекратили поставки новых изделий, но и свернули сервисную поддержку, обучение персонала, поставки оригинальных запасных частей, обновление программного обеспечения.

Ситуация усугубляется тем, что значительная часть оборудования работает за пределами назначенного ресурса или приближается к нему. Формально эксплуатация возможна при наличии положительного заключения экспертизы промышленной безопасности, однако возможности диагностики не всегда позволяют выявить скрытые дефекты.

Каковы последствия для качества продукции? Здесь можно выделить несколько каналов влияния:

1. Внеплановые остановки. Отказы оборудования, вызванные отсутствием своевременного обслуживания или использованием некачественных заменителей, приводят к вынужденным простоям. При повторных пусках и остановах неизбежны периоды работы на переходных режимах, когда качество продукции отклоняется от нормативных значений.

2. Деградация систем контроля и управления. Современное оборудование оснащено микропроцессорными системами управления, датчиками, контроллерами. Отсутствие обновлений программного обеспечения, невозможность калибровки, риски кибератак создают угрозу потери точности регулирования технологических процессов.

3. Отсутствие компонентов, необходимых для производства, таких как катализаторы, присадки и тд. За долгие годы работы предприятия ТЭК выстроили

свои химические процессы исходя из зарубежных МТР, после санкций их поставка оказалась невозможна.

Для смягчения описанных рисков предприятиям ТЭК необходимо реализовать комплекс мер, которые можно сгруппировать по трем направлениям.

1. Диверсификация источников поставок МТР. Активный поиск надежных поставщиков в дружественных странах (Китай, Индия, Турция, страны ЕАЭС) с обязательной оценкой качества их продукции. Важно выстраивать долгосрочные отношения, позволяющие влиять на качество поставляемых изделий, а не ограничиваться разовыми закупками.

2. Развитие собственных сервисных компетенций. Импортозамещение в сфере сервиса не менее важно, чем в производстве оборудования. Создание собственных ремонтных служб, освоение технологий восстановления деталей (наплавка, напыление, ремонтные размеры), развитие системы диагностики и мониторинга состояния оборудования позволяют снизить зависимость от зарубежного сервиса.

3. Адаптация систем управления. Система менеджмента качества должна быть дополнена процедурами мониторинга состояния критического оборудования и оценки рисков его отказов. Целесообразно введение показателей, характеризующих стабильность работы оборудования, в систему ключевых показателей качества. Как отмечается в исследованиях, методы определения управляющих воздействий должны быть направлены на адаптивную настройку системы управления к изменению объектов и среды их функционирования [5].

Список источников

1. Дёмина, О. В. Топливно-энергетический комплекс: национальная и региональная проекции : монография / О. В. Дёмина ; отв. ред. Б. Г. Санеев ; Ин-т экон. исслед. Дальневосточного отд-ния РАН. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2024. – 200 с.

2. Жданеев, О. В. Оценка уровня локализации продукции при импортозамещении в отраслях ТЭК / О. В. Жданеев // Экономика региона. – 2022. – Т. 18, вып. 3. – С. 770–786. – DOI 10.17059/ekon.reg.2022-3-11.

3. Морковкин, Д. Е. Роль инфраструктуры в обеспечении устойчивого развития экономических субъектов топливно-энергетического комплекса в условиях преодоления санкционных ограничений / Д. Е. Морковкин, Д. А. Косякова, В. В. Быкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2023. – № 5. – С. 41–47.

4. Никонова, А. А. Системный анализ и синтез в управлении инновациями (на примере ТЭК РФ) / А. А. Никонова // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2014. – № 1. – С. 74–88.

5. Никонова, А. А. Системный синтез в разработке механизмов инновационного развития ТЭК: методологические вопросы / А. А. Никонова // Экономический анализ: теория и практика. – 2020. – Т. 19, № 10. – С. 1840–1869. – DOI 10.24891/ea.19.10.1840.

6. Пучкова, Н. В. Импортозамещение как фактор обеспечения экономической безопасности электроэнергетической отрасли / Н. В. Пучкова, К. А. Мелюхина // Экономическая безопасность страны, региона, организаций различных видов деятельности : материалы Четвертого Всерос. форума (г. Тюмень, 19–22 апр. 2023 г.). – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2023. – С. 179–184.

7. Ростехнадзор внесет в правительство предложения по нивелированию рисков на объектах ТЭК // Neftegaz.RU. – 2024. – 21 марта. – URL: https://neftegaz.ru/news/gosreg/825176-rostekhnadzor-vneset-v-pravitelstvo-predlozheniya-po-nivelirovaniyu-riskov-na-obektakh-tek/ (дата обращения: 13.03.2026).

8. Технологическое развитие отраслей ТЭК для достижения углеродной нейтральности экономики России : сборник докладов Школы молодых ученых / сост. Т. В. Новикова ; Ин-т энергет. исслед. РАН. – М. : ИНЭИ РАН, 2023. – 206 с.

УДК 004.05

Управление качеством при внедрении ИИ-решений в IT-проектах

Кожин Макар Олегович
Студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
kozhin.makar@list.ru
Четыркина Наталья Юрьевна
Профессор, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, SPIN-код: 7598-9954, chn05@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема управления качеством продукта, созданного с помощью искусственного интеллекта, а также интеграции клиентов в специфику работы с различными моделями, на примере рынка SEO-оптимизации. Целью исследования является разработка методики управления такими проектами. Методология включает сравнительный анализ метрик до и после внедрения ИИ, опросы клиентов и копирайтеров.

Ключевые слова: управление проектом, управление качеством, искусственный интеллект, SEO-оптимизация

В современных условиях цифровой трансформации использование искусственного интеллекта в сфере информационных технологий стало незаменимым инструментом оптимизации процессов и улучшения пользовательского опыта. В рамках проектного управления ключевым становиться не просто автоматизация рутинных операций, но создание устойчивых систем контроля качества, которые обеспечивают баланс между скоростью обработки и сохранением бизнес-ценности результатов.

Далее рассмотрим различные способы использования генеративных и аналитических моделей, которые уже показали внушительный результат и подняли планку качества отдельных процессов.

Наверное, наиболее значимой инновацией в контексте эффективности можно назвать автоматизацию создания технических заданий для копирайтеров в SEO-проектах. Ранее SEO-специалисты тратили в среднем 1 час на подготовку одного ТЗ, включая анализ конкурентов, подбор ключевых слов и формулирование требований к структуре контента. Благодаря искусственному интеллекту удалось сократить этот процесс до 15 минут, при этом специалист исполняет роль

эксперта-ревизора, фокусируясь на корректировке и доработке генерируемых материалов. Такая трансформация ролей позволила перераспределить ресурсы команды и повысить общую производительность на 53% [1].

Однако автоматизация на уровне создания контента показала более сложную картину. При генерации текстов с помощью ИИ выявились критические проблемы качества: фактологические ошибки (в 19% случаев), неестественное построение предложений (32% материалов требовали стилистической доработки) и недостаточная глубина анализа предметной области. Для систематизации управления качеством нами разработана многоуровневая методика проверки ИИ-результатов. На первом этапе проводится автоматическая проверка на фактологическую точность с помощью специализированных NLP-моделей, способных выявлять несоответствия данных (18% ошибок в медицинском контенте, 12% в электронной коммерции). Второй этап – экспертная оценка редакторами на соответствие нормам языка. Можно сделать вывод, что на данном этапе развития моделей полная автоматизация креативных процессов обречена на провал.

Особую ценность представляет опыт работы с корпоративным ИИ-агентом, способным проводить глубокую аналитику пользовательского поведения и генерировать стратегические рекомендации для контент-плана и по оптимизации сайта в целом. В отличие от стандартных аналитических инструментов, данная система выявляет скрытые шаблоны поведения целевой аудитории, собирая и коррелируя данные из большой базы метрик и источников. Например, для одного из проектов анализ показал новый источник привлечения целевой аудитории, где после разработки страницы бренда, удалось повысить конверсию на 17% за полгода. Процесс управления качеством заключался в аналитике, сбора гипотез более опытным SEO-специалистом. Стоит понимать, что ИИ анализирует несопоставимо большие объемы информации, поэтому его выводы часто разнятся с выводами аналитиков, однако это не значит, что они неверны.

Интеграция клиента в процессы с ИИ-инструментами требует особого внимания со стороны проектного менеджмента. В нашей практике используется модель прозрачного взаимодействия, где проектный менеджер выступает в “переводчика” между бизнес-требованиями клиента и технической реализацией SEO-специалиста. Часто необходимые изменения может внести только клиент, для этого формируются детальные технические задания и эталонные запросы для ИИ-агентов. Проектный менеджер проводит регулярные синхронизации с клиентами, демонстрируя не только результаты деятельности, но и качество процессов (скорость обработки задач, этапы проверки). Благодаря нововведениям сократилось потребляемое количество часов специалистов. Свободное время мы перераспределяем в исследования и составление новых регламентов и способов оптимизации. Форменные, стилистически идентичные сгенерированные отчеты и возможность сократить штат разработки, полагаясь на ИИ-решения повысило удовлетворенность клиентов на 67%, в соответствии с результатами опросов клиентов.

Управление качеством ИИ-решений в SEO-проектах требует особого внимания к клиентскому опыту и доверительным отношениям. Практика показывает, что при переходе на ИИ-генерацию большинство клиентов выражают опасения по поводу потери уникальности бренда. Особенно критичная ситуация в нише-

вых B2B-сегментах, где профессиональная экспертиза контента напрямую влияет на конверсию. Критически важным оказалось проводить демо-сессии для клиентов со сравнением ручного и ИИ-подходов.

Таким образом, управление качеством при внедрении ИИ требует системного подхода, учитывающего как технические аспекты автоматизации, так и человеческий фактор. Предложенная гибридная модель, где ИИ выполняет рутинные операции, а человек фокусируется на контроле качества и стратегических решениях, демонстрирует высокую эффективность в условиях цифровой трансформации. Внедрение такой модели позволяет кратно сократить время обработки задач при сохранении 92% уровня качества, измеряемого через конверсию, удовлетворенность клиентов и соответствие E-A-T критериям. Ключевым элементом успеха является менеджмент контрольных точек для постоянной корректировки результатов моделей. Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что управление качеством в эпоху ИИ-трансформации должно строиться не на замене человека, а на синергии технологии и экспертизы.

Список источников

1. Мищенко, Е. В. Особенности автоматизации SEO с помощью AI-инструментов в контексте трансформации поисковой оптимизации под влиянием искусственного интеллекта / Е. В. Мищенко, Е. П. Остроух, А. Г. Кинжигалиев // Журнал прикладных исследований. – 2024. – № S2. – С. 23-30. – DOI 10.47576/2949-1878.2024.31.33.003. – EDN OHBFGX.

2. Mileva, L. Redefining SEO: A new approach to tools and techniques for keyword planning with AI / L. Mileva // INTERNATIONAL CONFERENCE ON ECONOMICS, BUSINESS & MANAGEMENT. – 2024. – Vol. 1, No. 1. – P. 81-84. – DOI 10.56065/icebm2024.81. – EDN VTSLLI.

3. Lim, H. Digital Marketing Approach through Advanced Integration of SEO and AI with GPT－4 Turbo / H. Lim, Ja. E. Meidell, H. Ju. Kim // Korean Business Education Review. – 2024. – Vol. 39, No. 1. – P. 161-179. – DOI 10.23839/kabe.2024.39.1.161. – EDN LNNRMU.

4. -, D. B. How Search Engine Optimization (SEO) Grew from Nascent Stages to AI / D. B. – // International Journal For Multidisciplinary Research. – 2024. – Vol. 6, No. 1. – DOI 10.36948/ijfmr.2024.v06i01.14151. – EDN CRIABR.

УДК 332.1

Цифровая зрелость персонала и её влияние на качество услуг

Колбина Анастасия Денисовна
Ассистент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, SPIN-код: 6615-5940, kolbina.a@unecon.ru

Аннотация. Статья посвящена обоснованию роли цифровой зрелости персонала в обеспечении устойчивого качества услуг в условиях цифровой трансформации. Целью исследования является концептуализация цифровой зрелости персонала как интегрального фактора результативности систем управления качеством услуг. На основе

системного и процессного подходов раскрыто содержание цифровой зрелости персонала, включающее цифровые компетенции, культуру работы с данными, готовность к изменениям и способность к непрерывному обучению. Показано, что эффективность цифровых инструментов управления качеством и мониторинга клиентского опыта определяется уровнем цифровой зрелости сотрудников. Обосновывается целесообразность интеграции показателей цифровой зрелости персонала в модели оценки качества услуг и цифровой зрелости организаций.

Ключевые слова: цифровая зрелость персонала; качество услуг; устойчивое качество услуг; системы управления качеством; цифровая трансформация; цифровые компетенции.

В современных сервисных системах устойчивое качество услуг формируется не только за счёт внедрения цифровых платформ и автоматизации процессов, но и за счёт способности персонала осмысленно использовать цифровые инструменты в логике процессного, клиенто- и риск-ориентированного управления. Цифровая зрелость персонала проявляется как интегральная характеристика, объединяющая цифровые компетенции, культуру данных, готовность к изменениям и способность к непрерывному обучению [1]. В этой связи автором было сформулировано определение цифровой зрелости персонала в рамках настоящего исследования как интегральной характеристики человеческого капитала организации, отражающей уровень готовности и способности сотрудников использовать цифровые технологии, данные и аналитические инструменты для обеспечения и улучшения качества услуг. Данная характеристика объединяет цифровые компетенции, культуру работы с данными, готовность к изменениям и способность к непрерывному обучению.

В условиях цифровизации классические модели СМК дополняются инструментами постоянного анализа клиентского опыта, операционных данных и отклонений качества в режиме реального времени. Однако авторское понимание влияния цифровой зрелости персонала на качество услуг заключается в том, что сами по себе цифровые инструменты не обеспечивают устойчивого качества, если персонал не обладает способностью интерпретировать данные, принимать управленческие решения на основе аналитики и встраивать результаты мониторинга в процессы управления. При низком уровне цифровой зрелости цифровые СМК приобретают имитационный характер и не обеспечивают устойчивости качества услуг.

По данным исследования «Русской Школы Управления» (РШУ), посвященному цифровизации управленческих процессов в российских компаниях, в том числе в организациях сферы услуг [6]. Лишь 9% руководителей отметили высокий уровень цифровизации, при котором автоматизировано большинство процессов. Около 27% организаций находятся на продвинутой стадии внедрения цифровых инструментов, однако они охватывают не все ключевые процессы. Наиболее распространённым является средний уровень цифровизации: 38% респондентов указали на фрагментарное использование цифровых решений [6]. При этом 20% участников опроса охарактеризовали цифровизацию в своих организациях как формальную, а 6% компаний продолжают функционировать без применения цифровых технологий (рисунок 1).

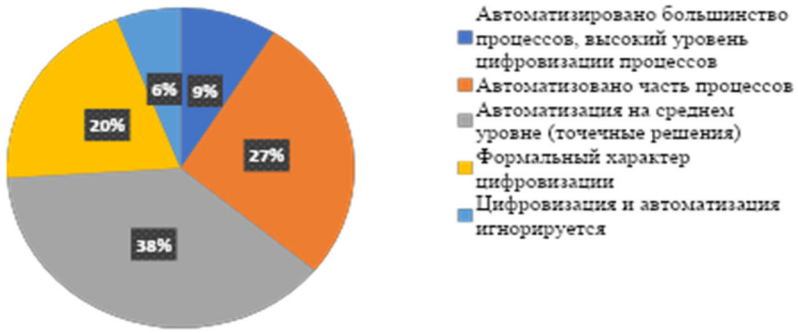

Рисунок 1 – Уровень автоматизации
и цифровизации процессов в организациях

Существует прямая взаимосвязь между цифровой зрелостью персонала и качеством услуг. Цифровая зрелость персонала определяет не только скорость и доступность сервисов, но и уровень доверия граждан, прозрачность процедур и устойчивость сервисов к институциональным и технологическим сбоям. Практика показывает, что даже при наличии развитых цифровых платформ качество услуг снижается в условиях кадровых дефицитов, сопротивления изменениям и недостатка цифровых компетенций у исполнителей [2,3].

Стандарты качества (ISO 9001, ISO 56002, CAF, EFQM) в цифровой среде требуют не только формального внедрения, но и адаптации к новым форматам работы, цифровым каналам взаимодействия и данным как управленческому ресурсу. Персонал с высоким уровнем цифровой зрелости обеспечивает трансляцию требований стандартов в практику, снижает транзакционные издержки и повышает воспроизводимость качества услуг в условиях нестабильной внешней среды.

При отсутствии системного развития цифровых компетенций цифровизация может приводить к росту формализации, усложнению процедур и снижению клиентоориентированности. В этом контексте цифровая зрелость персонала выступает фактором институциональной устойчивости, позволяющим превратить цифровые технологии из источника риска в инструмент повышения качества и эффективности услуг.

Устойчивое качество услуг в цифровой экономике формируется на стыке человеческого капитала, организационного потенциала и цифровых технологий. Развитие цифровой зрелости персонала предполагает переход от разрозненных программ повышения квалификации к системным моделям непрерывного обучения, цифрового лидерства и управления знаниями, встроенным в СМК и стратегию развития организации [5].

В условиях цифровой трансформации устойчивое качество услуг не может рассматриваться исключительно как результат внедрения цифровых платформ и автоматизации процессов [4]. Недостаточная цифровая зрелость персонала формирует скрытые риски деградации качества услуг, выражающиеся в имитации аналитических процедур, формализации стандартов качества и снижении клиентоориентированности сервисных процессов. В то же время высокий уровень цифровой зрелости персонала способствует воспроизводимости качества услуг, снижению транзакционных издержек и повышению устойчивости сервисных систем к институциональным и технологическим изменениям.

Полученные выводы позволяют рассматривать цифровую зрелость персонала как самостоятельный аналитический параметр, целесообразный для интеграции в модели оценки качества услуг, цифровой зрелости организаций и организационного потенциала. Это создаёт методологические предпосылки для перехода от оценки отдельных цифровых инициатив к комплексной диагностике способности организаций обеспечивать устойчивое качество услуг в долгосрочной перспективе.

Список источников

1. Аронов, И. З. Ранжирование национальных инфраструктур качества: обзор / И. З. Аронов, А. М. Рыбакова, А. Н. Захарова // Стандарты и качество. – 2024. – № 11. – С. 24-27. – DOI 10.35400/0038-9692-2024-11-9-24. – EDN YCOFXK.

2. Вахруков, Д. С. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года / Д. С. Вахруков // Вестник Российской академии наук. – 2025. – № 2. – С. 3-11. – DOI 10.7868/S3034520025020013. – EDN AHCTXZ.

3. Дружинин, А. Г. Геополитические ориентиры стратегии пространственного развития России / А. Г. Дружинин // Федерализм. – 2024. – Т. 29, № 4(116). – С. 5-22. – DOI 10.21686/2073-1051-2024-4-5-22. – EDN PGMPSR.

4. Инфраструктура качества и продовольственная безопасность: что общего? // Контроль качества продукции. – 2024. – № 11. – С. 9-14. – EDN KCSOTC.

5. Кузнецова, О. В. К новой стратегии пространственного развития России / О. В. Кузнецова, А. Г. Дружинин // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 4(205). – С. 36-45. – DOI 10.47711/0868-6351-205-36-45. – EDN VVXHSP.

6. 55% руководителей называют высокую стоимость главным барьером цифровизации бизнеса [Электронный ресурс] // Retail.ru. – URL: https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/55-rukovoditeley-nazyvayut-vysokuyu-stoimost-glavnym-barerom-tsifrovizatsii-biznesa/ (дата обращения: 03.02.2026).

УДК 005.6

Цифровые платформы и программные решения в управлении качеством

Лозгачёва Софья Антоновна
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, s.lozgacheva@inbox.ru
Сальникова Екатерина Юрьевна
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, eka1211@icloud.com

Аннотация. Статья посвящена цифровой трансформации управления качеством как ключевому условию конкурентоспособности предприятия. В ней рассмотрены основные цифровые платформы (ERP, MES, QMS и др.) и технологии, позволяющие перейти на новый уровень контроля качества. Обозначены барьеры внедрения: высокие затраты, сопротивление персонала, риски кибербезопасности и проблемы интеграции.

В результате проведенного исследования было определено, что цифровая трансформация – не временная тенденция, а стратегический инструмент устойчивого развития.

Ключевые слова: цифровизация, управление качеством, цифровые платформы, инновации, конкурентоспособность.

Актуальность данной проблемы заключается в том, что в современном мире качество продукта является основой конкурентоспособности, но привычные методы контроля уже не справляются с вызовами текущего времени. Внедрение цифровых технологий открывает возможности не только для выявления дефектов, но и для их превентивного устранения. Цифровизация – это трансформация контроля, ведущая к новому уровню качества. Результаты исследования Global Quality Survey 2024 демонстрируют весомый эффект от цифровизации управления качеством: число дефектов сократилось на 47%, а расходы на контроль – на 35%. Подобные показатели говорят о перестройке производственных механизмов, выходящей за рамки узконаправленных улучшений [6].

Цифровые платформы – это информационные системы, связывающие участников рынка. Они открыты для клиентов, партнеров, разработчиков и поставщиков услуг, устраняют посредников, упрощают взаимодействия и позволяют масштабировать бизнес [1]. Платформы бывают разных видов, они обладают определенными особенностями. Например, ERP-система – это программа, которая объединяет и автоматизирует основные процессы работы компании. В ее рамках формируется единое информационное пространство, объединяющее различные производственные операции. MES-система – инструмент для оперативного управления и планирования производственных процессов. Её функционал охватывает координацию, мониторинг, анализ, документирование и совершенствование процесса изготовления продукции. Существуют и другие платформы, как QMS-системы, которые предназначены для документооборота, аудитов, управления несоответствиями, или CRM-системы для учета клиентских претензий и повышение удовлетворенности, а также BPM-системы для оптимизации процессов качества.

Данные платформы создают сложную сеть управления качеством. Наибольший эффект достигается при их объединении, например, ERP, MES и QMS системы в совокупности обеспечивают видимость всех процессов производства. При выборе определенных инструментов нужно опираться на особенности бизнеса и выявлять слабые места текущей системы управления качества, чтобы локально устранять ошибки и повышать общую эффективность.

Цифровизация управления качеством опирается на ряд технологий, каждая из которых решает определенные задачи. Далее разберем подробнее наиболее значимые инструменты.

Интернет вещей обеспечивает наблюдение за производственными параметрами через систему датчиков. В управлении качеством это позволяет непосредственно фиксировать отклонения различных показателей, и предотвращать выпуск брака до его появления. Big Data и аналитика предоставляют возможность обрабатывать массивы данных из ERP, MES, CRM и других систем.

Цифровые двойники – это виртуальные копии физических объектов или процессов. В управлении качеством они используются для сокращения затрат на

испытания и минимизации рисков. Последние два инструмента – блокчейн, который обеспечивает неизменность и прозрачность данных в цепочках поставок и исключает использование незаконных материалов, а также дополненная и виртуальная реальность, которая расширяет возможности обучения и контроля, что экономит ресурсы и ускоряет реагирование на проблемы.

Таким образом, перечисленные технологии формируют технологическую основу современного управления качеством, позволяя перейти к обеспечению контроля на всех этапах жизненного цикла продукта.

Использование цифровых инструментов в управлении качеством обеспечивает организациям значимые экономические и управленческие преимущества. В первую очередь цифровизация позволяет сократить затраты, связанные с выпуском несоответствующей продукции и гарантийным обслуживанием, что положительно отражается на рентабельности и эффективности деятельности предприятий [4].

Цифровые платформы повышают прозрачность и доступность информации, создавая условия для принятия управленческих решений на основе объективных и актуальных данных, а не субъективных оценок. Существенную роль играет и автоматизация процессов контроля качества и сбора данных, которая снижает влияние человеческого фактора и минимизирует вероятность ошибок, особенно критичных в условиях современного производства.

Для организаций, функционирующих в соответствии с требованиями стандарта ISO 9001, подготовка к аудитам и сертификационным проверкам часто связана со значительными временными и трудовыми затратами [5]. Внедрение цифровых QMS-систем упрощает данные процедуры за счёт систематизации информации о проверках, корректирующих действиях и обучении персонала, а также обеспечивает оперативный доступ к необходимым данным, что повышает уровень доверия со стороны клиентов и аудиторов [3].

Вместе с тем цифровая трансформация управления качеством сопровождается рядом ограничений, включая финансовые барьеры, сопротивление персонала изменениям и риски, связанные с информационной безопасностью. Дополнительные сложности возникают при интеграции цифровых решений с устаревшими информационными системами, используемыми на многих предприятиях.

В заключение следует подчеркнуть, что цифровая трансформация в сфере управления качеством представляет собой стратегический инструмент долгосрочного устойчивого развития. Компании, ориентированные на конкурентоспособность, должны рассматривать внедрение цифровых подходов как необходимое условие адаптации к изменяющимся рыночным условиям, поскольку будущее менеджмента напрямую связано с развитием информационных технологий.

Список источников

1. ГОСТ Р ИСО 9001-2015. Системы менеджмента качества. Требования : национальный стандарт Российской Федерации : издание официальное / Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. – Москва : Стандартинформ, 2015. – 24 с.

2. Цифровая трансформация 2024: инвестиции в технологии и кейсы // KT.Team. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kt-team.ru/blog/digital-transformation -2024-tech-investments (дAccessed:30.01.2026).

3. Цифровая трансформация менеджмента качества: исследование Global Quality Survey // Verdantix. [Электронный ресурс]. URL: https://www.verdantix.com/report/global-quality-survey-2024 (Дата обращения: 30.01.2026).

4. Capgemini, Sogeti, OpenText. World Quality Report 2024: New Futures in Focus // Capgemini. [Digital resource]. URL: https://www.capgemini.com/insights/research-library/world-quality-report-2024/ (Accessed: 30.01.2026).

5. ISO 9001:2015. Quality management systems – Requirements. // International Organization for Standardization. [Digital resource]. URL: https://www.iso.org/standard/62081.html (Accessed: 30.01.2026)

6. Polaris Market Research. Global Quality Management Software Market Outlook 2024–2034 // Polaris Market Research. [Digital resource]. URL: https://www.polarismarketresearch.com/industry-analysis/quality-management-software-market (Accessed: 05.03.2025).

УДК 338

Цифровизация риск-менеджмента как фактор повышения качества экономического развития

Матвеев Евгений Владимирович
Соискатель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, matveev.ev@gazprom-shelfproject.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается роль цифровизации риск-менеджмента в обеспечении качества экономического развития в условиях глобальных технологических и институциональных трансформаций. Отражено влияние цифровых технологий на трансформацию процессов идентификации, анализа и мониторинга рисков, а также на изменение логики управленческих решений. В ходе исследования автор обосновывает, что использование аналитики больших данных, автоматизированных систем мониторинга и предиктивных моделей позволяет перейти от реактивного управления рисками к проактивным и превентивным подходам. Вместе с тем подчёркивается, что цифровизация формирует новые виды рисков, включая киберриски, риски данных и алгоритмические риски, что требует развития комплексных механизмов управления.

Ключевые слова: стратегическое управление; институциональные трансформации; управление неопределённостью; цифровая экономика; технологическое развитие.

Качество экономического развития в современных условиях всё в большей степени определяется не только темпами роста и объёмами производства, но и устойчивостью экономических систем к внешним и внутренним шокам. Усиление глобальной неопределённости, ускорение технологических изменений, рост регуляторных и институциональных ограничений формируют новые требования к механизмам управления развитием экономики. В этом контексте особое значение приобретает риск-менеджмент как инструмент поддержания стабильности,

предсказуемости и адаптивности социально-экономических систем. Цифровизация экономики оказывает двойственное влияние на процессы управления рисками. С одной стороны, она порождает новые источники неопределённости, связанные с киберугрозами, зависимостью от цифровой инфраструктуры, качеством данных и алгоритмическими решениями. С другой стороны, цифровые технологии создают принципиально новые возможности для повышения прозрачности, управляемости и качества принятия управленческих решений.

В результате риск-менеджмент перестаёт быть вспомогательной функцией и всё чаще рассматривается как элемент системы обеспечения качества экономического развития. Целью данной статьи является анализ роли цифровизации риск-менеджмента в формировании устойчивых и качественных траекторий экономического развития и обоснование его значения в условиях технологических и институциональных трансформаций. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: проанализировать роль управления рисками с точки зрения качества экономики; выявить роль цифровизаци, как драйвера трансформации риск-менеджмента; изучить проблематику цифрового риск-менеджмента и устойчивости экономических систем.

В современной экономической теории категория качества экономики трактуется как совокупность характеристик, отражающих способность экономической системы обеспечивать устойчивый рост, адаптацию к изменениям и долгосрочное воспроизводство ресурсов. В отличие от количественных показателей, таких как ВВП или объём инвестиций, качество экономики включает институциональные, технологические, управленческие и социальные параметры [5].

Риск-менеджмент выполняет системную функцию, позволяя снижать амплитуду колебаний экономической динамики, повышать предсказуемость результатов хозяйственной деятельности и формировать условия для устойчивого развития. При этом управление рисками выходит за рамки защиты от негативных событий и становится механизмом согласования стратегических целей, ресурсных ограничений и внешних условий функционирования хозяйствующего объекта. В условиях цифровой экономики значение риск-менеджмента лишь усиливается за счёт роста скорости изменений и усложнения взаимосвязей между элементами экономических систем. Соответственно, ошибки в управлении рисками способны не только снижать эффективность отдельных предприятий, но и формировать системные дисбалансы на отраслевом и макроэкономическом уровнях [1].

Цифровые технологии существенно меняют архитектуру процессов управления рисками. Использование аналитики больших данных, машинного обучения, цифровых платформ и автоматизированных систем мониторинга позволяет перейти от фрагментарной оценки рисков к их комплексному и динамическому анализу. Это создаёт предпосылки для формирования превентивных механизмов управления и раннего выявления угроз [8]. Одним из ключевых эффектов цифровизации является повышение прозрачности экономических процессов. Цифровые следы, формируемые в производственных, финансовых и логистических системах, позволяют более точно оценивать вероятности наступления рисковых событий и их потенциальные последствия. В результате риск-менеджмент становится более обоснованным и интегрированным в систему стратегического управления [2].

В то же время цифровизация усиливает зависимость экономических систем от качества данных и корректности работы алгоритмов. Ошибки в моделях, искажения информации или сбои в цифровой инфраструктуре способны перерасти в системные риски. Это требует развития новых подходов к управлению цифровыми рисками, включая вопросы кибербезопасности, управления данными и контроля автоматизированных решений [4, 7].

Цифровизация риск-менеджмента способствует повышению устойчивости экономических систем за счёт расширения адаптивных возможностей предприятий и отраслей. Проактивный характер управления рисками позволяет предприятиям оперативнее реагировать на изменения внешней среды, корректировать стратегии и перераспределять ресурсы [3]. С точки зрения качества экономики это означает снижение вероятности резких кризисных сценариев и формирование более плавных траекторий развития. Цифровые инструменты риск-менеджмента позволяют учитывать не только финансовые, но и технологические, институциональные и репутационные риски, что особенно важно в условиях санкционных ограничений и структурных преобразований [6]. Таким образом, цифровой риск-менеджмент становится элементом инфраструктуры качества экономики, обеспечивая согласование технологического развития с требованиями устойчивости и безопасности.

Данное исследование показало, что цифровизация риск-менеджмента играет ключевую роль в формировании качественных траекторий экономического развития. В условиях глобальных трансформаций управление рисками выходит за рамки защитной функции и становится инструментом стратегического обеспечения устойчивости и адаптивности экономических систем.

Цифровые технологии расширяют возможности идентификации и анализа рисков, однако одновременно формируют новые вызовы, связанные с надёжностью данных и алгоритмов. Это требует комплексного подхода к развитию систем риск-менеджмента, ориентированного не только на минимизацию потерь, но и на повышение качества управленческих решений. В конечном итоге, интеграция цифрового риск-менеджмента в систему экономического управления способствует формированию более устойчивой, предсказуемой и качественной экономики, соответствующей требованиям эпохи технологических и институциональных изменений.

Список источников

1. Абдикеев Н. М., Кожевина О. В. Оценка готовности российских промышленных предприятий к цифровой интеграции в новых экономических условиях // Мир новой экономики. – 2022. – Т. 16, № 4. – С. 45–53. – DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-4-45-53.

2. Буевич А. П., Иванова А. О., Фомин М. Г. Особенности цифровой трансформации российских предприятий // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, № 5. – С. 3081–3094. – DOI: 10.18334/epp.15.5.123006.

3. Ершова Т. В., Хохлов Ю. Е. Цифровая экономика: от теоретических концепций к российской практике // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2025. – № 2(67). – С. 234–243. – DOI: 10.31737/22212264_2025_2_234-243.

4. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / М. Портер. – М. : Альпина Паблишер, 2020. – 608 с.
5. Маркин М. И. Цифровая трансформация промышленных предприятий: экономический аспект // Теоретическая экономика. – 2025. – № 9(129). – С. 80–93. – DOI: 10.52957/2221-3260-2025-9-80-93.
6. Götz M., Jankowska B. Adoption of Industry 4.0 Technologies and Company Competitiveness: Case Studies from a Post-Transition Economy // Foresight and STI Governance. – 2020. – Vol. 14, No. 4. – P. 61–78. – DOI: 10.17323/2500-2597.2020.4.61.78.
7. OECD. Digital Security Risk Management for Economic and Social Prosperity. – Paris : OECD Publishing, 2015. – DOI: 10.1787/9789264245471-en.
8. World Economic Forum. Global Risks Report 2024. – Geneva : WEF, 2024.

УДК 339.9

Российско-китайский бизнес-диалог как вектор совместного развития: аспекты стандартизации и управления качеством

Матвеева Полина Евгеньевна
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет polina300801@gmail.com
Виноградов Леонид Викторович
Доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
SPIN-код: 1874-3072, leonvinogradow@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматривается российско-китайский бизнес-диалог в условиях трансформации современных международных экономических отношений. Цель исследования заключается в выявлении роли делового взаимодействия как практического механизма реализации стратегического партнерства России и Китая. Научная новизна работы состоит в комплексном анализе бизнес-диалога как фактора совместного развития с учетом роли стандартизации и управления качеством. Делается вывод о его значимости для формирования устойчивой модели двустороннего экономического сотрудничества.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, бизнес-диалог, экономическое сотрудничество, стратегическое партнерство, управление качеством, стандартизация.

Современная система международных экономических отношений характеризуется ростом неопределенности, изменением глобальных цепочек создания стоимости и усилением роли региональных центров развития. В этих условиях особое значение приобретает двустороннее сотрудничество государств, ориентированных на долгосрочное стратегическое взаимодействие и повышение устойчивости экономических связей. Российская Федерация и Китайская Народная Республика на протяжении последних десятилетий последовательно развивают

отношения всеобъемлющего партнерства, в рамках которых экономическое и деловое взаимодействие занимает центральное место.

Российско-китайский бизнес-диалог представляет собой совокупность формальных и неформальных каналов коммуникации между предпринимательскими сообществами двух стран [1,3]. Он обеспечивает практическую реализацию межгосударственных договоренностей, способствует адаптации экономических связей к изменяющимся внешним условиям и формированию единых подходов к организации делового взаимодействия. В данном контексте возрастает значение механизмов стандартизации и управления качеством, позволяющих снизить институциональные барьеры и повысить эффективность совместной экономической деятельности.

Формирование российско-китайского бизнес-диалога основано на устойчивых торгово-экономических связей и стратегического политического взаимодействия двух государств. Он представляет собой многоуровневую систему взаимодействия деловых структур, в рамках которой сочетаются рыночные механизмы, институциональные формы координации и управленческие подходы, направленные на обеспечение устойчивости и эффективности совместной деятельности. Ключевыми направлениями бизнес-диалога традиционно являются торговля товарами, инвестиционное сотрудничество, а также взаимодействие в сфере инфраструктурных и промышленных проектов.

В торговой сфере сотрудничество характеризуется взаимодополняемостью экономик России и Китая. Россия выступает важным поставщиком энергоресурсов и сырья, в то время как Китай обладает значительным промышленным и технологическим потенциалом. Вместе с тем в последние годы наблюдается постепенное расширение номенклатуры взаимной торговли за счет продукции с более высокой добавленной стоимостью, что повышает требования к качеству товаров и согласованию стандартов в процессе их обращения на рынках двух стран [2].

Инвестиционное взаимодействие является еще одним значимым элементом российско-китайского бизнес-диалога. Совместные проекты реализуются в энергетике, транспорте, логистике и перерабатывающей промышленности и требуют координации управленческих решений на всех этапах их реализации. В данном контексте особую роль приобретают системы управления качеством, позволяющие обеспечить стабильность производственных процессов и снизить риски в рамках долгосрочного партнерства [4]. Для китайских компаний российский рынок представляет интерес с точки зрения ресурсной базы и географического положения, тогда как российский бизнес рассматривает Китай как емкий рынок сбыта и источник производственной кооперации.

Эффективность российско-китайского бизнес-диалога во многом определяется наличием институциональных механизмов, обеспечивающих координацию и поддержку предпринимательской активности. Усиление санкционных ограничений в отношении России со стороны ряда стран объективно стимулировало поиск альтернативных направлений экономического взаимодействия, что способствовало активизации сотрудничества с Китаем. В то же время Китай заинтересован в стабильных экономических партнерах и диверсификации внешнеэкономических связей, что усиливает роль институционально оформленного бизнес-диалога.

Наряду с позитивными тенденциями сохраняются и сдерживающие факторы. К ним относятся различия в национальных правовых системах, особенности деловой культуры, а также ограниченная информированность малого и среднего бизнеса о возможностях выхода на рынки друг друга. Решение данных проблем требует дальнейшего развития институциональной среды, повышения прозрачности требований к качеству и совершенствования механизмов деловой коммуникации.

Перспективы российско-китайского бизнес-диалога связаны с переходом от преимущественно торговой модели взаимодействия к более глубокой производственной и технологической кооперации. Особое значение в этом контексте имеет сопряжение национальных и региональных инициатив, направленных на развитие транспортно-логистической инфраструктуры и промышленного сотрудничества. Реализация совместных проектов в данных сферах требует согласованных управленческих решений и формирования единых подходов к обеспечению качества на всех этапах хозяйственной деятельности.

Важным направлением дальнейшего развития бизнес-диалога является расширение участия малого и среднего предпринимательства в российско-китайском сотрудничестве. Формирование благоприятной институциональной среды, упрощение процедур делового взаимодействия и развитие информационной поддержки способны способствовать более активному вовлечению компаний данного сектора в совместные проекты. При этом внедрение базовых инструментов управления качеством позволяет повысить устойчивость малого и среднего бизнеса и снизить риски при выходе на внешние рынки.

В долгосрочной перспективе значимую роль будет играть углубление взаимодействия в сферах цифровой экономики, инноваций и научно-технического обмена. Совместная деятельность в указанных направлениях создает условия для диверсификации форм взаимодействия и снижения зависимости от традиционных отраслей. Российско-китайский бизнес-диалог является важным механизмом реализации стратегического партнерства и способствует углублению торгово-экономических связей, расширению инвестиционного взаимодействия и развитию долгосрочной кооперации. Он выполняет не только экономическую, но и институциональную функцию, обеспечивая согласование интересов и координацию совместных действий.

Несмотря на существующие ограничения, потенциал двустороннего бизнес-сотрудничества остается высоким и во многом зависит от адаптации сторон к изменениям мировой экономики и развития механизмов стандартизации и управления качеством. В условиях усложнения международной среды управление качеством становится ключевым фактором укрепления доверия и повышения эффективности российско-китайского взаимодействия, формируя основу для устойчивого совместного экономического развития.

Список источников

1. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru (Дата обращения: 27.01.2026).

2. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации // Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru (Дата обращения: 27.01.2026).

3. Официальный сайт Российско-Китайского делового совета // Российско-Китайский деловой совет. [Электронный ресурс]. URL: https://rcbc.ru (Дата обращения: 27.01.2026).

4. Официальный сайт Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) // Росстандарт. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gost.ru (Дата обращения: 27.01.2026).

УДК 331.103.226

Концепция повышения качества организации труда профилактического приема в сфере здравоохранения

Уткина Анна Сергеевна
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, uanna7326@gmail.com

Аннотация. Ускорение процедур в условиях цифровизации упрощает получение услуг на виртуальных сервисах, но не в полной мере оптимизирует процессы работы с людьми. В сфере здравоохранения это проявляется в задержках в проведении профилактических медицинских приемов граждан по предварительной записи даже с внедрением автоматизации электронного документооборота посредством ЕГИСЗ. В будущем число граждан, нуждающихся в профилактическом медицинском осмотре, увеличится вместе с временем ожидания приема в виртуальной очереди. Для увеличения пропускной способности поликлиники автором статьи предлагается концепция организации труда в рабочей группе при нехватке персонала высокой квалификации.

Ключевые слова: цифровизация, здравоохранение, профилактический прием, виртуальная очередь.

Цифровизация в России ускорила процессы в разных сферах деятельности. Вместе с тем она принесла новые риски, среди которых всё более распространенный вопрос сохранение в тайне персональных данных от лиц без права доступа к ним. Отрасль здравоохранения не является исключением. Сервисы для пациентов (например, ГосУслуги, Max, Здоровье петербуржца) и медицинских работников (например, ЕГИСЗ) связаны и построены на факте, что медицинская карта не принадлежит гражданину, но содержит его персональные данные, отчасти формирующие его цифровой профиль. Подобная коллизия уже вызывает вопросы при прецедентах нарушения прав граждан в случаях халатности, утечек и утери данных, а также в отдельных случаях кражи и использования персональных данных медицинскими работниками в личных целях или для выполнения планов медицинской организацией [1].

Цифровизация в здравоохранении позволила быстрее записываться к врачу и создать дистанционную очередь, однако не отменила время ожидания в день приема. По результатам проведенного опроса более 90% респондентов сталкивались с несоответствием времени записи с фактическим временем приема или длительным ожиданием в очереди с разной частотой (рис. 1) [5].

Рисунок 1 – Результат опроса респондентов

Подобные задержки могут возникать по причинам зависания внутренней системы поликлиники при запросе к электронным медицинским картам, сложностей работы с ПК, что подтверждают наблюдения опрошенных, среди которых 70% с разной частотой сталкивались с упомянутыми причинами [5]. Методом наблюдения были выявлены и другие причины формирования очередей (рис. 2).

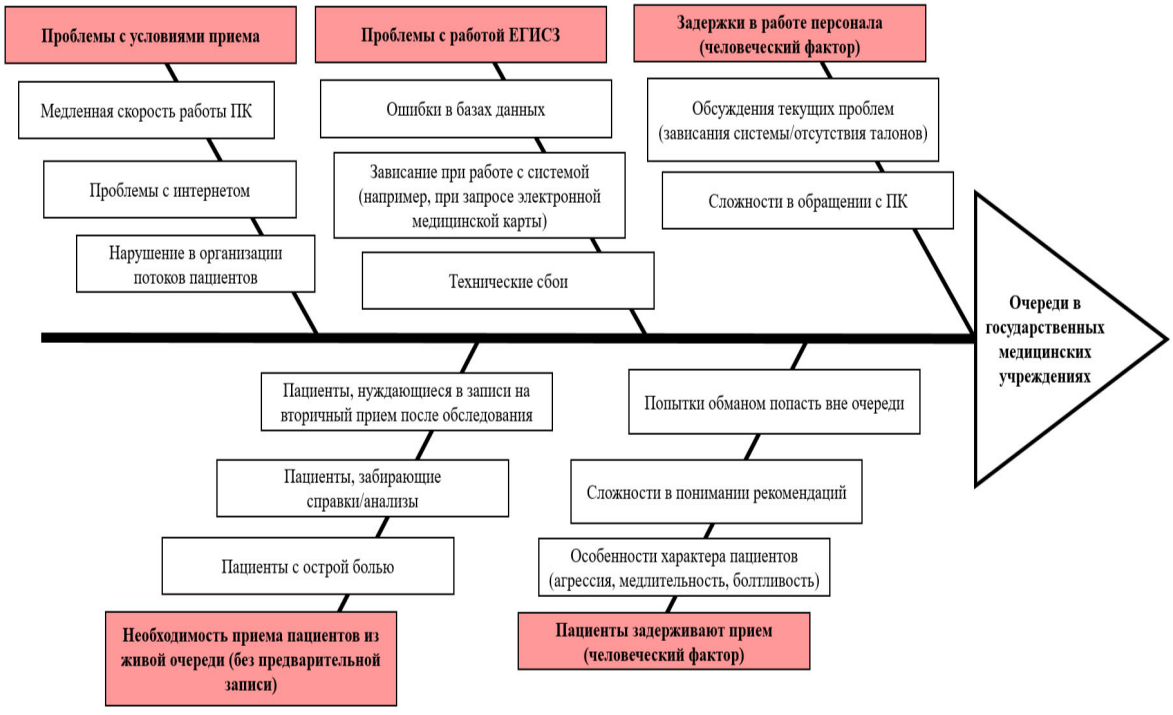

Рисунок 2 – Диаграмма Исикавы

Ожидание в виртуальной очереди с момента записи на прием для получения профилактической медицинской помощи разниться от недели до месяца. В перспективе 20-30 лет, когда жителей старшего трудоспособного возраста и пенсионеров как граждан, в большей степени нуждающихся в медицинской помощи, значительно вырастет [4], виртуальные очереди в поликлиники также будут расти. Эта тенденция будет вытеснять молодое и трудоспособное население в предоставлении профилактической медицинской помощи из-за более высокой занятости (учеба, работа, уход за детьми и др.), так как у занятого населения меньше времени на мониторинг и поиск талонов на прием к врачу. Таким образом, уже существует потребность в повышении эффективности системы оказания услуг профилактической медицинской помощи.

По рекомендациям Минздрава на посещение врача одним пациентом отводиться от 15 до 20 минут в зависимости от цели приема и специальности [3]. По результатам проведенного опроса по наблюдениям респондентов заполнение данных занимает 5-10 минут (42%), 10-15 минут (28%), менее 5 минут (18%), более 15 минут (12%) [5]. Помимо ввода данных врачу для постановки диагноза требуется собрать анамнез, ознакомиться с ИЭМК [2], осмотреть пациента при необходимости, а также направить пациента на дополнительные обследования или на консультацию другого специалиста. Следовательно, работа с компьютером занимает наибольшую часть времени от общего времени приема.

Исходя из вышеупомянутых выводов, можно сформулировать ряд предложений по повышению качества организации труда профилактического приема. Важно отметить, в необходимости изучения причин, упомянутых в диаграмме Исикавы, в отдельности и в системе, потому что совместно они могут формировать часовые задержки в организации медицинского профилактического приема в дневные и вечерние часы работы поликлиники. По мнению автора статьи, ключевыми составляющими в организации труда профилактического приема являются: современность оборудования (ПК), стабильный интернет или процедуры офлайн-работы с ИЭМК в условиях перебоев связи и Интернета, эффективное управление потоками пациентов, работа с персоналом для оптимизации этих потоков (обучения, предложения), а также комфортная организация инфраструктуры.

В отдельности, можно отметить метод параллельного приема пациентов. Он часто встречается в условиях оказания стоматологических медицинских процедур, при организации процедур записи на вторичный прием или выдачи справок у лечащего врача в момент проведения приемов по предварительной записи, в условиях нехватки кабинетов, когда врачи вынуждены принимать пациентов в одном кабинете и другим причинам. При профилактическом приеме в поликлинике правомерность метода зависит от его организации.

По методическим рекомендациям Минздрава минимизация пересечений потоков пациентов – ключевая задача для повышения доступности медицинской помощи [6]. Помимо этого, можно попытаться ускорить процесс работы с данными в поликлиниках посредством автоматизации, когда пациент может через электронный помощник или QR-код самостоятельно отметить присутствие, заполнить свои данные и сделать запрос для направления лечащему врачу меди-

цинской карты, чтобы сократить время приема и увеличить пропускную способность поликлиники. Внедрение автоматизации невозможно без обеспечения бесперебойной работы внутренних систем управления данными и ситуационного анализа рисков при внештатных ситуациях и разработки процедур работы с пожилыми людьми.

Список источников

1. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (Дата обращения: 26.01.2026).

2. ИЭМК – Федеральная интегрированная электронная медицинская карта // Портал оперативного взаимодействия участников ЕГИСЗ. [Электронный ресурс]. URL: https://portal.egisz.rosminzdrav.ru/services/iemk (Дата обращения: 26.01.2026).

3. Приказ Минздрава РФ от 02.06.2015 N 290Н от 2 июня 2015 г. //. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (Дата обращения: 26.01.2026).

4. Обзор: Россия к 2030: каждый четвертый – пожилой // Аналитический навигатор ASECTOR. [Электронный ресурс]. URL: https://asector.ru/news/2025_09-rossiya_k_2030_kazhdyy_chetvertyy_pozhiloy (Дата обращения: 26.01.2026).

5. Результаты опроса о состоянии цифровизации в государственных медицинских учреждениях. [Электронный ресурс]. URL: https://forms.gle/9uK3svC6q4ckL8zN9 (Дата обращения: 26.01.2026).

6. "Новая модель медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь. Методические рекомендации" (утв. Минздравом России) [Электронный ресурс]. URL: https://tfoms52.ru/docs/2019/BP/MR_New%20model%20poliklinika.pdf (Дата обращения: 26.01.2026).

УДК 32:329

Место политической партии в жизни общества

Атюганова Екатерина Викторовна
магистрант, Северо-Кавказский федеральный университет,
katya_atyuganova@mail.ru
Бабина Елена Николаевна
профессор, Северо-Кавказский федеральный университет,
SPIN-код:8857-1151, babinaen@yandex.ru

Аннотация. Место политической партии в жизни общества определяется тем, что через данный политический институт происходит реализация гражданского права участия в выборах в государственные органы власти и другие значимые общественные интересы.

Ключевые слова: политическая партия, общественное объединение, политика государства, борьба за власть, многопартийность.

Государство является главным правовым институтом, но помимо него существуют ещё институты политической системы. Одно из ключевых мест выделяется политическим партиям и общественным объединениям, что связано с их активной ролью в политике государства. С каждым годом общество все больше уходит от абсентеизма, а политические партии остаются одной из главных составляющих демократии.

Политические партии несут в себе важную социальную роль, представляя интересы разных групп. К основным функциям политических партий можно отнести:

− борьба за власть. Основной целью любой политической партии является получение и удержание власти путём участия в выборах. При условии победы в ходе выборов, партия имеет право в формировании органов власти. Оппозиционные партии, в свою очередь, несут такую же немаловажную роль, осуществляя контроль над правящей партией, создавая прозрачность в управлении;

− выражение интересов. Как было упомянуто, партии выражают интересы разных социальных групп, избранные депутаты продвигают эти интересы в ходе принятия законов в соответствии с партийной программой. Партия может воздействовать на принятие важных государственных решений (лоббирование интересов) и участвовать в общественных дискуссиях, осуществляя свою агитацию и пропаганду;

− формирование политической социализации. Партии в ходе своей деятельности несут важную просветительскую функцию в отношении формирования взглядов у граждан. Они формируют определённое отношение общества к

различным проблемам, важной социальной группой всегда является молодёжь, на неё оказывается особое воздействие, так как она представляет собой новые или будущие политические кадры, сторонников партии [2, с.639-642].

Из перечисленных функций можно дать определение политической партии. Политическая партия – общественное объединение единомышленников, выражающих интересы определённых социальных групп, стремясь при этом осуществлять власть или воздействовать на неё.

Основным интересом общества, которое выражают политические партии, является возможность участия во всех этапах выборов государственного законодательных органов.

Со стороны государства политическим партиям дан достаточный спектр прав, с помощью которых они осуществляют свою деятельность. К таким можно отнести широкий доступ к СМИ с целью пропаганды и агитации своих взглядов, поиск новых единомышленников и укрепление взглядов старых. Партии, которые представлены в парламенте, имеют право воздействовать на решение государственных органов, если они не перекликаются с партийными взглядами [3].

Законодательство прописывает обязанности партиям, основными из них являются – прозрачность финансов для государства и соответствие деятельности общественного объединения конституционному порядку.

Черты политических партий указаны на рисунке 1.

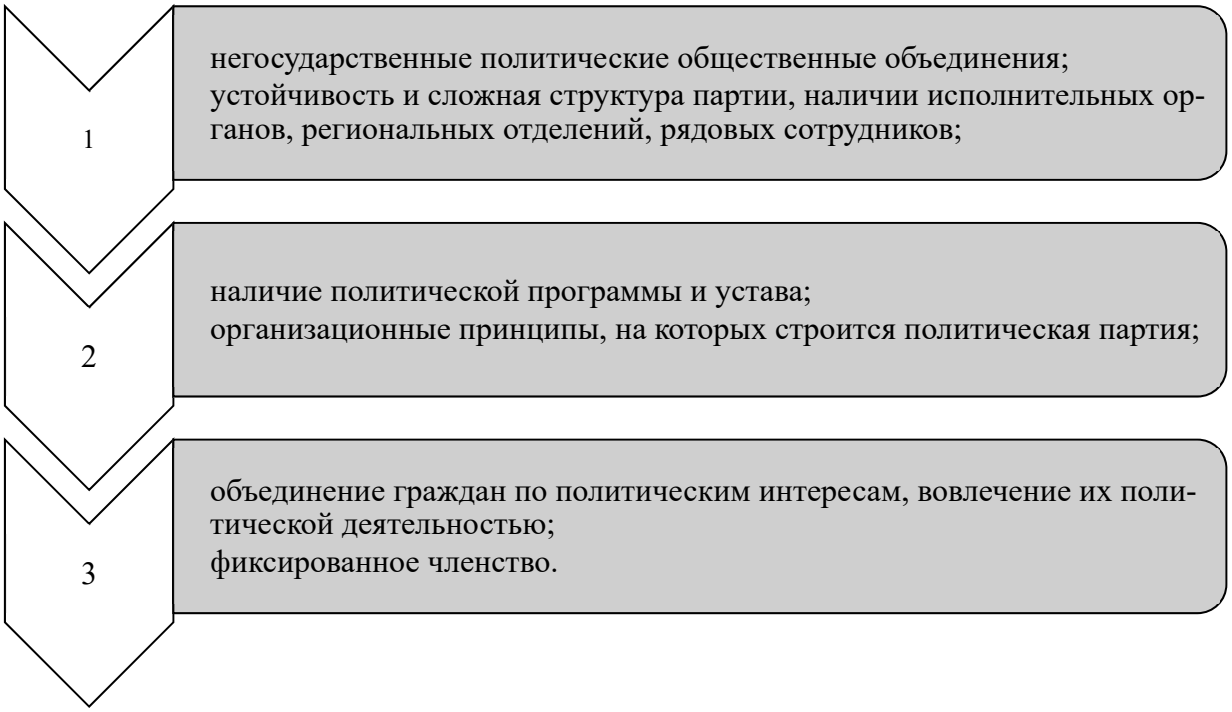

Рисунок 1 – Черты политических партий

Политические партии отличаются от остальных общественных объединений тем, что первые имеют право выдвигать кандидатов в государственные ор-

ганы власти. В Конституции РФ прописана возможность политической многопартийности, что допускает существование оппозиции, но главным условием существования партии является ее легальность [1].

Несмотря на борьбу за власть, как одну из основных функций политической партии, государство запрещает партийную деятельность, где эта борьба выражается насильственным способом. К ещё одному виду запретов для политических партий является присвоение ими функций государственной власти, они не должны сливаться с государством, так как это ведёт к тоталитарному режиму.

Список источников

1. Выборная, Д. Г. Теоретические основы процесса политической социализации молодежи со стороны политических организации / Д. Г. Выборная. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 21 (520). – С. 639-642. – URL: https://moluch.ru/archive/520/114321. – EDNUMPIJU.

2. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет– портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 2.02.2025).

3. Место современных политических партий в политической системе общества [Электронный ресурс] // Zaochnik : [сайт]. – URL: https://pro.zaochnik-com.com/spravochnik/pravo/teorija-gosudarstva-i-prava/mesto-politicheskih-partij-v-sisteme-obschestva/ (дата обращения: 29.11.2026).

УДК 332.1

Роль университетов в развитии инновационного потенциала регионов

Григорьева Елизавета Сергеевна
аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, SPIN-код: 6371-6614, eliz-grigorieva1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли университетов в развитии инновационного потенциала регионов России. Представленное исследование рассматривает существующие подходы к определению понятия «инновационный потенциал региона».

Ключевые слова: инновационный потенциал, университет, инновационное развитие, инновации.

В настоящее время университеты выступают важнейшим драйвером эффективного социально-экономического развития регионов России. Они развиваются как научно-образовательные центры, способствуют повышению интеллектуального капитала территории, а также формированию инновационного потенциала региона.

Инновационный потенциал – это ключевая характеристика эффективного функционирования региона, он базируется на:

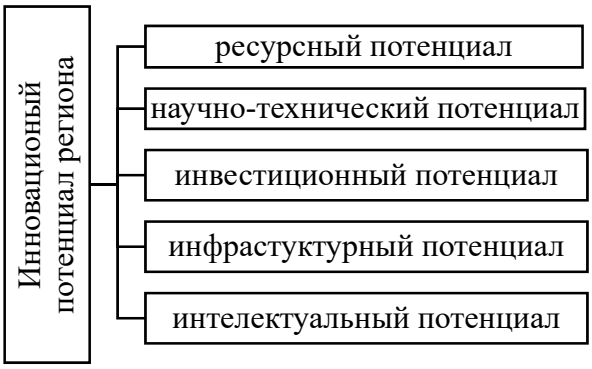

Рисунок 1 – Структура инновационного потенциала региона [4 с. 404-407]

Рассматривая структуру инновационного потенциала региона, следует отметить, что он может быть представлен как взаимосвязь основополагающих элементов, таких как: ресурсы, результативность, внутренняя среда [1].

Роль университета в инновационном развитии регионов России. На сегодняшний день, университеты, помимо осуществление главной образовательной функции, получили целый спектр дополнительных функций, таких как [3 с. 480-486]:

– осуществление передачи научного знания, трансфер знаний и технологий;

– создание новых форм предпринимательской деятельности;

– создание и обеспечение поддержки инновационных предприятий на базе университетов;

– поддержание социального равновесия с помощью создания партнерских отношений между предпринимательством и университетами в регионах России.

Представленные функции позволяют университетам выступать связующим звеном между наукой, образованием и промышленным комплексом, что в свою очередь влияет на благополучное развитие региона.

Рассмотрим эффективность интеграции университетов в региональную инновационную систему [2, с. 78-79]:

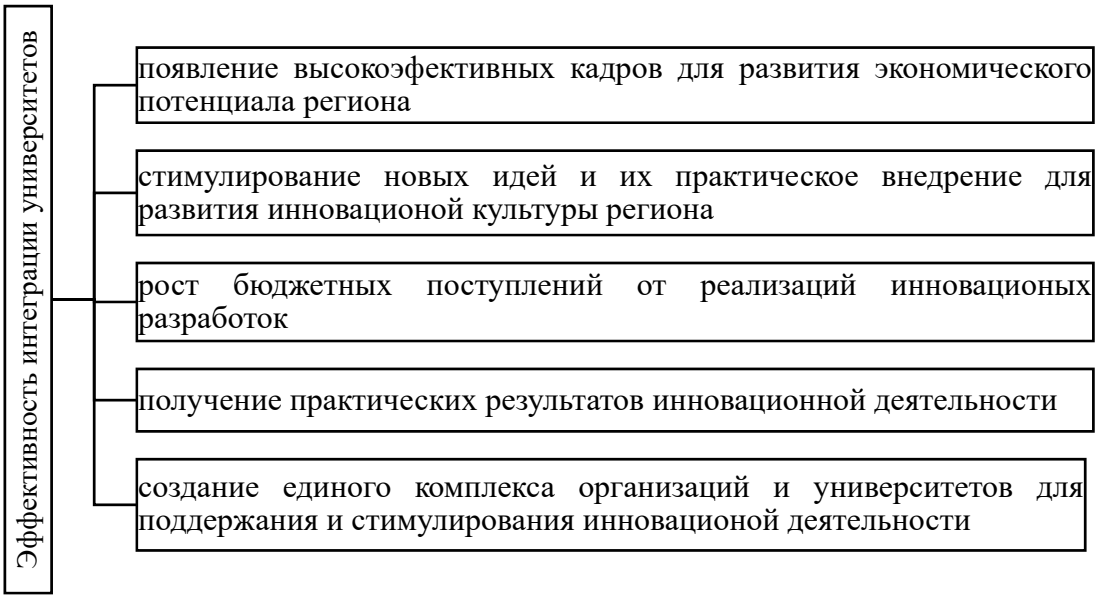

Рисунок 2 – Эффективность интеграции университетов
в региональную инновационную систему [2, с. 78-79]

Университеты занимают центральное место в структуре инновационного потенциала региона, выступают основными источниками научного знания, кадровой базы и предпринимательства. Однако эффективная реализация потенциала университетов требует активного взаимодействия с государственными структурами и частным сектором.

Список источников

1. Иноземцева, А. А. Влияние университетов на повышение уровня инновационного потенциала региона / А. А. Иноземцева // Экономика. Информатика. – 2021. – Т. 48, № 4. – С. 641-649. – DOI 10.52575/2687-0932-2021-48-4-641-649. – EDN JDLOEC.

2. Машьянова, Е. Е. Интеграция вузов в инновационную систему регионов / Е.Е. Машьянова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 76-83. – EDN MPKNNQ.

3. Перфильева, О. В. Университеты и региональное развитие: теоретический анализ и методология исследования / О. В. Перфильева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2014. – Т. 14, № 3. – С. 479-487. – EDN TEUBOV.

4. Щепакин, К. М. Структура инновационного потенциала регионов и методы его оценки / К. М. Щепакин, Е. С. Щербакова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2012. – № 1-1. – С. 402-414. – EDN RZDPRH.

УДК 338.24

Оценка эффективности установления обязательных требований к предпринимательской деятельности через механизм оценки регулирующего воздействия Челябинской области и оценки применения обязательных требований

Джураева Диана Георгиевна
магистрант, Южно-Уральский государственный университет,
diana.rap.@mailru

Аннотация. В статье исследуются механизмы оценки эффективности установления обязательных требований к предпринимательской деятельности в Челябинской области. Анализируются процедуры оценки регулирующего воздействия и оценки применения обязательных требований как инструменты повышения качества государственного регулирования и снижения административных барьеров для бизнеса.

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия, обязательные требования, предпринимательская деятельность, государственное регулирование, административные барьеры, деловой климат

Современная система государственного управления предпринимательской деятельностью характеризуется необходимостью поиска оптимального баланса

между обеспечением публичных интересов и минимизацией административного бремени для субъектов экономической деятельности. В этих условиях особую актуальность приобретают инструменты оценки эффективности регулирующих мер, позволяющие обеспечить научно обоснованный подход к формированию нормативно-правовой базы.

Институт оценки регулирующего воздействия представляет собой центральный элемент системы эффективного регулирования в развитых странах, основанный на комплексном анализе проблем и целей государственного регулирования [1].

Разрешительный метод регулирования предпринимательской деятельности, будучи одним из основных инструментов государственного воздействия на экономику, требует постоянной оценки своей эффективности и соответствия современным требованиям делового оборота [2], что обуславливает необходимость развития комплексных механизмов анализа регулирующих мер.

В Челябинской области процедура оценки регулирующего воздействия осуществляется в отношении проектов нормативных правовых актов, которые устанавливают новые или изменяют существующие обязанности для субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности [4]. Ключевыми целями данной процедуры являются расчет выгод и издержек для бизнеса и бюджета, оценка воздействия регулирования на деловой климат и инвестиционную привлекательность региона, а также выбор наиболее эффективного варианта решения выявленных проблем.

По данным за 2024 год, процедура инициировалась в отношении проектов нормативных правовых актов по различным направлениям экономической деятельности, включая сельское хозяйство, промышленность, торговлю и строительство, что демонстрирует комплексный характер применения данного инструмента.

Параллельно с процедурой оценки регулирующего воздействия в Челябинской области функционирует механизм оценки применения обязательных требований, направленный на анализ эффективности действующих нормативных актов [3]. Механизм включает оценку достижения целей введения обязательных требований, анализ их эффективности и выявление избыточных требований.

Правовой основой функционирования данного механизма служит Постановление Правительства Челябинской области от 02.09.2024 № 506-П, которое регулирует порядок установления и оценки применения обязательных требований, связанных с предпринимательской деятельностью. Документ охватывает широкий спектр требований, влияющих на государственный контроль, лицензирование, аккредитацию и другие аспекты регулирования предпринимательской деятельности.

Процедура оценки предполагает проведение анализа по истечении 5,5 лет с начала действия нормативного акта, что позволяет накопить достаточную практику применения требований и объективно оценить их эффективность. Результаты оформляются в виде доклада, который рассматривается специальной комиссией и может служить основанием для корректировки регулятивных подходов.

Систематизация обязательных требований является важным направлением совершенствования регулирования предпринимательской деятельности [6]. В Челябинской области для этих целей создается реестр обязательных требований, который содержит информацию о перечне требований, актах, в которых они установлены, сроке действия и уполномоченном органе [5].

Показатель «Оценка регулирующего воздействия» включен в Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации, что подчеркивает его значимость для оценки качества регулирования на региональном уровне. Челябинская область стабильно находится на среднем уровне по данному показателю, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования процедур.

К основным вызовам относятся необходимость дальнейшего совершенствования взаимодействия между органами власти и представителями бизнес-сообщества, повышение качества подготовки аналитических документов и развитие методической базы проведения оценочных процедур.

Для решения указанных проблем в Челябинской области создана рабочая группа по совершенствованию процедур оценки регулирующего воздействия, деятельность которой направлена на выработку предложений по оптимизации существующих механизмов и внедрению новых инструментов анализа эффективности регулирования.

Перспективным направлением развития является расширение применения цифровых технологий в процедурах оценки, что может существенно повысить их эффективность и снизить временные затраты на проведение анализа. Также важным является развитие методологии оценки долгосрочных эффектов регулирующих мер и их влияния на конкурентоспособность региональной экономики.

Таким образом, механизмы оценки регулирующего воздействия и анализа применения обязательных требований в Челябинской области представляют собой важные инструменты обеспечения качества государственного регулирования предпринимательской деятельности.

Список источников

1. Зелепукин, Р. В. Оценка регулирующего воздействия: проблемы правового регулирования и привлечения предпринимательского сообщества к проводимым процедурам / Р. В. Зелепукин, А. В. Липунцова // Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – Т. 5, № 19. – С. 388-399. – EDNFIOHVA.

2. Зырянов, С. М. Разрешительный метод регулирования предпринимательской деятельности / С. М. Зырянов, Д. Варгова // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 11. – С. 74-90. – EDNKRLXTB.

3. Оценка применения обязательных требований, установленных в рамках государственного контроля (надзора) // Министерство промышленности новых технологий и природных ресурсов Челябинской области. URL: https://minprom.gov74.ru/minprom/overview/otsenkareg/.htm (Дата обращения: 14.12.2025).

4. Оценка регулирующего воздействия // Законодательное Собрание Челябинской области. URL: https://xn--74-slc4b.xn--p1ai/ocenka-reguliruyuschego-vozdeystviya (Дата обращения: 14.12.2025).

5. Реестр обязательных требований // Администрация города Челябинска. URL: https://cheladmin.gov74.ru/cheladmin/overview/Podvedy/uoka/trebovaniya.htm (Дата обращения: 14.12.2025).

6. Сурин, И. М. Систематизация обязательных требований: современное состояние и пути совершенствования / И. М. Сурин // Административное право и процесс. – 2024. – № 5. – С. 64-66. – EDNIWCYUC.

УДК 332.145

Перспективы развития экономического потенциала Ставропольского края

Задорожная Тамара Алексеевна
студент, филиал Российского технологического университета в г. Ставрополе,
SPIN-код: 3096-8261, zta110803@yandex.ru
Медведева Вера Николаевна
доцент, филиал Российского технологического университета в г. Ставрополе,
SPIN-код: 5352-8885, ilein2009@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе макроэкономических показателей дана комплексная оценка экономического потенциала региона и сформулированы практические рекомендации по его наращиванию. Основное внимание уделяется оценке ключевых аспектов, формирующих конкурентные преимущества и возможности для устойчивого роста.

Ключевые слова: потенциал региона, перспективы развития, Ставропольский край, отраслевая специализация, экономика.

В современной экономической науке потенциал региона рассматривается как сложная система взаимосвязанных элементов. Эффективность его реализации определяет конкурентоспособность территории и качество жизни населения. Ставропольский край, обладающий значительным природным, демографическим и производственным капиталом, представляет собой объект для исследования взаимосвязи между структурой экономического потенциала и темпами регионального развития.

Ставропольский край представляет собой один из наиболее социально-экономически развитых субъектов Российской Федерации в составе Северо-Кавказского федерального округа. Его экономика показывает положительную динамику: рост объема валового регионального продукта (ВРП) за 2025 год по предварительным оценкам составил 4,3%, достигнув 1,7 триллиона рублей, что превысило среднероссийские показатели. Демографическая ситуация остаётся стабильной при населении около 2,88 млн человек, доля трудоспособного возраста достигает 56%. Уровень безработицы низкий и составляет примерно 3,5% (с применением критериев МОТ) по данным Федеральной службы государственной статистики [4].

Основу экономики Ставропольского края составляет аграрно-промышленный комплекс. Доля сельского хозяйства в валовом региональном продукте устойчиво держится на уровне 13%. Показательным результатом этой специализации стал рекордный урожай зерновых в 2025 году – 10,6 млн тонн, что на 27% превысило показатели предыдущего года. Промышленный комплекс диверсифицирован и включает энергетику, химию, машиностроение и пищевую промышленность. Индекс промышленного производства в мае 2025 года составил 104% к аналогичному периоду прошлого года.

Значимым фактором развития выступает инвестиционная привлекательность. По итогам 2025 года объем инвестиций в экономику региона впервые превысил 400 млрд. рублей, что позволило краю войти в топ-10 регионов России по работе с инвесторами. На сегодня инвестиционный портфель Ставропольского края включает 325 проектов с общим объемом финансирования свыше 615 млрд рублей. Из них 172 являются масштабными инициативами на сумму более 273 млрд рублей, реализация которых откроет свыше 21 тысячи новых рабочих мест.

Инструментарий поддержки включает налоговые преференции (освобождение от налога на имущество и земельного налога) и сопровождение в режиме «одного окна» и другие. Инфраструктура для инвестиций представлена 13 индустриальными парками и 3 территориями опережающего развития (ТОСЭР). Особое внимание уделяется малому и среднему предпринимательству (МСП): по итогам девяти месяцев 2025 года количество МСП достигло 330 тыс., увеличившись на 21% или на 58 тыс. новых компаний.

В 2026 году запланировано увеличение доходов краевого бюджета до 211 млрд рублей, расходов – до 221,1 млрд рублей, дефицитом 10 млрд рублей [2]. Ключевые расходные обязательства включают социальную поддержку, инвестиции в инженерную инфраструктуру, образование и другие.

Несмотря на применяемый комплекс мер (финансово-бюджетные инструменты, активная инвестиционная политика, планы по снижению административной нагрузки на бизнес [1, с. 209], в экономике края сохраняются структурные проблемы. Следовательно, через SWOT-анализ удобно выделить сильные стороны региона, а именно: богатый природный потенциал, выгодное расположение, развитые аграрный и промышленный комплексы. К слабым сторонам следует отнести недостаточную реализацию ресурсного потенциала, изношенность инфраструктуры, низкий уровень цифровизации, социально-экономические диспропорции и, как отмечается в исследованиях неравномерностью развития Ставропольской глубинки [3, с. 442], а также отток молодежи. Высокая зависимость от агропромышленного комплекса снижает устойчивость, а дополнительными ограничителями выступают инфраструктурные дефициты, нехватка квалифицированных кадров и высокая стоимость кредитных ресурсов. Инвестиции концентрируются в крупных городах, а экономика сохраняет значительную зависимость от государственных субсидий.

Для реализации экономического потенциала региона требуется комплекс мер. Ключевые направления включают диверсификацию экономики, развитие транспортно-логистической инфраструктуры, усиление поддержки МСП. Особое внимание следует уделить развитию человеческого капитала через целевые

программы переподготовки и создание условий для закрепления молодых специалистов, включая прозрачные карьерные траектории и пакеты мотивационных мер. Это требует активизации партнёрства между образованием, бизнесом и властью. В стратегической перспективе необходим переход к проектному управлению с четкими индикаторами, интеграция с национальными проектами и расширение налоговых стимулов. Повышение прозрачности бюджетного процесса и внедрение общественного мониторинга повысят эффективность управления.

В этой связи особую актуальность приобретает задача синхронизации стратегического планирования с оперативным управлением на основе объективных данных. Внедрение современных цифровых платформ, таких как «Цифровой бюджет», и развитие системы индикаторов, позволяющих в режиме реального времени отслеживать исполнение программ и проектов, являются важными шагами на пути к повышению гибкости и результативности государственного управления. Одновременно с этим необходимо усилить работу по интеграции региональной экономики в национальные и глобальные цепочки создания стоимости. Это предполагает не только стимулирование экспорта традиционной сельхозпродукции, но и активное продвижение высокотехнологичных товаров и услуг, создаваемых в индустриальных парках и на территориях опережающего развития. Развитие экспортного потенциала должно стать одним из ключевых драйверов диверсификации и роста производительности труда в крае. В рамках дополнительных мер следует уделить большее внимание перерабатывающей промышленности, IT-сектору, фармацевтике и туризму, межрегиональным экономическим кластерам.

Таким образом, Ставропольский край обладает значительным, но не до конца реализованным экономическим потенциалом. Для осуществления качественного рывка требуется целенаправленная работа по преодолению структурных дисбалансов, активизации инвестиционных процессов и развитию человеческого капитала. Достижение стратегических целей будет напрямую зависеть от способности региональных органов управления к последовательной и эффективной реализации намеченных инициатив, заложенных в Стратегии социально-экономического развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года.

Список источников

1. Закон Ставропольского края «О Стратегии социально-экономического развития Ставропольского края до 2030 года и на период до 2036 года» от 25 декабря 2025 г. № 126-кз // Официальный сайт Думы Ставропольского края – URL: https://dumask.ru/images/law/2025/126-kz.pdf (дата обращения: 16.01.2026).

2. Закон Ставропольского края от 10 декабря 2025 г. № 112-кз «О бюджете Ставропольского края на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // Официальный сайт Думы Ставропольского края – URL: https://dumask.ru/law/ (дата обращения: 17.01.2026).

3. Леликова, Е. И. Развитие сельских территорий Ставропольского края: социальные вызовы и демографические барьеры / Е. И. Леликова, Е. И. Капустина, К.Х. Гулаб // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 6(56). – С. 439-446. – EDN AGYRJR.

4. Северо-Кавказстат // Федеральная служба государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. URL: https://26.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 19.01.2026).

УДК 338

Результаты использования цифровых технологий в сфере государственных услуг и управления

Капцова Алла Владимировна
магистрант, Ленинградский Государственный Университет
имени А. С. Пушкина, 11ULa64@mail.ru
Татарникова Марина Анатольевна
доцент, Ленинградский Государственный Университет
имени А. С. Пушкина,
SPIN-код: 3372-8184, tatarnikovamarin@mail.ru

Аннотация. В работе рассматривается цифровая трансформация экономики на примере развития электронного правительства в Российской Федерации. Выделены основные достижения и такие проблемы внедрения цифровых государственных сервисов, как недостаточная автоматизация, кадровый дефицит и цифровое неравенство. Определены перспективные направления дальнейшего развития системы электронного управления.

Ключевые слова: электронное правительство, цифровизация государственных услуг, портал «Госуслуги», ИКТ, кибербезопасность.

Цифровая трансформация современной экономики заключается во внедрении междисциплинарных цифровых технологий во все сферы жизни общества, включая государственный сектор. Реализация проектов цифровизации процессов предоставления государственных услуг предполагает использование цифровых технологий во всех областях государственного управления, анализ результатов которого позволяет оценить эффективность реализуемых мер и внести необходимые коррективы в осуществляемую деятельность. Одной из ключевых форм данного процесса является развитие системы электронного правительства.

Электронное правительство представляет собой комплексный механизм взаимодействия между государством и гражданами, а также между различными государственными структурами, основанный на использовании цифровых технологий для повышения эффективности и согласованности управленческих процессов [1].

На сегодняшний день большинство государств активно внедряют механизмы электронного правительства, и Российская Федерация демонстрирует в этом направлении значительные успехи с высоким показателем индекса развития электронного правительства. Однако, страна всё ещё сталкивается с рядом препятствий, мешающих в полной мере реализовать потенциал системы электронного правительства. Это подтверждается и рейтингом за 2024 год, согласно которому Россия занимает лишь 42-е место среди 193 стран [6].

Проблематика внедрения электронного правительства в Российской Федерации достаточно широко освещена в научной литературе. Е. М. Кравцова рассматривает портал «Госуслуги» как ключевой элемент цифрового взаимодействия государства, граждан и бизнеса, и подчёркивает его роль в снижении административных барьеров и повышении доступности государственных услуг [4].

Д. О. Мазитова анализирует вовлечённость молодёжи в использование электронных государственных сервисов и отмечает высокий уровень востребованности цифровых платформ при решении повседневных и социально значимых задач [7]. А. А. Кожевина указывает на то, что, несмотря на высокий уровень цифровизации, Россия по-прежнему находится на транзакционной стадии развития электронного правительства, для которой характерны неполная автоматизация процессов, фрагментарность межведомственного взаимодействия и сохранение значительной доли ручной обработки обращений [3]. М. Н. Дудин рассматривает развитие электронного правительства в контексте цифрового суверенитета и выделяет барьеры, связанные с централизацией управления, ограниченным участием частного бизнеса и зависимостью от импортных цифровых решений [2].

Российская экономика во многом по-прежнему ориентирована на сырьевые отрасли, а возможности экстенсивной модели развития постепенно исчерпываются. Слабая диверсификация экономики, цифровое неравенство между регионами, высокая стоимость и неравномерное качество интернет-услуг сдерживают развитие ИТ-сферы. Дополнительными проблемами являются дефицит квалифицированных кадров и утечка специалистов за рубеж. В этих условиях именно государственная поддержка во многом определяет темпы цифровизации.

Перспективными направлениями развития электронных сервисов являются углубление межведомственного взаимодействия, в том числе между органами ЗАГС и системой здравоохранения, сокращение необходимости личного присутствия граждан при получении услуг, а также усиление мер кибербезопасности для защиты персональных данных [5].

Последние события показали, что одним из ключевых факторов развития технологий является человеческий ресурс. В настоящее время значительная часть специалистов уехала за рубеж, при этом условия для их возвращения остаются ограниченными, что обусловливает необходимость формирования нового кадрового потенциала, в том числе на базе ведущих университетов. В последние годы ряд крупных компаний, таких как Сбербанк и Т-Банк, запустили собственные магистерские программы на базе МФТИ, что позволило студентам совмещать обучение с работой над реальными проектами в компаниях. Дополнительное финансирование подобных образовательных программ может стимулировать бизнес к более активному участию в подготовке специалистов и создать устойчивую основу для развития государственно-частного партнёрства [8].

Таким образом, в ходе проведённого исследования были проанализированы основные достижения и проблемы цифровизации в России. Установлено, что наибольшие трудности сосредоточены в регионах и среди пожилого населения. Выявлено, что цифровые технологии особенно сложно осваиваются старшим поколением, что связано с низким уровнем доверия к новым технологиям и ограниченными возможностями обучения. Существенным препятствием дальнейшего развития цифровизации является существующее распределение бюджетных средств, при котором финансирование образовательного сектора, формирующего кадровый потенциал, сокращается. В целом можно отметить, что уровень цифровизации в России достаточно высок по сравнению со многими европейскими странами, однако страна всё ещё уступает ряду азиатских государств, что обусловливает необходимость дальнейшего ускорения цифрового развития.

Список источников

1. Давиденко, Д. О. От умного города к цифровому региону / Д. О. Давиденко, В. В. Мелентьева, М. А. Татарникова // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. – 2021. – № 2(32). – С. 62-64. – EDN RXNDEN.

2. Евлампиева, Е. В. Цифровые инструменты клиентоцентричности как фактор устойчивого развития регионов Российской Федерации / Е. В. Евлампиева, О. Л. Ким, Е. Л. Сысова [и др.] // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32, № 12. – С. 172-176. – EDN LCVYIH.

3. Капцова, А. В. Электронное правительство в России: преимущества, барьеры и перспективы / А. В. Капцова, М. А. Татарникова // Современный менеджмент: проблемы и перспективы: Сборник статей по итогам XX Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. – С. 204-209. – EDN KVXBQC.

4. Кравцова, Е. М. Официальный интернет-портал государственных услуг. История создания и перспективы развития // Материалы и методы инновационных научно-практических исследований и разработок. – 2022. – С. 124–129. – EDNWFFTVG.

5. Ким, О. Л. Цифровизация государственного и муниципального управления как фактор устойчивого развития Российской Федерации / О. Л. Ким, Е. В. Евлампиева, М. А. Татарникова [и др.] // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32, № 11. – С.200-205. – EDN GZNTIM.

6. Организация Объединённых Наций. Департамент экономических и социальных вопросов. E-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development. With the Addendum on Artificial Intelligence. – Нью-Йорк: United Nations, 2024. – 210 с.

7. Резвая, А. Д. Оценка результатов функционирования электронного правительства и цифровизации государственного управления / А. Д. Резвая, О. Л. Ким, М. А. Татарникова // Научный журнал "Государственное управление и право". – 2025. – № 2(6). – С. 238-251. – EDN NLLALH.

8. Татарникова, М. А. Цифровизация как основа устойчивого социально-экономического развития региона / М. А. Татарникова, А. А. Рассказова, О. А. Правдина // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10, № 6-1. – С. 82-93. – DOI 10.34670/AR.2020.54.22.010. – EDN QKTWAG.

УДК 353

Оценка результативности государственной поддержки некоммерческого сектора: поиск оптимальных подходов

Косарева Анастасия Владимировна
ассистент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, avp9308@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-методологические и прикладные аспекты оценки результативности государственной поддержки некоммерческого сектора в современной российской экономике трансформаций и устойчивого роста.

Обосновывается необходимость перехода от оценки освоения средств к оценке социального эффекта и общественной ценности создаваемых результатов, а также усиления прозрачности и участия стейкхолдеров в процедурах оценки.

Ключевые слова: некоммерческий сектор, некоммерческие организации, государственная поддержка, оценка результативности, социальный эффект, грантовое финансирование, устойчивое развитие.

В условиях трансформации экономических и управленческих механизмов, а также ориентации на устойчивый рост особую актуальность приобретают вопросы повышения эффективности государственной поддержки некоммерческих организаций и разработки оптимальных подходов к ее оценке [1].

За последние годы существенно расширился спектр мер поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций: от субсидий и грантов до налоговых льгот, льготной аренды и информационного сопровождения, что сопровождается ростом объемов бюджетных ассигнований на сектор. В то же время сохраняется проблема фрагментарности подходов к оценке результативности, когда ключевым критерием выступает освоение средств, а не достигнутые социальные эффекты и устойчивость создаваемых практик. Цель статьи – обобщить существующие подходы к оценке результативности государственной поддержки некоммерческого сектора в России и предложить направления их совершенствования с учетом задач устойчивого развития.

Ключевыми формами государственной поддержки некоммерческих организаций в России являются грантовое финансирование, субсидии из бюджетов разных уровней, налоговые льготы, предоставление имущества и помещений на льготных условиях, а также информационная и образовательная поддержка [2].

Практика оценки результативности проектов, финансируемых за счет государственных грантов и субсидий, в значительной степени сформировалась вокруг процедур мониторинга реализации проектов и последующей экспертизы их результатов. Так, в системе президентских грантов завершающим этапом цикла поддержки является оценка результатов реализованных проектов, включающая самооценку организаций, экспертную оценку со стороны сотрудников фонда и оценку заинтересованных сторон на специализированных платформах [4].

Тем не менее существующие подходы часто фокусируются на формальных критериях – соблюдении календарного плана, корректности финансовой отчетности, количестве проведенных мероприятий и охвате целевой аудитории – при недостаточной проработке измерения долгосрочного социального эффекта и устойчивости результатов. Экспертные обзоры подчеркивают отсутствие единой методологической базы для системной оценки вклада некоммерческого сектора в экономику и социальную сферу, что осложняет сопоставимость данных и выработку управленческих решений. Кроме того, недостаточно учитывается вклад бизнеса и местных сообществ в современные проекты с некоммерческими организациями, что сужает представление о реальном мультипликативном эффекте государственной поддержки [5].

С учетом практических задач органов власти и грантодающих структур перспективным представляется комбинированный подход, включающий следующие блоки индикаторов (таблица 1).

Таблица 1 – Блоки индикаторов

Индикатор	**Составляющие**
Финансово-экономические показатели	Объем привлеченных и освоенных средств, доля внебюджетных ресурсов, соотношение административных и программных расходов
Результативность и качество реализации проектов	Достижение целевых показателей, охват целевых групп, оценка удовлетворенности получателей услуг
Социальный эффект и устойчивость	Изменения в социальном положении целевых групп, институциональные изменения, сохранение и развитие результатов после завершения финансирования
Развитие партнерств и сообществ	Наличие и устойчивость партнерств с бизнесом, органами власти, другими некоммерческими организациями, вовлечение волонтеров и местных сообществ

В отечественных исследованиях предлагаются различные методики оценки вклада некоммерческого сектора, опирающиеся на системный подход и сочетание количественный и качественных индикаторов. Такой подход позволяет перейти от оценки «освоения бюджета» к оценке общественной ценности проектов, что соответствует логике устойчивого развития и ориентации на результат, а не на процесс.

Оптимизации подходов к оценке результативности государственной поддержки некоммерческого сектора предполагает решение нескольких взаимосвязанных задач. Во-первых, требуется формирование единой методологической рамки, согласованной между федеральными, региональными и муниципальными органами власти, а также ключевыми грантодающими структурами, что обеспечит сопоставимость данных и позволит отслеживать динамику вклада некоммерческих организаций на национальном уровне. Во-вторых, важно институционализировать практики оценки социального эффекта, развивая инструменты социального воздействия, логические модели изменений и публичные стандарты отчетности некоммерческих организаций. В-третьих, необходимо усиливать участие стейкхолдеров – получателей услуг, партнерских организаций, экспертного сообщества и граждан – в процедурах оценки, в том числе посредством онлайн-платформ обратной связи, общественных обсуждений и механизмов общественного контроля. В-четвертых, целесообразно развивать цифровые платформы мониторинга и аналитики, позволяющие в режиме близком к реальному времени отслеживать результаты проектов, агрегировать данные и формировать комплексные индикаторы результативности государственной поддержки [3].

Оценка результативности государственной поддержки некоммерческого сектора в условиях трансформации экономики и ориентации на устойчивый рост требует перехода от фрагментарных и преимущественно финансовых подходов к комплексным методикам, учитывающим социальный эффект, устойчивость результатов и развитие партнерств. Предложенный в статье подход, основанный на

сочетании финансово-экономических, социальных и институциональных индикаторов, может служить основой для совершенствования практик мониторинга и оценки на федеральном и региональном уровнях. В перспективе развитие единой методологической базы и цифровых инструментов аналитики позволит повысить прозрачность и обоснованность ресурсов, а также усилить вклад некоммерческих организаций в достижение целей устойчивого развития России [6].

Список источников

1. Илюшникова, Т.А. Оценка вклада некоммерческого сектора в экономику России: методологические подходы и результаты применения к данным 2021 г. // Российский экономический мониторинг. – 2023. – № 2. – С. 45–60.

2. Оформление субсидий НКО в 2025 году. [Электронный ресурс]. URL: https://potrebitel-ekspert.ru/subsidii/nko/ (Дата обращения: 28.01.2026).

3. Отчёт по развитию социально ориентированных НКО за 2024 год: рост показателей на фоне мер господдержки. [Электронный ресурс]. URL: https://reg-nko.ru/smi/razvitie-sektora-so-nko-v-2024-godu-rost-pokazatelej-na-fone-mer-gospodderzhki (Дата обращения: 28.01.2026).

4. Оценка результатов реализации проектов победителей конкурсов Фонда президентских грантов. [Электронный ресурс]. URL: https://оценка.гранты.рф/award/assessment (Дата обращения: 28.01.2026).

5. Правовые аспекты государственной поддержки некоммерческих организаций. Ресурсный центр НКО. [Электронный ресурс]. URL: https://rhm.agency/prog-razv/pravovye-aspekty-gosudarstvennoy-podderzhki-nekomercheskikh-organizatsiy/ (Дата обращения: 28.01.2026).

6. Совершенствование мер поддержки социально ориентированных НКО. [Электронный ресурс]. URL: http://social.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/168443/ (Дата обращения: 28.01.2026).

УДК 338.242.4

Реализация федеральной целевой программы развития образования: современное состояние и пути оптимизации

Крюкова Александра Валерьевна
студент, Ленинградский Государственный Университет имени А. С. Пушкина, solopova_14@mail.ru
Резвая Анна Дмитриевна
доцент, Ленинградский Государственный университет им. А.С.Пушкина, SPIN-код: 8375-9163, anitfrolic@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль федеральных целевых программ в реализации государственной образовательной политики Российской Федерации. Анализируется современное состояние системы образования в контексте социально-экономических условий и обосновывается значимость программно-целевого подхода как ин-

струмента модернизации образовательной системы. На примере существующих программ раскрываются основные направления обновления образовательной инфраструктуры, внедрения инновационных технологий и развития кадрового потенциала.

Ключевые слова: федеральные целевые программы; государственная образовательная политика; развитие образования; модернизация образовательной системы; качество образования.

Существование высокоорганизованной системы образования и эффективное финансирование внедрения научных разработок в производство являются основой устойчивого развития мировой и российской экономики. Уровень развития образования в стране выступает одним из ключевых факторов международной конкурентоспособности и важным элементом государственной политики [4].

В настоящее время в Российской Федерации обеспечение социально-экономических прав остаётся проблемной сферой. Для значительной части населения сохраняется ограниченная доступность высшего образования, медицинских услуг, качественного отдыха, жилья, лекарственного обеспечения и санаторно-курортного лечения. Ситуация осложняется наличием безработицы, а также недостаточной адаптацией отдельных социальных групп к условиям рыночной экономики [7].

В данных условиях особую значимость приобретает государственная образовательная политика, направленная на обеспечение доступности и качества образования. Одним из ключевых инструментов реализации данной политики выступают федеральные целевые программы развития образования, которые позволяют концентрировать финансовые, организационные и кадровые ресурсы на решении приоритетных задач образовательной системы [6].

Реализация федеральных целевых программ в сфере высшего образования ориентирована на формирование условий, обеспечивающих рациональное и результативное использование государственных финансовых ресурсов в соответствии с основными направлениями образовательной политики государства. Данные программы представляют собой совокупность согласованных по срокам и ресурсному обеспечению мероприятий, направленных на модернизацию структуры и содержания высшего образования, внедрение современных образовательных технологий, совершенствование системы управления, а также обновление организационно-правовых и финансово-экономических механизмов деятельности образовательных организаций [2].

В качестве примера реализации приоритетов государственной образовательной политики можно рассмотреть Программу развития на 2020–2025 годы. Ее цели ориентированы на комплексное обновление образовательной системы и включают повышение качества образовательных услуг, внедрение инновационных образовательных технологий, развитие цифровой образовательной среды и др. В результате реализации данной программы были достигнуты такие практические результаты, как обновление образовательных программ, внедрение современных образовательных технологий, развитие цифровой образовательной среды, повышение квалификации педагогических кадров и совершенствование материально-технической инфраструктуры образовательных организаций [5].

С 2026 года в Российской Федерации реализуется обновлённая государственная программа «Развитие образования» на период 2026–2030 годов. К числу её ключевых целей относятся повышение качества общего и профессионального образования, обеспечение доступности качественного образования для всех групп населения, модернизация содержания обучения и образовательной инфраструктуры, а также развитие профессиональных компетенций педагогических и научно-педагогических кадров [2].

Другим значимым направлением государственной образовательной политики является федеральная программа «Приоритет-2030», ориентированная на поддержку университетов и развитие их научно-образовательного потенциала. Программа предусматривает распределение грантовой поддержки на базовую, направленную на повышение вклада университетов в социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации, и специальную, направленную на создание наукоёмкой продукции и развитие кадрового потенциала сферы исследований и разработок [1,3].

Таким образом, программа развития образовательной организации представляет собой результативный инструмент реализации федеральных государственных образовательных стандартов общего образования. Она обеспечивает выполнение стратегических, координирующих, стимулирующих и контрольно-оценочных функций в системе управления образовательным учреждением, при этом дальнейшее повышение эффективности её реализации обусловлено необходимостью совершенствования управленческих механизмов, системы мониторинга достигнутых результатов и расширения адресной поддержки образовательных организаций.

Список источников

1. Афанасьев, К. С. Актуальные проблемы территориального развития : Учебное пособие / К. С. Афанасьев, О. Л. Ким, Н. Н. Константинова [и др.]; Международный банковский институт имени Анатолия Собчака. – Санкт-Петербург : Международный банковский институт имени Анатолия Собчака. – 2023. – 132 с. – ISBN 978-5-4228-0167-1. – EDN XSCRVC.

2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» // Банк документов Министерства просвещения РФ. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/f9321ccd1102ec99c8b7020bd2e9761f/ (Дата обращения 16.01.2026).

3. Колесникова, О. В. Инвестиционная привлекательность региона и особенности управления инвестиционными процессами / О. В. Колесникова, М. А. Татарникова // Известия Международной академии аграрного образования. – 2021. – № 57. – С. 108-113. – EDN HTAEUX.

4. Кравченко, С. К. Система образования региона, как фактор обеспечения региональной экономической безопасности / С. К. Кравченко, Т. С. Бажаева, М. А. Татарникова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 10(168). – С. 267-277. – DOI 10.26726/rppe2024v10teso. – EDN LNDLHQ.

5. Программа развития на 2020–2025 годы «Через системную интеграцию – к новому качеству образования». // Комитет по образованию Правительство СПб. URL: https://k-obr.spb.ru/strategiya/gosudarstvennye-programmy-sankt-peterburga/ (Дата обращения 16.01.2026).

6. Татарникова, М. А. Роль стратегического планирования в социально-экономическом развитии территории / М. А. Татарникова, А. А. Рассказова, О. А. Правдина // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2022. – № 7(141). – С. 38-45. – DOI 10.26726/1812-7096-2022-7-38-45. – EDN ZRWIZC.

7. Татарникова, М. А. Региональная политика в сфере образования: тенденции и перспективы развития / М. А. Татарникова, С. К. Кравченко, Т. С. Бажаева // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. – 2024. – № 2(44). – С. 20-28. – EDN WNSQMF.

УДК 351

Город с высокой плотностью населения как особый объект государственного и муниципального управления

Мельниковская Алена Олеговна
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, SPIN-код: 2659-9543, 2954853@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена специфика городов с высокой плотностью населения как уникального объекта государственного управления. Обосновано, что высокая плотность выступает катализатором управленческих процессов, требующим особых стратегий регулирования. Проведен сравнительный анализ подходов к идентификации таких территорий, выявлена ограниченность административных метрик. В работе формулируется комплексное рабочее определение «города с высокой плотностью населения», подчеркивающее функциональную связь физической плотности с ее социально-экономическими и управленческими последствиями.

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление, высокая плотность населения, город, пространственное развитие, эффективность управления.

XXI век ставит перед государственным управлением беспрецедентные задачи. Глобальная урбанизация привела к тому, что города и агломерации, занимая незначительную часть суши, генерируют до 80% мирового ВВП [2]. Однако для теории и практики государственного и муниципального управления (ГМУ) важен не сам факт роста городов, а качественное изменение среды, в которой принимаются решения. Эпицентром этих изменений становятся города с высокой плотностью населения.

В Российской Федерации, на фоне «западного дрейфа» и стягивания человеческого капитала в ограниченное число центров [5], возникает острая необходимость концептуально выделить такие города из общей массы муниципальных образований. Понимание их специфики – это не вопрос статистики, а фундамент для разработки эффективных стратегий развития, поскольку высокая плотность кардинально меняет «физику» управленческих процессов.

С точки зрения государственного управления, ключевая особенность городов с высокой плотностью заключается в их двойственной природе, которая со-

здает уникальную среду для реализации властных решений. Во-первых, плотность выступает экономическим мультипликатором. Работает эффект масштаба: концентрация человеческого капитала и инфраструктуры на ограниченной территории приводит к тому, что рост численности населения города в два раза повышает производительность труда на 2–5% [3]. Для управленца это означает, что инвестиции в инфраструктуру таких городов дают более высокую отдачу, чем в дисперсной среде. Во-вторых, высокая плотность создает «высокую проводимость» управленческих импульсов. Социальные инициативы, политические решения или внедрение технологий (концепция Smart City) распространяются в плотной среде лавинообразно. Однако эта же проводимость работает и для негативных факторов: эпидемии, социальное напряжение или транспортные коллапсы масштабируются с той же скоростью. Таким образом, город с высокой плотностью как объект управления характеризуется экстремальной чувствительностью к качеству принимаемых решений. Ошибка в планировании здесь стоит дороже и проявляется быстрее, чем в малых городах, а успешная стратегия дает кумулятивный эффект для региональной и национальной экономики.

Эффективное управление невозможно без четкого определения границ объекта управления. Здесь практика ГМУ сталкивается с серьезной методологической проблемой. Традиционный административный подход, оперирующий понятием «народонаселение» (абсолютная численность в административных границах), искажает реальную картину. Многие российские города имеют обширные административные границы при компактном проживании людей, что искусственно занижает показатели плотности. Управление, основанное на таких «размытых» данных, ведет к ошибкам в распределении ресурсов, планировании транспорта и социальной инфраструктуры. Геоинформатика и сеточные данные (GHS-POP) доказывают необходимость перехода к дазиметрическому подходу – оценке плотности реального расселения, а не административной площади [1; 4].

Для целей стратегического планирования важно классифицировать города не просто по размеру, а по характеру их внутренней структуры и плотности, так как это диктует разные управленческие модели.

Таблица 1 – Сравнительный анализ подходов к определению объекта управления

Подход к идентификации	**Суть метода и критерии**	**Значимость для управления**
Количественный подход [4; 6]	Определение через числовые показатели (жителей/км² или домохозяйств/га). Пороговые значения варьируются: от 1500 чел./км² (ОЭСР/ЕС) до 11,1 тыс. чел./км² (Москва). В Австралии используется критерий плотности домохозяйств (20–60 на гектар).	Позволяет установить четкие нормативы для бюджетного планирования и расчета нагрузки на инфраструктуру

Окончание табл. 1

Подход к идентификации	Суть метода и критерии	Значимость для управления
Качественный подход [4; 6]	Описание через характеристики застройки (этажность, морфология) и среды. Учитывает не только людей, но и физическую форму города (компактность, смешанное землепользование)	Важен для градостроительного регулирования: высокая плотность может достигаться разными архитектурными решениями, требующими разного обслуживания
Сравнительный подход [4]	Определение плотности в оппозиции к другим типам поселений (например, противопоставление плотного центра низкой плотности субурбии).	Помогает выявлять диспропорции в развитии агломераций и управлять маятниковой миграцией.

Ни один из подходов в отдельности не дает полной картины для принятия стратегических решений. Необходим синтез, увязывающий количественные метрики с качественными характеристиками среды. На основе проведенного анализа предлагается следующее комплексное определение, которое может служить базой для совершенствования государственной политики:

Город с высокой плотностью населения – это урбанизированная территория (город или городская агломерация), характеризующаяся наличием обширных и устойчивых зон, где плотность постоянного населения, рассчитанная дозиметрическими методами, значительно превышает средние национальные и региональные показатели (условно, свыше 3500 чел./км²) и создает устойчивую потребность в интенсификации управленческих процессов для балансировки экономической эффективности, социального благополучия и экологической устойчивости.

Выделение таких городов в отдельную категорию объектов исследования и управления имеет фундаментальную практическую значимость. Высокая плотность населения – это не просто статистический факт, а индикатор того, что территория функционирует в особом режиме. Она создает условия для ускоренной «цепной реакции» при реализации управленческих инициатив.

Понимание природы таких городов позволяет государству переходить от реактивного реагирования на проблемы (пробки, дефицит жилья) к проактивному управлению развитием. Города с высокой плотностью становятся «живыми лабораториями» и ключевыми аренами, где вырабатываются и апробируются наиболее сложные и эффективные модели современного государственного управления.

Список источников

1. Братков, В. В. О точности современных методов картографирования плотности населения / В. В. Братков // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 51–61. – DOI 10.31161/1995-0675-2020-14-2-51-61. – EDNNZVHZF.

2. Главное о демографии городов России : спецпроект о демографии городов России // Аналитический центр Москвы. [Электронный ресурс]. URL: https://ac.mos.ru/special-projects/russian-cities-demography/ (Дата обращения: 31.01.2026).

3. Павлов, Ю. В. Влияние численности населения на экономическую эффективность модели управления городской агломерацией / Ю. В. Павлов // Статистика и экономика. – 2017. – Т. 14, № 3. – С. 92–104. – DOI 10.21686/2500-3925-2017-3-92-104.

4. Глобальные сеточные данные по плотности населения: верификация и коррекция GHS-POP для территории России // Международная научная конференция «МАРС-2025». [Электронный ресурс]. URL: https://geography.hse.ru/mirror/pubs/share/1031103937.pdf (Дата обращения: 31.01.2026).

5. Конвергенция региональной плотности населения в России за 120 лет / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. URL: https://wp.hse.ru/data/2019/05/27/1494793831/WP2_2019_01_____F.pdf. (Дата обращения: 31.01.2026).

6. Dijkstra, L. The EU-OECD definition of a functional urban area / L. Dijkstra, H. Poelman, P. Veneri // OECD Regional Development Working Papers. – 2019. – No. 2019/11. – DOI 10.1787/d58cb34d-en.

УДК 338.2

Уровень жизни населения России: современный взгляд на действительность

Соловьева Елена Геннадьевна
магистрант, Ленинградский Государственный Университет им. А. С. Пушкина, alenyshka031285@mail.ru
Татарникова Марина Анатольевна
доцент, Ленинградский Государственный Университет им. А. С. Пушкина, SPIN-код: 3372-8184, tatarnikovamarin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются последствия межрегионального социально-экономического неравенства в Российской Федерации и его влияние на рынок труда, миграционные процессы и демографическое развитие территорий. На основе анализа отечественных исследований показано, что устойчивые различия в уровне экономического развития регионов способствуют ухудшению качества занятости, усилению миграционного оттока населения из депрессивных и сельских территорий, а также формированию неблагоприятных демографических тенденций.

Ключевые слова: межрегиональное неравенство, региональные различия, рынок труда, миграция населения, демографические процессы, депопуляция сельских территорий, качество жизни, региональное развитие.

Региональное неравенство в научной литературе преимущественно рассматривается как разновидность территориального неравенства, границы которого определяются спецификой региональной социально-экономической системы. В наиболее общем виде оно трактуется как совокупность различий между

регионами (субъектами Российской Федерации) по ключевым показателям социально-экономического развития. По результатам сравнительного анализа, как правило, выделяются два полюса: экономически развитые («богатые») регионы и депрессивные («бедные») территории. В российских условиях к числу регионов-лидеров традиционно относятся Москва и субъекты с развитым нефтегазодобывающим сектором (при отсутствии мировых энергетических кризисов и резкого снижения цен на нефть), тогда как к группе отстающих относятся многие регионы Нечерноземной зоны, Северного Кавказа, отдельные республики юга Европейской части страны, а также ряд территорий Сибири и Дальнего Востока [5].

В предыдущем исследовании были проанализированы масштабы и ключевые показатели межрегионального социально-экономического неравенства в Российской Федерации [4]. Настоящая работа направлена на анализ последствий межрегионального неравенства, а также оценку его влияния на миграционные процессы, демографическую динамику и состояние региональных рынков труда.

В исследовании Кабашовой Е.В. [3] анализируется влияние межрегиональных различий на состояние рынка труда и качество занятости населения. Автор подчёркивает, что занятость выступает ключевым фактором формирования доходов населения и основой развития человеческого потенциала в регионах. Существенные различия в уровне социально-экономического развития субъектов РФ обусловливают неравномерность условий занятости, что отражается на уровне и качестве жизни населения. По результатам анализа установлено, что во многих регионах РФ наиболее уязвимым элементом качества жизни является сфера труда и занятости. Ухудшение позиций отдельных регионов в рейтинге качества и уровня жизни во многом связано именно с негативной динамикой показателей занятости, ростом нестабильных форм труда и снижением качества рабочих мест. Кроме того, отсутствие устойчивой качественной занятости вынуждает население находиться в постоянном поиске дополнительных источников дохода, что негативно сказывается на материальном положении и социальном самочувствии [2].

В другом исследовании А. И. Алексеева и Н. В. Зубаревич анализируется отток населения из депрессивных регионов в контексте трансформации миграционных процессов и углубления территориальных различий. Авторы показывают, что в условиях социально-экономического кризиса и неравномерного регионального развития миграция становится одним из ключевых механизмов перераспределения населения между территориями [1]. Внутрироссийские миграционные потоки характеризуются устойчивым вымыванием населения из периферийных и сельских территорий, прежде всего из регионов с низким уровнем занятости и ограниченными экономическими возможностями. Отток населения сопровождается ухудшением социально-экономической структуры территорий, снижением занятости и ростом маргинализации, что закрепляет и усиливает межрегиональное неравенство [7].

Наконец, в исследовании Ж. А. Зайончковской и Е. В. Тюрюкановой отмечается, что с 1990-х годов в России сформировалась устойчивая тенденция сокращения численности населения, обусловленная естественной убылью и ухудшением возрастной структуры [2]. Особую проблему представляет снижение

численности населения трудоспособного возраста, ведущее к сокращению трудоресурсного потенциала регионов. В условиях демографического спада миграция рассматривается как фактор частичной компенсации потерь населения, однако её масштабы не позволяют полностью нейтрализовать естественную убыль, и это усиливает демографические последствия межрегиональных различий и повышает значимость данной проблемы для региональной политики [8].

Таким образом, в России на протяжении длительного времени сохраняется тенденция депопуляции сельских территорий. Во многом данная ситуация является следствием пространственной политики советского периода, ориентированной на концентрацию населения и производственных ресурсов вокруг промышленных центров. В современных условиях большинство российских деревень сталкивается с отсутствием устойчивых источников экономического развития и ограниченными перспективами занятости, что усиливает миграционный отток и демографический спад.

Список источников

1. Актуальные проблемы территориального развития: Учебное пособие / К. С. Афанасьев, О. Л. Ким, Н. Н. Константинова [и др.] ; Международный банковский институт имени Анатолия Собчака. – Санкт-Петербург : Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2023. – 132 с. – ISBN 978-5-4228-0167-1. – EDN XSCRVC.

2. Кравченко, С. К. Система образования региона, как фактор обеспечения региональной экономической безопасности / С. К. Кравченко, Т. С. Бажаева, М. А. Татарникова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 10(168). – С. 267-277. – DOI 10.26726/rppe2024v10teso. – EDN LNDLHQ.

3. Малеева, Т. В. Использование проактивного подхода в территориальном планировании на межрегиональном уровне / Т. В. Малеева, М. А. Татарникова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 1(159). – С. 12-19. – DOI 10.26726/1812-7096-2024-1-12-19. – EDN KRLJXH.

4. Соловьева, Е. Г. Межрегиональные различия в качестве и уровне жизни населения России / Е. Г. Соловьева, М. А. Татарникова // Современный менеджмент: проблемы и перспективы : Сборник статей по итогам XX Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. – С. 329-335. – EDN VXEQGD.

5. Стрекалова, Н. Д. Демографическая политика в контексте устойчивого регионального развития / Н. Д. Стрекалова, М. А. Татарникова, Н. Н. Фролова // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16, № 1. – С. 281-294. – DOI 10.18334/ce.16.1.114101. – EDN UORCVX.

6. Татарникова, М. А. Роль стратегического планирования в социально-экономическом развитии территории / М. А. Татарникова, А. А. Рассказова, О. А. Правдина // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2022. – № 7(141). – С. 38-45. – DOI 10.26726/1812-7096-2022-7-38-45. – EDN ZRWIZC.

7. Татарникова, М. А. Корпоративная социальная ответственность бизнеса как фактор развития региона присутствия / М. А. Татарникова, Н. Н. Фролова // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 2(115). – С. 1283-1286. – DOI 10.34925/EIP.2020.115.2.258. – EDN DFMDAD.

8. Татарникова, М. А. Факторы регионального неравенства в уровне и качестве жизни населения России / М. А. Татарникова, Е. Г. Соловьева // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли : Сборник трудов Всероссийской научно-практической и учебно-методической конференции. В 8 ч., Санкт-Петербург, 13–16 мая 2025 года. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. – С. 169-177. – EDN GTZZAX.

УДК 369.03

О преемственности государственного управления при работе с молодежью: опыт СССР и Российской Федерации

Черных Анна Евгеньевна
аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
SPIN-код: 4561-9901, anyachernykh0@gmail.com
4561-99014561-99014561-990

Аннотация. Молодежь – это стратегическая ценность государства, а курс взаимодействия государства и молодежи является составной частью национальной политики. Преемственность опыта предыдущих поколений закреплена в основном законе Российской Федерации, поэтому изучение государственного управления при работе с молодежью в Советском Союзе является необходимым для понимания курса молодежной политики в современности. В статье проводится сравнительный анализ и выделяются примеры использования государственных управленческих решений СССР и современной России.

Ключевые слова: молодежь, государственное управление, СССР, государственная молодежная политика, объединения молодежи.

В современном мире при текущем давлении и угроз суверенитету Российской Федерации государственное управление при работе с молодежью имеет высокую значимость и выделяется в отдельную сферу. Современная Россия реализует стратегию государственной молодежной политики в принципиально новом государстве и за 35 лет уже сформировала мощный фундамент для поддержки и развития молодежи, который дополняется и совершенствуется с каждым годом. Указанный факт обуславливает актуальность рассматриваемой темы.

Согласно определению российского историка и философа И.М. Ильинского, сущность молодежной политики заключается в целенаправленном регулировании межпоколенческих отношений и преемственности поколений, а следовательно, и развития общества в целом [3]. Статья 67.1 Конституции Российской Федерации устанавливает, что наше государство признает исторически сложившееся государственное единство, объединенное многовековой историй и памятью предков. Кроме того, в этой же статье закреплено, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики [4].

В связи с вышесказанным формирование курса взаимодействия нашего государства и молодежи происходит с учетом достижений и ошибок Союза Советских Социалистических республик (далее – СССР). Рассмотрим основные направления государственного управления при работе с молодежью в СССР и современной России.

Возрастные границы молодежи определены законодательством СССР в уставах Всесоюзного ленинского коммунистического союза (далее – ВЛКСМ): в первой редакции устава с 14 до 23 лет, но уже в редакции 1962 года возрастные границы составляли с 14 до 28 лет [1].

Впервые молодежь упоминается в Конституции СССР 1936 года в контексте права на объединения в организации, а также право выдвижения на выборах кандидатов. Указанная норма закрепила господство преемственной линии воспитания молодежи на государственном уровне, обеспечивающей решение идеологических задач: с поступлением в школу ребенок оказывался в рядах октябрят, а с 10 лет – в рядах пионеров, далее с 14 – 15 лет молодой гражданин вступал в ВЛКСМ, и уже далее представлялась возможность вступления в Коммунистическую партию Советского Союза. Положения уставов ВЛКСМ определяли направления работы с молодежью: воспитание преданности делу коммунизма, любви к труду, коллективизму, осознания общественного долга, нетерпимости к врагам и национальной неприязни [1]. В современной России вопрос линии преемственности полностью решился с создания в 2022 году общественно-государственной организации – Российского движения детей и молодёжи «Движение первых». В «Движение первых», численность членов которого составляет более 13 млн. чел., на сегодняшний день можно вступить с 6 лет и до окончания школы. Далее вовлечение в общественно-полезную деятельность происходит через студенческие организации, а во взрослом возрасте через трудовые коллективы и общественные объединения и социально ориентированных некоммерческих организаций, которых в 2025 году насчитывается более 133 тыс. Таким образом, можно сделать вывод, что опыт СССР при построении линии преемственности был учтен и успешно внедрен в государственное управление при работе с молодежью сегодня.

В Конституции СССР 1977 года в систему народного образования включены вопросы образовательной и трудовой подготовке, коммунистическому воспитанию, духовному и физическому воспитанию молодежи. В современной России система образования безусловна включена в систему государственного управления при работе с молодежью, но не является главенствующей. На сегодняшний день в России помимо иных органов власти социальной сферы государственное управление осуществляют прежде всего профильное ведомство Федеральное агентство по делам молодежи и профильные органы государственной власти субъектов страны, их подведомственные учреждения и организации.

Закон «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» [2] стал последним принятым нормативным правовым актом перед распадом СССР и включал в себя установление гарантий в сфере труда и занятости, получения социальных услуг по обучению, духовному и физическому развитию, поддержке предпринимательской деятельности, привлечению к участию в принятии государственных решений молодежи, воспитанию, что обеспечивает развитие и

подготовку к самостоятельной жизни [6]. Указанные направления государственного управления при работе с молодежью действуют и сегодня. Но необходимо отметить, что сейчас молодежная политика нацелена на граждан от 14 до 35 лет [7] и соответственно не нацелена на лишь только подготовку ко взрослой жизни, но и включает в себя мероприятия для граждан, работающих и имеющих семьи. Кроме того, Стратегия молодежной политики до 2030 года [5] вводит возрастную градацию по трем категориям молодежи, для которой определяются характерные черты поведения и потребности, вследствие чего выделяются приоритетные меры и планы достижения цели стратегии. Стратегия также категоризирует молодежь по социально-демографическим группам. В отдельную категорию выделяется духовно-нравственное воспитание молодежи на основе традиционных российских ценностей, что является новым направлением, обусловленным процессами глобализации и распространением западных ценностей нетрадиционных взглядов, влияние которых ранее в СССР не было столь масштабным.

Таким образом можно отметить, что в сравнении с СССР государственное управление при работе с молодежью сегодня ориентировано на социально-демографическую группу с более широкими возрастными рамками. Сохраняется курс на предоставление и расширение социальных гарантий, воспитание патриотизма, обеспечение прав и даже поощрение объединений молодежи. Как и ранее за молодежью закрепляет право участия в управлении государственными и общественными делами. Кроме того, сохраняется линия преемственности воспитания и сопровождения молодежи на этапе формирования и становления личности. Но все же и отмечаются отличительные характеристики: наличие профильных государственных органов, следование четкой стратегии с конкретными обозначенными во времени целями, возрастными группами и категоризацией молодёжи.

Список источников

1. Бем, А.В. Конституционно-правовое регулирование молодежной политики в советский период / А.В. Бем // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 1422–1430. – DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(4).1422-1430. – EDN WHVWZB.

2. Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» // ИПП Гарант. [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/6335136/ (Дата обращения: 25.01.2026).

3. Ильинский, И. М. Государственная молодежная политика в СССР / И. М. Ильинский. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета. – 2017. – 432 с.- EDNYDWXKC.

4. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.constitution.ru/ (Дата обращения: 29.01.2026).

5. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // ИПП Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409496275/ (Дата обращения: 20.01.2026).

6. Ростовская, Т. К. Молодежная политика в современной России / Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство ЮРАЙТ", 2020. – 155 с. – ISBN 978-5-534-13287-8. – EDN AORBEF.

7. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» // ИПП Гарант. URL: https://base.garant.ru/400156192/ (Дата обращения: 25.01.2026).

УДК 332.1

Специализация и производительность труда в экономиках западных регионов Китая

Авдеева Екатерина Алексеевна
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, kotova.avd@gmail.com
Егорова Юлия Александровна
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, julia.egorova22@yandex.ru
Димитриченко Оксана Дмитриевна
Доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
SPIN-код: 5120-4298, od_dimitrichenko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу отраслевой специализации и производительности труда в экономиках десяти западных регионов Китая. На основе данных Национального статистического бюро КНР за 2023 год авторами выявлены ключевые отрасли специализации каждого региона с помощью коэффициента локализации, а также оценена эффективность труда через показатель душевого производства. Результаты исследования позволяют типологизировать западные регионы Китая по устойчивости и перспективности их экономической специализации в контексте национальных стратегий развития.

Ключевые слова: региональная экономика Китая, западные регионы Китая, отраслевая специализация, производительность труда, коэффициент локализации, душевое производство, «Один пояс – один путь».

Западные регионы Китая представляют особый интерес для исследований в области региональной экономики ввиду их значительной социально-экономической дифференциации, сложных природно-климатических условий и особой роли в национальных стратегиях, таких как «Развитие Западного Китая» и инициатива «Один пояс – один путь» [6]. Несмотря на многолетнюю государственную поддержку, эти регионы демонстрируют различные траектории развития, уровень диверсификации и эффективности экономики [2]. Целью данного исследования является проведение сравнительного анализа отраслевой специализации и производительности труда в десяти западных регионах КНР для выявления устойчивых и перспективных моделей регионального развития.

Методологическую основу исследования составили методы сравнительного и структурного анализа. В качестве эмпирической базы использованы официальные статистические данные Национального статистического бюро КНР за 2023 год [4]. Для каждого региона были определены отрасли специализации на основе расчёта коэффициента локализации (табл. 1). Отрасль считалась специализированной при значении коэффициента, превышающем 1.0. Параллельно был

рассчитан показатель душевого производства (табл. 2) для оценки производительности труда в ключевых отраслях. Сравнение двух наборов показателей позволило оценить не только структуру, но и качество (эффективность) сложившейся специализации [5].

Таблица 1 – Коэффициент специализации

Регион	**Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство**	**Промышленность**	**Строительство**	**Оптовая и розничная торговля**	**Транспортировка и хранение**	**Деятельность гостиниц и предприятий ОП**	**Деятельность финансовая**	**Деятельность по операциям с недвижимым имуществом**
Чунцин	0,94	0,87	1,64	1,04	0,86	1,26	1,08	0,91
Сычуань	1,38	0,88	1,19	0,97	0,73	1,34	0,83	1,04
Гуйчжоу	1,95	0,86	1,15	0,83	0,97	1,43	0,74	0,72
Юннан	1,91	0,76	1,50	1,11	1,23	1,65	0,67	0,89
Сицзян	1,41	0,83	0,73	0,51	0,49	0,81	1,22	0,74
Шаньси	1,11	1,24	1,29	0,67	0,91	0,83	0,82	0,83
Ганьсу	1,90	0,90	0,88	0,73	1,27	0,96	1,01	0,82
Цинхай	1,38	1,06	1,32	0,45	1,19	0,67	0,92	0,70
Нинся	1,13	1,27	0,99	0,44	1,03	0,69	0,91	0,64
Синцьзян	2,03	1,06	1,09	0,47	1,19	0,54	0,82	0,55

Таблица 2 – Коэффициент душевого производства

Регион	**Сельское, лесное хозяйство охота, рыболовство**	**Промышленность**	**Строительство**	**Оптовая и розничная торговля**	**Транспортировка и хранение**	**Деятельность гостиниц и предприятий ОП**	**Деятельность финансовая**	**Деятельность по операциям с недвижимым имуществом**
Чунцин	0,280	0,768	**1,715**	0,911	**1,251**	0,589	**1,226**	**1,286**
Сычуань	0,428	0,725	**1,208**	0,888	0,866	**1,259**	0,886	**1,087**
Гуйчжоу	0,988	0,665	0,768	0,794	0,802	0,603	0,875	0,693
Юннан	**1,643**	0,520	0,701	0,843	0,976	0,823	0,781	0,624
Сицзян	0,579	0,195	0,318	0,923	**1,202**	0,696	**1,043**	0,473
Шаньси	0,725	0,946	0,944	0,912	**1,126**	**1,032**	0,886	0,922
Ганьсу	**1,614**	0,584	0,781	0,715	**1,111**	0,582	**1,111**	0,714
Цинхай	**2,509**	0,777	0,440	0,667	0,744	0,431	**1,004**	0,731
Нинся	**2,865**	**1,080**	0,310	0,761	**1,120**	0,306	**1,147**	0,650
Синцьзян	**1,432**	0,632	0,660	0,634	**1,197**	0,543	0,762	0,615

Результаты исследования выявили существенные различия между регионами, которые можно сгруппировать в несколько типовых моделей.

1. Модель высоко-урбанизированного полюса роста. К данной категории относится муниципалитет Чунцин. Его специализация сконцентрирована в высокодоходных секторах услуг и инфраструктуры: строительство, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания и финансовая деятельность. Эти же отрасли демонстрируют высокие показатели подушевого производства, что свидетельствует о синергии между масштабом и эффективностью.

2. Модель сбалансированного развития с высокой производительностью. Яркими примерами являются Ганьсу и Нинся-Хуэйский автономный район. В Ганьсу отрасли специализации полностью совпадают с отраслями высокого подушевого производства, что указывает на эффективную трансформацию традиционных отраслей и их успешную интеграцию с логистикой и финансовыми услугами. Нинся демонстрирует аналогичную картину, где специализация на товарном сельском хозяйстве обеспечивает рекордный уровень подушевого производства, подкреплённый развитым транспортным и финансовым секторами.

3. Модель роста при поддержке государства с умеренной эффективностью. В эту группу входят Сычуань, Юньнань, Шаньси и Синьцзян. Их экономика характеризуется сочетанием традиционного, часто трудоёмкого сектора с динамично развивающимися отраслями, стимулируемыми государственными инфраструктурными инвестициями. Расхождение между специализацией и производительностью здесь выражено сильнее. Например, в Сычуани сельское хозяйство является отраслью специализации, но не входит в число высокопроизводительных отраслей, уступая строительству и гостиничному бизнесу. Устойчивость этой модели в значительной степени зависит от продолжения общегосударственных программ [3].

4. Модель сырьевой и агро-ресурсной специализации с низкой диверсификацией. К этой категории относятся Гуйчжоу, Тибет (Сицзян), Цинхай. Их экономика сильно завязана на уникальных природных ресурсах (террасное земледелие, высокогорное животноводство, туристические ландшафты). За исключением Цинхая, где производство премиальной продукции (шерсть яка, лекарственные травы) обеспечивает высокую производительность, в остальных регионах ключевые отрасли не демонстрируют высокой эффективности труда [2].

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о глубокой неоднородности экономического пространства западных регионов Китая. Успешные модели развития основаны либо на рыночных преимуществах крупного урбанизированного центра, либо на глубокой модернизации и повышении эффективности традиционных отраслей, интегрированных в современные логистические и финансовые цепочки. Регионы, чья специализация остаётся в рамках трудоёмкого сельского хозяйства и сильно зависит от государственных инфраструктурных инвестиций, демонстрируют меньшую устойчивость и уязвимость к изменениям в государственной политике [1, 3]. Перспективы развития западных регионов Китая будут определяться их способностью перейти от экстенсивной, инвестиционно-зависимой модели к интенсивной, основанной на росте производительности труда, углублённой переработке местных ресурсов и развитии

человеческого капитала. Полученные результаты могут быть использованы для разработки более дифференцированной региональной политики, учитывающей специфику и потенциал каждой из выявленных моделей развития.

Список источников

1. Зарубин, А. Н. Российские регионы в системе внешнеэкономической деятельности Китая / А. Н. Зарубин, А. А. Чернышева // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 489. – С. 88-102. – DOI 10.17223/15617793/489/9. – EDN YNRHUM.

2. Захаржевская, А. Ю. Неравномерность развития регионов КНР: зависимость от секторальной структуры экономики / А. Ю. Захаржевская // Региональные исследования. – 2021. – № 1(71). – С. 84-95. – DOI 10.5922/1994-5280-2021-1-7. – EDN TZLVTK.

3. Экономическое развитие регионов: опыт России и Китая : монография / В. А. Ильин, А. А. Шабунова, Т. В. Ускова [и др.]. – Вологда : Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2017. – 402 с. – ISBN 978-5-93299-367-5. – EDN YNLDFN.

4. National Bureau of Statistics of China // National Bureau of Statistics of China. Beijing, 2025. URL: https://www.stats.gov.cn/ (date of access:14.10.2025).

5. Lu Ming, Xiang Kuanhu, Li Pengfei, Li Jiewei, Zhong Yuejun. Specialization and Coordination: New Paradigm, Theory, and Path for Regional Development // China Economist. – 2024. – Vol. 19, No 1. – P. 76-92.

6. The Belt-and-Road initiative and the rising importance of China's Western cities [Electronic resource] // Asia Green Real Estate. Singapore, 2025. URL: https://www.asiagreen.com/en/news-insights/the-belt-and-road-initiative-and-the-rising-importance-of-china-s-western-cities (date of access: 15.10.2025).

УДК 339.9

Соглашение между ЕС и МЕРКОСУР: выгоды и издержки

Власов Константин Александрович
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, z10rpv006@gmail.com
Старцев Богдан Максимович
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, bogdanstartsev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию соглашения между Европейским союзом и МЕРКОСУР в контексте структурной трансформации глобальной торговой системы. Цель исследования заключается в системном выявлении ключевых экономических, а также социально-экологических последствий интеграционного взаимодействия на основе данного документа. Научная новизна работы обеспечивается применением комплексного PEST-анализа, позволяющего оценить влияние политических, экономических, социальных и технологических факторов на реализацию соглашения и её итоги. Авторы приходят к выводу, что при умеренном макроэкономическом эффекте

соглашение обладает значительным стратегическим потенциалом, но его реализации препятствуют серьёзные отраслевые риски и внутриполитические противоречия в ЕС.

Ключевые слова: ЕС, МЕРКОСУР, устойчивое развитие, экономическая интеграция, международная торговля, зона свободной торговли.

В условиях замедления мировой экономики, усиления протекционизма и пересмотра устоявшихся торговых маршрутов соглашение между Евросоюзом и МЕРКОСУР приобретает значение взвешенного стратегического шага. Для ЕС оно выступает инструментом диверсификации внешних связей и способом укрепить позиции в Латинской Америке на фоне обостряющейся конкуренции со стороны других глобальных игроков. Участники МЕРКОСУР, в свою очередь, получают доступ к одному из самых ёмких и требовательных рынков, что на практике создаёт стимулы для обновления производств, повышения качества продукции и привлечения инвестиций.

Переговоры о создании зоны свободной торговли, начавшиеся в 1999 году, на протяжении длительного времени сопровождались расхождениями в политических и экономических приоритетах сторон. Несмотря на согласование основных параметров сделки в 2019 году, её ратификация была отложена из-за экологических требований ЕС, внутреннего сопротивления со стороны аграрного сектора и позиции отдельных государств-членов. Политический компромисс был достигнут в конце 2024 года, после чего в январе 2026 года Совет ЕС одобрил подписание соглашения, официально оформленного 17 января в Асунсьоне.

По прогнозам Европейской комиссии, соглашение с МЕРКОСУР способно оказать выраженное положительное воздействие на внешнеторговую и макроэкономическую динамику ЕС. Ожидается, что к 2040 году совокупный ВВП ЕС получит дополнительный импульс роста, а объём экспорта увеличится до 39%, что создаст предпосылки для расширения занятости в экспортно-ориентированных секторах. Снижение тарифной нагрузки на ключевые промышленные товары (автомобили, оборудование, химическую и фармацевтическую продукцию) укрепляет позиции европейских производителей на рынках стран МЕРКОСУР и снижает барьеры входа [2]. Совокупная ежегодная экономия для экспортёров ЕС за счёт отмены и сокращения пошлин оценивается в более чем 4 млрд евро.

Поэтапная отмена тарифных барьеров создаёт условия для наращивания экспорта традиционной продукции (прежде всего вина, оливкового масла и шоколада), обладающей устойчивым спросом и высокой добавленной стоимостью. Существенную роль играет и расширение международной защиты географических указаний (GI), которое позволяет закрепить за европейскими производителями исключительные права на наименования и тем самым укрепить позиции аутентичной продукции на рынках стран МЕРКОСУР [3].

Наиболее чувствительным направлением остаётся риск усиления конкуренции на европейском рынке агропродовольственной продукции, прежде всего в сегментах говядины и мяса птицы, где позиции южноамериканских поставщиков традиционно сильны. Хотя предусмотренные соглашением объёмы импортных квот носят ограниченный характер (например, 99 тыс. тонн говядины, что эквивалентно примерно 1,5% совокупного производства ЕС), фермерские объ-

единения указывают на вероятность ценового давления и, связанных с этим, потерь занятости [3]. Особенно остро эти опасения проявились во Франции и Ирландии, где животноводство играет ключевую роль в структуре сельской экономики и формирует социальную устойчивость регионов [4].

Макроэкономические оценки свидетельствуют о сдержанном характере эффекта для экономики ЕС: ожидается, что к 2040 году прирост ВВП составит порядка 0,05% [5].

Соглашение между ЕС и МЕКОСУР имеет выраженное геостратегическое значение, поскольку направлено на укрепление позиций Евросоюза в Латинской Америке в условиях растущей активности США и Китая и на диверсификацию внешних торговых связей [1].

Таблица 1 – PEST-анализ соглашения между ЕС и МЕРКОСУР

Категория	**Выгоды**	**Издержки**
P (Political)	Укрепление стратегического партнёрства между ЕС и странами МЕРКОСУР; Усиление роли ЕС как глобального торгово-политического актора; Снижение политической зависимости стран МЕРКОСУР от США и Китая.	Политическое сопротивление внутри ЕС (Франция, Ирландия); Риск несоблюдения экологических и социальных обязательств.
E (Economic)	Снижение тарифов и нетарифных барьеров; Рост экспорта промышленной продукции ЕС; Приток инвестиций и технологий в страны МЕРКОСУР.	Усиление конкуренции для европейских аграриев; Риск деиндустриализации отдельных отраслей в странах МЕРКОСУР; Усиление сырьевой специализации экономики МЕРКСОСУР.
S (Social)	Создание рабочих мест в экспортно-ориентированных секторах; Повышение стандартов труда и социальной защиты (через нормы ЕС).	Социальная напряжённость в уязвимых секторах (с/х ЕС); Риски ухудшения положения коренных народов в странах МЕРКОСУР.
T (Technological)	Трансфер технологий из ЕС в промышленность и АПК МЕРКОСУР; Совместные инновационные проекты и НИОКР.	Технологическая зависимость стран МЕРКОСУР от ЕС; Ограниченный доступ местных компаний к передовым технологиям.

Подписание соглашения между ЕС и МЕРКОСУР стало значимым этапом развития международной экономической интеграции, отражающим стремление сторон углубить торговые и стратегические связи. Потенциальные выгоды связаны с либерализацией тарифов, ростом экспорта и расширением экономического взаимодействия, однако они сопровождаются ощутимыми рисками, прежде всего для аграрного сектора, а также возможными социальными и экологическими последствиями. Продолжающиеся дискуссии вокруг ратификации внутри ЕС наглядно демонстрируют сложность поиска компромисса между ожидаемыми макроэкономическими эффектами и внутренними политическими и общественными приоритетами.

Список источников

1. Council greenlights signature of the comprehensive partnership and trade agreement with Mercosur // Consilium. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/01/09/eu-mercosur-council-greenlights-signature-of-the-comprehensive-partnership-and-trade-agreement/ (дата обращения: 18.01.2026).

2. EU-Mercosur agreement // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/topics/trade/eu-mercosur-trade-agreement_en (дата обращения: 23.01.2026).

3. Factsheet – EU-Mercosur partnership agreement. Opening opportunities for European farmers // European Commission. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/mercosur/eu-mercosur-agreement/factsheet-eu-mercosur-partnership-agreement-opening-opportunities-european-farmers_en (дата обращения: 19.01.2026).

4. Irish farmers fear Mercosur-EU deal recall // The Sun. URL: https://www.thesun.ie/news/16350331/irish-farmers-fear-mercosur-eu-deal-recall/ (дата обращения: 23.01.2026).

5. The EU-Mercosur trade deal: the winners and losers // Politico. URL: https://www.politico.eu/article/eu-mercosur-trade-deal-the-winners-and-losers/ (дата обращения: 27.01.2026).

УДК 332.1

Дифференциация уровня экономического развития и качества жизни в регионах Китая

Вознева Ксения Григорьевна
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, vozneva.kg@mail.ru
Мягкова Алиса Артемовна
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, myagkowa-alisa@yandex.ru
Научный руководитель – канд. экон. наук, доцент Димитриченко О.Д.
SPIN-код: 5120-4298, od_dimitrichenko@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа уровня экономического развития и качества жизни в восьми субъектах Китайской Народной Республики. Исследование основано на построении интегральных рейтингов, сформи-

рованных на базе двух групп показателей: макроэкономические индикаторы и социально-экологические индикаторы. Полученные результаты подтверждают гипотезу о сохранении значительных межрегиональных диспропорций в КНР и подчеркивают необходимость учета двойственной – экономической и социальной – природы регионального развития при разработке стратегических программ.

Ключевые слова: региональная экономика Китая, пространственное развитие, интегральный показатель, уровень экономического развития, качество жизни, межрегиональные диспропорции, провинции КНР.

Китаю свойственна выраженная пространственная неоднородность развития регионов. Ключевым вызовом остаётся исторический разрыв между развитым восточным побережьем и менее развитыми внутренними и западными территориями. Оценка регионального развития требует комплексного подхода, сочетающего макроэкономические и социальные параметры качества жизни. Целью данного исследования является проведение сравнительной интегральной оценки уровня экономического развития и качества жизни в восьми субъектах КНР для выявления характера и глубины существующих диспропорций [2].

Методология исследования базируется на построении нормализованных интегральных индексов по выборке из восьми регионов: Пекин, Хэбэй, Ляонин, Цзянсу, Гуандун, Сычуань, Тибет и Шэньси, что позволяет охватить основные типы регионов Китая. Для оценки уровня экономического развития использовались показатели: абсолютный ВРП (2023 г.), темп роста инвестиций в основной капитал, объем внешней торговли и оборот розничной торговли. На основе ранжирования регионов по каждому показателю был рассчитан средний интегральный балл и проведена их группировка по уровню развития (высокий, средний, низкий) [2].

Для оценки качества жизни использовалась группа социально-экологических показателей: ВРП на душу населения, среднедушевые доходы и расходы населения, коэффициент лесной покрытости, количество высших учебных заведений и музеев, занятость койко-мест в больницах. Исходные данные были нормированы относительно среднего значения по выборке (для занятости коек – обратная нормировка). Интегральный показатель рассчитан как среднее арифметическое семи нормированных значений, на основе которого проведено ранжирование и группировка регионов (результаты в табл. 1 и 2).

Таблица 1 – Исходные показатели для оценки уровня жизни населения в регионах Китая (Составлено авторами на основе данных [5])

Регионы	**ВРП на душу населения**	**Расходы на душу населения**	**Доходы на душу населения**	**Коэффициент покрытия леса**	**Кол-во высших учебных учреждений**	**Занятость койка-мест в больнице**	**Кол-во государственных музеев**
Пекин	200278	50898	37358	43,77	92	80,3	69
Хэбэй	59332	27906	20688	26,78	128	71,6	147
Ляонин	72107	29091	21483	39,24	114	70,9	66

Окончание табл. 1

Регионы	ВРП на душу населения	Расходы на душу населения	Доходы на душу населения	Коэффициент покрытия леса	Кол-во высших учебных учреждений	Занятость койка-мест в больнице	Кол-во государственных музеев
Цзянсу	150487	40461	30488	15,2	168	81,1	330
Гуандун	106985	39333	25142	53,52	162	78,8	223
Сычуань	71835	29280	19978	38,03	137	86	272
Тибет	65642	28858	19924	13,14	7	54,4	15
Шэньси	85448	27303	16992	43,06	97	81	246
ср.знач.	101514,25	34141,25	24006,625	34,0925	113,125	75,5125	171

Таблица 2 – Нормированные значения показателей
и интегральная оценка уровня жизни населения в регионах Китая
(Составлено авторами на основе данных [5])

Регионы	ВРП на душу населения	Расходы на душу населения	Доходы на душу населения	Коэффициент покрытия леса	Кол-во высших учебных учреждений	Занятость койка-мест в больнице	Кол-во государственных музеев	Интегральный показатель	Место в рейтинге
Пекин	1,97	1,49	1,556	1,284	0,813	0,940	0,404	1,209	3
Хэбэй	0,58	0,82	0,862	0,786	1,131	1,055	0,860	0,871	6
Ляонин	0,71	0,85	0,895	1,151	1,008	1,065	0,386	0,867	7
Цзянсу	1,48	1,18	1,270	0,446	1,485	0,931	1,930	1,247	1
Гуандун	1,05	1,15	1,047	1,570	1,432	0,958	1,304	1,217	2
Сычуань	0,71	0,86	0,832	1,115	1,211	0,878	1,591	1,028	4
Тибет	0,65	0,85	0,830	0,385	0,062	1,388	0,088	0,606	8
Шэньси	0,84	0,80	0,708	1,263	0,857	0,932	1,439	0,977	5

Лидерами экономического развития стали прибрежные провинции Гуандун, Цзянсу и столичный Пекин с интегральными баллами 2.25, 2.5 и 3.5 соответственно. Их роль как драйверов национальной экономики с крупнейшими ВРП и объёмами торговли. Пекин компенсирует меньший масштаб экономики высокой концентрацией капитала. К группе со средним уровнем отнесены Хэбэй (4), Сычуань (5) и Ляонин (6). Хэбэй выделяется высокими темпами инвестиционного роста, вероятно, за счёт перетока капитала из Пекина. Группу с низким уровнем составили Тибет (7) и Шэньси (8). Несмотря на рекордный рост инвестиций в Тибете (+35,1%), вследствие государственной поддержки, абсолютные значения ключевых экономических индикаторов (ВРП, торговля) остаются минимальными. Шэньси демонстрирует слабые показатели по всем индикаторам [1,3].

Рейтинг качества жизни возглавили Цзянсу, Гуандун и Пекин. Цзянсу лидер по социальной инфраструктуре, высоким душевым доходам и развитого здравоохранения. Гуандун сочетает высокие экономические показатели с лучшим в выборке коэффициентом лесной покрытости. В Пекине максимальные душевые доходы и расходы, а также высокую обеспеченность объектами образования и культуры. Группу со средним качеством жизни образуют Сычуань (4), Шэньси (5), Хэбэй (6) и Ляонин (7). Их показатели близки к средним по выборке, причем Сычуань выделяется высокой обеспеченностью больничными койками, а Шэньси – значительным числом музеев. Низкое качество жизни зафиксировано только в Тибете (8), прежде всего из-за слаборазвитой социальной инфраструктуры, несмотря на приемлемые показатели ВРП на душу и здравоохранения. Сравнение рейтингов выявило три модели регионального развития в Китае: сбалансированные лидеры (Цзянсу, Гуандун, Пекин); регионы с асимметричным развитием (Хэбэй, Ляонин, Шэньси); периферийный регион с особым статусом (Тибет) [1-4].

Таким образом, исследование подтверждает гипотезу о сохранении в Китае глубоких пространственных диспропорций экономико-социального характера. Выявленные модели развития указывают на то, что высокое качество жизни является производным не столько от текущих темпов экономического роста (как в Тибете), сколько от накопленного потенциала, развитой институциональной среды и эффективной инфраструктуры. Полученные результаты подчеркивают необходимость разработки дифференцированной региональной политики, сочетающей стимулирование экономики отстающих регионов с развитием человеческого капитала, социальной инфраструктуры и экологической устойчивости для долгосрочного сокращения межрегионального неравенства в КНР [4].

Список источников

1. Красова, Е. В. Неравномерность социально-экономического развития регионов Китая как результат устойчивого роста китайской экономики / Е. В. Красова, Я. Цзинь, Л. Чжао // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2016. – № 2(25). – С. 42-49. – DOI 10.18323/2221-5689-2016-2-42-49. – EDN WBVWOJ.

2. Региональная экономика. Теоретические и методические основы региональной экономики : учебник / Л. Г. Демидова, Н. А. Ермакова, В. М. Разумовский, О. Д. Димитриченко. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. – 322 с. – ISBN 978-5-7310-6659-4. – EDN PWSDDL.

3. Самбурова, Е. Н. Региональные проблемы Китая как отражение его быстрого экономического роста / Е. Н. Самбурова // Белорусский экономический журнал. – 2011. – № 2(55). – С. 50-59. – EDN WKOQNT.

4. Яи, Л. Оценка межрегиональной дифференциации в Китае / Л. Яи, Ю. В. Вертакова // Управленческое консультирование. – 2023. – № 10(178). – С. 33-44. – DOI 10.22394/1726-1139-2023-10-33-44. – EDN LGGEKK.

5. National Bureau of Statistics of China // National Bureau of Statistics of China (NBS). URL: https://www.stats.gov.cn/english/ (date of access: 18.12.2025).

УДК 332.1

Типологизация регионов Республики Сербия по плотности экономического пространства

Ермоченко Гордей Иванович
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, gordeyermochenko@gmail.com
Яковлева Софья Игоревна
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, ysoff@internet.ru

Аннотация. В статье представлены результаты диагностики плотности экономического пространства регионов Республики Сербия. На основе анализа шести ключевых социально-экономических показателей (плотность населения, плотность экономически активного населения, валовой региональный продукт, объём промышленного и сельскохозяйственного производства, объём инвестиций) проведено ранжирование четырёх статистических регионов (Белградский, Воеводина, Шумадия и Западная Сербия, Южная и Восточная Сербия). Методом суммирования мест построена интегральная оценка, позволившая выделить три типа регионов по уровню плотности экономического пространства: высокий, средний и низкий. Результаты подтверждают высокую степень пространственной поляризации экономики Сербии с выраженным доминированием столичного региона.

Ключевые слова: плотность экономического пространства, региональная экономика, типология регионов, ранжирование, пространственное развитие, Республика Сербия.

Проблема пространственного неравенства и дифференциации качества экономического пространства остается одной из наиболее актуальных в региональной экономике, особенно для стран с переходной экономикой и незавершенными процессами территориальной консолидации. Республика Сербия представляет собой релевантный объект для подобного исследования, обладая характерной чертой многих постсоциалистических государств – гипертрофированной концентрацией экономического потенциала в столичном регионе при наличии периферийных территорий с признаками депрессивного развития. Целью данного исследования является диагностика и типологизация регионов Сербии по плотности экономического пространства на основе анализа комплекса статистических показателей.

Методологическую основу работы составил метод сравнительного анализа и ранжирования. В качестве объектов исследования выбраны четыре статистических региона (NUTS 2) Сербии: Белградский регион, Воеводина, Шумадия и Западная Сербия, Южная и Восточная Сербия. Для оценки были отобраны шесть индикаторов, отражающих ключевые аспекты социально-экономического потенциала: плотность населения (чел./км²) и плотность экономически активного населения (чел./км²) – как показатели демографического и трудового потенциала; валовой региональный продукт (ВРП) и его плотность (тыс. RSD/км²) – как индикатор общего экономического результата; объёмы промышленного и сельскохо-

зяйственного производства в стоимостном выражении, а также объём инвестиций в основной капитал – как показатели отраслевой специализации и инвестиционной активности. Данные за 2023-2024 гг. были получены из официальных публикаций Республиканского статистического управления Сербии [1, 2]. Для каждого показателя регионы были ранжированы (место с 1 по 4), после чего вычислена итоговая сумма мест для каждого региона. На основе интегрального значения (суммы рангов) проведена типологизация: к регионам с высокой плотностью экономического пространства отнесены те, чья сумма мест находится в первом квартиле распределения; со средней – во втором; с низкой – в третьем и четвертом. Результаты исследования представлены в таблицах 1-2.

Таблица 1 – Ранжирование регионов Республики Сербия
по составляющим плотности экономического пространства (2024 год)

№ п/п	Наименование региона	Плотность населения (чел./км2)	Плотность занятого населения (чел./км2)	Плотность объёма ВРП (тыс RSD/км2)	Плотность объёма промышленного производства (тыс RSD/км2)	Плотность объёма сельскохозяйственного производства (тыс RSD/км2)	Плотность объёма инвестиций (тыс RSD/км2)
1	Белградский регион	520,32	261,28	1 008,59	110,67	6,27	329,55
2	Регион Воеводина	79,81	27,52	85,57	23,45	7,14	17,29
3	Регион Шумадия и Западная Сербия	67,80	20,27	48,16	12,91	3,79	6,81
4	Регион Южной и Восточной Сербии	52,68	14,94	43,25	17,76	2,24	7,32

Таблица 2 – Сводная таблица ранжирования регионов Республики Сербия

№ п/п	Наименование региона	Ранг П1	Ранг П2	Ранг П3	Ранг П4	Ранг П5	Ранг П6	Сумма рангов
1	Белградский регион	1	1	1	1	2	1	7
2	Регион Воеводина	2	2	2	2	1	2	11
3	Регион Шумадия и Западная Сербия	3	3	3	4	3	4	20
4	Регион Южной и Восточной Сербии	4	4	4	3	4	3	22

На основе анализа ключевых социально-экономических показателей была составлена типология регионов Сербии по плотности регионального экономического пространства.

К регионам с высоким уровнем относится Белградский регион.

К регионам со средним уровнем отнесена Воеводина.

К регионам с низким уровнем относятся Шумадия и Западная Сербия, а также Южная и Восточная Сербия.

Таким образом, проведённое исследование подтверждает гипотезу о глубокой пространственной дифференциации экономики Сербии. Выявлен ярко выраженный моноцентрический характер пространственной организации с доминирующей ролью Белградского региона. Разрыв между столичным регионом и остальной территорией, а также между севером (Воеводина) и югом страны является значительным. Полученная типология может служить основой для разработки дифференцированной региональной политики, направленной на снижение диспропорций. Для регионов с низким уровнем плотности экономического пространства (Шумадия и Западная Сербия, Южная и Восточная Сербия) приоритетными мерами могли бы стать: усиление транспортной связанности и логистической инфраструктуры; разработка программ поддержки малого и среднего предпринимательства и привлечения инвестиций; модернизация системы профессионального образования в соответствии с потребностями рынка труда; а также реализация потенциала в сферах туризма и использования природных ресурсов. Для Воеводины актуально укрепление существующих конкурентных преимуществ в агропромышленном комплексе. Политика в отношении Белградского региона должна быть нацелена не только на поддержание его роли как генератора роста, но и на стимулирование диффузии инноваций и экономической активности на соседние территории.

Список источников

1. Investing in fixed assets 2024 // Investing in fixed assets 2024. URL: https://publikacije.stat.gov.rs/G2025/Html/G20251311.html (date of access: 03.12.2025).

2. Regional Republic of Serbia 2024 // The Republic Statistical Office of Serbia. – Belgrade. URL: https://publikacije.stat.gov.rs/G2025/Pdf/G202526001.pdf (date of access: 03.12.2025).

УДК 332.1

Динамика региональной структуры ВРП Испании: оценка методом индексов структурных сдвигов

Завгородняя Анастасия Алексеевна
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, nastyakrasnodar2016@gmail.com
Коршун Владислава Михайловна
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, vladakorshun@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ структурных изменений в экономике автономных сообществ Испании в период с 2010 по 2022 год на основе данных о валовом региональном продукте (ВРП). Целью исследования является оценка степени трансформации региональной экономической структуры с использованием системы индексов структурных сдвигов – коэффициентов А. Салаи, К. Гатева и индекса В.М. Рябцева.

Расчеты выявили общую стабильность структуры ВРП на национальном уровне при наличии разнонаправленных относительных сдвигов в ряде регионов, что указывает на сложный и разнородный характер посткризисного развития экономики Испании.

Ключевые слова: структурные сдвиги, региональная экономика, валовой региональный продукт (ВРП), индекс Рябцева, коэффициент Салаи, коэффициент Гатева, Испания.

Исследование структурных изменений в экономике регионов является ключевым направлением региональной экономики, позволяющим выявить тенденции пространственной концентрации экономической активности, изменения специализации и потенциала роста. В условиях преодоления последствий глобального финансового кризиса и пандемии COVID-19 анализ таких сдвигов для стран с выраженной региональной дифференциацией, к которым относится Испания, приобретает особую актуальность. Целью данной работы является количественная оценка степени изменения структуры валового регионального продукта (ВРП) автономных сообществ Испании за период 2010–2022 гг. с помощью апробированного инструментария индексов структурных сдвигов.

Методологическую основу исследования составляют классические индексы, предназначенные для измерения различий между двумя структурами: квадратический коэффициент структурных сдвигов А. Салаи, коэффициент К. Гатева и индекс В.М. Рябцева.

Эмпирической базой послужили официальные данные о ВРП автономных сообществ и автономных городов Испании за 2010 и 2022 годы [3]. Для каждого региона были рассчитаны доли в общенациональном ВРП (d1 для 2010 г., d2 для 2022 г.), на основе которых вычислены промежуточные величины и итоговые значения индексов. Результаты расчетов представлены в таблице 1.

Агрегированные значения индексов для всей страны составили: коэффициент Гатева – 0,074; индекс Рябцева – 0,053; коэффициент Салаи – 0,187. Значения индекса Рябцева и коэффициента Гатева указывают на весьма низкий уровень общих различий между структурами ВРП 2010 и 2022 годов. Это свидетельствует о высокой степени инерционности и стабильности сложившейся пространственной экономической структуры Испании на макроуровне. В то же время коэффициент Салаи, оказавшийся существенно выше, фиксирует заметные относительные изменения в распределении долей при их попарном сравнении по регионам. Данное расхождение объясняется тем, что коэффициент Салаи, по сути, усредняет относительные сдвиги по всем регионам, и его более высокое значение сигнализирует о том, что на микроуровне (отдельных автономных сообществ) происходили значимые изменения. Так, наиболее существенные положительные относительные сдвиги в доле ВРП наблюдались в автономных городах Сеута и Мелилья, а также в Мурсии, тогда как наиболее заметное относительное сокращение доли зафиксировано в Галисии. Крупнейшие экономики страны – Мадрид и Каталония – сохранили свои лидирующие позиции с минимальными изменениями в долях, что и обеспечило общую структурную стабильность.

Таблица 1 – Расчет промежуточных показателей для индексов структурных сдвигов ВРП регионов Испании за 2010 и 2022 гг.

Испания	2010	2022	d1	d2	(d1-d2)^2	D1^2	D2^2	(d1+d2)^2	((d1-d2)^2)/ (d1+d2)^2)
Андалусия	12729223	18900246	0,0211752	0,0243554	1,011E-05	0,0004484	0,0005932	0,002073	0,0048786
Арагон	3509197	4052078	0,0058376	0,0052216	3,794E-07	3,408E-05	2,727E-05	0,0001223	0,0031022
Астурия	22590616	26481237	0,0375797	0,0341244	1,194E-05	0,0014122	0,0011645	0,0051415	0,0023221
Балеарские острова	26797013	37164955	0,0445771	0,0478917	1,099E-05	0,0019871	0,0022936	0,0085505	0,001285
Кантабрия	12882775	15540457	0,0214306	0,0200258	1,973E-06	0,0004593	0,000401	0,0017186	0,0011482
Кастилия и Леон	3113363	2808059	0,0051791	0,0036185	2,435E-06	2,682E-05	1,309E-05	7,74E-05	0,0314654
Кастилия Ла-Манча	7475952	6530606	0,0124363	0,0084155	1,617E-05	0,0001547	7,082E-05	0,0004348	0,0371824
Каталония	149085075	191753317	0,2480044	0,2470984	8,208E-07	0,0615062	0,0610576	0,2451267	3,348E-06
Валенсия	55633407	68386742	0,0925467	0,088125	1,955E-05	0,0085649	0,007766	0,0326422	0,000599
Экстремадура	11631036	13543393	0,0193483	0,0174524	3,595E-06	0,0003744	0,0003046	0,0013543	0,0026543
Галисия	24892163	8636366	0,0414083	0,011129	0,0009168	0,0017147	0,0001239	0,0027602	0,3321654
Мадрид	198289849	267578839	0,3298569	0,3448091	0,0002236	0,1088056	0,1188933	0,4551743	0,0004912
Мурсия	10777281	37492649	0,0179281	0,048314	0,0009233	0,0003214	0,0023342	0,004388	0,2104147
Наварра	18089072	23210913	0,0300913	0,0299102	3,281E-08	0,0009055	0,0008946	0,0036002	9,114E-06
страна Басков	32772915	40809261	0,054518	0,0525879	3,725E-06	0,0029722	0,0027655	0,0114717	0,0003248
Риоха	8008552	9713131	0,0133223	0,0125166	6,492E-07	0,0001775	0,0001567	0,0006676	0,0009723
Сеута (автономный город)	1494058	1763707	0,0024854	0,0022728	4,521E-08	6,177E-06	5,165E-06	2,264E-05	0,0019968
Мелилья (автономный город)	1367400	1654183	0,0022747	0,0021316	2,047E-08	5,174E-06	4,544E-06	1,942E-05	0,0010541
сумма	601138947	776020139	1	1	0,0021461	0,1898762	0,1988696	0,7753454	0,6320687

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. За период 2010-2022 гг. структура экономики Испании на национальном уровне продемонстрировала высокую устойчивость, о чем свидетельствуют низкие значения индекса Рябцева и коэффициента Гатева. Однако на региональном уровне имели место разнонаправленные и в ряде случаев значительные относительные изменения вклада автономных сообществ в общий ВРП, что отразилось в более высоком значении коэффициента Салаи. Полученные результаты иллюстрируют дивергентные траектории развития испанских регионов: стагнацию или относительное сокращение доли некоторых периферийных областей при относительном росте доли других, часто меньших по масштабу экономик, а также устойчивость ядра в лице Мадрида и Каталонии. Это указывает на сохранение и, возможно, углубление региональных диспропорций в рамках общей стабильной структуры, что требует дифференцированного подхода к региональной экономической политике.

Список источников

1. Агафошин, М. М. Экономическая и социальная география зарубежных стран : Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «География», «Экология и природопользование», «Педагогическое образование» и «Туризм / М. М. Агафошин, С. А. Горохов, Д. В. Заяц. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана", 2020. – 223 с. – ISBN 978-5-238-03378-5. – EDN AVPNCP.

2. Урунов, А. А. Единое и общее экономическое пространство / А. А. Урунов. – Москва : СИНЕРГИЯ , 2014. – 388 с. – ISBN 978-5-94238-055-7. – EDN ZNKEFY.

3. Official site Spanish Statistical Office // Spanish Statistical Office. URL: https://ine.es/en/. (дата обращения 14.10.2025).

УДК 332.1

Модели экономического развития провинций Восточного Китая: сравнительный анализ на основе рейтингового метода

Симкина Арина Александровна
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, arinara04@mail.ru
Соболева Ярослава Владимировна
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Sobolewaiaroslava@gmail.com
Хобатенкова Мария Викторовна
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, mariakho0406@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа уровня экономического развития семи провинций Восточного Китая. Исследование основано на применении рейтингового метода трансформации первичных индика-

торов. На основе интегрального показателя проведено ранжирование регионов и выделены три группы: лидеры (Чжэцзян, Цзянсу, Шанхай), регион со средним уровнем развития (Шаньдун) и аутсайдеры (Фуцзянь, Аньхой, Цзянси). Результаты анализа подтверждают гипотезу о значительной внутренней дифференциации в рамках одного, наиболее развитого макрорегиона Китая, где на фоне процветающих приморских кластеров сохраняются внутренние территории с признаками относительного отставания.

Ключевые слова: региональная экономика Китая, Восточный Китай, экономическое развитие, рейтинговый метод, интегральный показатель, пространственная дифференциация, провинции КНР.

Восточный Китай исторически является наиболее развитым и экономически динамичным макрорегионом Китайской Народной Республики, выполняющим функции локомотива национального роста, центра внешней торговли и инноваций. Однако, несмотря на общий высокий уровень развития, внутренняя структура этого пространства неоднородна. Существенные различия в экономической специализации, инвестиционной активности и степени интеграции в мировую экономику обуславливают необходимость детального сопоставительного анализа на уровне провинций [3]. Целью данной работы является проведение сравнительной оценки уровня экономического развития семи ключевых провинций Восточного Китая (Шанхай, Чжэцзян, Цзянсу, Фуцзянь, Шаньдун, Аньхой, Цзянси) с применением рейтингового метода для выявления внутренних диспропорций и типологизации моделей развития.

Методологической основой исследования послужил метод трансформации первичных показателей в ранговую шкалу с последующим расчетом интегральной оценки. В анализ были включены пять индикаторов за 2023 год, отражающих различные аспекты экономического развития: уровень благосостояния (ВРП на душу населения, млн юаней), инвестиционную динамику (рост инвестиций в основной капитал, %), индустриальную структуру (доля обрабатывающей промышленности в ВРП, %), емкость внутреннего рынка (оборот розничной торговли, млрд юаней) и степень вовлеченности в мировую экономику (объем экспорта товаров и услуг, млрд юаней). Для каждого показателя провинции были ранжированы: наивысшему значению присваивался ранг 1, наименьшему – ранг 7. Интегральный показатель (ИП) для каждой провинции рассчитывался как среднее арифметическое полученных рангов по всем пяти индикаторам:

$$\text{ИП}_i = (\text{Ранг_ВРП}_i + \text{Ранг_Инв}_i + \text{Ранг_Пром}_i + \text{Р} + \text{Ранг_Эксп}_i) / 5$$

На основе значения ИП осуществлялось итоговое ранжирование, где первое место соответствовало наименьшему среднему рангу (наилучший результат). Эмпирической базой послужили официальные статистические данные Национального статистического бюро КНР. Результаты расчетов представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1 – Показатели экономического развития провинций Восточного Китая за 2023 год [2]

Провинции Восточного Китая	**ВРП на душу населения (млн. юаней)**	**Инвестиции в основной капитал (%)**	**Доля обрабатывающей промышленности (%)**	**Оборот розничной торговли (млрд. юаней)**	**Объем экспорта товаров/услуг (млрд. юаней)**
Шанхай	207193	6,5	22,1	1846,1	2275,4
Чжэцзян	129687	6,1	35,8	4306,5	3818,9
Цзянсу	153658	5,2	32,7	3171,6	3971,4
Фуцзянь	130932	3,4	35,6	2085,4	1353,8
Шаньдун	92878	5,2	32,0	3611,4	1953,2
Аньхой	78752	4,0	26,6	2301,4	459,4
Цзянси	72271	1,3	30,9	1369,7	535,4

Таблица 2 – Рейтинговая таблица показателей экономического развития провинций Восточного Китая за 2023 год

Провинции Восточного Китая	**ВРП на душу населения (млн. юаней)**	**Инвестиции в основной капитал (%)**	**Доля обрабатывающей промышленности (%)**	**Оборот розничной торговли (млрд. юаней)**	**Объем экспорта товаров/услуг (млрд. юаней)**	**Интегральный показатель (2+3+4+5+6) / 5**	**Место в рейтинге (min – 1 балл и т.д.)**
Шанхай	1	1	7	6	3	3,6	3
Чжэцзян	4	2	1	1	2	2	1
Цзянсу	2	3	3	3	1	2,4	2
Фуцзянь	3	6	2	5	5	4,2	4
Шаньдун	5	3	4	2	4	3,6	3
Аньхой	6	5	6	4	7	5,6	5
Цзянси	7	7	5	7	6	6,4	6

Анализ интегральных показателей позволил выделить три четко выраженные группы провинций.

Группа лидеров (ИП от 2,0 до 3,6). В нее вошли Чжэцзян (1-е место, ИП=2,0), Цзянсу (2-е место, ИП=2,4) и Шанхай (3-4-е место, ИП=3,6). Эти регионы формируют ядро экономики Восточного Китая. Чжэцзян демонстрирует сбалансированное лидерство, занимая первые места по доле обрабатывающей промышленности (35,8%) и обороту розничной торговли. Цзянсу является абсолютным лидером по объему экспорта (3971,4 млрд юаней), что подтверждает его статус главного экспортного хаба. Шанхай, несмотря на высочайший ВРП на душу населения (207 193 юаня), имеет наименьшую долю промышленности (22,1%), что отражает его постиндустриальную траекторию развития с опорой на финансовые, торговые и деловые услуги.

Провинция с высоким уровнем развития (ИП=3,6). Шаньдун (3-4-е место) занимает пограничное положение между лидерами и следующей группой. Его сила заключается в мощном внутреннем рынке (второе место по обороту розничной торговли – 3611,4 млрд юаней) и значительном промышленном экспорте.

Группа регионов со средним и низким уровнем развития (ИП от 4,2 до 6,4). Сюда относятся Фуцзянь (5-е место, ИП=4,2), Аньхой (6-е место, ИП=5,6) и Цзянси (7-е место, ИП=6,4). Их объединяют относительно низкие показатели ВРП на душу населения и объема экспорта. Наиболее проблемными точками являются катастрофически низкий уровень инвестиций в основной капитал в Цзянси (1,3%), свидетельствующий о глубоких структурных проблемах, и минимальные инвестиционные темпы в Фуцзяни (3,4%), что создает риски для будущего роста даже при сильных текущих промышленных позициях этой провинции.

Таким образом, применение рейтингового метода позволило не только ранжировать провинции, но и выявить качественно различные модели их развития. Исследование подтверждает наличие значительной внутренней дифференциации в Восточном Китае. Дифференциация проявляется не только в абсолютных уровнях развития, но и в структуре экономики: от постиндустриальной модели Шанхая через сбалансированную промышленно-экспортную модель Цзянсу и Чжэцзяна к модели с акцентом на внутренний спрос (Шаньдун) и, наконец, к моделям, демонстрирующим признаки незавершенной индустриализации и инвестиционного дефицита (Аньхой, Цзянси) [1]. Полученные результаты имеют практическую значимость для формирования региональной политики как на национальном уровне Китая, где стоит задача стимулирования отстающих внутренних территорий, так и для внешних экономических агентов, чьи инвестиционные и торговые стратегии должны учитывать глубокую неоднородность даже в пределах самого развитого макрорегиона страны.

Список источников

1. Китай: региональная асимметрия развития / отв. ред. П. М. Иванов. – М.: ИДВ РАН, 2019. – 264 с. – ISBN 978-5-8381-0356-9.

2. Статистический ежегодник Китая, 2023 // Национальное бюро статистики КНР. URL: http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (дата обращения: 10.12.2025).

3. Чжан, Ч. Текущее состояние и проблемы развития высшего образования в регионе дельты реки Янцзы / Ч. Чжан // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11, № 2. – EDN OZANKQ.

УДК 339.9

Торговые отношения между США и Германией в эпоху глобальных потрясений

Старцев Богдан Максимович
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, bogdanstartsev@mail.ru

Власов Константин Александрович
Студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, z10rpv006@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются трансформации в торгово-экономических отношениях между США и Германией, вызванные протекционистской политикой администрации Дональда Трампа. Целью исследования является доказательство тезиса о том, что введение взаимных пошлин, а также конфликт вокруг проекта приобретения Гренландии, привели не к тактической коррекции, а к системному кризису американо-германских экономических связей. Научная новизна работы заключается в применении комплексного PEST-анализа для оценки политических, экономических, социальных и технологических факторов данного кризиса. В результате авторы выявляют и доказывают наличие значительного взаимного ущерба, нанесенного дестабилизацией сотрудничества национальным экономикам обеих стран.

Ключевые слова: США, Германия, торговые отношения, пошлины, экспорт, Гренландия.

Некогда непоколебимое сотрудничество Соединенных Штатов и ФРГ сейчас находится в стадии серьезных изменений и высокой степени неопределённости. Их экономики тесно взаимосвязаны: Германия поставляет США фармацевтическую продукцию (24% экспорта отрасли), авиакосмическую технику (17,1%), оптическое и медицинское оборудование (15%), товары автомобильной промышленности (13%), машиностроения (12,6%). В то же время на ФРГ приходится 20% всех американских оптических и медицинских приборов, 17% фармацевтики, 16% авиакосмической техники и 14% ископаемого топлива [1].

Если в 2024 году Соединенные Штаты вновь смогли стать главным торговым партнером ФРГ впервые с 2016 года, сместив с этой позиции Китай, то в 2025 году позиция вновь была уступлена Поднебесной (с оборотом в 230 млрд евро против 222,8 млрд евро) [2]. Прямое воздействие на торговые отношения между государствами оказывают пошлины в 15%, введенные Дональдом Трампом, и условия торговой сделки, обязывающие Европу открыть рынки для американского экспорта, нанесли значительный урон экспортоориентированной экономике ФРГ: профицит в торговле с США сократился почти на четверть, снижение поставок особенно заметно в передовых отраслях немецкой промышленности – автомобиле- и машиностроении – на 17,5% и 9% соответственно [2]. Вашингтон также столкнулся с неприятными последствиями – за прошедший год

количество немецких инвестиций в американскую экономику сократилось почти вдвое [3].

Ситуация, связанная с обсуждением возможного изменения статуса Гренландии, стала катализатором дальнейшего обострения торговых противоречий. В качестве ответной меры на объявленные США намерения ввести дополнительные 10%-ные пошлины, Европейский парламент инициировал приостановку процесса ратификации торгового соглашения с Вашингтоном, достигнутого в предыдущем году. Одновременно на уровне правительств стран-членов ЕС получила поддержку концепция применения масштабных ответных санкций в сфере торговли. Официальная позиция была выражена в заявлении вице-канцлера ФРГ Ларса Клингбайля о необходимости четко обозначить «достигнутый предел» в переговорах. Экспертное сообщество, в лице главы Федерального объединения германской внешней и оптовой торговли Дирка Яндуры, оценило данный этап как достижение критически низкой точки в истории американо-германских торговых отношений.

Как итог, трансатлантическое экономическое партнерство столкнулось с беспрецедентным кризисом, непосредственным катализатором которого выступила дискуссия о Гренландии. Для Европейского союза и, в частности, Германии, сложившаяся ранее институциональная архитектура сотрудничества с США являлась фундаментальной основой экономической стабильности и предсказуемости. В новых условиях политика администрации США стала восприниматься европейскими элитами как один из ключевых факторов стратегической неопределенности и риска для экономического благополучия региона. Перед ФРГ встала сложная дилемма стратегического выбора между адаптацией к изменяющимся требованиям американской стороны и потенциальными значительными издержками в случае деградации отношений с основным внеевропейским торговым партнером. Уязвимость позиции Германии усугубляется высокой степенью зависимости от импорта сжиженного природного газа из США (составляющего порядка 96% от общего объема импорта СПГ), а также структурными вызовами в ключевых отраслях национальной экономики на фоне растущей глобальной конкуренции, в частности с Китаем.

Однако уязвимая позиция Германии не отменяет негативных последствий для Соединенных Штатов, обусловленных непредсказуемой динамикой торговой политики администрации Трампа. Помимо сокращения прямых инвестиционных потоков из ФРГ и риска применения ЕС масштабных ответных торговых мер, в немецком экспертном сообществе начали звучать призывы к репатриации национальных золотых резервов, хранящихся на территории США. Данный дискурс приобретает особую значимость в контексте того, что ФРГ обладает вторым по объему государственным золотым запасом в мире, значительная часть которого – свыше 1250 тонн, или около 37% от общих резервов – депонирована в Федеральном резервном банке Нью-Йорка. Реализация подобных предложений на практике способна нанести существенный репутационный ущерб США, подорвав устоявшиеся представления о Вашингтоне как о гаранте надежности и стабильности в рамках трансатлантической финансовой архитектуры [4].

Таблица 1 – PEST-анализ американо-германских торговых отношений

Категория	**Фактор**	**Оценка влияния (1-слабое 2-среднее 3-сильное)**	**Наиболее уязвимая сторона**
P (Political)	Новый внешнеполитический курс США	3	Германия
	Геополитический кризис вокруг Гренландии	3	Германия
E (Economic)	Введение и шантаж американскими пошлинами	3	Германия
	Энергетическая зависимость ФРГ от американского СПГ	3	Германия
	Структурная торговая взаимозависимость	2	США, Германия
	Сокращение немецких инвестиций в США	2	США
	Изъятие немецких золотых запасов	2	США
S (Social)	Изменение восприятия США в Европе	2	США
T (Technological)	Снижение взаимодействия в сфере инноваций	2	США, Германия

Наиболее уязвимой стороной в краткосрочной перспективе определенно выступает Германия, испытывая давление со стороны 6 из 9 факторов (в том числе всех с оценкой 3), оказывающих влияние на торговые отношения. Ее уязвимость носит системный характер, затрагивая экономическую модель и энергетическую безопасность. США сталкиваются с отложенными стратегическими проблемами (факторы со средним уровнем воздействия): потеря доверия как инвестиционного центра и надежного партнера в долгосрочной перспективе наносят значительный урон глобальному влиянию. Взаимная уязвимость в технологической и торговой сферах и общее ослабление трансатлантического партнерства демонстрируют губительный эффект для обоих сторон.

После встречи с генсеком НАТО Марком Рютте Дональд Трамп отказался от идеи вводить дополнительные пошлины на европейские товары, так как была заложена основа для «соглашения» по Гренландии. Не исключено и то, что советники президента США предостерегли его от опрометчивого шага, дав понять, что Америка может потерять ключевого партнера в лице Европы. Однако считать кризис разрешенным преждевременно.

Список источников

1. Германия и США: торговля на грани фола // MK News. URL: https://www.mknews.de/social/2025/04/17/germaniya-i-ssha-torgovlya-na-grani-fola.html (дата обращения: 28.01.2026).

2. США утратили статус главного торгового партнера ФРГ, уступив КНР – стат-ведомство Германии // Независимая газета (NG). URL: https://www.ng.ru/news/832206.html (дата обращения: 28.01.2026).

3. Exclusive: German investments in US nearly halved in Trump's first year back, report shows // Reuters. URL: https://www.reuters.com/world/europe/german-investments-us-nearly-halve-trumps-first-year-back-report-shows-2026-01-19/ (date of access: 28.01.2026).

4. Trump spurs questions about safety of Germany's gold in New York // Reuters. URL: https://www.reuters.com/business/finance/trump-spurs-questions-about-safety-germanys-gold-new-york-2025-05-30/ (date of access: 29.01.2026).

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

УДК 338.2

Этапы трансформации бизнеса в цифровой экономике: анализ этапов и их особенностей

Кокшаров Егор Дмитриевич
студент, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
SPIN-код 2274-4471, koksharovegor785@gmail.com

Аннотация. В рамках исследования проведено сравнение четырех последовательных стадий цифровой трансформации: оцифровки, автоматизации, цифровизации и цифровой трансформации, с учетом специфических технологических решений на каждом уровне. Практическая значимость результатов заключается в возможности обоснованного распределения ресурсов организациями при планировании инвестиций в цифровые изменения.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация, автоматизация, оцифровка.

Экономика переживает технологический бум с резким ростом данных: с 64,2 зеттабайт в 2020 году до 175 зеттабайт к 2025 году [9]. Снижение затрат на обработку информации сделало аналитические инструменты доступными для средних предприятий.

В России цифровизация растет на 4,8% в 2023-2024 годах, лидируют ИТ, телекоммуникации и финансы [2]. Многие организации испытывают трудности с внедрением инноваций из-за размытых терминов «оцифровка», «автоматизация», «цифровизация» и «цифровая трансформация» [1, 3], что затрудняет разработку стратегий цифровой трансформации.

Цель исследования – выявление и анализ технологических и организационных маркеров каждой стадии цифровизации и формирование практических рекомендаций по последовательному переходу между этапами трансформации.

Оцифровка – процесс преобразования аналоговых данных в электронный формат, необходимый для дальнейшей трансформации [12]. Для этого используются RFID-метки, IoT-датчики, сканеры документов и базовые ERP-системы. В 2020 году «Сургутнефтегаз» начал оцифровку документооборота, планируя сканировать и загружать все производственные и управленческие документы в электронное хранилище, что обеспечит качественное и компактное хранение юридически значимых документов [7].

Цифровая автоматизация направлена на внедрение цифровых решений для сокращения ручного труда. Используются инструменты роботизации, интеграции систем и создание макросов. В «ТМК ЦБУ» к 2023 году внедрено более 30 программных роботов, автоматизирующих повторяющиеся задачи, такие как обработка актов сверки, регистрация больничных и анализ банковских выписок [8].

Автоматизация вызывает локальные изменения в структуре подразделений, что может привести к переобучению или сокращению персонала, вызывая среднее сопротивление.

Метрики эффективности автоматизации включают снижение ошибок, высвобождение 1-5 человек, низкие затраты на разработку и техническую поддержку по сравнению с получаемым эффектом.

Цифровизация предполагает системное применение технологий для улучшения всех процессов в организации, что создает синергетический эффект [3]. Используются облачные хранилища, системы потоковой аналитики, ИИ, чатботы, платформы Low-code и No-code и другие инструменты. Например, компания «Яндекс» ускорила свои бизнес-процессы с помощью машинного обучения, включая поисковые алгоритмы и управление логистикой [4].

Цифровизация меняет структуру организации: появляются новые роли (Data Scientist, ML Engineer, DevOps), переформатируются подразделения вокруг процессов, требуя переподготовки сотрудников. Сопротивление изменениям, особенно со стороны среднего менеджмента, может быть высоким. Критерии готовности к цифровизации включают автоматизацию минимум 30% процессов, техническую базу для работы с большими данными, подготовленных специалистов, достаточный бюджет и готовность топ-менеджмента к изменениям.

Цифровая трансформация выходит за рамки оптимизации и означает переосмысление самой сущности бизнеса, способов создания ценности и взаимодействия со стейкхолдерами [6]. Применяются те же инструменты, что и во время цифровизации, однако данные становятся основным активом компании. Компании «Netflix» и «Amazon» прошли путь от стандартной бизнес-модели с низкой маржинальностью, до новой системы бизнеса, основанной на данных [10, 11]. «Сбер» всегда считался традиционным розничным банком, однако с недавнего времени компания провела радикальную трансформацию, став технологической. Вокруг банковского ядра создана экосистема услуг, которые с каждым годом приносят все больше доходов организации [5].

На этом этапе происходит изменение структуры: создаются многофункциональные команды, работающие по методологии Agile, появляется ответственные за цифровую трансформацию, переосмысляются системы KPI. Уровень сопротивления максимально высокий – происходит борьба культур между «старой» компанией и «новой» цифровой организацией.

Для цифровой трансформации компании необходимо пройти несколько ключевых шагов. Сначала переосмыслить миссию и ценностное предложение, выявить новые источники дохода с помощью цифровых технологий и, возможно, создать отдельное цифровое подразделение. Затем внедрить платформы для low-code разработки, потоковую аналитику и сформировать центр компетенций по цифровым технологиям. На третьем этапе внедряются радикальные решения, такие как ИИ-модели или изменение юнит-экономики, что может вывести компанию в лидеры отрасли.

Исследование показало четыре этапа трансформации: оцифровка, автоматизация, цифровизация и цифровая трансформация. Каждый этап имеет свои технологические и организационные маркеры. Успешная трансформация требует не только инвестиций, но и изменения организационной культуры и мышления. Российские компании успешно реализуют первые три этапа, но часто сталкиваются с трудностями при трансформации бизнес-моделей.

Список источников

1. Гадецкий, В. Г. Особенности цифровизации на муниципальном уровне / В. Г. Гадецкий, А. А. Корякина // Материалы международного научного форума «Образование. Наука. Культура»: Сборник научных статей в 5 частях, Гжель, 25 ноября 2020 года / Гжельский государственный университет. Том Часть 3. – Гжель: Гжельский государственный университет, 2021. – С. 83-87. – EDN CPPRRC.

2. Индекс цифровизации отраслей экономики и социальной сферы // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/785333175.pdf (дата обращения: 20.09.2025).

3. Катрин, Е. В. «Цифровизация»: научные подходы к определению термина / Е. В. Катрин // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2022. – Т. 28, № 5. – С. 49-54. doi:10.21209/2227-9245-2022-28-5-49-54.

4. Кузовкова, Т. А. Особенности и тенденции развития цифровых экосистем на примере компании Яндекс / Т. А. Кузовкова, О. П. Алмаева, И. М. Шаравов // Экономика и качество систем связи. – 2025. – Т. 1, № 35. – С. 4-16. EDN THGALI.

5. Потягова, В. С. Влияние цифровой трансформации на экономическую эффективность ПАО "Сбербанк" / В. С. Потягова // Новизна. Эксперимент. Традиции. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 72-76. EDN WLOOZH.

6. Савельев, И. И. Цифровая экономика и цифровизация: понятие, сущность, значение / И. И. Савельев, Н. В. Абдуллаев // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т. 2, № 11. – С. 13-18. EDN YOFVFR.

7. «Сургутнефтегаз» переносит миллион документов в электронный архив // CNews. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/articles/2020-08-31_surgutneftegaz_perenosit_million (дата обращения: 20.12.2025).

8. ТМК стала лауреатом конкурса лучших решений для цифровой экономики ComNews Awards // Trubnik.online. [Электронный ресурс]. URL: https://trubnik.online/articles/2541/ (дата обращения: 20.12.2025).

9. Data growth worldwide 2010-2028 // Statista. [Electronic resource]. URL: https://www.statista.com/statistics/871513/worldwide-data-created/ (accessed: 20.09.2025).

10. Gobble, M. A. M. Digital strategy and digital transformation. Research-Technology Management, 2018, vol. 61, no. 5, pp. 66-71 doi:10.1080/08956308.2018.1495969.

11. Nelsa, P. Netflix's Digital Transformation Strategy: A Systematic Review of Challenges and Risk Mitigation Approaches. Jurnal Ilmiah Penelitian dan Pembelajaran Informatika, 2025, vol. 10, no. 2, pp. 1133-1143, doi:10.29100/jipi.v10i2.5927.

12. Verhoef, P. C. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda. Journal of business research, 2021, vol. 122, pp. 889-901, doi:10.1016/j.jbusres.2019.09.022.

УДК 338.24:004.9

Информационные технологии industry 4.0 как фактор устойчивого развития предприятий

Мустафаев Заур Имран оглы
Аспирант, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург, Россия
zauriwe@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрена роль информационных технологий Industry 4.0 (I4.0) в обеспечении устойчивого развития предприятий. На основе международной и отечественной статистики показано, что цифровизация экономики сопровождается ростом рынка индустриальных решений, расширением применения интернета вещей, больших данных и ИИ. Научная новизна данного исследования состоит в увязке статистически фиксируемого распространения цифровых технологий с их функцией повышения управляемости устойчивого развития предприятий. В итоге работы, автором сделан вывод о том, что технологии I4.0 выступают не только инструментом автоматизации, но и инфраструктурой ресурсной, производственной и управленческой устойчивости.

Ключевые слова: цифровая экономика, Industry 4.0, устойчивое развитие, промышленный интернет вещей, большие данные, искусственный интеллект.

В условиях цифровой экономики устойчивое развитие предприятий все в большей степени определяется не только состоянием его ресурсной базы и рыночных позиций, но и способностью выстраивать управление на основе данных. Именно в этой логике технологии I4.0 приобретают стратегическое значение, обеспечивая наблюдаемость производственных процессов, повышают точность управленческих решений, создавая основу для повышения эффективности использования ресурсов. Так, в работе «Industry 4.0, digitization, and opportunities for sustainability» под авторством M. Ghobakhloo показано, что цифровизация промышленности связана с переходом к более ресурсосберегающим и адаптивным моделям производства [1]. В коллективной статье L.B. Furstenau и соавторов «Link Between Sustainability and Industry 4.0: Trends, Challenges and New Perspectives» обосновано, что связь между устойчивостью и Industry 4.0 проявляется через интеграцию данных, автоматизацию и аналитическую поддержку управления [2].

Анализ целого ряда источников статистических данных подтверждают, что рассматриваемый технологический сдвиг имеет крупный экономический масштаб. Так, по данным «Grand View Research», в 2023 году мировой рынок I4.0 оценивался в 146,14 млрд долл. США и, по прогнозу, достигнет 627,59 млрд долл. США к 2030 г. при среднегодовом темпе роста 19,9%. Можно сделать вывод, что цифровые промышленные решения перестали быть локальным направлением автоматизации и превратились в самостоятельный инвестиционный контур глобальной экономики [5]. Вместе с тем, по данным «IoT Analytics», число

подключенных IoT-устройств в мире составило 16,6 млрд к концу 2023 г., а уже к 2030 г. может превысить 40 млрд, что отражает быстрое наращивание сенсорной и коммуникационной инфраструктуры цифрового производства [6].

Для отечественной экономики также характерно расширение цифровой базы. Согласно материалам «ИСИЭЗ НИУ ВШЭ», в 2024 г**.** сектор ИКТ произвел товаров, работ и услуг на 7,2 трлн руб., а с 2020 г. данный показатель в постоянных ценах вырос более чем на треть [3]. В статистическом сборнике «Индикаторы цифровой экономики: 2026» показано, что в 2024 г. технологии интернета вещей использовали 11% организаций предпринимательского сектора, большие данные 7%, а технологии ИИ 6%. При этом в международном сопоставлении российские показатели пока заметно уступают ряду ведущих стран [3]. Представленные данные демонстрируют, что в России цифровая трансформация уже имеет измеряемую статистическую основу, однако ее глубина и распространенность остаются неоднородными.

Особый интерес представляет не только масштаб распространения технологий, но и фиксируемые эффекты их применения. По данным исследования «ИСИЭЗ НИУ ВШЭ» «Искусственный интеллект в России: разработка и применение», среди организаций, использующих ИИ, 57,5% отметили положительное влияние на качество и эффективность бизнес-процессов, 46,2% на качество и эффективность производственных процессов, 38,3% на рост доходов, 19,6% на рост производительности труда [4]. В свою очередь, Deloitte в исследовании «2025 Smart Manufacturing Survey» указывает, что внедрение smart manufacturing initiatives (инициативы в области интеллектуального производства) в среднем сопровождалось ростом производственного выпуска на 10–20%, ростом производительности персонала на 7–20% и увеличением доступной мощности на 10–15% [7]. Эти данные эмпирически подтверждают, что технологии I4.0 воздействуют не только на скорость обработки информации, но и на ключевые параметры операционной устойчивости предприятия. Эти и другие данные структурированы в таблице 1 вместе с краткой характеристикой их экономического вклада.

Таблица 1 – Ключевые статистические индикаторы развития технологий Industry 4.0. Источник: Составлено автором

Показатель	**Значение в % и $США**	**Экономический вклад**
Мировой рынок Industry 4.0, 2023 г.	146,14 млрд	высокий текущий масштаб цифровой индустрии
Мировой рынок Industry 4.0, прогноз на 2030 г.	627,59 млрд	ускоренное расширение рынка и инвестиций
Подключенные IoT-устройства в мире, 2023 г.	16,6 млрд	рост цифровой инфраструктуры данных
Подключенные IoT-устройства в мире, прогноз на 2030 г.	> 40 млрд	дальнейшее углубление машинной связности

Окончание табл. 1

Показатель	Значение в % и $США	Экономический вклад
Организации РФ, использующие IoT, 2024 г.	11%	формирование технологической базы наблюдаемости
Организации РФ, использующие большие данные, 2024 г.	7%	ограниченная, но измеримая аналитическая зрелость
Организации РФ, использующие ИИ, 2024 г.	6%	начальная стадия широкого внедрения ИИ
Организации-пользователи ИИ, отметившие улучшение бизнес-процессов	57,5%	подтвержденный управленческий эффект
Организации-пользователи ИИ, отметившие улучшение производственных процессов	46,2%	подтвержденный производственный эффект

С управленческой точки зрения наибольшее значение имеют не отдельные технологии сами по себе, а их функциональная взаимосвязь в рамках управленческого контура. Промышленный интернет вещей формирует слой первичных данных, большие данные и аналитические инструменты обеспечивают их обработку, искусственный интеллект усиливает прогнозную и оптимизационную функцию, интегрированные ERP/MES и иные цифровые системы связывают аналитику с реальными бизнес-процессами. В результате создается цифровой контур управления, в рамках которого устойчивое развитие перестает носить декларативный характер и становится измеряемым объектом управленческого воздействия. Именно поэтому технологии I4.0 следует рассматривать как фактор устойчивого развития не в узком технологическом, а в стратегически управленческом смысле.

Проведенный в данной статье анализ позволяет сделать вывод о том, что технологии Industry 4.0 формируют инфраструктурную основу устойчивого развития предприятий. Их значение заключается не только в автоматизации операций, но и в создании среды, в которой становятся возможными постоянный мониторинг процессов, оперативная аналитика, более точные управленческие решения и повышение ресурсной эффективности. Следовательно, в условиях цифровой экономики устойчивость предприятия все в большей мере определяется степенью включенности в цифровые контуры данных, аналитики и интеллектуального управления.

Список источников

1. Абашкин В. Л., Абдрахманова Г. И., и др.; Индикаторы цифровой экономики: 2026 : статистический сборник / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2026. 304 с.

2. Искусственный интеллект в России: разработка и применение / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», ИСИЭЗ. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 87 с.

3. Ghobakhloo, M. Industry 4.0, digitization, and opportunities for sustainability // Journal of Cleaner Production. 2020. Vol. 252.

4. Furstenau, L. B., Sott, M. K., Kipper, L. M. et al. Link Between Sustainability and Industry 4.0: Trends, Challenges and New Perspectives // Applied Sciences. 2020. Vol. 10. No. 18.

5. Industry 4.0 Market Size, Share And Growth Report, 2030. Grand View Research, [Электронный источник]:URL https://www.grandviewresearch.com/horizon/outlook/industry-4.0-market-size/global#:~:text=The%20global%20industry%204.0%20market,19.9%25%20from%202024%20to%202030 (Дата обращения 08.03.2026)

6. State of IoT Summer 2024 / IoT Analytics. [Электронный источник]:URL https://iot-analytics.com/product/state-of-iot-summer-2024/ (Дата обращения 05.03.2026)

2025 Smart Manufacturing Survey. Deloitte Insights. [Электронный источник]:URL https://www.deloitte.com/us/en/insights/industry/manufacturing-industrial-products/2025-smart-manufacturing-survey.html (Дата обращения 08.03.2026)

УДК 336

Особенности оценки экономической эффективности цифровых проектов предприятий производственного сектора

Краснощеков Дмитрий Семенович
аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
SPIN-код: 3893-1580, ariesdouble@yandex.ru
Калюков Николай Сергеевич
аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, ws555w@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована проблематика оценки эффективности цифровых проектов в рамках производственного сектора. Актуальность исследования была подтверждена путем анализа публикаций по исследуемой тематике. На их основе авторами выделяются основные аспекты и методы оценки эффективности цифровых проектов в рамках производственного сектора. Как итог, статья может быть использована для практического применения и для дальнейшего развития в рамках сферы оценки эффективности цифровых проектов.

Ключевые слова: цифровые проекты, цифровые технологии, цифровая экономика, цифровизация, финтех.

В рамках современной экономики процессы автоматизации и цифровизации становятся все более актуальными и востребованными как со стороны сотрудников, выполняющих локальные линейные функции, так и со стороны владельцев производственных предприятий. В отличии от цифровых организаций, для которых вопросы разработки и внедрения цифровых технологий могут слу-

жить основой для операционной деятельности, для предприятий производственного сектора вопросы оптимальной оценки эффективности внедрения и поддержки подобных вспомогательных к основной деятельности инструментов встают особенно остро. Подчеркивается актуальность исследуемой сферы и наличием исследований по данной тематике среди отечественной ученых в рамках научно-исследовательских изданий. Среди основных актуальных работ были выделены следующие:

- статья коллектива авторов Бабкина А.В., Михайлова П.А. и Ташеновой Л.В. «Оценка эффективности внедрения цифровой платформы промышленного предприятия», в рамках которой рассмотрены как подходы к дефиниции основных терминов, так и проанализированы, и классифицированы ключевые аспекты внедрения цифровых платформ как инвестиционных проектов для промышленных предприятий [1];

- статья авторов Чулановой О.Л., Чуланова Д.В. и Хохряковой Ю.А. «Цифровые инструменты оптимизации деятельности проектных команд», которая освещает анализ методов управления цифровыми проектами и выделяет основные различия данного стиля управления [5];

- в рамках статьи Ковшовой М.В. «Современные методы и технологии управления проектами в условиях цифровизации» также исследуется аспекты влияния и ключевые инструменты для оценки эффективности цифровых проектов на современных предприятиях [2];

- в рамках статьи Силкиной Г.Ю. и Шабан А.П. «Цифровые инновации: сущностные характеристики и особенности» подчеркиваются современные аспекты разработки и внедрения цифровых инноваций, которые находятся в стадии развития и имеют дальнейшие аспекты для формирования новых идей и направлений [4];

- оценка эффективности внедрения цифровых проектов и их влияния на повышения производительности и сокращения времени выполнения технологических операций в производственных секторах проанализировано в статье «Оценка эффективности цифровой трансформации секторов экономики» авторов Моисеевой А.Е. и Мурашовой Н.А. [3].

На основе изученной литературы следует подчеркнуть актуальность и значимость исследуемой тематики, поскольку в современных реалиях польза от внедрения цифровых проектов не редко может быть ясна и понятна, но вопрос оценки ее эффективности крайне затруднителен, и выгода может проявиться спустя значительное время. В рамках оценки эффективности цифровых проектов предприятий производственного сектора подобный вопрос также становится актуальным, поскольку разработка и внедрение цифровых проектов может осуществляться как непосредственно внутри компании с помощью цифровых отделов, так и на основе услуг внешних организаций, в том числе как разработчиков, так и консультантов.

Для непосредственной оценки предлагается использовать и применять три традиционных глобальных метода оценки, а именно затратный, доходный и сравнительный. Затратный метод будет полезен, когда цифровые проекты привносят

технологическую выгоду для предприятия, доходный в случае, когда проект имеет операционный эффект, а сравнительный для сложных комплексных проектов, когда требуется статистика и существующие альтернативы внедрения подобных или схожих цифровых проектов.

В рамках затратного метода ключевой метрикой будет являться либо совокупная стоимость владения, либо стоимость единоразовой покупки, либо стоимость ежегодной поддержки. Подобное различие будет формироваться в зависимости от формы приобретения и внедрения цифрового продукта в рамках проекта.

Для доходного метода ключевой метрикой будет считаться рентабельность инвестиций (ROI) и расчет прогнозируемого дохода или дополнительной прибыли от внедрения цифрового продукта. Помимо этого, для непосредственной оценки экономической эффективности корректным будет применение показателя чистой приведенной стоимости (NPV) в случае наличия постоянных денежных потоков.

В рамках сравнительного подхода вопрос оценки эффективности является наиболее сложным, поскольку, с одной стороны, он будет довольно прост в использовании и позволит проанализировать результаты существующих альтернатив и проектов, однако при использовании данного метода для оценки цифровых проектов особенно остро встает проблематика труднодоступности данных и проектов для сравнения, а также то, что в сравнении будут участвовать проекты прошлого, для которых не оценивается как текущая конъюнктура цифрового рынка и производственного сектора, так и не оцениваются перспективы развития и ожидания цифровой трансформации предприятия, в рамках которого происходит разработка или же внедрение цифрового проекта.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что каждый из вышеописанных методов имеет в свой основе структуру расчетов, которые носят вероятностный характер, а в рамках высокой волатильности рынка цифровых технологий подобный вероятностный характер начинает приобретать все большую форму, вследствие чего и разброс в оценке эффективности цифровых проектов становится не малым, что подчеркивает необходимость дальнейших доработок и разработок модифицированных моделей и методов оценки эффективности цифровых проектов, спроектированных и сформулированных в специфическом формате для цифровой отрасли. В то же самое время, как существующие, так и потенциально новые подходы к подобной оценке должны удовлетворять ряду определенных требований, главное из которых – обоснование ценности внедряемого проекта. Как правило, подобная ценность не является исключительно технической или технологической, а должна нести и экономический характер, вследствие чего в очередной раз подтверждается актуальность исследуемой проблематики, а именно особенностей оценки экономической эффективности цифровых проектов, в особенности для предприятий производственного сектора.

Список источников

1. Бабкин, А. В. Оценка эффективности внедрения цифровой платформы промышленного предприятия / А. В. Бабкин, П. А. Михайлов, Л. В. Ташенова // Естественно-гуманитарные исследования. – 2023. – № 1(45). – С. 17-29. – EDN KMMNYH.

2. Ковшова, М. В. Современные методы и технологии управления проектами в условиях цифровизации / М. В. Ковшова // Образование, технологии и общество на смене эпох: Материалы XX международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. В 2-х томах, Москва, 28–29 марта 2024 года. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2024. – С. 865-875. – EDN EOPSSF.

3. Моисеев А. Е., Мурашова Н. А. Оценка эффективности цифровой трансформации секторов экономики // Инновации и инвестиции. 2023. №7. – С. 388-391.

4. Силкина, Г. Ю. Цифровые инновации: сущностные характеристики и особенности / Г. Ю. Силкина, А. П. Шабан // π-Economy. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 51-62. – DOI 10.18721/JE.16504. – EDN VFJBFC.

5. Чуланова, О. Л. Цифровые инструменты оптимизации деятельности проектных команд / О. Л. Чуланова, Д. В. Чуланов, Ю. А. Хохрякова // Актуальные проблемы социальных и трудовых отношений : Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию образования Российской академии наук, Махачкала, 16 декабря 2022 года. – Махачкала: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук, 2023. – С. 50-54. – DOI 10.26159/APSTO.2022.10.10.010. – EDN LTWTIB.

УДК 330.34.01

Особенности информации как товара в условиях становления цифровой экономики

Кузьменко Карина Александровна
Студент, Белорусский национальный технический университет,
kuznekokarina@icloud.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности информации как универсального товара в условиях становления цифровой экономики и её роль в создании рыночной стоимости и повышении эффективности производства. Раскрываются ключевые характеристики информации: нематериальная природа, способность к быстрому распространению при минимальных издержках копирования и высокая добавленная стоимость. Анализируются противоречия между открытым информационным пространством и ограниченным доступом к данным, а также связанные с этим риски пиратства. Информация становится стратегическим фактором конкурентоспособности и требует совершенствования правового регулирования в цифровой экономике.

Ключевые слова: оптимизация производства, информационное пространство, интернет-рынок, цифровизация, конфиденциальная информация.

В условиях современных тенденций развития науки и техники, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), информация играет ключевую роль. Информация сегодня – главный ресурс не только в рамках общественной

жизни, но также в экономике. Вливание механизмов цифровизации в рыночную экономику влечет за собой глобальные изменения. Появление новых возможностей развития, конкуренции и удержания своего места на рынке для предпринимателей безусловно является ключевой характеристикой информации, ведь её «экономическая ценность заключается в возможности производить богатство» [1, с. 289]. Таким образом, в результате возникающих изменений информация меняет свою сущность не только в пределах общественной жизни, но и в производственных процессах.

Информация имеет тенденцию к скоротечному росту и распространению, на сегодняшний день, рассматривая цифровую экономику мы говорим о ней как о некой части рыночной экономики, информация же в свою очередь является универсальным товаром, и сегодня о информации можно говорить как о полноценном продукте, ведь она обладает потребительским спросом и способна удовлетворить желания и нужды потребителя. Это говорит о том, что информация имеет высокую потребительную стоимость, ведь находит своё применение в производстве товаров, придавая им улучшенные характеристики по качеству и способствует экономии времени на их производство. При помощи различных видов информации предприниматели достигают экономии труда, времени и материальных ресурсов посредством оптимизации производства, и ускорения процесса принятия решений по различным направлениям деятельности.

Как отмечают А.Б. Бабаев и Т.Н. Егорушкина, «информация – единый универсальный товар для цифровой экономики» [2, с. 12]. Характеризовать информацию как товар можно с одной стороны рассматривая то, что свойственно товарам в общем, а с другой стороны учитывая её природу и особенности. Во-первых, информация не имеет вещественной (материальной) формы, то есть является нематериальным товаром. Во-вторых, информация способна к быстрому распространению, что даёт возможность охарактеризовать информацию как «всепроникающую субстанцию» [2, с. 12]. В контексте производства данная особенность находит своё применение в минимальных затратах на ресурсы (затраты на производство одной копии информации приравниваются к затратам на производство тысячи копий этой же информации). В-третьих, существуют признаки того, что информация теряет свою жизнеспособность в традиционных условиях. Данное высказывание подразумевает под собой необходимость анализа, разработки, визуализации информации на основе одинаковых методов, в противном случае единое информационное пространство считается разрушенным [3, с. 2].

Рассмотрение информации в процессе производства довольно интересно и также характеризует особенности информации. Следует выделять особенности информации в процессе совершения сделки купли-продажи на Интернет-рынке: при приобретении традиционного товара ожидается последующая оплата единицы товара, в случае рассмотрения информации – своеобразная оплата осуществляется посредством трафика. Однако, когда речь заходит о некоторых типах

информации, которые по своей природе являются конфиденциальными и имеют ограниченной доступ может возникать ситуация, требующая последующей оплаты денежных средств. Данная ситуация является ключевым аспектом возникновения конфликтов между «закрытой» информацией с ограниченным доступом и единым информационным пространством с неограниченным доступом, что влечет за собой глобальные проблемы и правонарушения в виде компьютерских пиратств.

В контексте производства также интересна информация в понятии добавленной стоимости, так как при производстве традиционных товаров добавленная стоимость варьируется от 10 до 70 %, что касаемо информации как товара – добавленная стоимость приравнивается к 100 % [2, с.16]. Это явление наблюдается исходя из ситуации затрат на производство, так как при производстве информации все затраты связаны с её созданием, а не с физическим производством, которое характерно для традиционных товаров. Затраты на производство традиционных товаров включают в себя значительную часть затрат на материалы, транспортировку и логистику, информация формируется в существенной степени основываясь на знаниях, интеллекте и времени, затрачиваемых на её создание и разработку.

Таким образом, информация в условиях цифровой экономики становится не просто ресурсом, а самостоятельным и универсальным товаром, обладающим уникальными характеристиками, отличающими его от традиционных материальных продуктов. Нематериальная природа информации, способность к быстрому и почти безвозвратному воспроизводству, отсутствие физического ограничения в доступе и высокая добавленная стоимость формируют новые экономические отношения и механизмы производства, реализации и потребления. Вызовы, связанные с защитой прав на информацию и балансом между открытостью и ограниченным доступом, требуют дальнейшего совершенствования правовой базы и механизмов регулирования. В конечном счёте именно информация становится стратегическим фактором конкурентоспособности и инновационного развития экономики в эпоху цифровизации.

Список источников

1. Нобатов, А. М. Информация в цифровой экономике / А. М. Нобатов, А. И. Маткаримов // Вестник науки. – 2023. – Т. 1, № 3 (60). – С. 287-290. – DOI 10.24412/2411-0450-2023-3-287-290. – EDN ZUMLXE.

2. Бабаев, А. Б. Информация как универсальный товар в период развития цифровой экономики / А. Б. Бабаев, Т. Н. Егорушкина // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 1–1. – С. 11-17.

3. Бучинская, О. Н. Информация как ресурс в эпоху цифровой экономики / О. Н. Бучинская // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2022. – Т. 32, № 2. – С. 209-215. – DOI 10.35634/2412-9593-2022-32-2-209-215. – EDN CPBMDT.

УДК 004.8:005

Риски внедрения искусственного интеллекта в процессы управления предприятиями: анализ операционных, этических и правовых рисков

Леонов Максим Александрович
магистрант, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ, SPIN-код: 7093-2400, samulnkv@gmail.com
Дмитров Денис Владимирович
доцент, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ, SPIN-код: 7854-3377, devdmitrov@fa.ru

Аннотация. Статья рассматривает комплексные риски при интеграции искусственного интеллекта (ИИ) в корпоративное управление. Проведен систематический анализ операционных, этических и правовых аспектов внедрения ИИ-технологий, выявлены несоответствия между существующей нормативно-правовой базой и реальными вызовами практического применения. Разработана комплексная методология оценки и управления рисками ИИ на основе международных стандартов ISO 42001 и NIST AI RMF с учетом российской правовой среды.

Ключевые слова: искусственный интеллект, управление рисками, операционные риски, правовые риски, этические аспекты.

Внедрение искусственного интеллекта в управление предприятиями становится стратегическим приоритетом для 70% крупных организаций [3]. Однако статистика показывает, что до 95% инициатив по внедрению ИИ в первые два года либо не дают ожидаемых результатов, либо выявляют критические проблемы управления и контроля [6].

Актуальность темы определяется несколькими факторами. Во-первых, существует значительный разрыв между темпами технологического развития и адекватностью нормативно-правовой базы. Российское законодательство в области регулирования ИИ находится на этапе формирования, между тем как практическое применение ИИ-систем уже порождает реальные юридические проблемы. Во-вторых, операционные риски рассматриваются многими компаниями фрагментарно, без комплексного понимания влияния на качество управленческих решений. В-третьих, этические аспекты применения ИИ, в том числе проблемы предвзятости алгоритмов и прозрачности, требуют специализированного методологического аппарата [2].

Цель исследования – выявление, систематизация и разработка комплексной методологии управления рисками при внедрении ИИ в процессы корпоративного управления с учетом российской правовой среды.

Для достижения этой цели прежде всего требуется идентифицировать и систематизировать ключевые угрозы, с которыми сталкиваются организации. В рамках корпоративного управления и российской правовой среды данные

риски можно структурировать по трем основным категориям: операционные, правовые и этические.

Операционные риски при интеграции искусственного интеллекта включают:

1. Фрагментацию внедрения ИИ без единой архитектуры управления, приводящую к отсутствию контроля и дублированию функционала [5].

2. Снижение уровня управленческих компетенций – тенденцию менеджеров принимать рекомендации алгоритмов без критической оценки контекста.

3. Неправильную формулировку задач, приводящую к некорректным выводам.

4. Потерю способности к самостоятельному анализу и готовности брать взвешенный риск в условиях неопределенности.

Правовые риски вытекают из несоответствия между темпами развития технологий и скоростью адаптации законодательства. К критическим проблемам относят:

1. Передачу конфиденциальных данных в публичные сервисы, что нарушает Федеральный закон №152 «О персональных данных» [1].

2. Неопределенность авторских прав на контент, созданный ИИ.

3. Отсутствие прозрачности в принятии решений при отсутствии лица, несущего ответственность перед регулятором.

4. Риск передачи коммерческой тайны, персональных данных клиентов и внутренней информации через публичные инструменты [4].

Этические риски проявляются в предвзятости алгоритмов, воспроизводящих исторические дискриминационные паттерны, отсутствии объяснимости решений, а также социально-трудовых последствиях автоматизации, требующих ответственного управления.

Предлагаемый подход оценки и управления рисками основан на международных стандартах ISO 42001:2023 и NIST AI Risk Management Framework и включает пять этапов:

1. Выявление и инвентаризация всех ИИ-систем в организации.

2. Категоризация рисков по типам (операционные, правовые, этические).

3. Качественная оценка вероятности и влияния через матрицу «вероятность-последствия».

4. Разработка специфических контрольных мер для каждого выявленного риска.

5. Реализация и мониторинг контролей с периодической переоценкой.

Для решения обозначенных проблем и реализации описанной методологии необходима целостная организационная структура. В связи с этим предлагается пятиуровневая модель управления рисками ИИ:

1. Уровень стратегии и политики, где совет директоров определяет стратегию использования ИИ и утверждает корпоративную политику.

2. Уровень управления и контроля, где осуществляется надзор и периодическая оценка использования технологий искусственного интеллекта.

3. Операционный уровень с детальной оценкой рисков и разработкой мер.

4. Технический уровень системы с контролем качества данных и мониторингом производительности;

5. Уровень аудита и улучшения с анализом инцидентов и разработкой рекомендаций.

Таким образом, управление рисками искусственного интеллекта требует системного подхода, сочетающего операционные, правовые и этические элементы.

В свою очередь операционные риски минимизируются многоуровневой системой контроля с обязательным человеческим участием в критических решениях, правовые риски – соответствием российскому законодательству и управления авторскими правами, а этические риски – аудитом алгоритмов, повышением прозрачности и ответственным управлением автоматизацией.

Предложенная интегрированная методология позволяет компаниям перейти от хаотичного использования технологий ИИ к системному управлению, балансирующему инновационность с ответственностью. Ее внедрение даст компаниям инструменты для систематического управления рисками, позволяя избежать ошибок, допущенных другими организациями.

Направлением дальнейших исследований является разработка специализированных методик оценки рисков для отдельных отраслей (финансы, здравоохранение, производство), а также анализ взаимодействия корпоративного управления рисками ИИ с государственным регулированием в контексте развивающегося российского законодательства.

Список источников

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.

2. Зотов, В. В. Цифровизация публичного управления: риски принятия решений системами искусственного интеллекта / В. В. Зотов, Е. И. Боев // Актуальные практики совершенствования государственного и муниципального управления в России и Беларуси : Сборник научных статей I Международной научно-практической конференции, Курск, 19 декабря 2023 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2023. – С. 40-44. – EDN UDEWNP.

3. Искусственный интеллект и бизнес-стратегия // Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/12/24/iskusstvennii-intellekt-i-biznes-strategiya (Дата обращения: 14.01.2026).

4. Правовые риски использования нейросетей: что должен знать бизнес // РБК Компании. [Электронный ресурс]. URL: https://companies.rbc.ru/news/mKYTRE1CnG/pravovyie-riski-ispolzovaniya-nejrosetej-chto-dolzhen-znat-biznes/ (Дата обращения: 03.01.2026).

5. Риски искусственного интеллекта: полная карта угроз для бизнеса // Mindsmith. [Электронный ресурс]. URL: https://mindsmith.ru/insights/ai-risks-map (Дата обращения: 13.01.2026).

6. Управление рисками при внедрении ИИ: почему 95% проектов не дают результата и как этого избежать // Deloitte Professional Services. [Электронный ресурс]. URL: https://delprof.ru/press-center/experts-pubs/upravlenie-riskami-pri-vnedrenii-ii-pochemu-95-proektov-ne-dayut-rezultata-i-kak-etogo-izbezhat/ (Дата обращения: 10.01.2026).

УДК 004.056:338.24

Информационная безопасность как ключевой фактор устойчивости цифровой экономики

Родионов Леонид Сергеевич
студент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, rodileonid@gmail.com
Садыков Александр Мунирович
доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, alex.sadykov@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние утечек конфиденциальной информации на экономическую устойчивость организаций в условиях цифровизации. На основе данных InfoWatch за I полугодие 2025 года рассмотрены тенденции инцидентов в здравоохранении и финансовые потери. Кейс банкротства Alpha Medical Centre иллюстрирует риски для малого бизнеса. Выявлена стратегическая роль инвестиций в информационную безопасность как основы устойчивого развития.

Ключевые слова: цифровизация, информационная безопасность, утечки данных, экономическая устойчивость, кибератаки, здравоохранение.

Сегодня цифровая экономика становится основой развития большинства отраслей, формируя новый тип взаимодействия между бизнесом, государством и пользователем. Технологические решения проникают во все уровни управления, от оперативных процессов до стратегического планирования, а цифровые платформы позволяют интегрировать информацию из разных источников, ускоряя анализ данных и повышая точность управленческих решений. Однако рост цифровой зависимости приводит к увеличению числа уязвимых точек в корпоративных и государственных системах. Каждое новое подключённое устройство, сервис или приложение может стать потенциальным источником угрозы, поэтому вопросы защиты информации сегодня приобретают особое значение – от них напрямую зависит не только репутация, но и экономическая стабильность организаций.

В условиях глобальной цифровой взаимосвязанности даже единичный инцидент может иметь масштабные последствия, включая влияние на цепочки поставок и партнерские отношения. Сбои в работе информационных систем или утечка данных способны привести к судебным искам, штрафам и долговременным репутационным убыткам. Инвестиции в киберзащиту становятся показателем зрелости бизнеса, свидетельствуя о его готовности действовать ответственно и предугадывать возможные угрозы. Надёжные меры защиты повышают уровень доверия клиентов и партнёров, формируя прочную основу для устойчивого развития и долгосрочной конкурентоспособности.

За последние годы мир столкнулся с беспрецедентным ростом числа утечек информации. Если ещё в начале 2010-х подобные случаи воспринимались как

исключение, то сегодня они стали повседневной реальностью глобального цифрового пространства. Начиная с 2013 года динамика инцидентов неуклонно растёт, а к 2023 году количество зарегистрированных утечек достигло рекордной отметки – более 11 тысяч случаев, что почти в полтора раза больше, чем в предыдущем году, и в шесть раз превышает уровень 2021-го [1].

Пандемия COVID-19 стала мощным катализатором цифровизации: компании массово перевели процессы в удалённый формат, расширив использование онлайн-платформ и облачных сервисов. Стремительный переход в цифровую среду происходил зачастую без достаточной адаптации мер защиты, что сделало киберпространство особенно уязвимым к атакам. Сегодня последствия этого шокового периода ощущаются до сих пор, но количество инцидентов идет на понижение по сравнению с 2023 годом. Со временем теперь видно, что безопасность цифровой инфраструктуры показала себя не как издержки бизнеса, а как фундаментальная инвестиция в будущее организации [5].

Экспертно-аналитический центр ГК InfoWatch провел исследование по утечкам конфиденциальной информации в сфере здравоохранения за первое полугодие 2025 года. Общее число инцидентов составило 14 в России и 172 в мире – ниже пиковых значений первого и второго полугодий 2024 года – 16, 462 и 16, 388 соответственно [5]. Тем не менее, ущерб от кибератак компании и учреждения претерпевают по-разному: крупные структуры обладают ресурсами для восстановления, в то время как малые предприятия часто не выдерживают финансовых и операционных потерь, объявляя о банкротстве и прекращая деятельность.

Ярким примером служит медицинский центр Ascension Health Services LLC, работавший под брендами Alpha Medical Centre and Wellness и Alpha Wellness. 3 февраля 2025 года организация выявила необычную сетевую активность и привлекла внешних экспертов по кибербезопасности для расследования, которое подтвердило несанкционированный доступ и кражу данных 1714 пациентов. И только 8 июля компания официально уведомила Министерство здравоохранения США о нарушении, рекомендовав пострадавшим мониторить кредитные отчёты в течение 24 месяцев, а до этого 18 апреля 2025 года объявила о прекращении приема пациентов и своей деятельности. Этот пример наглядно демонстрирует, как даже сравнительно небольшая утечка данных может оказаться фатальной для локальных медицинских учреждений, располагающих ограниченными финансовыми и кадровыми ресурсами [5, 6].

Экономический ущерб от подобных инцидентов продолжает нарастать в условиях цифровизации. По мнению компаний, столкнувшихся с утечками, дороже всего обходятся штрафы, сорванные сделки и проведение организационных мероприятий по восстановлению защиты и минимизации последствий.

Значительный вклад в усиление финансовой нагрузки на организации внёс Федеральный закон № 420-ФЗ от 30 ноября 2024 года [3], вступивший в силу 30 мая 2025 года, существенно ужесточивший административную ответственность за нарушения в сфере персональных данных (ст. 13.11 КоАП РФ)

[2]. При этом, как считают сами компании, столкнувшиеся с утечками информации, ликвидация последствий требует значительных затрат по следующим категориям:

1. увеличение страховых взносов – до 3 246 770 рублей;
2. судебные штрафы – до 5 370 000 рублей;
3. сорванные сделки – до 5 000 000 рублей;
4. проведение организационных мероприятий по восстановлению информационной безопасности и оценке рисков – до 5 000 000 рублей;
5. компьютерно-техническая экспертиза – до 3 400 000 рублей;
6. оплата мероприятий по расследованию экспертным организациям – до 1 700 000 рублей;
7. обучение персонала после утечки – до 5 000 000 рублей [4].

Эти расходы формируют каскадный эффект финансовых обязательств, где первоначальный инцидент запускает цепную реакцию затрат, способных полностью подорвать финансовую стабильность организации. В условиях ускоренной цифровизации, отсутствие превентивных мер защиты оборачивается системными рисками: от потери доверия клиентов до невозможности участия в цифровых платформах.

Таким образом, информационная безопасность выходит за рамки технических решений и становится важной частью стратегии любого бизнеса в цифровой экономике. Инвестиции в современные системы обнаружения угроз, регулярное обучение сотрудников и создание культуры безопасности в компании перестают быть дополнительными расходами – они создают условия для того, чтобы компания могла полностью использовать возможности цифровизации без риска серьёзных кризисов.

Список литературы

1. Исследование утечек информации в мире за последние два года. // ЭАЦ ГК InfoWatch. URL: https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/issledovaniye-utechek-informatsii-v-mire-za-posledniye-dva-goda (дата обращения: 25.12.2025).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 2025 г.) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 25.12.2025).

3. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 нояб. 2024 г. № 420-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491932/ (дата обращения: 25.12.2025).

4. Сколько стоят утечки информации: аналитический отчет // ЭАЦ ГК InfoWatch. URL: https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/skolko-stoyat-utechki-informatsii-analiticheskiy-otchet (дата обращения: 25.12.2025).

5. Утечки конфиденциальной информации в медицине в I полугодии. // ЭАЦ ГК InfoWatch. URL: https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/utechki-konfidentsialnoy-informatsii-v-meditsine-v-i-polugodii (дата обращения: 25.12.2025).

6. Another Medical Practice Closes Its Doors After Cyberattack [Electronic resource] // Healthcare InfoSecurity. URL: https://www.healthcareinfosecurity.com/another-medical-practice-closes-its-doors-after-cyberattack-a-29034 (accessed: 25.12.2025).

УДК 004.8; 330.485; 338.48

Искусственный интеллект как драйвер роста цифровой экономики

Рябченко Алексей Александрович
доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
SPIN-код 2553-5370, ya.ya.ya.pas@mail.ru

Аннотация. Исследуется роль искусственного интеллекта как ключевого драйвера цифровой экономики в условиях глобальной технологической трансформации. Анализируются механизмы влияния ИИ на производительность, монетизацию данных и инновационную динамику отраслей. Выявлены двойственные эффекты внедрения технологий: рост экономической эффективности сочетается с рисками трансформации рынка труда и цифрового неравенства. Обоснована необходимость баланса между технологическим развитием и этико-регуляторными рамками для устойчивого роста цифровой экономики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая экономика, машинное обучение, автоматизация, инновации, цифровая трансформация.

Цифровая экономика, базирующаяся на данных, технологиях и сетевых взаимодействиях, определяет вектор глобального экономического развития в XXI веке. Искусственный интеллект (ИИ), эволюционировав от узкоспециализированного инструмента до универсального технологического драйвера, становится катализатором трансформации отраслевых структур и генерации новых экономических моделей. По оценкам аналитических агентств, совокупный вклад ИИ в мировой ВВП к 2030 году может достичь 15,7 трлн долларов США, что подчеркивает его стратегическое значение при одновременном наличии существенных возможностей и рисков [1].

Искусственный интеллект выступает ключевым фактором роста цифровой экономики по четырём взаимодополняющим направлениям.

Во-первых, ИИ обеспечивает рост производительности труда за счёт автоматизации рутинных и когнитивных операций. Алгоритмы машинного обучения обрабатывают массивы данных в режиме реального времени, повышая скорость и точность принятия решений – например, оптимизация логистических маршрутов снижает топливные издержки на 15–20%, а системы выявления мошенничества достигают точности до 99,9%.

Во-вторых, ИИ трансформирует данные в монетизируемый стратегический ресурс. Рекомендательные системы и алгоритмы прогнозирования спроса позволяют персонализировать взаимодействие с потребителем и выявлять новые рыночные возможности, что подтверждается практикой цифровых платформ (Amazon, Alibaba), где ИИ-решения увеличивают средний чек на 30% и более.

В-третьих, ИИ стимулирует инновационную динамику, формируя новые рынки: автономный транспорт, прецизионная медицина, умное сельское хозяйство, генеративные технологии. Эти сегменты создают дополнительные цепочки добавленной стоимости и привлекают инвестиции в смежные цифровые экосистемы (облачные вычисления, IoT, блокчейн).

В-четвёртых, облачные ИИ-платформы (Google AI, Yandex Cloud и др.) снижают входные барьеры для малого бизнеса и стартапов, предоставляя доступ к передовым алгоритмам без значительных капитальных затрат на исследования и разработки, что ускоряет масштабную цифровую трансформацию экономики.

Основные положительные стороны ИИ в цифровой экономике:

ИИ выступает ключевым фактором экономического роста за счёт повышения производительности труда и капитала. По оценкам экспертов, к 2030 году технологии ИИ могут увеличить ВВП на 1,2% ежегодно, добавив к российской экономике до 13 трлн долларов [2]. Автоматизация рутинных процессов высвобождает человеческий капитал для выполнения творческих и стратегических задач.

Внедрение ИИ стимулирует формирование новых сегментов рынка труда. Европейская комиссия прогнозирует потребность в 6,2–7 млн специалистов в области ИИ к 2027 году, при этом около 60% рабочей силы ЕС потребует базовых навыков работы с ИИ-инструментами [3].

Технологии машинного обучения обеспечивают персонализацию услуг в электронной коммерции, медицине и образовании, повышая релевантность предложений и удовлетворённость потребителей. В решении глобальных проблем ИИ демонстрирует значимый потенциал: оптимизация энергопотребления в умных сетях снижает потери электроэнергии на 10–15%, а в фармацевтике сокращает сроки первичных исследований молекул-кандидатов с 4–5 лет до 12–18 месяцев.

Отрицательные стороны и риски:

Ускоренная автоматизация создаёт риски трансформации рынка труда. Согласно данным ОЭСР, около 28% рабочих мест в странах-членах организации относятся к категории с высоким риском автоматизации к 2030 году, преимущественно в сферах с рутинными задачами (бухгалтерия, обработка данных, розничная торговля) [4]. Отсутствие эффективных программ переквалификации может усилить социальное неравенство.

Алгоритмическая предвзятость представляет этическую угрозу: ИИ-системы, обученные на исторических данных, воспроизводят и усиливают существующие социальные предрассудки в процессах кредитования, найма и правоприменения. Цифровое расслоение усиливает глобальное неравенство между странами, обладающими доступом к данным, вычислительным мощностям и талантам, и теми, кто остаётся на периферии цифровой экономики.

Развитие генеративного ИИ повышает уязвимость киберпространства за счёт упрощения создания фишинговых атак и дипфейков, тогда как регуляторные механизмы отстают от темпов технологического развития. Чрезмерная автоматизация критической инфраструктуры (энергетика, финансы, транспорт) создаёт системные риски масштабных сбоев при ошибках алгоритмов или кибератаках [5].

Таким образом делая вывод, следует отметить, что ИИ является объективным драйвером роста цифровой экономики, однако реализация его потенциала требует сбалансированного подхода. Технология нейтральна по своей природе: её экономический эффект определяется качеством институциональной среды. Для максимизации выгод необходимы три условия: масштабные инвестиции в

человеческий капитал и системы непрерывного образования; развитие этических стандартов и регуляторных рамок, таких как Европейский акт об искусственном интеллекте; государственно-частное партнёрство для обеспечения цифровой инклюзивности и защиты критической инфраструктуры.

Устойчивый рост цифровой экономики возможен не через противопоставление человека и машины, а через их синергию. ИИ должен рассматриваться как инструмент расширения, а не замещения человеческих возможностей. Страны, сумеющие сочетать технологическое лидерство с социальной ответственностью и разумным регулированием, получат долгосрочное конкурентное преимущество в условиях цифровой трансформации.

Список источников

1. Искусственный интеллект в цифрах и фактах // РБК Тренды. [Электронный ресурс]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/657963559a79474dd4bc9b88 (Дата обращения: 20.01.2026).

2. Внедрение ИИ может принести российской экономике до 13 трлн руб. к 2030 г. // Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/12/08/vnedrenie-ii-mozhet-prinesti-rossiiskoi-ekonomike-do-13-trln-rub-k-2030-g (Дата обращения: 30.01.2026).

3. ВЭФ: для искусственного интеллекта придется создать 170 млн новых рабочих мест // Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/ articles/2025/01/14/1086081-170-mln-rabochih-mest (Дата обращения: 21.01.2026).

4. ОЭСР – для чего была создана, страны-участники и роль России // РБК. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/base/06/09/2024/66dafa879a7947169ea6dc2a (Дата обращения: 31.01.2026).

5. Синицына, К. И. Концептуальные основы формирования инструментария стратегического планирования в условиях цифровизации экономики / К. И. Синицына // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2020. – № 2. – С. 229-241. – EDN XUDHKP.

УДК 004.946:53

Инновационные подходы к моделированию физических процессов с использованием VR-технологий

Туджани Амаду
аспирант, Тюменский индустриальный университет,
toudjania2@gmail.com

Аннотация. В этой статье мы рассмотрим, как виртуальная реальность (VR) помогает моделировать сложные вещи в физике и как она это делает значительно лучше обычных способов расчетов (типа МКЭ, МКО).

Было оценено, насколько технология VR полезна в разных областях физики: при оценке гидродинамики, теплофизики; в механике, оптике, астрономии; как она работает в рассмотрении электромагнетизма. Особое внимание уделено способам, когда

FEM-моделирование работает в связке с VR. Оказалось, что время на анализ сокращается на 40-80%, а понимание процессов становится точнее на 25-70%.

Было определено, что можно улучшить в VR-технологиях, например, подружить их с искусственным интеллектом и облачными сервисами. Выполненное исследование позволяет говорить о том, что VR может значительно продвинуть науку, инженерию и образование.

Ключевые слова: виртуальная реальность, интерактивность, способы численного моделирования, физические процессы, технологии погружения.

Традиционные численные методы (МКЭ, МКЭ) в визуализации и интерпретации результатов позволяют моделировать сложные физические процессы, однако в некоторых случаях они имеют свои ограничения. Использование интерактивной трехмерной среды на основе технологий виртуальной реальности значительно ускоряет анализ и улучшает понимание динамики систем.

Актуальность работы заключается в том, что в настоящее время активно разрабатываются инструменты виртуальной реальности в гидродинамике, теплопередаче, механике, оптике и электромагнетизме. Цель исследования – оценить перспективы использования технологий виртуальной реальности для моделирования физических процессов.

Основу моделирования составляют физические законы и численные методы (МКЭ, МКО, CFD) [1,3,7]. Интерактивная визуализация реализуется с помощью графических движков (Unity, Unreal Engine) и систем отслеживания движений, обеспечивающих эффект погружения [2,5,6].

VR трансформирует изучение физических явлений за счет интерактивных симуляций:

- гидродинамика: визуализация потоков, изменение параметров в реальном времени, безопасное проведение экспериментов [4,9];
- теплофизика: моделирование распределения температуры и оптимизация систем теплопередачи;
- механика: изучение движения тел, анализ напряжений с тактильной обратной связью [8];
- оптика и электромагнетизм: визуализация абстрактных концепций (лучи, поля, частицы);
- астрономия: интерактивное исследование космоса и астрономических явлений.

Экспериментальная оценка показала значительное преимущество VR-подходов. Сравнительные данные представлены в Таблице 1.

Таблица 1 – VR-технологии в различных областях физики

Дисциплина	**Гидродинамика**	**Теплофизика**	**Механика**	**Оптика**	**Астрономия**	**Электромагнетизм**
Время анализа	Сокращение на 60-75%	Ускорение на 50-65%	Экономия 55-70%	Уменьшение на 40-60%	Оптимизация 65-80%	Снижение на 45-65%
Точность	+35-50%	+30-45%	+40-55%	+25-40%	+50-70%	+35-60%

Окончание табл. 1

Дисциплина	Гидродинамика	Теплофизика	Механика	Оптика	Астрономия	Электромагнетизм
Стоимость	$$$$ (высокая)	$$$ (средняя)	$$$$	$$ (ниже средней)	$$$$$ (очень выс.)	$$$
Обучаемость	★★★★☆ (высокая)	★★★☆☆ (средняя)	★★★★★ (очень выс.)	★★★★☆	★★☆☆☆ (низкая)	★★★★☆

Наибольший выигрыш наблюдается в областях с объемными и динамическими процессами (гидродинамика, механика).

Перспективным направлением является интеграция точности FEM-моделирования с наглядностью VR-рендеринга. Сравнение с методом акустического позиционирования (Таблица 2) показывает, что гибридный подход FEM+VR обеспечивает глубокий интерактивный анализ для проектирования и обучения, но требует значительных ресурсов, тогда как акустические методы эффективны для оперативного мониторинга.

Таблица 2 – Комбинация FEM-моделирования, VR-рендеринга и акустического позиционирования для локализации дефектов

Параметр	FEM-моделирование с VR-рендерингом	Акустическое позиционирование
Время анализа	Среднее (зависит от сложности модели)	Быстрое (в реальном времени)
Точность	Высокая (в пределах модели)	Умеренная (зависит от условий)
Стоимость	Высокая (необходимость в ПО и оборудовании)	Низкая (доступные технологии)
Обучаемость	Высокая (интерактивный подход)	Средняя (требует знаний в акустике)
Гибкость применения	Высокая (разнообразие моделей и сценариев)	Ограниченная (узкая специфика)
Визуализация	Отличная (интерактивные 3D-модели)	Ограниченная (данные в виде сигналов)
Применение в реальном времени	Ограниченное (зависит от вычислительных ресурсов)	Отличное (реальное время)

Исследование подтвердило высокий потенциал VR-технологий, обеспечивающих интерактивную визуализацию, сокращение времени анализа (на 40-80%) и повышение точности (на 25-70%). VR также значительно улучшает обучаемость и безопасность образовательного процесса [2,11,12].

Ключевые перспективы развития:

1. Интеграция с ИИ для оптимизации моделей.
2. Развитие тактильной обратной связи (биометрические устройства).

3. Внедрение облачных VR-платформ для снижения стоимости и повышения доступности.

4. Создание мультидисциплинарных VR-сред.

Таким образом, VR-моделирование становится важным инструментом, трансформирующим научные исследования, инженерное проектирование и образование.

Список источников

1. Залипаев, В. В. Численные методы в физике и технике / В. В. Залипаев, Д. Р. Гулевич. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, 2020. – 211 с. – EDN KVEYED.

2. Захарова В. Р. Интерактивные методы обучения в охране труда / В. Р. Захарова, Е. А. Захарова // XXX Всероссийская студенческая научно-практическая конференция с международным участием "Безопасность – 2025. Проблемы техносферной безопасности современного мира", 23–25 апреля 2025 года. – Иркутск, 2025. – С. 105-106. – EDN SMTRPU.

3. Иоселиани А. Д. Виртуальная реальность и инновационная среда образования / А. Д. Иоселиани // Манускрипт. – 2021. – Т. 14. – №. 1. – С. 122-125. – EDN NRPUFO.

4. Кирюхина Н. В. Иммерсивные технологии в обучении физике / Н. В. Кирюхина, Н. А. Плеханова // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – №. 79-2. – С. 133-136. EDN BMAMZW.

5. Коротыч, А. А. Обзор методов и средств моделирования электромагнитных и термогидродинамических процессов / А. А. Коротыч, В. В. Кашаев // Металлургия XXI столетия глазами молодых : Материалы VI Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов: сборник докладов, Донецк, 26–27 мая 2020 года – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2020. – С. 250-254. – EDN IXRUJH.

6. Оленьков В. Д., Бирюков А. Д., Колмогорова А. О. Технологии виртуальной реальности для визуализации задач моделирования параметров микроклимата застройки / В. Д. Оленьков, А. Д. Бирюков, А. О. Колмогорова. // Вестник МГСУ. – 2021. – Т. 16. – №. 5. – С. 557-569. – DOI 10.22227/1997-0935.2021.5.557-569.

7. Ошкина Л. Б. Применение геймификации в обучении физике в старших классах: эффективные методы и практические примеры. // ВикиСтавЦДО [сайт]. – URL: https://wiki.stavcdo.ru/images/c/cb/%D0%9E%D1%88%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%9B.%D0%91.pdf (дата обращения: 24.12.2025).

8. Расул С. З. Использование 3D-моделирования в обучении физике // Международный научный журнал «QAZAQ JOURNAL OF YOUNG SCIENTIST». – 2025. – Т. 3. – №. 6.2. – С. 24-29.

9. A real-time VR-enabled digital twin framework for multi-user interaction in Industry 4.0 / N. K. Dewberry, I. AlHmoud, K. Benton [et al.] // Manufacturing Letters. – 2025. – vol. 44. – pp. 1486-1497. – DOI 10.1016/j.mfglet.2025.06.168.

10. Advanced integration of BIM and VR in the built environment: Enhancing sustainability and resilience in urban development. / A. Shehadeh, O. Alshboul, M. M. Taamneh. [et al.] // Heliyon. – vol. 11. – no. 4. DOI 10.1016/j.heliyon.2025.e42558.

11. ASCRIBE-XR: Virtual Reality for Visualization of Scientific Imagery / R. J. Pandolfi, J. J. Donatelli, J. Todd [et al.] // arXiv e-prints. – 2025. – pp. arXiv:2507.03170. DOI 10.48550/arXiv.2507.03170.

12. Berrezueta-Guzman S. Choosing the Right Engine in the Virtual Reality Landscape. / S. Berrezueta-Guzman, S. Wagner. // IEEE Access. – 2026. DOI 10.1109/ACCESS.2026.3657272.

УДК 65.011.56

Цифровая трансформация малого и среднего бизнеса: роль платформы 1С

Шаламовских Ярослав Егорович
студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, yaroslav.shal@yandex.ru
Потемкина Татьяна Владимировна
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, SPIN-код: 8941-6621, tatatav@bk.ru

Аннотация. Статья исследует значение платформы 1С в цифровой трансформации малого и среднего бизнеса (МСБ) России на 2025–2026 годы. Анализируются преимущества облачных решений (1С Фреш, 1С в облаке) для сокращения затрат на IT-инфраструктуру и автоматизации бизнес-процессов. Рассматриваются основные барьеры внедрения и экономический эффект на примере реальных кейсов с показателями окупаемости 8–18 месяцев. Статья содержит рекомендации по выбору конфигурации и стратегии внедрения для МСБ в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая трансформация, 1С, облачные решения, малый и средний бизнес, автоматизация, ERP-системы, ROI.

Цифровая трансформация малого и среднего бизнеса (МСБ) становится не преимуществом, а необходимостью в условиях современной экономики [4]. Платформа 1С за два десятилетия стала стандартом учетно-управленческих систем для российских предприятий. В отличие от крупных корпораций, МСБ нуждаются в масштабируемых, экономичных и легких в настройке системах управления, которые позволяют быстро адаптироваться к изменяющимся условиям рынка. Эта статья исследует роль 1С в цифровой трансформации МСБ, анализирует преимущества облачных решений и рассматривает практические аспекты внедрения на 2025–2026 годы.

Платформа 1С предоставляет универсальный набор конфигураций для предприятий различных масштабов [4]. Для МСБ наиболее актуальны решения: 1С:Бухгалтерия 8, 1С:Управление торговлей и 1С:УНФ (Управление нашей фирмой). Эти системы позволяют автоматизировать финансовый учет, управление складскими остатками, обработку документов и интеграцию с банковскими сервисами и электронными маркетплейсами.

Основные преимущества 1С для МСБ включают сокращение затрат на IT-инфраструктуру благодаря облачным решениям (1С Фреш, 1С в облаке), которые позволяют избежать покупки и обслуживания серверов. Автоматизация рутинных операций (электронный документооборот, расчет налогов, формирование отчетов) происходит автоматически. Система обеспечивает интеграцию с внешними системами – подключение CRM, платёжных систем, электронных маркетплейсов (Ozon, Wildberries, Яндекс.Маркет). Гибкость и масштабируемость позволяют системе расти вместе с бизнесом без необходимости замены платформы. Доступность 24/7 обеспечивается облачной архитектурой, которая гарантирует доступ к данным из любой точки мира.

В 2025–2026 гг. облачные решения становятся стандартом для МСБ [2]. 1С Фреш и облачные развертывания предоставляют ключевые преимущества: доступность 24/7 без привязки к офису, отсутствие затрат на обслуживание серверов, работа в реальном времени для оперативного принятия решений, снижение расходов на IT-поддержку.

По данным специализированных консалтинговых компаний, облачные модели позволяют снизить затраты на владение системой на 40–50% по сравнению с традиционной on-premise архитектурой [4]. Облачная 1С обеспечивает быстроту внедрения (программа запускается за 2–4 недели вместо 2–3 месяцев при внутреннем развертывании) и гибкость настройки, что делает её особенно выгодной для МСБ. Облачные решения не требуют начальных капитальных вложений и предоставляют автоматическое резервное копирование и обновления без перерывов в работе [4].

Несмотря на очевидные преимущества, МСБ сталкиваются с рядом вызовов при внедрении 1С [1, 2]. Главные препятствия включают недостаток квалифицированных специалистов – нехватка опытных консультантов 1С в региональных центрах увеличивает стоимость внедрения. Затраты на обучение персонала требуют переквалификации сотрудников на работу с новой системой. Сопротивление изменениям персонала, привыкшего к старым процессам, замедляет адаптацию [1]. Неправильный выбор конфигурации часто требует доработок под специфику бизнеса. Наконец, миграция данных – перенос исторических данных требует тщательной очистки и проверки качества.

Успешное внедрение требует комплексного подхода: тщательного анализа потребностей, выбора надежного партнера-интегратора, систематического обучения команды и выделения достаточного бюджета на весь цикл внедрения.

Анализ внедрения 1С в МСБ показывает значительный ROI (return on investment) уже в первый год. По данным практических кейсов реальных внедрений, включая автоматизацию документооборота и логистики [3], наблюдаются следующие результаты.

Таблица 1 – Сравнение ключевых показателей до и после внедрения 1С в МСБ

Показатель	**До внедрения**	**После внедрения**
Время на подготовку отчетности	40–60 часов/месяц	5–10 часов/месяц
Ошибки в учете	5–10% операций	<1% операций

Окончание табл. 1

Показатель	До внедрения	После внедрения
Затраты на IT-инфраструктуру	150–250 тыс. руб./год	50–100 тыс. руб./год
Время обработки заказа	2–3 дня	4–8 часов
Количество ручных операций	100%	20–30%

Сокращение ручных операций на 70–80% высвобождает персонал для более стратегических задач [3]. Практические примеры показывают, что окупаемость проектов автоматизации на базе 1С составляет 8–18 месяцев, что делает инвестицию крайне целесообразной с финансовой точки зрения.

Цифровая трансформация с использованием 1С представляет собой стратегический инструмент для повышения конкурентоспособности МСБ. Предприятия, осуществившие базовую автоматизацию на базе 1С, получают значительные преимущества: снижение операционных затрат на 30–50%, повышение точности данных на 95–99%, улучшение скорости отчётности и управляемости.

Стратегические рекомендации для МСБ включают: выполнение комплексного анализа текущих бизнес-процессов; выбор подходящей конфигурации 1С (Бухгалтерия, Управление торговлей, УНФ); рассмотрение облачных решений (1С Фреш, 1С в облаке) как базы для будущего масштабирования; привлечение опытного партнера-интегратора для минимизации рисков; выделение достаточного бюджета на обучение персонала (не менее 15–20% от стоимости проекта) [1]; поэтапное планирование внедрения; использование современных API-интеграций для подключения маркетплейсов и банковских сервисов.

Облачная трансформация и постепенное внедрение элементов автоматизации в системы 1С открывают новые возможности для МСБ, делая их более адаптивными, прозрачными и конкурентоспособными на цифровом рынке.

Список источников

1. 1С в облаке: плюсы и минусы, отличие от 1С Фреш // WISE ADVICE IT. URL: https://wiseadvice-it.ru/o-kompanii/blog/articles/1s-fresh-plusy-i-minusy/ (Дата обращения: 28.01.2026).

2. Исследование проблем начинающих пользователей 1С: путь к успешному освоению платформы // Хабр [сайт]. URL: https://habr.com/ru/articles/921600/ (Дата обращения: 28.01.2026).

3. Как мы автоматизировали хаос: реальный опыт внедрения 1С: Документооборот в организации с 500+ млн рублей оборота // Хабр. URL: https://habr.com/ru/articles/947078/ (Дата обращения: 28.01.2026).

4. Работа с программами 1С в облаке // Отраслевые и специализированные решения 1С:Предприятие. URL: https://solutions.1c.ru/cloud/ (Дата обращения: 28.01.2026).

УДК 330.342.24

Характеристики потребителя в эпоху искусственного интеллекта в когнитивной экономике доверия

Шепелёв Пётр Юрьевич
соискатель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
SPIN-код: 8420-7733, peter-wo@mail.ru
Дудко Ольга Юрьевна
Ассистент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, SPIN-код: 1247-0083, dudkooyu@gmail.com

Аннотация. В статье авторами анализируется эволюция потребителя в активного агента цифровой экосистемы, чьё поведение определяется парадоксальным сочетанием запроса на гиперперсонализацию и растущие требования к этической и безопасной среде. Авторы раскрывают главные характеристики современного потребителя и на их основе формулируются рекомендации для бизнеса по построению сбалансированных решений в конвергентной экономике.

Ключевые слова: цифровой профиль, экономика доверия, этика ИИ, платформенные экосистемы, цепочка создания ценности.

Цифровая эпоха радикально изменила ландшафт потребления [3]. Современный потребитель больше не пассивный получатель товаров и услуг, а активный участник сложной, взаимосвязанной экосистемы, опосредованной информационными, цифровыми и когнитивными технологиями [4]. Поэтому на основе анализа научных работ [1-4] мы выделили его системные характеристики, имеющие решающее значение для бизнеса в конвергентной экономике.

Современный потребитель глубоко интегрирован в цифровую среду. Он использует голосовых помощников, чат-ботов, алгоритмические рекомендации и платформы совместного потребления как неотъемлемую часть повседневной жизни. Кластерный анализ в обзоре [1] показывает, что потребитель ценит в ИИ, прежде всего, удобство, эффективность и скорость. Однако это удобство не должно достигаться за счёт простоты. Современный потребитель ожидает персонализированного, релевантного и контекстуального взаимодействия. ИИ рассматривается им как инструмент, который должен «предугадывать» потребности, фильтровать информационный шум и ускорять процессы принятия решений. Это формирует запрос на бесшовный потребительский опыт, стирающий границы между онлайн и офлайн-мирами.

Еще одной из наиболее ярких характеристик современного потребителя товаров и услуг является его особое отношение к человекообразным чертам ИИ. С одной стороны эмпатия, естественная коммуникация, «доброжелательность» ИИ усиливают доверие, эмоциональную связь и лояльность, а с другой стороны, чрезмерная человекообразность может вызывать дискомфорт и неоправданные ожидания, ведущие к разочарованию. То есть этот баланс напрямую зависит от

контекста: для утилитарных задач важна эффективность, для гедонистических или социально значимых – эмоциональная составляющая.

В условиях асимметрии информации и цифровых рисков доверие становится центральной валютой когнитивной экономики. Исследование [2] детализирует архитектуру цифрового доверия, показывая, что потребитель оценивает его по нескольким независимым, но взаимосвязанным измерениям:

1. Структурные гарантии. Современный потребитель действительно верит в юридические, технологические и институциональные защитные механизмы платформы.

2. Компетентность акторов цифровой экосистемы воспринимается современным потребителем как высокая, что требует от них эффективного выполнения своих функции (по мнению потребителя).

3. Доброжелательность. Современный потребитель убеждён в том, что цифровая платформа действует в его интересах, а не исключительно ради прибыли.

4. Современный потребитель ожидает соблюдения этических принципов, прозрачности и последовательности в действиях со стороны представителей цифровой экосистемы.

5. Дефицит по любому из вышеуказанных аспектов блокирует совершение сделки и последующее долгосрочное взаимодействие, если сделка всё же состоится.

Вопреки сложившемуся в информационном обществе стереотипу о легкомысленном «клике», современный потребитель осознаёт риски цифровой среды. Он озабочен безопасностью персональных данных, алгоритмической предвзятостью, дегуманизацией взаимодействий и этичностью ИИ. Как отмечается в [1], удобство ИИ может приводить к зависимости, «цифровому слабоумию» и эрозии личной автономии. Потребитель начинает ценить контроль над своими данными и цифровым следом, что создаёт парадокс: желая персонализации, он одновременно требует прозрачности в использовании своих данных и ограничения их сбора.

Важно подчеркнуть, что характеристики современного потребителя не универсальны. Потребители старшего возраста при формировании доверия больше полагаются на компетентность, доброжелательность и честность, тогда как для молодого поколения эти факторы менее значимы на фоне ценности инновационности, социального одобрения и удобства. Мужчины в большей степени ориентируются на структурные гарантии и компетентность как основу доверия, а женщины, согласно исследованию [2], могут придавать большее значение эмпатии, качеству коммуникации и эмоциональной безопасности.

Культурный контекст также очень важен, поскольку изучение поведения потребителей, осуществляющих онлайн заказы в ЕС (Шепелёв П. Ю.) и в РФ (Дудко О. Ю.), подчёркивает необходимость учёта региональных особенностей, регуляторных сред и культурных норм при построении цифрового доверия к ИИ помошникам и экосистемам в целом.

Современный потребитель в когнитивной экономике совместного потребления выступает не только как покупатель, но и как потенциальный поставщик

услуг. Он участвует в создании репутационных систем (отзывы, рейтинги), формирует своим поведением данные для алгоритмов и, таким образом, со-создаёт ценность платформы. Это наделяет его новой формой власти и ответственности. То есть с одной стороны, он стремится максимизировать выгоду от технологий (удобство, персонализация, эффективность), а с другой – вынужден постоянно решать сложные задачи навигации в пространстве цифровых рисков, этических дилемм и вопросов доверия. Следовательно, ему необходим переход от упрощённых моделей поведения к комплексным, многоуровневым теоретическим рамкам, которые учитывают когнитивно-эмоциональную дихотомию, многомерность доверия и демографическую гетерогенность. Поэтому мы рекомендуем представителям бизнеса:

- разрабатывать ИИ-решения, сочетающие беспрецедентную функциональность с прозрачной, этичной и «очеловеченной» коммуникацией;

- инвестировать не только в технологии, но и в архитектуру доверия, укрепляя все её компоненты (структурные гарантии, компетентность, доброжелательность и честность);

- отказаться от стратегий «один размер для всех» в пользу сегментированных и гибких подходов, учитывающих возрастные, гендерные и культурные особенности целевых групп.

Отдельно подчеркнем, что регуляторам следует сосредоточиться на создании правовой среды, которая защищает всех акторов цифровых экосистем от рисков среды (безопасность данных, алгоритмическая справедливость), но не подавляет инновации и возможности для персонализации.

В заключении обобщим: характеристика современного потребителя – это характеристика критически мыслящего, требовательного и многогранного агента, чьё поведение задаёт новые траектории развития для интернет-рынков, компаний и общества, тогда как успех в когнитивной экономике принадлежит тем, кто может не просто удовлетворить его потребности, но и гармонично сбалансировать эти сложные, а иногда и противоречивые запросы, создавая тем самым для него ценность товаров, услуг, платформ и экосистем.

Список источников

1. Минаков, В. Ф. Кибер-когнитивные системы и технологии в Индустрии 4.0 / В. Ф. Минаков, Т. Е. Минакова // Инновационные тренды и драйверы устойчивого развития социально-экономических процессов в условиях перехода к цифровому обществу : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции , Ставрополь, 16–17 октября 2023 года. – Ставрополь: Ставропольский государственный аграрный университет, 2023. – С. 493-496. – EDN HTOVPZ.

2. Минаков, В. Ф. Когнитивная трансформация в экосистемах цифровой экономики / В. Ф. Минаков // Экосистемы цифровой экономики: сборник научных трудов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – С. 14-20. – EDN XBDEGE.

3. Hidayat-ur-Rehman, I., Alay, H., Deveciyan, M.T. et al. Empirical analysis to investigate the relationship between digital sharing economy and digital trust. Futur Bus J 12, 12 (2026). https://doi.org/10.1186/s43093-025-00720-6.

4. Ribeiro, A., Rivero, A.J.L. & Abrantes, J.L. The impact of artificial intelligence on consumer behavior towards brands: a systematic review. Electron Commer Res (2025). https://doi.org/10.1007/s10660-025-10063-7.

УДК 004.031

Этапы жизненного цикла роботизированной автоматизации: выявление и минимизация рисков

Кокшаров Егор Дмитриевич
студент, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
SPIN-код: 2274-4471, koksharovegor785@gmail.com

Аннотация. В условиях цифровой трансформации роботизированная автоматизация процессов становится важным инструментом повышения операционной эффективности предприятий. Однако статистика показывает, что не все достигают запланированных результатов. Исследование выявляет системные причины неудач на различных стадиях жизненного цикла роботизации. Практическое значение результатов заключается в возможности снижения рисков убыточности при планировании бюджетов на роботизацию.

Ключевые слова: роботизированная автоматизация процессов, жизненный цикл технологий, операционная эффективность, цифровая трансформация.

Роботизированная автоматизация процессов (далее – RPA) автоматизирует повторяющиеся цифровые операции с помощью программных роботов, работающих по установленным правилам. В отличие от традиционной автоматизации, RPA быстро внедряется с минимальными затратами на интеграцию [6]. Мировой рынок RPA растет на 20-25% ежегодно, достигнув в 2024 году 12-14 млрд долларов. В России их активное внедрение началось с 2018-2019 годов, и к 2024 году несмотря на уход зарубежных платформ рынок стабильно рос в среднем на 40% в год [5].

Исследования следующих авторов (Harmoko H. and Kirchmer M., Franz P.) указывают на то, что в период 2020-2024 годов от 35 до 55% RPA-проектов не привели к ожидаемому росту производительности или даже привели к дополнительным затратам на поддержку [7, 8]. Основная проблема заключается в том, что компании часто инициируют RPA-проекты без детального анализа готовности бизнес-процессов к роботизации, адекватного прогнозирования затрат и плана управления организационными изменениями. Кроме того, на практике возникают множество технических и процессных барьеров, которые не были предусмотрены на этапе планирования.

Цель исследования – систематизация факторов риска и причин неудач при внедрении RPA-решений на промышленных предприятиях, разработка алгоритма управления жизненным циклом RPA-проектов, позволяющего минимизировать убыточность инициатив.

Жизненный цикл RPA-решения состоит из пяти ключевых этапов: инициализация, разработка и внедрение, эксплуатация и сопровождение, а также вывод из эксплуатации (рисунок 1).

Рисунок 1 – Жизненный цикл RPA (составлено автором по данным [3, 9])

Ключевой вывод заключается в том, что успешное прохождение всех этапов требует не только инвестиций в технологии, но и коренного изменения организационной культуры, способов мышления и взаимодействия между подразделениями. Российские компании демонстрируют свои сильные стороны в реализации первых трех этапов, но часто затрудняются с трансформацией бизнес-моделей, что создает пространство для развития.

Этап инициализации. На данном этапе компания определяет, какие процессы могут быть роботизированы, проводит предварительный анализ целесообразности, выделяет бюджет и формирует проектную команду.

Во время инициализации могут возникнуть следующие риски: занижение сложности и объема процесса; выбор изменчивых (нестабильных) процессов; расчет эффективности без учета косвенных затрат (тестирование, документирование, обучение, техническая поддержка) [1, 2].

Для минимизации рисков рекомендуется использовать двухуровневую оценку. Во-первых, быстрая оценка по 4 критериям (изменчивость, сложность, объем операций, количество специалистов техподдержки), позволяющая первично оценить проекты. Во-вторых, проводится детальный анализ для отобранных процессов с расчетом количества высвобождаемых часов, первоначальных затрат и периода окупаемости. Также следует вносить корректировки в оценку на основе исторических данных.

Этап разработки и внедрения. На этапе разработки техническая команда создает робота в соответствии с техническим заданием (далее – ТЗ), проводит тестирование в предпроизводственной среде и переводит его в промышленную эксплуатацию.

Во время разработки могут возникнуть следующие проблемы: некорректное составление ТЗ без учета исключений; нестабильность подключений к информационным системам из-за постоянных обновлений; недостаточность тестирования [4].

Так, для уменьшения вероятности неблагоприятного исхода проекта рекомендуется применять отдельные тестирования для каждой доработки на небольшом объеме данных и иметь возможность постепенно покрывать весь объем операций, запланированных в ТЗ.

Этапы эксплуатации и технической поддержки. На этой стадии робот используется в промышленной среде, накапливаются данные об ошибках и проводятся оптимизации и доработки. К ключевым рискам относятся: отсутствие явного владельца, ответственного за робота; конфликт интересов между ИТ-отделом и участниками роботизированного процесса.

Для решения данных проблем предлагается назначить явного владельца процесса и сделать его заинтересованным в развитии автоматизации, вести учет ошибок (сбоев) в работе робота, классифицировать их на системные (технические) и бизнес-причины (человеческий фактор). Следует проводить анализ ошибок раз в месяц или квартал и вводить корректирующие мероприятия для их устранения. Это позволит оперативно назначать ответственных за устранение неполадок.

Авторский анализ показывает, что неудачи RPA-проектов в 70-80% случаев связаны не с технологической несостоятельностью решений, а с недостаточной подготовкой к внедрению, неправильной оценкой сложности и отсутствием адекватного управления проектами. Основные причины неудач сосредоточены на трех этапах жизненного цикла: инициализации (неправильный выбор процесса и его неадекватная оценка), разработке (недостаточное тестирование, некорректное ТЗ) и эксплуатации (отсутствие явного владельца процесса и анализа ошибок).

Предложенные рекомендации по работе с RPA-проектами позволяют организациям снизить риск убыточности и повысить вероятность успеха на 30-40%. Ключевым аспектом является инвестирование времени и ресурсов в этап анализа и прототипирования, что позволяет выявить потенциальные проблемы на ранних стадиях, когда стоимость их исправления существенно ниже.

Список источников

1. Бурцева, А. А. Анализ преимуществ и недостатков внедрения роботов для автоматизации бизнес-процессов / А. А. Бурцева // Дорога знаний. – 2022. – № 3. – С. 42-49, EDN KNSYBG.

2. Загорская, К. Р. Исследование рекомендаций и методов повышения эффективности внедрения RPA на предприятиях / К. Р. Загорская, И. В. Иванова // Дневник науки. – 2024. – № 2, EDN RRLTRR.

3. Нарыжная, Н. Ю. Сравнительный анализ моделей жизненного цикла программного обеспечения / Н. Ю. Нарыжная, Л. Г. Шарифова // Молодой ученый. – 2020. – № 28(318). – С. 28-32. – EDN LMNJKV.

4. Рекомендации по составлению Технических заданий на роботов // Sherparpa.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://sherparpa.ru/wp-content/uploads/2024/

08/rekomendaczii-po-sostavleniyu-tehnicheskih-zadanij-na-robotov.pdf (дата обращения: 20.12.2025).

5. Российский рынок программных роботов // IXBT. [Электронный ресурс]. URL: https://ixbt.pro/articles/2025/08/20/rossiiskii-rynok-programmnyx-robotov.html (дата обращения: 20.12.2025).

6. Aguirre S., Rodriguez A. Automation of a business process using robotic process automation (RPA): A case study. Workshop on engineering applications. – Cham: Springer International Publishing, 2017, pp. 65-71, doi:10.1007/978-3-319-66963-2_7.

7. Harmoko, H. et al. Identifying the socio-human inputs and implications in robotic process automation (RPA): a systematic mapping study. International Conference on Business Process Management. – Cham: Springer International Publishing, 2022, pp. 185-199, doi:10.1007/978-3-031-16168-1_12.

8. Kirchmer M., Franz P. Value-Driven Robotic Process Automation (RPA) A Process-Led Approach to Fast Results at Minimal Risk. International Symposium on Business Modeling and Software Design. – Cham: Springer International Publishing, 2019, pp. 31-46, doi:10.1007/978-3-030-24854-3_3.

9. Robotic Process Automation: Stages of RPA Life-Cycle // Emorphis. [Electronic resource]. URL: https://blogs.emorphis.com/robotic-process-automation-stages-of-rpa-life-cycle/ (accessed: 20.12.2025).

КОНГРЕССНО-ВЫСТАВОЧНАЯ И СОБЫТИЙНАЯ ИНДУСТРИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК 338.48

Инклюзивные практики в создании инфраструктуры выставок

Багрей Дарья Вячеславовна
студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, dashabagrey@rambler.ru
Орловская Виктория Петровна
доцент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
SPIN 1435-7157, orlovskaya.v@unecon.ru

Аннотация. Статья исследует роль инклюзивных практик как стратегического фактора в развитии современной событийной и выставочной индустрии. Инклюзия рассматривается не как набор адаптационных мер, а как целостный процесс, формирующий добавочную стоимость мероприятий. Делается вывод о том, что интеграция принципов физической, сенсорной, когнитивной и социальной доступности трансформирует традиционные форматы в гибкие и клиентоориентированные, отвечающие вызовам новой экономики.

Ключевые слова: инклюзия, доступность, выставочная инфраструктура, сенсорная доступность, социальная инклюзия

В контексте развития конгрессно-выставочной и событийной индустрии новой экономики инклюзивные практики приобретают особое значение как фактор создания добавочной стоимости и повышения конкурентоспособности мероприятий. В эпоху, когда ценность события определяется не только его содержанием, но и способностью вовлекать разнообразную аудиторию, формировать устойчивые сообщества и отвечать запросам общества, инклюзивная инфраструктура становится ключевым элементом стратегии развития. В условиях новых экономических и общественных вызовов такая инфраструктура изменяет традиционные форматы выставок и конгрессов в адаптивные, которые соответствуют общественным этическим стандартам и правовым нормам. Любые инклюзивные практики, интегрируемые в организацию событий, открывают новые возможности для социального взаимодействия и межкультурного диалога. Они способствует достижению целей устойчивого развития и укреплению позиций индустрии в условиях новой экономической реальности.

В последние годы музеи во всем мире активно развивают инклюзивные программы, позволяющие делать их пространство открытым и интересным для самых разных людей. К сожалению, абсолютную инклюзию построить невозможно. Инклюзия – это процесс, а не результат. Это социальная технология для поддержки тех людей, которые испытывают сложности с доступом и интеграцией в общество и культуру [1]. Инклюзивные практики направлены на создание

среды, доступной и комфортной для максимально широкого круга людей – независимо от физических, сенсорных, когнитивных, языковых или социальных особенностей.

Доступность и инклюзия – это не одно и то же. Доступность – это устранение физических барьеров на пути людей к искусству. А инклюзия – это создание повода прийти в музей. Инклюзивные программы создают новый контент, интересный для людей с разным уровнем образования и опыта. Инклюзивные проекты затрагивают тех, кто никак не связан с высоким искусством и в музеи не ходит.

Создание доступной среды в арт-пространствах направлено на устранение не только физических, но и психологических препятствий, обеспечивая каждому посетителю возможность глубокого и комфортного восприятия искусства.

Физическая доступность предусматривает комплексный подход к организации пространства. Помимо обязательных элементов, таких как широкие проходы, пандусы и адаптированные санитарные узлы, ключевое значение имеет продуманное размещение экспонатов (например, на оптимальной для обзора высоте) и интеграция доступных решений в общую архитектурную концепцию, чтобы они не воспринимались как обособленные «особые» меры.

Сенсорная доступность расширяет возможности взаимодействия с искусством для посетителей с нарушениями зрения, слуха или особенностями сенсорного восприятия. Это достигается за счёт внедрения тактильных моделей, тифлокомментариев, субтитров, переводов на жестовый язык, а также использования контрастной графики и мультимедийных форматов. Не менее важна адаптация среды: регулируемое освещение, контроль уровня шума и продуманная плотность экспозиции способствуют комфорту нейроразнообразных гостей.

Интеллектуальная (когнитивная) доступность ориентирована на преодоление смысловых барьеров. Отказ от узкоспециальной терминологии в пользу ясных и ёмких пояснений к произведениям позволяет сделать содержание выставки открытым и увлекательным для самой широкой аудитории, независимо от уровня предварительной подготовки [3]. Интеллектуальная доступность выражается в чёткой навигации, логичной структуре экспозиции, понятных сопроводительных текстах, аудиогидах и визуальных подсказках. Все вышеназванное снижает когнитивную нагрузку и делает выставку легко и адекватно воспринимаемой для людей с разным уровнем подготовки, разного возраста, с различными когнитивными особенностями или языковым барьером.

Мы можем также упомянуть социальную и культурную инклюзию, которые, в свою очередь, проявляются не столько в инфраструктурных и пространственных решениях, сколько в самом содержании выставок. В данном случае основная задача кураторов выставочного проекта – избежать формального подхода к формированию и техническому обеспечению экспозиции. Сюда же относится и корректная коммуникация с посетителями со стороны персонала выставки.

Инклюзивные выставки разрушают барьеры и привлекают самую разную аудиторию. Когда выставки доступны для людей с ограниченными возможностями, представителей разных культур и людей с разными способностями, они

естественным образом привлекают более широкий круг посетителей. В то же время, когда кураторы выставочных проектов учитывают различные точки зрения, они предлагают свежие идеи и инновационные подходы к организации экспозиции и пространства.

Таким образом, значение инклюзивных выставок заключается в следующем:

- расширение охвата аудитории;
- повышение вовлечённости;
- развитие эмпатии и понимания;
- стимулирование инноваций и креативности;
- установление отраслевых стандартов;
- повышение репутации и имиджа бренда;
- соблюдение правовых и этических обязательств [2].

Важно подчеркнуть, что инклюзия в выставочной среде – это непрерывный процесс, который включает в себя как исследование потребностей аудитории, так и тестирование решений, и сбор обратной связи. Но при этом выставочные пространства должны рассматривать инклюзивную инфраструктуру не как дополнительную организационную и технологическую нагрузку, а как основу устойчивого развития выставочных пространств.

Список источников

1. Инклюзия в музее: что это такое // Коммерсантъ.URL: https://www.kommersant.ru/doc/5115667 (дата обращения: 30.01.2026).

2. Exhibition accessibility standards Unlocking Business... // fastercapital. URL: https://fastercapital.com/content/Exhibition-accessibility-standards-Unlocking-Business-Success--Navigating-Exhibition-Accessibility-Standards.html (accessed 30.01.2026).

3. Inclusive Art Spaces: Tips & Best Practices // blog.daisie. URL: https://blog.daisie.com/inclusive-art-spaces-tips-best-practices/ (accessed: 30.01.2026).

УДК 338.48

Потенциал применения технологий искусственного интеллекта в цифровом анализе событийной деятельности (на примере арктического региона России)

Гордиенко Яна Александровна
ассистент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
SPIN-код: 5005-2361, 79819530636@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы применения инструментов искусственного интеллекта для цифрового анализа событийной деятельности арктического региона как основы автоматизированного data-driven управления региональным развитием Арктики.

Ключевые слова: Арктика, цифровой анализ, событийная повестка, искусственный интеллект, событийная деятельность

Неуклонный рост международного внимания к Арктике, являющейся ключевым элементом в стратегическом планировании России, сегодня сопровождается ростом числа общественно значимых событий, отражающих динамику и тенденции регионального развития, в связи с чем анализ событийной повестки Арктики требует системности и высокой оперативности в разрезе непрерывно возрастающих объёмов информации, которая становятся всё более разнообразной, что обуславливает необходимость применения современных методов анализа больших данных. В связи с чем всё более актуальными становятся технологии искусственного интеллекта (ИИ), способные автоматизировать сбор, обработку и интерпретацию информации о событийной деятельности для последующего определения эффективности, прогнозирования тематических трендов и направлений социально-экономического развития Арктики [2]. Цель данной статьи заключается в анализе потенциала применения ИИ в цифровом мониторинге событийной повестки Арктики и обосновании его значимости для формирования управленческих решений и стратегического планирования.

Событийная повестка по тематике развития Арктики охватывает широкий спектр тем и форматов различного уровня: международные и национальные форумы, научные экспедиции, экологические акции, культурные мероприятия, инициативы, связанные с освоением природных ресурсов, а также вопросы, связанные с коренными малочисленными народами Севера. Повестка формируется и распространяется через различные информационные каналы, среди которых наиболее востребованными становятся официальные публикации, экспертные отчёты, новости, соцсети и блоги, что делает необходимым использование гибких аналитических инструментов, способных обрабатывать разнотипные и многослойные данные с учетом специфики Арктики (геополитической чувствительности событий, языкового и культурного многообразия источников, а также низкой плотности традиционных СМИ и возрастающей роли цифровых платформ) [1].

Современные технологии искусственного интеллекта позволяют не только автоматизировать сбор данных, но и интерпретировать их, выявлять смысловые связи и прогнозировать сценарии дальнейшего развития, определять тренды. Наиболее перспективными в контексте арктического мониторинга являются: методы обработки естественного языка, позволяющие анализировать тексты из новостных лент, соцсетей, аналитических докладов, распознавать и группировать именованных сущностей (ключевые пользователи событий, географические объекты проведения мероприятий, компании-организаторы), осуществлять тематическое моделирование и классификацию событий, а также производить анализ тональности сообщений пользователей и автоматически составлять дайджесты и резюме повестки региона (например, можно анализировать тональность упоминаний о событиях в медиаисточниках

за конкретный период); машинное обучение, которое помогает выявлять закономерности в распределении событий, анализировать частотность и контекст использования определённых тематик программы, что позволяет отслеживать динамику интереса пользователей к событиям и проверять выдвинутые гипотезы о роли событий в региональном развитии; инструменты генерации автоматизированных отчетов по заданным параметрам, что особенно важно для региональных управленческих органов власти, работающих в условиях ограниченных ресурсов (табл. 1).

Таблица 1 – Инструменты ИИ для анализа событийной деятельности

Технология ИИ	**Возможности**	**Применение в арктическом мониторинге**	**Пример использования**
Обработка естественного языка (NLP)	Анализ текстов и смыслов, тематическое моделирование, резюмирование	Автоматический анализ новостей, постов, отчётов; определение ключевых тем и акторов	Анализ публикаций о международном арктическом форуме: выбор тем, акторов, локаций
Машинное обучение (ML)	Обнаружение закономерностей, обучение на накопленных данных, прогнозирование	Построение сценариев событийного развития, выявление трендов	Выявление роста интереса к теме изменения климата по динамике новостных упоминаний
Классификация и кластеризация	Автоматическая группировка данных по категориям	Разделение событий на группы: экология, культура, политика	Кластеризация новостей о Севморпути на экономические, транспортные и экологические темы
Анализ тональности (Sentiment Analysis)	Определение эмоциональной окраски текстов	Анализ отношения СМИ и пользователей соцсетей к событиям в Арктике	Определение негативной реакции на нефтеразлив в Ненецком АО в региональных СМИ
Распознавание именованных сущностей (NER)	Выделение имён, локаций, организаций, объектов, дат в тексте	Отслеживание упоминаний ключевых территорий и участников арктической повестки	Выделение упоминаний "Ямал СПГ", "Мурманск", "Арктический совет" в ежедневном новостном обзоре
Генеративные модели (LLM, GPT)	Создание связных текстов, аналитических справок, резюме	Автоматическая генерация аналитических отчётов, кратких описаний трендов	Генерация сводки по событиям за неделю на основе агрегированных новостных данных

Окончание табл. 1

Технология ИИ	**Возможности**	**Применение в арктическом мониторинге**	**Пример использования**
Системы визуализации данных (BI-инструменты)	Построение графиков, тепловых карт, дашбордов	Визуальное представление повестки и её изменений во времени	Интерактивный дашборд по динамике упоминаний тематики Севморпути в деловой программе событий с 2020 по 2025гг.
Мультиязычный анализ	Обработка текстов на разных языках	Мониторинг как российских, так и зарубежных источников о событиях в Арктике	Анализ международной реакции на текущие условия реализации арктических проектов с Россией

Цифровой мониторинг событийной повестки в Арктике приобретает особое значение в условиях усложнения информационной среды и роста значимости арктического региона, а внедрение инструментов искусственного интеллекта позволяет автоматизировать и ускорить анализ, повысить эффективность мониторинга и формировать более точные управленческие решения. Для бизнеса внедрение технологий ИИ в цифровой мониторинг необходимо для анализа внешней среды и информационного контекста в реальном времени, для выявления общественных и политических трендов, оценки имиджа проектов в медиапространстве, отслеживания повестки ключевых акторов рынка и потенциальных изменений в регуляторной политике, что критически важно для компаний, работающих в секторах энергетики, логистики, туризма, устойчивого развития и коммуникациях с местными сообществами. [2]

Таким образом, интеграция ИИ в цифровой мониторинг становится не просто технологической инновацией, но и стратегическим активом, требующим междисциплинарного подхода, объединяющего IT-специалистов, аналитиков, управленцев и региональных экспертов, и способствующим снижению репутационных и операционных рисков, более точному планированию и принятию решений, основанных на данных, что в перспективе может стать неотъемлемой частью цифровой трансформации северных территорий и позволит создавать новые сервисы и бизнес-модели, ориентированные на устойчивое развитие Арктики.

Список источников

1. Гордиенко Я. А. Цифровые векторы развития арктического туризма / Я. А. Гордиенко, О. А. Максимовская // Научное творчество молодежи в индустрии гостеприимства : Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием студентов, аспирантов и молодых ученых, Донецк, 14–15 марта 2024 года. – Москва: ООО «Издательство «Перо», 2024. – С. 352-354.

2. Питухина М.А. Использование технологий искусственного интеллекта в российской Арктике на примере Мурманской области /М.А. Питухина, А.Д. Белых //Арктика и Север. – 2023. – № 52. – С. 167-179.

УДК 378.147

Специфика организации и проведения кейс-чемпионата: возможности для молодых специалистов и индустрии событий

Грабовская Анастасия Игоревна
студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, grabovskaya_95@inbox.ru
Сушкова Ульяна Сергеевна
студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, u.sushkova@yandex.ru
Кострюкова Оксана Николаевна
доцент, декан факультета сервиса, туризма и гостеприимства,
заведующий кафедрой сервисной и конгрессно-выставочной деятельности,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
SPIN-код: 6575-9414, kostrukova@unecon.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организации и проведения кейс-чемпионата в качестве формата, сокращающего разрыв между теоретической подготовкой студентов и требованиями рынка труда. Раскрываются особенности его организации и значимость для компаний, вузов и участников – молодых специалистов. Обосновывается значимость кейс-чемпионата в качестве эффективного инструмента развития профессиональных компетенций и карьерного становления молодых специалистов.

Ключевые слова: кейс-чемпионат, практикоориентированное обучение, подготовка кадров, взаимодействие бизнеса и вузов, профессиональные компетенции, карьерный старт.

В условиях динамичных изменений рынка труда и усиления требований работодателей к уровню практической подготовки будущих специалистов все большую значимость приобретают формы обучения, ориентированные на развитие прикладных компетенций. Современной экономике требуются кадры, способные оперативно анализировать большие объёмы информации, быстро и гибко адаптироваться к меняющимся условиям, работать в команде, принимать решения в нестандартных ситуациях и нести ответственность за результат.

Одним из наиболее эффективных инструментов практико-ориентированного обучения для формирования указанных навыков становятся кейс-чемпионаты. Их популярность в последние годы стабильно растёт, чему способствует усиление взаимодействия бизнеса и образовательных организаций, заинтересованных в подготовке специалистов, максимально адаптированных к реальным условиям рынка труда.

Основная особенность кейс-чемпионатов состоит в том, что они позволяют моделировать реальные бизнес-ситуации и тем самым сокращают разрыв между теорией и практикой, превращая условие задачи в реальное применимое решение. Участие в таких мероприятиях становится важным этапом для молодых специалистов, отправной точкой в построении карьеры.

Обобщая существующие подходы к рассмотрению понятия кейс-чемпионата, можно определить кейс-чемпионат как организованное партнёрство между образовательной средой и бизнесом, особое соревнование, в рамках которого участники разрабатывают и презентуют решения реальных или смоделированных профессиональных задач, а их предложения оцениваются экспертным жюри по заранее установленным критериям.

Ключевыми характеристиками кейс-чемпионата являются следующие элементы: практическая направленность задач, командная работа, ограниченность времени на разработку решения, публичная презентация.

Для бизнеса кейс-чемпионаты являются эффективным инструментом формирования кадрового резерва и поиска талантливых молодых специалистов. Участники демонстрируют свой уровень компетенций, что позволяет работодателям проводить своеобразный предварительный отбор, выделяя наиболее перспективных кандидатов. Кроме того, бизнес получает возможность продвигать бренд работодателя, повышать узнаваемость среди студенческой аудитории и транслировать корпоративные ценности.

Сравнительный анализ организации кейс-чемпионатов в российских университетах позволил выявить специфику существующих подходов к их организации (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ опыта проведения кейс-чемпионатов российскими университетами (составлено авторами на основании [1,3-4])

ВУЗ	**Мероприятие**	**Специфика кейс-чемпионата**	**Возможности для студентов**
НИУ ВШЭ	Всероссийский кейс-чемпионат «КЛЮЧ»	Межвузовский чемпионат с реальными бизнес-кейсами от партнеров (Сбер, ВТБ, Unilever, и др. Работа над задачами корпоративного уровня для студентов разных курсов и направлений.	Победители получают ускоренный процесс найма в компании партнёра, всем участникам вручается сертификат и рекомендательные письма.
Московский международный университет	Кейс-чемпионат Медиакоммуникации	Ориентирован на студентов программы «Медиакоммуникации», практика в исследовании по монетизации медийных платформ и проектов	Возможность применить теорию на практических ситуациях с обратной связью от экспертов, вручается сертификат участникам

Окончание табл. 1

ВУЗ	Мероприятие	Специфика кейс-чемпионата	Возможности для студентов
МГУ	Ежегодный кейс-чемпионат от РГУ им. Губкина и Kept	Ориентировано на стратегические и операционные бизнес-кейсы в области нефтегазового сектора, рынка техгазов и др.	Студенты участвуют в универсиадах и других внутренних проектах, возможность получения предложения стажировок от партнёров

Проведенный анализ иллюстрирует, что в университетах сформировалась устойчивая практика проведения кейс-чемпионатов, что говорит об их эффективном влиянии для всех задействованных сторон: партнёров, студентов, высших учебных заведений.

Участвуя в кейс-чемпионате, молодые специалисты получают большие преимущества. В части профессиональных навыков, кейс-чемпионат помогает развитию аналитического мышления и структурирования информации, формируются навыки в области стратегического и операционного планирования. Командный формат работы способствует формированию навыков коммуникации, распределения ролей, умению договариваться и презентовать решения, а также знакомству с потенциальными работодателями [2].

В результате можно сделать вывод, что кейс-чемпионат представляет собой особую модель профессиональной апробации, в рамках которой участники оказываются в условиях, максимально приближенных к реальной рабочей среде. Его специфика заключается в сочетании ограниченных ресурсов с необходимостью принимать обоснованные управленческие решения. Именно эта комбинация отличает кейс-чемпионаты от иных образовательных и соревновательных форматов и делает их эффективным инструментом оценки и развития профессионального потенциала.

В свете вышеизложенного представляется актуальной включение кейс-чемпионата как важного практикоориентированного механизма профессиональной подготовки специалистов для растущей в последние десятилетия индустрии событий. Основные профессиональные образовательные программы подготовки специалистов для индустрии событий в последние годы все чаще открываются в ведущих российских университетах. Один из первых – Санкт-Петербургский государственный экономический университет, ведущий подготовку специалистов для индустрии событий с 2014 года на базе кафедры сервисной и конгрессно-выставочной деятельности. Идея кейс-чемпионата для молодых организаторов событий может основываться на актуальной повестке развития индустрии событий в тесной взаимосвязи с приоритетными задачами социально-экономического развития страны и региона отраслевыми инструментами, а также на основе практики ведущих организаций индустрии событий (организаторов крупных международных мероприятий, конгрессно-выставочных центров и иных событийных площадок). Кейс-чемпионат может стать важной коммуникационной

площадкой как для молодых специалистов, так и для работодателей. При этом сам кейс-чемпионат можно рассматривать как механизм формирования банка кейсов, которые впоследствии могут быть рекомендованы для программ основного и дополнительного профессионального образования.

Список источников

1. Всероссийский кейс-чемпионат "КЛЮЧ" // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: https://olymp.hse.ru/championship/?ysclid=mle0765dx5553261588 (дата обращения: 28.01.2026).

2. В Ростехе прошел Кейс-чемпионат Ростеха // Ростех Медиа Новости: [Электронный ресурс]. – URL: https://rostec.ru/media/news/v-rostekhe-proshel-keys-chempionat-rostekha-po-prodvizheniyu-rabochikh-i-inzhenernykh-professiy/?ysclid=mle16tnkl744813898#start (дата обращения: 28.01.2026).

3. Ежегодный кейс-чемпионат от РГУ им. Губкина и Kept. // Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: https://www.econ.msu.ru/students/eas/events/Article.20231018145431_6476/?ysclid=mle0brcea6581088845 (дата обращения: 28.01.2026).

4. КЕЙС-ЧЕМПИОНАТ Медиакоммуникации // Московский международный университет. [Электронный ресурс]. URL: https://mi.university/case-chempionat?ysclid=mle0898ke1651354118 (дата обращения: 28.01.2026).

УДК 331

Особенности свадебного рынка в Тюмени

Лапин Кирилл Викторович
бакалавр, Тюменский индустриальный университет, 89224774424@mail.ru
Редькина Елена Михайловна
доцент, Тюменский индустриальный университет, redkinaem@tyuiu.ru

Аннотация. В статье анализируется свадебный рынок Тюмени, выделяются его особенности и факторы, влияющие на интенсивное развитие этого сегмента индустрии гостеприимства на Урале. Авторами были выделены основные группы участников в структуре свадебного рынка Тюмени, а также определены системные проблемы этого сегмента событийной индустрии.

Ключевые слова: индустрия свадебных услуг, свадебный рынок, свадебные организаторы, индустрия гостеприимства, event-индустрия, событийная индустрия.

Рыночная экономика развитых мировых стран функционирует в основном как экономика сферы услуг [2, с. 4]. Это чрезвычайно обширная сфера, включающая в себя разные виды услуг, начиная от бытовых и заканчивая услугами общественного питания и гостеприимства. Одним из существенных сегментов этой сферы является свадебный бизнес.

В России свадебный бизнес еще достаточно молод, но при этом рынок свадебных услуг развивается очень динамично [1]. Эта тенденция наблюдается и на Урале. Тюменский рынок свадебных услуг является одним из самых активно развивающихся в этом регионе. Его рост обусловлен демографическими и социально-экономическими факторами: благоприятные условия проживания, возможности хорошего заработка для молодых специалистов способствует увеличению числа молодежных пар, ориентированных на проведение персонализированных и эмоционально насыщенных торжеств.

По данным, размещенным на официальном сайте администрации города Тюмени, за 11 месяцев 2025 года (январь – ноябрь) зарегистрировано 7259 актов о браке, в то время как за весь 2024 год – 6799 [3]. Среднемесячное количество свадеб варьируется в пределах 600–670, при этом чётко прослеживается сезонный характер: пик приходится на летние месяцы – июнь (712 свадеб), июль (789), август (803) и сентябрь (671). Однако особенно интересной особенностью тюменского рынка является то, что и в зимний период свадьбы не теряют популярности – ежегодно в январе и феврале регистрируется по 350–400 браков, и значительная часть из них сопровождается полноценными торжествами.

Причин, вызывающих такую ситуацию, несколько. Во-первых, Тюмень как нефтегазовый центр характеризуется высокой мобильностью населения и наличием значительного числа молодых специалистов, для которых символические даты (Новый год, День Святого Валентина, круглые даты) играют важную роль. Во-вторых, зимние свадьбы становятся популярными благодаря формированию нового тренда – «уютной» эстетики, где ценится атмосфера домашнего тепла, декор с элементами зимней сказки, использование пастельных тонов и натуральных материалов. В-третьих, стоимость аренды площадок и услуг подрядчиков в низкий сезон зачастую ниже, что делает формат привлекательным для пар с ограниченным бюджетом.

Средний бюджет свадьбы в Тюмени, по данным портала wedding-awards.ru и неформального опроса, проведённого в рамках опыта авторов статьи, колеблется от 650 000 до 1 100 000 рублей. При этом 62% пар обращаются за помощью к профессиональному организатору или свадебной студии, а 87% заказывают хотя бы одну платную услугу. Это свидетельствует о том, что даже в условиях умеренного бюджета клиенты стремятся к качественному сервису и готовы инвестировать в эмоциональную ценность события, а не просто в его формальное проведение.

Можно выделить три группы участников свадебного рынка. К первой относятся свадебные организаторы и студии. По данным сайта «Яндекс Услуги», на 2025 год в Тюмени зарегистрировано более 120 самостоятельных организаторов, большинство из которых работают как ИП или самозанятые, и около 35 студий, предлагающих комплексные услуги. Среди наиболее известных – «Момент», «Счастье в деталях», «White Day», «Эмоции», «Свадьба по-тихому». Од-

нако лишь 5–7 компаний имеют штат более 5 человек, офис и работают по современным стандартам (с мудбордами, таймингами, техническими заданиями), что указывает на фрагментированность рынка.

Следующая группа, в которой, согласно изученным материалам, наблюдается высокая конкуренция – это подрядчики. В городе насчитывается более 200 фотографов и видеографов, из которых 20% работают на федеральном уровне; около 80 ведущих, включая актеров тюменского драматического театра, радио- и телеведущих; порядка 50 флористов (только 15 из них регулярно используют живые цветы, особенно в зимний период); 25-30 кейтеринговых компаний (от сетевых брендов до частных поваров).

Третья группа – площадки. В отличие от Москвы или Санкт-Петербурга, в Тюмени отсутствуют специализированные свадебные особняки, поэтому торжества проводятся в ресторанах («Green House», «Marshall Grand Hall», «Царевна»), на базах отдыха («Лесная сказка», «Восточная долина»), в загородных клубах («Кулига», «Лесной дворик») или в арендуемых лофтах и арт-пространствах («Арт-холл на Герцена»). Средняя стоимость аренды по данным на момент написания статьи, на 8–10 часов в выходной день составляет от 35 000 до 120 000 рублей, в зависимости от вместимости (30–100 гостей) и уровня оснащения.

Несмотря на интенсивное развитие рынка свадебных услуг в Тюмени, можно выделить ряд системных проблем:

- отсутствие профильного образования у организаторов свадеб и торжеств;
- отсутствие или слабая стандартизация договорных отношений;
- низкий уровень технологизации процессов;
- слабая адаптированность к климатическим и инфраструктурным особенностям региона.

Это снижает удовлетворенность клиентов, создает разрыв между их ожиданиями, которые базируются на московских и европейских стандартах, и реальными возможностями местных специалистов, что напрямую влияет на восприятие качества конечного результата.

Список источников

1. Мухина, М. В., Шевченко, С. М., Цапина, Т. Н. Развитие индустрии свадебных услуг в Нижнем Новгороде / М. В. Мухина, С. М. Шевченко, Т. Н. Цапина // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 9, №6 (2017). [Электронный ресурс]. URL: https://naukovedenie.ru/PDF/52EVN617.pdf (дата обращения: 27.01.2026).

2. Основы сервисной деятельности / Г. А. Щербаков, Н. Г. Медведева, П. А. Сунгуров, Е. М. Редькина. – Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2021. – 90 с. – Текст : непосредственный. EDN: YBRMTR

3. Сравнительный анализ актов о рождении, зарегистрированных в комитете ЗАГС Администрации города Тюмени // Официальный сайт администрации города Тюмени. [Электронный ресурс]. URL: https://www.tyumen-city.ru/vlast/administration/struktura-administracii-goroda-tumeni/zags/sravnitelyniianaliz/ (дата обращения: 29.01.2026).

УДК 338.48

Возможности применения искусственного интеллекта в конгрессно-выставочной индустрии

Максименко Олеся Геннадьевна
магистрант, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
omaksimenko-21@edu.ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы внедрения искусственного интеллекта на площадки конгрессно-выставочных мероприятий. Целью работы является анализ роли инновационных решений для рассматриваемой индустрии. Автором рассматриваются уже существующие практики и предлагаются иные решения использования ИИ при организации и проведении событий.

Ключевые слова: конгрессно-выставочная индустрия, искусственный интеллект, персонализация, автоматизация, события, мероприятия.

Цель данного исследования заключается в анализе возможностей применения искусственного интеллекта (ИИ) в конгрессно-выставочную индустрию, а также рассмотрение векторов развития использования ИИ в отрасли. Для достижения поставленной цели в статье использовались различные методы исследования, среди которых методы синтеза и анализа. В результате проведенной работы и рассмотрения нескольких форм применения искусственного интеллекта, сделан вывод о роли искусственного интеллекта для конгрессно-выставочной индустрии, и в частности, использования систем ИИ в реализации крупных международных событий.

Для того, чтобы рассмотреть перспективы внедрения искусственного интеллекта на площадки мероприятий рассмотрим, как такие технологии применяются в отрасли уже сейчас. Так, Фонд Росконгресс разработал и уже применяет на своих мероприятиях нейросеть «ИнФорум» [4]. Умный помощник подбирает мероприятия с учетом интересов участника, а за 15 минут до начала бот уведомляет обо всех запланированных событиях.

В 2025 году в работе горячей линии Петербургского международного экономического форума впервые был использован умный голосовой помощник на базе искусственного интеллекта. Разработанный Фондом «Росконгресс» и компанией Just AI голосовой бот помог оперативно отвечать на вопросы участников форума, снижая нагрузку на операторов колл-центра и обеспечивая быструю обработку большого объема обращений, что повысило эффективность работы службы поддержки и удобство для гостей форума [1].

На Петербургском международном газовом форуме в 2025 году ПАО «КАМАЗ» представило свой первый выставочный стенд, полностью спроектированный с помощью искусственного интеллекта. По словам представителей компании, такое решение помогло улучшить показатели по посещаемости стенда и сократила расходы на разработку проекта.

Согласно исследованию McKinsey, рынок ИИ стремительно развивается. Например, ChatGPT начал работу в ноябре 2022 года и уже через четыре месяца OpenAI выпустила новый ИИ под названием GPT-4 с расширенным спектром возможностей. По мнению экспертов, использование систем искусственного интеллекта может упростить взаимодействие с клиентами, а также помочь в разработке программного обеспечения [2].

Подобная ситуация наблюдается и на рынке конгрессно-выставочных услуг. На текущий момент, согласно результатам отраслевого исследования Al Report 2025, в мире 45% организаторов мероприятий часто используют инструменты искусственного интеллекта для улучшения работы и персонализации обслуживания участников. Среди наиболее востребованных применений искусственного интеллекта в сфере организации мероприятий выделяются аналитика данных, индивидуализация предложений и генерация контента [6].

Однако, несмотря на имеющиеся в событийной индустрии практики по применению искусственного интеллекта, можно рассмотреть внедрение других возможностей систем ИИ.

В соответствии со Стратегией развития конгрессно-выставочной отрасли до 2030 года, одним из способов достижения поставленных в документе задач будет создание быстрых инструментов информирования и последующего выбора участниками рынка выставочных мероприятий, проводимых в стране [5]. Чтобы выполнить поставленную задачу и укрепить положительное влияние искусственного интеллекта на конгрессно-выставочную отрасль можно наравне с уже существующими практиками рассмотреть новые решения.

Так, с помощью современного умного помощника можно улучшить сети взаимодействия и повысить коммуникацию между участниками мероприятий. В приложении или личном кабинете гостя мероприятия можно настроить использование систем рекомендации и автоматизированных сетевых платформ для соединения с другими участниками с общими интересами и целями, что станет инструментом для поиска полезных контактов.

В будущем также возможно создание виртуальных мероприятий. Такой формат расширит охват аудитории и обеспечит доступ к событию независимо от географического положения. Для организаторов это возможность расширить границы события, а для участников – шанс посетить мероприятие, независимо от места нахождения.

ИИ можно рассмотреть с целью оптимизации размещения участников и выставочных экспонентов, логистических потоков на площадке события. Такое решение может облегчить работу самим организаторам, а участникам будут доступны новые комфортные решения для пребывания и плодотворной работы на территории мероприятия. Кроме того, системы на базе искусственного интеллекта могут помочь организаторам предугадывать предпочтения аудитории, что упростит процессы при подготовке мероприятия. Эти технологии не только повысят эффективность событий, но и откроют новые возможности для взаимодействия с целевыми группами [3].

Таким образом, на сегодняшний день технологи искусственного интеллекта успешно внедряются в проведение конгрессно-выставочных мероприятий. Организаторы используют в своей деятельности чат-боты, помогающие участникам получить ответы на интересующие вопросы. Каждому гостю автоматизированная система предлагает те или иные дискуссионные площадки, которые интересны именно ему. А экспоненты презентуют на стенде свою компанию с помощью современных технологичных решений. Однако возможности искусственного интеллекта для конгрессно-выставочной индустрии на этом не ограничиваются. В дальнейшем ИИ для участников мероприятий может стать инструментом для поиска новых контактов, а также для посещения той или иной выставки, форума, конгресса вне зависимости от географического положения. Организаторам мероприятий искусственный интеллект может помочь в оптимизации логистических процессов и моделировании объектов на площадке события, а также выйти за рамки привычных форматов и расширить свои возможности.

Список источников

1. Директор ПМЭФ принял участие в пресс-конференции, посвященной внедрению искусственного интеллекта в организацию мероприятий // Фонд «Росконгресс» [Электронный ресурс]. URL: https://roscongress.org/news/direktor-pmef-aleksej-valkov-prinjal-uchastie-v-press-konferentsii-posvjaschennoj-vnedreniju-iskusst/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (Дата обращения: 21.10.2025).

2. Погорелов, Н. В. Применение искусственного интеллекта в ресторанном бизнесе в условиях постоянно меняющихся технологических решений / Н. В. Погорелов, П. Д. Назаренко // Вестник индустрии гостеприимства : Международный научный сборник. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. – С. 70-77. – EDN MYXARS.

3. Погорелов, Н. В. Текущее состояние и направления развития событийного туризма в России с учетом международных тенденций / Н. В. Погорелов, П. Д. Рогова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 15, № 11(152). – С. 225-238. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.11.15.029. – EDN PJNRPU.

4. Росконгресс применит ИИ для персонализации взаимодействия с гостями форумов // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/25333853 (Дата обращения: 17.10.2025).

5. Стратегия развития конгрессно-выставочной отрасли до 2030 года // static.government.ru [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/files/7gWpeLi8RMSiT8RzWY18SI130KlHIRVz.pdf (Дата обращения: 05.11.2025).

6. Superagency in the workplace: Empowering people to unlock AI’s full potential // mckinsey.com. // McKinsey. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/tech-and-ai/our-insights/superagency-in-the-workplace-empowering-people-to-unlock-ais-full-potential-at-work#/ (Accessed: 07.11.2025).

УДК 338.46

Расширение жизненного цикла мероприятия: модель «ивент – профессиональное сообщество – ивент» в событийной индустрии

Марушнева Софья Владимировна,
студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
marushneva_sofia@vk.com
Михайлова Карина Валерьевна,
доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
SPIN-код: 5405-1699, mihaylova.k@unecon.ru

Аннотация. В статье рассматривается подход к построению экосистемной модели «ивент – профессиональное сообщество – ивент». Уточнен термин профессионального сообщества в событийной индустрии, определены признаки создания профессионального сообщества, а также потенциальная ценность рассматриваемой модели для участника уникального события.

Ключевые слова: профессиональное сообщество, организация мероприятий, ивент, событие, уникальное событие, экосистемная модель

В условиях развития новой экономики событийная индустрия подвержена изменению привычных каналов коммуникации, а также росту конкуренции за внимание целевой аудитории, что непосредственным образом влияет на цену ошибки при выборе маркетинговой стратегии. Уникальное событие, то есть проводимое однократно, без регулярной основы, наиболее подвержено подобным негативным факторам: после окончания ивента значительная часть контактов «остывает», и организатор вынужден повторять полный цикл привлечения участников и выстраивания доверия, что увеличивает нагрузку на команду и снижает возможности контроля над результатами. По данным «Harvard Business Revier» привлечение нового клиента может обходиться в 5–25 раз дороже, чем удержание существующего [2].

В этой связи возрастает актуальность вопроса формирования экосистемной модели «ивент – профессиональное сообщество – ивент», направленной на трансформацию процесса построения устойчивой системы коммуникационных взаимодействий организатора с участниками события. Рынок постепенно сдвигается с точки «одна крупная B2B-конференция в год» к портфелю активностей: по данным Bizzabo, проводившим в 2024 году опрос 1558 организаторов и участников, 64% ивент-компаний проводят несколько дополнительных микро-событий для поддержки крупных конференций [3].

Одним из перспективных решений в области организации мероприятий является создание профессионального сообщества, которое в зарубежной практике рассматривается, как группа людей, разделяющая интерес к тому, что делают, улучшая это через регулярное взаимодействие [4]. В российской научной среде подчеркивается отсутствие близкого по значению понятия, что обосновывает необходимость уточнения термина применительно к событийной индустрии.

Профессиональное сообщество в событийной индустрии – это устойчивая система, объединяющая специалистов, заинтересованных в ценностном обмене, по определенному признаку (уровень заработка/ профессия/ экономический интерес и т.д.) и функционирующая через инфраструктуру и правила членства. Подобная модель создает социальный капитал и поддерживает лояльность участников, обеспечивая организатору постоянный объем коммуникации с «лидами». В качестве признаков создания профессионального сообщества можно выделить:

- Наличие общей практики у резидентов сообщества (профессия, кейсы, стандарты);
- Обязательная регулярность взаимодействия (наполненный календарь событий и налаженный ритм активностей);
- Формально зафиксированные правила и роли (координатор/ куратор/ участник/ партнер);
- Наличие входных барьеров (например, оплата членства);
- Подтвержденная ценность для участников (статус, доступ к эксклюзивной информации, сеть контактов).

Таким образом, переход ивент-компаний от организации уникального мероприятия к формированию экосистемы профессионального сообщества может быть описан как управляемый цикл «ивент – профессиональное сообщество – ивент», где каждое звено выполняет самостоятельную функцию, усиливая работу следующего.

В основе модели лежит идея, что ценность для организатора и участника является непрерывным процессом взаимовыгодного сотрудничества: мероприятие запускает доверие и закрепляет визуальную идентичность – сообщество удерживает клиента посредством создания постоянной пользы и «подогревает» аудиторию к следующему крупному событию – следующий ивент удерживает и подтверждает пользу, монетизирует «теплые» контакты и укрепляет бренд разрабатываемой экосистемы.

За короткий период проведения события участник получает концентрированный объем информации: новые знания, нетворкинг, эмоциональную вовлеченность. Очный контакт и совместно пережитый опыт увеличивает синхронизацию нейронных активностей, усиливая субъективную близость и мотивируя продолжение коммуникации [5].

Таким образом, задача организатора события – перевести участника из статуса посетителя в статус резидента сообщества, тем самым способствуя решению главного недостатка мероприятия с коротким жизненным циклом – обнуления коммуникации.

В экосистемной логике участник воспринимает событие не как однократное вложение, а как вход в устойчивую профессиональную среду, где ценность накапливается и продолжается после завершения уникального мероприятия. Эта ценность может быть представлена четырьмя блоками: статус, доступ, сеть и практик (таблица 1).

Таблица 1 – Ценность экосистемы для резидента профессионального сообщества

Блок ценности	**Что получает участник**	**Пример ценности в экосистеме**
Статус	Принадлежность к «узкому кругу» усиливает эмоциональную привязку и социальное доказательство компетентности	Роли, упоминания, «витрина кейсов» участников
Доступ	Открытость информации, новых контактов и возможностей отражает уникальность членства и экономит время участника в поиске проверенного контента	Закрытые материалы/ записи, экспертные часы, приоритетная регистрация
Сеть	Нетворкинг и связи, как главный актив каждого профессионала, ускоряют поиск решений в работе	Чаты по темам, клубные встречи, совместные проекты
Практика	Продукт с практико-ориентированным форматом помогает построить четкую траекторию развития резидента	Разборы кейсов, шаблоны/ чек-листы

Удержание участников события обеспечивает непрерывную прикладную пользу, социальную идентичность, низкий барьер вовлечения. «Расширить права и возможности участников очень важно. Дав им некоторую степень контроля и сопричастности, можно получить более заинтересованных в программе события слушателей» [1].

Таким образом, модель «ивент – профессиональное сообщество – ивент» следует рассматривать как один из значимых ресурсов непрерывного и долгосрочного развития событийных проектов. Создание экосистемы обеспечит удержание клиента и монетизацию накопленного социального капитала в условиях усложнения коммуникационных каналов и роста стоимости привлечения «лидов».

Список источников

1. 6 стратегий для создания успешного сообщества вокруг события // Event LIVE [Электронный ресурс]. URL: https://event-live.ru/articles/shpargalka/shpargalka-1_1052.html?ysclid=ml9veyimr0238702489 (Дата обращения: 28.01.2026)

2. The value of keeping the right custumer // Harvard business review. URL: https://hbr.org/2014/10/the-value-of-keeping-the-right-customers (Accessed: 21.01.2026)

3. State of events and Industry Benchmarks // Bizzabo [Электронный ресурс]. URL: https://welcome.bizzabo.com/hubfs/Q125_BenchmarkingReport_2.18.pdf (Accessed: 22.01.2026)

4. Introduction of communities of practice // Etienne and Beverly Wegner-Trayner. URL: https://www.wenger-trayner.com/wp-content/uploads/2022/06/15-06-Brief-introduction-to-communities-of-practice.pdf (Accessed: 22.01.2026)

5. Social bonding through shared experience: the role of emotional intensity // The royal society publishing. URL: https://royalsocietypublishing.org/rsos/article/11/10/240048/92251/Social-bonding-through-shared-experiences-the-role (Accessed: 23.01.2026).

УДК 327.7

Цифровой этикет и гибридные форматы мероприятий в странах ШОС: синтез традиционных норм и современных технологий (на примере России, Китая, Индии)

Попова Алина Романовна
студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
alinapo2507@yandex.ru
Шахова Анастасия Яковлевна
студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
nastyshahov@yandex.ru
Научный руководитель – канд. экон. наук Михайлова Карина Валерьевна

Аннотация. В данной работе исследуется трансформация традиционного делового этикета России, Китая и Индии в условиях перехода к гибридным форматам мероприятий, выявляя специфические культурные вызовы цифровой среды и предлагая принципы «адаптивного культурного кода» для эффективного взаимодействия в пространстве ШОС.

Ключевые слова: деловой этикет, ШОС, гибридные мероприятия, межкультурная коммуникация, цифровая трансформация.

В условиях стремительной цифровизации и становления «новой экономики» происходит фундаментальная трансформация форматов делового взаимодействия [1]. Гибридные и онлайн-мероприятия перестали быть временной мерой, превратившись в устойчивый тренд глобального событийного пространства. Данный переход к цифровым и смешанным форматам проведения мероприятий раскрывает комплекс вызовов на стыке технологий, коммуникации и культуры, особенно актуальных для стран с глубоко исторически сложившимися традициями делового общения, в том числе, для государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в частности России, Китая и Индии.

В рамках сравнительного анализа делового этикета, китайская модель отличается максимальной формализованностью и системностью. Ее основой является абсолютная иерархия, где статус определяет обращение, порядок действий и процесс принятия решений. Коммуникация носит высококонтекстный характер, стремясь избежать прямой конфронтации и сфокусирована на сохранении «лица» всех участников. Одним из ключевых элементов построения доверия является практика «гуаньси» (построения связей) через неформальное общение, совместные трапезы и обмен подарками по строгим правилам. Восприятие времени ориентировано на долгосрочные отношения, хотя в конкретных деловых встречах демонстрируется пунктуальность.

Если говорить про российскую модель, то стоит быть готовым к внешней холодности. Здесь ценится прямолинейность, краткость и четкость изложения, а

также соблюдение сроков и договоренностей. При знакомстве принято сначала представляться, называть свою организацию, а потом обмениваться рукопожатиями. Для установления долгосрочных отношений лучше запланировать одну или несколько неформальных встреч, особенно ценится формат бизнес-ужинов.

В индийской модели есть особый ритм и этикет. При приветствии стоит избегать рукопожатий и физического контакта, особенно с противоположным полом; вместо этого используется жест «намасте» или кивок. Важно разграничивать использование правой («чистой») и левой («нечистой») руки. Также стоит помнить об иерархии. Самый надежный способ начать деловое общение – это знакомство посредством общего контакта. Первая встреча всегда только ознакомительная, без обсуждения деловых вопросов. Индийские партнеры не спешат с решениями, тщательно обдумывая детали. В общении ценится гибкость, открытость и доброжелательная настойчивость.

Переход к гибридным форматам создает для китайской деловой культуры специфические вызовы. Цифровые платформы нивелируют визуальные маркеры статуса, нарушая традиционную иерархию. Для адаптации возможно предварительное согласование списков участников по рангу, использование титулов в чатах и назначение модератора для регулирования выступлений. Быстрый темп онлайн-обсуждений противоречит культуре взвешенных пауз и невербального общения, повышая риск потери «лица». Эффективными мерами являются структурированные паузы, сбор мнений через асинхронные опросы и итоговые гармонизирующие резюме модератора. Построение доверия («синьжэнь») и связей («гуаньси») в виртуальной среде затруднено и может быть адаптировано через организацию виртуальных неформальных встреч в малых группах, использование локальных платформ (WeChat) и замену физических подарков цифровыми сувенирами.

Российский деловой этикет оказался более гибким для цифровой среды, однако и здесь могут быть отмечены некоторые нюансы. Например, ожидание мгновенной реакции конфликтует с традиционным российским подходом к взвешенным, многоуровневым согласованиям. Чтобы преодолеть барьер, можно подготовить шаблон письма, в котором указать, что обращение было принято в обработку и назвать конкретный срок, в который будет дан ответ. Также, российская деловая культура часто полагается на подтекст, интонацию и личное обаяние, что теряется в письменной форме. Адаптироваться можно с помощью телефонных или видео- переговоров. Самый главный вызов – размытие границ между личным и рабочим временем. Рекомендуется в профилях социальных сетей указывать время для решения рабочих вопросов, а также создавать дополнительные, служебные, аккаунты.

Индийская модель столкнулась с самыми большими вызовами, связанными с обязательным соблюдением традиций. Так, цифровые инструменты (чаты, электронная почта) часто «сглаживают» иерархию, в то время как индийская деловая культура глубоко иерархична. Обращение напрямую к старшему по статусу в общем чате может быть воспринято как неуважение. Поэтому стоит начинать общение с представления и обращения к самому старшему по должности. Гибкое

отношение ко времени входит в противоречие с ожиданием пунктуальности в онлайн-встречах. Участники могут присоединиться с опозданием или перенести звонок в последний момент. Стоит заранее предупреждать об онлайн-встрече и назначать четкие временные рамки, закладывая буфер в 15-30 минут к общему времени встречи. Культура избегания прямого «нет» и конфронтации переносится в цифровое пространство. «Мы посмотрим», «я постараюсь» в ответ на четкий запрос по электронной почте часто означает мягкий отказ. Рекомендуется мягко уточнять статус задачи.

Чтобы адаптировать культурный код стран ШОС для цифровой среды, можно придерживаться следующих принципов:

- Принцип многоязычности и многокультурности. Не пытаться создать универсальную культуру или язык общения. Стоит сосредоточиться на создании устойчивых «переводческих мостов» и развитии межкультурной мета-грамотности – способности распознавать и уважать логику другой страны.
- Принцип иерархической гибкости. Введение «цифровых ритуалов»: первым слово на видеоконференции предоставляется представителю страны-хоста или старшему по статусу в высокой культуре. Система цифровых подписей и согласований, отражающая реальные иерархии принятия решений в каждой стране.
- Принцип коммуникационной избыточности и подтверждения. Страхование от потерь смысла из-за культурных и языковых барьеров. Важное сообщение должно быть доставлено несколькими способами: 1) кратким чат-сообщением, 2) официальным протоколом на электронную почту. Правило «двух каналов»: если вопрос критически важен, его нужно озвучить и в чате, и в письме, и на звонке.

Таким образом, успешная интеграция гибридных форматов в пространстве ШОС возможна не через унификацию, а через сознательную адаптацию цифровых инструментов к специфике традиционного делового этикета России, Китая и Индии, что требует развития межкультурной мета-грамотности и внедрения специальных цифровых протоколов.

«В ШОС объединились уникальные цивилизации и их тесное сотрудничество неизбежно будет источником обогащения каждой в отдельности» [2]. Синтез традиционных норм и цифровых технологий в рамках ШОС демонстрирует, что ключом к эффективному гибридному взаимодействию является не отказ от культурного кода, а его гибкая трансформация на основе предложенных принципов.

Список источников

1. Иванова, О. Ю. Культурный код как инструмент прескриптивных моделей межкультурной коммуникации (к вопросу о перспективах российско-пакистанского межкультурного взаимодействия) / О. Ю. Иванова, Н. А. Калевич, С. А. а. В. Развви // Русский язык и культура в зеркале перевода : XIII Международная научная конференция : материалы конференции, Москва, 20–23 апреля 2023 года. – Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Издательский Дом (типография), 2023. – С. 214-219. – EDN VRPTUZ.

2. ШОС как рефлексия культур // ШОС в контексте глобального мировоззрения : Монография. – Москва : Издательский Дом "Академия Естествознания", 2016. – С. 14-27. – EDN XRWFBL.

УДК: 640.41

Ивенты в апарт-отелях: особенности и тренды

Сывак Вероника Андреевна
студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, syvak.nika@mail.ru
Орловская Виктория Петровна
доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
SPIN 1435-7157, orlovskaya.v@unecon.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности организации и проведения мероприятий в апарт-отелях как в специфическом сегменте индустрии гостеприимств. Анализируются факторы, влияющие на выбор форматов мероприятий. Определены актуальные тенденции в сфере событийной деятельности данного типа размещения. Сделан вывод о высокой привлекательности апарт-отелей как оптимальной площадки для проведения мероприятий малого и среднего масштаба.

Ключевые слова: апарт-отель, ивент, гибридные мероприятия, устойчивость, тренды.

Апарт-отели занимают всё более значимое место в городской инфраструктуре, тем самым отражая изменения в индустрии гостеприимства и растущую востребованность на гибкие формы размещения. Данный формат подразумевает сочетание преимуществ временного пребывания и общественного пространства, что открывает апарт-отели не только с точки зрения объекта размещения, но и как площадку для реализации событийных проектов [3].

Важной перспективой развития ивентов в апарт-отелях в контексте конгрессно-выставочной и событийной индустрии новой экономики является их трансформация в узловые точки для сетевого взаимодействия и создания распределённых гибридных событий. Апарт-отели могут выступать в качестве альтернативных площадок, формировать гибкую клиентоориентированную событийную экосистему.

Как правило, планировка апарт-отелей включает в себя лобби, переговорные комнаты, рабочие пространства (коворкинги) и многофункциональные площадки, легко трансформируемые под различные форматы событий. Отсюда вытекает преобладание ивентов малого и среднего масштаба (например, презентации, тренинги, мастер-классы), целью которых выступает эффективная коммуникация и активная интеграция участников в процесс.

Особенностью ивентов в апарт-отелях является специфика их аудитории. Среди участников мероприятий выделяются как проживающие гости, так и жители близлежащих районов города. Тем самым апарт-отель успешно внедряется в городскую экосистему и способствует созданию устойчивых локальных сообществ [2].

В процессе подготовки мероприятия важную роль играет правильное распределение потоков гостей и жильцов, не участвующих в событии. Требуется грамотное зонирование пространства, детальное планирование расписания и соблюдение санитарно-технических норм, что повышает требования к компетенциям ивент-менеджера.

Сегодня одним из наиболее значимых трендов событийной сферы в апарт-отелях становится внедрение и популяризация гибридных форматов мероприятий. Локальные офлайн-встречи выходят за рамки физического присутствия благодаря параллельной онлайн-трансляции, видеозаписи и последующему распространению контента в цифровой среде. Подобный подход позволяет расширить аудиторию ивента и повысить его информационный эффект, преодолевая недостаток пространственных ресурсов.

Развитие концепций bleisure (бизнес-досуга) и long-stay (долгосрочного проживания) играет значительную роль в определении форматов ивентов. Они все чаще совмещают деловую активность, образовательные программы и отдых, что соответствует желанию гостей поддерживать баланс между работой и личной жизнью. В рамках таких мероприятий возрастает интерес к клубным встречам, мастер-классам творческих направлений, лекционным программам и wellness-активностям [1].

Немаловажную роль в проведении событий играет развитие гастрономической составляющей. Введение таких элементов, как тематические завтраки, дегустации, коллаборации с местными брендами и поп-ап-ужины, усиливает индивидуальность ивента и способствует укреплению лояльности аудитории. Данные форматы соответствуют философии апарт-отелей, которые ориентированы на создание уютной домашней атмосферы и персонального обслуживания.

Отдельно стоит подчеркнуть маркетинговый потенциал ивентов. Они используются как эффективный инструмент продвижения апарт-отеля, помогая сформировать бренд и репутацию в качестве современного городского и даже креативного пространства.

При организации мероприятий апарт-отели всё активнее следуют принципам устойчивого развития. Внедрение безбумажных технологий, использование экологичных материалов, привлечение локальных поставщиков и цифровые решения для регистрации и коммуникации снижают экологический след событий и усиливают их социальную значимость. Параллельно цифровизация – через мобильные приложения, онлайн-каналы и QR-коды – оптимизирует взаимодействие с гостями, сокращает издержки и позволяет оперативно собирать обратную связь для анализа аудитории и совершенствования будущих ивентов.

Таким образом, апарт-отели эволюционируют из простых объектов размещения в динамичные многофункциональные креативные пространства, синтези-

рующие проживание, работу, досуг и коммуникацию. Их успех в индустрии событий определяется уникальной способностью создавать камерную, персонализированную атмосферу, отвечающую ключевым запросам современного потребителя: гибкости, интеграции цифровых и офлайн-форматов, устойчивости. Будущее развития ивентов в апарт-отелях видится в дальнейшем углублении этой синергии, где каждое мероприятие становится органичным продолжением философии пространства, усиливая его ценность для гостей, локального сообщества среды и городской инфраструктуры в целом.

Список источников

1. Балев, Н. Н. Разработка инновационных решений в апарт-отеле «Best Western Zoom hotel» / Н. Н. Балев // Гостиничное дело. – 2025. – № 11. – С. 740-745. – EDN MSKRRI.

2. Дорохова, В. А. Особенности регионального развития сегмента апарт-отелей в Санкт-Петербурге / В. А. Дорохова // Вестник индустрии гостеприимства : международный научный сборник. Том Выпуск 9. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. – С. 82-88. – EDN YHSHKI.

3. Похвалий, С. П. Обеспечение устойчивого развития апарт-отелей на примере «апарт-отель In2it» / С. П. Похвалий, А. В. Савутькова // Наследие в руках молодежи: новые тренды : Сборник статей международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Санкт-Петербург, 24–25 сентября 2024 года. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью "Поволжская научная корпорация", 2024. – С. 181-189. – EDN JPWBII.

УДК 658

Экономические выгоды от внедрения энергоэффективных технологий на автомобилестроительных предприятиях

Бондаренко Георгий Владимирович
аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
e-mail: bgv004601@gmail.com

Аннотация: В статье исследуются актуальные проблемы развития автомобильной промышленности в контексте внедрения энергоэффективных технологий и принципов устойчивого развития. Обоснована необходимость модернизации производственных предприятий с учетом экономических, экологических и социальных аспектов, а также выявлены ключевые барьеры и вызовы, связанные с капиталоемкостью, организационными затратами и отсутствием стимулирующих механизмов. Предложены рекомендации по системной оценке эффективности программ модернизации, формированию межотраслевых стратегий и государственной поддержке для повышения конкурентоспособности отрасли в условиях глобальных экологических и социально-экономических вызовов. Подчеркивается важность комплексного подхода и внедрения инновационных решений для снижения экологического следа, оптимизации затрат и укрепления позиций на рынке.

Ключевые слова: автомобильная промышленность, энергоэффективные технологии, устойчивое развитие, модернизация предприятий, экологическая ответственность, экономическая эффективность, государственная поддержка, конкурентоспособность.

В современном мире развитие автомобильной промышленности занимает особое место по причине повсеместной распространенности автомобильных средств, однако вопросы оптимизации поражающих факторов и минимизации негативного воздействия на окружающий мир уже не первый год привлекают внимание общественности и ставят ряд новых задач перед промышленными единицами.

Обострившаяся обстановка на промышленном поле буквально диктует необходимость реформирования уже имеющейся системы внедрения энергоэффективных технологий в автомобилестроительном предприятии. И это неспроста, так как российское государство и его отдельные экономические и промышленные сектора нацелены на извлечение экономических выгод посредством инновационных подходов [4].

Одним из наиболее эффективных «рычагов» воздействия на формирование экономических выгод в автомобилестроительном предприятии принято считать внедрение энергоэффективных технологий. Но, несмотря на очевидность решения вопроса, актуальности он не теряет как минимум потому, что в научной литературе нет конкретного обоснования и практической значимости исследуемой точки зрения.

Модернизация производственных единиц представляет собой сложный и капиталоемкий процесс, который требует значительных финансовых инвестиций. В связи с этим, большинство предприятий автомобилестроительного сектора проявляют ограниченный интерес к проведению подобных мероприятий, особенно в части разработки и реализации программ по энергосбережению [5].

При этом модернизация не ограничивается лишь снижением уровня потребления энергии и повышением энергетической эффективности – она дает предприятию возможность обновить технологическую базу, перейти к более современным и инновационным производственным решениям, что в перспективе способствует укреплению конкурентных позиций на рынке автомобилестроения.

Особое значение в реализации программ модернизации приобретает оценка их экономической эффективности, которая зависит от учета специфики технологических процессов на различных стадиях производства. Такой подход позволяет выявить наиболее перспективные зоны для энергосбережения, включая цеха подготовки производства, основные производственные линии, вспомогательные службы, логистические участки и непроизводственные подразделения [3].

В рамках автомобильной индустрии концепция устойчивого развития выступает как стратегический ориентир, направленный на снижение экологической нагрузки посредством внедрения современных энергоэффективных технологий, уменьшения выбросов парниковых газов, перехода к возобновляемым источникам энергии и активного развития принципов циркулярной экономики. Важным аспектом данного подхода является социальная ответственность, включающая создание безопасных условий труда, поддержку местных сообществ и соблюдение прав человека на всех этапах производственной цепочки.

Автомобильная промышленность, являясь одной из важнейших отраслей мировой экономики, сталкивается с многочисленными вызовами, которые усугубляются глобальными экологическими, экономическими и социальными кризисами [1]. Прежде всего, это:

- проблема утилизации автомобильных отходов;
- высокий уровень выбросов парниковых газов;
- рост утилизационного сбора;
- логистические и санкционные ограничения;
- зависимость от ископаемых видов топлива;
- дефицит квалифицированных кадров;
- сокращение рабочих мест.

Данные вызовы требуют комплексного подхода, необходимого для устойчивого развития и повышения конкурентоспособности отрасли.

Наряду с этим, акцентируем внимание на том, что внедрение энергоэффективных технологий на автомобилестроительном предприятии приносит ряд экономических выгод, в числе которых:

1) снижение финансовых затрат на электроэнергию посредством уменьшения потребления топлива, что сказывается на операционных расходах отдельного предприятия;

2) повышение уровня конкурентоспособности предприятия посредством снижения издержек относительно стоимости продукции, что, в свою очередь, делает продукцию «более привлекательной» для потенциального покупателя;

3) сокращение затрат на обслуживание оборудования и последующий ремонт;

4) модернизация имиджа компании посредством внедрения экологически ответственных технологий, поддержания «репутации» производства, и, конечно, привлекательности клиентского и партнерского состава, порождающего увеличение продаж автомобильной продукции;

5) долгосрочность экономической выгоды путем инвестиций в энергоэффективность, влекущим за собой снижение операционных расходов в течение долгого промежутка лет.

Отдельного внимания заслуживает такой элемент в решении проблемы как государственная поддержка посредством системы целевых программ, субсидий и льготных механизмов финансирования для предприятий, внедряющих энергоэффективные технологии [2]. Например, субсидирование процентных ставок может покрывать до 90% ключевой ставки ЦБ, что существенно снижает финансовую нагрузку на предприятие.

Таким образом, подводя итог исследованию, можно сделать некоторые выводы. Модернизация производственных предприятий является необходимым условием их устойчивого развития и повышения конкурентоспособности в условиях усиливающихся экологических требований и глобальных вызовов. Однако, этот процесс сопряжен со значительными капитальными затратами, временными затратами и организационными сложностями, что требует разработки системных подходов и стратегий по оптимизации инвестиционных процессов и снижению рисков.

Список источников

1. Епищенко, А. Л., Малышева, Е. А. Устойчивое развитие в автомобильной промышленности: вызовы и возможности // ЭПП. 2025. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivoe-razvitie-v-avtomobilnoy-promyshlennosti-vyzovy-i-vozmozhnosti (дата обращения: 05.02.2026).

2. Зуева, Н. А. Оценка влияния деятельности филиалов мировых автомобилестроительных корпораций на экономику РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2016. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-deyatelnosti-filialov-mirovyh-avtomobilestroitelnyh-korporatsiy-na-ekonomiku-rf (дата обращения: 05.02.2026).

3. Тюкавкин, Н. М. Энергосбережение и энергетическая эффективность автомобилестроения России (на примере ПАО "АВТОВАЗ") / Н. М. Тюкавкин, Е. С. Подборнова // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 76-82. – DOI 10.18287/2542-0461-2020-11-2-76-82. – EDN KVIMTV.

4. Храповицкая, Е. Д. Совершенствование эколого – экономической безопасности автомобильной промышленности / Е. Д. Храповицкая // Междисциплинарные исследования и практическое применение результатов в контексте глобальной интеграции : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 15 июня 2024 года. – Стерлитамак: ООО "Агентство международных исследований", 2024. – С. 154-159. – EDN JTUGFO.

5. Шаповалова, Е. Ю. Особенности построения энергоменеджмента на промышленном предприятии / Е. Ю. Шаповалова, А. А. Бороян, М. А. Гололобова // Экономика и социум. – 2019. – № 12(67). – С. 1472-1476. – EDN HCYNNP.

УДК 69.001.5

3D-печать в строительстве: перспективы развития

Голофеева Мария Евгеньевна
студент, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, alt.mashuko@yandex.ru
Потемкина Татьяна Владимировна
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, SPIN-код: 8941-6621, tatatav@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается потенциал развития строительной 3D-печати. Особое внимание уделено материалам аддитивного производства и их революционизирующему воздействию на строительную отрасль, а также намечены векторы для дальнейших технологических прорывов.

Ключевые слова. Промышленность, 3D-печать, аддитивное производство, строительство, материал, BIM-технологии.

Как одна из основ экономики и материальной инфраструктуры общества, строительная отрасль также вовлекается в процессы цифровой трансформации. Ключевой инновацией, меняющей парадигму возведения объектов, выступает аддитивное производство – технология строительной 3D-печати.

Строительная 3D-печать представляет собой послойное нанесение методом экструдирования специальных бетонных смесей по заложенной 3D-модели, что позволяет многократно воспроизводить проект в автоматическом режиме. Послойное наплавление (FDM) – наиболее популярный и доступный способ. Данная технология позволяет легко создавать различные формы, но прочность готового изделия может быть ниже из-за слоистой структуры. Между слоями материала формируются четкие границы раздела – «швы». Из-за этого в 3D-печати структура анизотропна – в разных направлениях свойства материала сильно различаются. Готовое изделие хорошо выдерживает сжатие, но может быть уязвимо на изгиб. Прочность на растяжение и изгиб – это самое уязвимое место. Прочность на изгиб в направлении, перпендикулярном слоям (когда нагрузка пытается «разорвать» швы), может быть значительно (на 30–80%) ниже, чем у монолитного аналога. Это главный вызов технологии, для решения которого применяют армирование [3].

Технология 3D-печати позволяет печатать стены с внутренними полостями, которые затем заполняются утеплителем, создавая высокоэффективные ограждающие конструкции.

Другой вызов отрасли – материал. Он должен быть одновременно жидким и подвижным в процессе, но твердым и прочным, достаточно, чтобы выдержать вес последующих слоев. Именно материал, его свойства определяют успех процесса и результата 3D-печати. Основная задача – создать материал, который будет одновременно жидким и подвижным в процессе, но твердым и прочным, достаточно, чтобы выдержать вес последующих слоев. Сегодня в строительной отрасли используют три типа материалов [1]:

1. Товарный бетон, адаптированный для 3D-печати с помощью специальных добавок, что значительно снижает стоимость смеси. Такое снижение затрат на материалы расширяет возможности 3D-печати в строительстве, за счет выгоды технологии.

2. Готовые сухие смеси доминируют на рынке, предлагая оптимальное соотношение простоты применения и высоких эксплуатационных характеристик (прочность, долговечность, морозостойкость). Их главный минус – более высокая себестоимость в сравнении с обычным товарным бетоном.

3. Нестандартный бетон. Например, зеленый бетон – это геополимер, где цемент, заменяется на альтернативные компоненты. Этот материал существенно дороже, но прочнее и экологичнее, так как позволяет минимизировать углеродный след от строительства. Второй пример – это смеси с пониженным содержанием цемента, где его роль играют органические компоненты: техническая конопля, мискантус, измельченная древесина и подобные. На сегодня в России данная технология мало развита и требует дополнительных разработок.

Строительная 3D печать имеет множество направлений развития в современном мире, среди которых можно выделить следующие [4]: принтеры с многокомпонентной экструзией, с которыми возможно использование функционально-градиентных материалов, а значит, возможно в рамках одной печатной конструкции изменять состав и свойства материала, в различных точках конструкции; интеграция BIM-технологий и ИИ, которая позволит автоматизировать и упростить процесс печати, проектировать оптимальные траектории печати, рассчитывать распределение материала прямо на строительной площадке; развитие нормативной базы, разработка стандартных методов испытаний и оценки напечатанных элементов; модульное и сборное строительство, печать не целых зданий, а отдельных модулей и элементов (лестниц, ферм, панелей) с последующей быстрой сборкой на площадке.

Несмотря на выявленные технологические ограничения, потенциал развития 3D-печати представляется значительным. Синергия инновационных строительных материалов, цифрового проектирования и алгоритмов искусственного интеллекта формирует основу для возведения конструкций с улучшенными прочностными характеристиками, высокой энергоэффективностью и сложной архитектурной геометрией. Таким образом, можно констатировать, что аддитивные технологии обладают всеми предпосылками, чтобы определить облик строительной индустрии будущего, после преодоления ряда актуальных технических и регуляторных вызовов.

Технология строительной 3D-печати в симбиозе с разработкой современных бетонов обладает колоссальным потенциалом, чтобы стать ключевым драйвером трансформации строительной отрасли и основой для развития умного градостроительства. Во-первых, это драйвер экономической и технологической эффективности. Аддитивное производство позволяет радикально сократить сроки возведения объектов, минимизировать отходы материалов и снизить зависимость от немеханизированного труда. Так, например компания «АМТ-Спецавия», реализующая проект поселка из 3D-домов в Ярославской области, оценивает выгоду возведения такого жилого дома в 12% по сравнению с зданиями из пеноблоков и на 20% по сравнению с кирпичными домами [5]. Цена 1 кв.м. при этом составит около 20 тысяч рублей [2]. Использование адаптированных товарных бетонов делает процесс экономически целесообразным, а применение «зеленых» геополимеров и композитов с органическими наполнителями направляет отрасль в русло устойчивого развития, сокращая углеродный след. Это создает прецедент для массового, быстрого и экологичного строительства.

Во-вторых, именно этот симбиоз открывает путь к принципам «умного города». Цифровая природа 3D-печати, ее интеграция с BIM и ИИ позволяет перейти от типового проектирования к созданию адаптивных, оптимизированных под конкретные условия структур. Возможность печати сложных форм с интегрированными инженерными коммуникациями и функционально-градиентными материалами закладывает основу для зданий с повышенной энергоэффективностью, уникальными архитектурными решениями и персонализированным функционалом. Печать модулей для сборного строительства ускоряет возведение социальной инфраструктуры и жилья, что критически важно для динамично развивающихся регионов.

Таким образом, преодоление текущих технических и нормативных барьеров в области материалов и методов печати выведет строительство на качественно новый уровень. 3D-печать– это не просто альтернативный метод возведения стен, а будущее строительной экосистемы, где цифровое проектирование, умные материалы и роботизация объединяются для создания доступных, устойчивых и интеллектуальных городских пространств. Инвестиции в развитие этого направления сегодня – это прямая инвестиция в конкурентное и технологически продвинутое будущее всей отрасли.

Список источников

1. 3D-печать в строительстве: опыт и примеры использования // ТЕХНОНИКОЛЬ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.tn.ru/journal/3d-pechat-v-stroitelstve-opyt-i-primery-ispolzovaniya/ (Дата обращения: 15.01.2026).

2. В России напечатают на 3D-принтере целый поселок // РБК Недвижимость. [Электронный ресурс]. URL: https://realty.rbc.ru/news/611d571f9a79473e73ffbab3?ysclid=mks55zr0m4417376939 (Дата обращения: 15.01.2026).

3. Демиденко, А. К. Перспективы применения 3D-печати в строительном комплексе Российской Федерации / А. К. Демиденко, А. В. Кулибаба, М. Ф. Иванов // Строительство уникальных зданий и сооружений. – 2017. – № 12(63). – С. 71-96. – DOI 10.18720/CUBS.63.4. – EDN YNXKDI.

4. Петросян Ю. П. Анализ опыта применения 3d-печати в россии в сфере строительства // Вестник науки. 2024. №12 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-opyta-primeneniya-3d-pechati-v-rossii-v-sfere-stroitelstva (дата обращения: 21.01.2026).
5. «Простоит вечность»: под Ярославлем возводят поселок, построенный на 3D-принтере // 76.ru Недвижимость. [Электронный ресурс]. URL: https://76.ru/text/realty/2021/08/29/70095818/ (Дата обращения: 15.01.2026).

УДК 332.1

Технологические векторы промышленного роста в условиях новой геоэкономической реальности

Руденко Анастасия Сергеевна
студент, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, rudenkoa708@gmail.com
Горощенко Виктория Викторовна
доцент, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, SPIN-код: 7262-8077, victoria.goroshenko@yandex.ru

Аннотация. В данной статье аргументируется необходимость перехода отечественной промышленности к инновационной модели развития, что предполагает идентификацию ключевых точек ускоренного роста в рамках промышленной политики на среднесрочную перспективу. Научная новизна исследования заключается в разработке структурной схемы синтеза задач промышленной политики, направленной на обеспечение устойчивого экономического роста через создание и интеграцию различных сквозных технологических платформ.

Ключевые слова: промышленная политика, технологический рост, инвестиции, человеческий капитал, модель.

Современные мировые тренды таковы, что Россия, находящаяся под длительным и пристальным санкционным давлением переживает регионализацию, технологическую конкуренцию и перестройку цепочек стоимости, что соответственно формируют измененные и выдвигают более адаптированные условия к функционированию промышленного комплекса.

Уход с рынка ряда иностранных компаний и ограничения на поставки технолого-инновационного оборудования, комплектующих и программного обеспечения обострили проблему технологической зависимости в критически важных отраслях [3,4]. Одновременно эти вызовы создали свою платформу возможностей для структурной перестройки промышленности – перехода от роли поставщика сырья к роли создателя высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью.

Мы видим, что текущее состояние российской промышленности демонстрирует признаки адаптации и одновременно глубокой структурной трансфор-

мации. По данным за 2023-2024 гг., наблюдается рост в обрабатывающих секторах, ориентированных на внутренний спрос и импортозамещение. Например, производство легковых автомобилей в 2023 году выросло на 16% к уровню 2022 года, составив около 720 тыс. единиц. Выпуск железнодорожного подвижного состава (грузовые вагоны) увеличился на 22%, производство лекарственных препаратов – на 14%, отдельных видов станков для металлообработки – на 9% [5].

Однако этот рост в значительной степени обеспечен «низкой базой» предыдущего периода и мобилизацией существующих резервов, а не созданием принципиально новых векторов роста. В виду этого условием перехода к модели стремительного техно развития должен стать синтез трех ключевых задач в единой рамке промышленной политики. Для этого следует акцентировать внимание на различного рода сквозные технологии, т.е перспективные технологии, демонстрирующие высокую степень универсальности и адаптивности, проникают сквозь различные отраслевые барьеры, находя применение в разнообразных секторах экономики, бизнеса и повседневной жизни. Эти инновационные решения, обладающие потенциалом трансграничного распространения, способствуют интеграции междисциплинарных подходов и стимулируют синергетические эффекты в процессе их внедрения и использования (рис. 1).

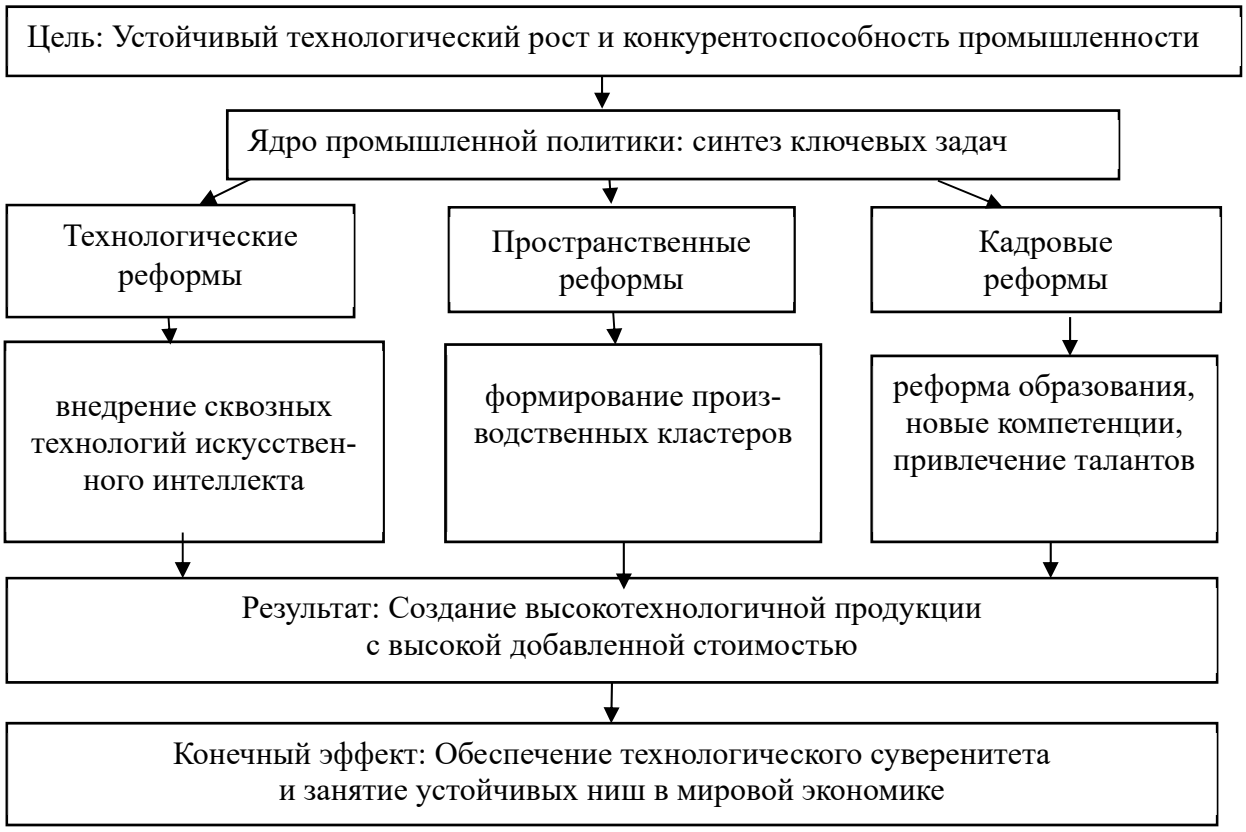

Рисунок 1 – Структурная схема синтеза задач промышленной политики

Будущая конкурентоспособность промышленности будет определяться способностью освоить и коммерциализировать технологии, создающие мультипликативный эффект для множества отраслей, такие как:

- внедрение систем предиктивной аналитики, цифровых двойников и автономного управления технологическими процессами, что позволит радикально повысить производительность и качество продукции;

- применение 3D-печати металлом, композитами и биосовместимыми материалами открывает путь к производству уникальных деталей сложной геометрии (для авиации, медицины, энергетики), сокращению циклов разработки и переходу к распределенному производству;

- создание современных промышленных роботов и роботизированных комплексов для работ в экстремальных условиях позволит компенсировать кадровый дефицит и повышать гибкость производства;

- использование биотехнологии в контексте промышленности позволяет создавать новые сорта растений, биопрепараты для защиты урожая, ферменты и персонализированные лекарства.

Для эффективного развития указанных технологий необходимо формирование пространственных кластеров, которые объединяют ресурсы и компетенции, привлекают инвестиции, таланты и инновации, а также создают благоприятные институциональные условия.

Это позволит промышленным предприятиям в среднесрочной перспективе достигать высокие показатели роста, прежде всего благодаря качественной структурной и технологической трансформации. Ключевыми точками роста станут высокотехнологичные сегменты, включающие такие сквозные технологические платформы, как промышленный искусственный интеллект, аддитивные технологии, робототехника и биотехнологии.

При этом очень важно обеспечить комплексную поддержку предпринимательской деятельности, увеличение воспроизводства трудовых ресурсов и повышение квалификации кадров, т.е усиливать человеческий капитал региона [1, с. 389].

Таким образом, успех будет определяться способностью государства и бизнеса сконцентрировать ресурсы на прорывных направлениях, создав для них благоприятную экосистему в формате специализированных кластеров, ибо в современных реалиях в России стоит задача перехода от политики импортозамещения как копирования к политике технологического лидерства, основанной на собственных научных заделах и ориентации на глобальные тренды.

Кроме этого, активизация точек роста и предотвращение промышленных кризисов потребует увеличения инвестиций в человеческий капитал, перестройка финансовых институтов и формирование будет доступна реализация этого сценария, что позволит российской промышленности обеспечить экономическую безопасность и занять устойчивые ниши в новой архитектуре мировой экономики [2].

Список источников

1. Горощенко, В. В. Влияние человеческого капитала на развитие региональной экономической системы // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. – 2025. – № 14. – С. 338-343. – EDN ORGDPM.

2. Горощенко, В. В. Особенности теории промышленных кризисов М. И. Туган-Барановского / В. В. Горощенко, Е. А. Буркина // Индустриальная экономика. – 2024. – № 3. – С. 10-13. – DOI 10.47576/2949-1886.2024.3.3.001. – EDN HJDLNT.

3. Российский статистический ежегодник. 2024: Стат.сб. / Росстат. – Р76 М., 2024 – 630 с.

4. Рубцова Л.Н., Чернявская Ю.А. Антикризисные меры в экономике России в условиях санкционных ограничений в финансовом и реальном секторах экономики // ЭФО. Экономика. Финансы. Общество. -2025. -№3(15). -С. 4-15. DOI:10.24412/2782-4845-2025-15-4-15.

5. Черняховский Б. И. Регионализация как этап глобализации: современные тренды и влияние на мировую экономику // Право и управление. XXI век. – 2025. – Т. 21, № 2(75). – С. 74-83. – DOI 10.24833/2073-8420-2025-2-75-74-83. – EDN TJUK.

УДК 004.8:681.5

Автономный мониторинг критической инфраструктуры: от сбора данных дронами к управляемым решениям на основе ИИ

Дорошенко София Николаевна
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, SPIN-код 3847-0333,
ORCID 0000-0003-4673-9778, sofiia_nik@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция систем мониторинга критической инфраструктуры (трубопроводы, энергосети, мосты, промышленные объекты) от периодического визуального контроля к непрерывным автономным системам, объединяющим беспилотные летательные аппараты (БПЛА) и технологии искусственного интеллекта (ИИ). Проанализированы архитектура и ключевые компоненты такой системы: сенсорный уровень (дроны с мультиспектральными камерами, лидарами, газоанализаторами), уровень передачи данных (сети 5G, спутниковая связь, mesh-сети) и аналитический уровень (компьютерное зрение, предиктивная аналитика, цифровые двойники). Особое внимание уделено преобразованию потока сырых данных в управляемые решения: автоматическому обнаружению аномалий, прогнозированию отказов и оптимизации превентивного обслуживания. Выявлены технологические, регуляторные и экономические вызовы массового внедрения таких систем. Обоснована необходимость разработки комплексных стандартов и государственных программ, направленных на стимулирование создания сквозных технологических цепочек в области автономного мониторинга.

Ключевые слова: критическая инфраструктура, автономный мониторинг, беспилотные летательные аппараты (БПЛА, дроны), искуственный интеллект (ИИ), компьютерное зрение, предиктивная аналитика, цифровые двойники, промышленная безопасность.

Обеспечение надежности и безопасности критической инфраструктуры (КИ) является стратегической задачей для национальной экономики. Традицион-

ные методы контроля, основанные на плановых обходах персоналом или стационарных датчиках, становятся все менее эффективными из-за высоких затрат, человеческого фактора и неспособности обеспечить оперативное реагирование на быстроразвивающиеся инциденты [1]. Цифровая трансформация, движимая развитием робототехники, интернета вещей (IoT) и искусственного интеллекта, открывает путь к созданию принципиально новых систем непрерывного автономного мониторинга. Целью данной статьи является анализ архитектуры и эффектов от внедрения интегрированных систем мониторинга КИ, сочетающих возможности дронов для сбора данных и алгоритмов ИИ для их интерпретации и принятия решений, а также выявление ключевых барьеров и точек роста для данной технологической области.

Современная система автономного мониторинга представляет собой трехзвенную архитектуру. Сенсорный уровень формируется парком специализированных БПЛА, способных работать в автономном или полуавтономном режиме по заранее заданным маршрутам. Помимо стандартных видеокамер, дроны оснащаются тепловизионными камерами для обнаружения утечек, гиперспектральными датчиками для анализа состава материалов, лидарами для построения точных 3D-моделей объектов и газоанализаторами. Уровень передачи данных обеспечивает доставку больших массивов информации в центры обработки. Здесь используются гибридные решения, включающие локальные mesh-сети для работы в условиях отсутствия покрытия, технологии 5G для передачи видео с низкими задержками и спутниковую связь для удаленных регионов, таких как Арктика [2]. Аналитический уровень является интеллектуальным ядром системы, где с применением методов машинного обучения и ИИ происходят обработка и анализ данных.

Ключевая ценность перехода от простого сбора данных к управляемым решениям заключается в возможностях аналитического уровня. Алгоритмы компьютерного зрения, обученные на размеченных наборах данных, способны автоматически детектировать коррозию, трещины, механические повреждения, несанкционированную активность в охранной зоне или растительность, угрожающую объекту [5]. Предиктивная аналитика, основанная на анализе временных рядов данных (например, вибраций, температурных профилей), позволяет прогнозировать остаточный ресурс оборудования и вероятность отказов. Интеграция всех потоков данных в цифровой двойник объекта инфраструктуры создает основу для сквозного моделирования, оптимизации режимов эксплуатации и планирования ремонтов.

Экономический эффект от внедрения таких систем носит мультипликативный характер. Прямой эффект достигается за счет резкого снижения затрат на инспекции (особенно на труднодоступных объектах), сокращения простоев из-за аварий и увеличения межремонтных интервалов. Косвенный эффект проявляется в стимулировании смежных высокотехнологичных отраслей: отечественного производства специализированных БПЛА и датчиков, развития сетей связи для IoT, создания программного обеспечения для анализа данных. Индуцированный эффект связан с повышением общей безопасности и экологичности производств,

что снижает риски катастроф и соответствующих социально-экономических потерь.

Несмотря на очевидные преимущества, массовое внедрение систем автономного мониторинга сталкивается с рядом вызовов (Таблица 1).

Таблица 1 – Ключевые вызовы внедрения систем автономного мониторинга КИ

Категория	**Проблемы**	**Потенциальные пути решения**
Технологические	Ограниченный срок работы БПЛА; сложность работы в сложных погодных условиях; обработка и хранение больших данных.	Развитие водородных/гибридных силовых установок для дронов; алгоритмы ИИ, устойчивые к «зашумленным» данным; edge-вычисления.
Регуляторные и правовые	Отсутствие единых стандартов для сертификации систем ИИ; ограничения на полеты БПЛА; вопросы кибербезопасности.	Разработка отраслевых стандартов и «регуляторных песочниц»; совершенствование законодательства в области БПЛА и данных.
Экономические и кадровые	Высокая капиталоемкость пилотных проектов; дефицит квалифицированных специалистов (data science, инженеры-дронотехники).	Создание государственно-частных партнерств и целевых программ поддержки; развитие образовательных программ и центров компетенций.
Организационные	Сопротивление изменениям на предприятиях; необходимость интеграции с legacy-системами управления активами.	Поэтапное внедрение с демонстрацией быстрых побед; разработка open API для интеграции.

Главным стратегическим вызовом является переход от разрозненных пилотных проектов к созданию целостной национальной экосистемы автономного мониторинга. Это требует скоординированных действий государства, бизнеса и научного сообщества в области финансирования НИОКР, формирования нормативной базы и подготовки кадров.

Проведенный анализ показывает, что автономный мониторинг критической инфраструктуры на основе связки «дроны – ИИ» перестает быть технологической экзотикой и становится практическим инструментом обеспечения устойчивости и конкурентоспособности базовых отраслей экономики. Данная область обладает значительным мультипликативным потенциалом, способным стимулировать развитие целого кластера высоких технологий внутри страны.

Таким образом, для ускорения технологического суверенитета в сфере безопасности КИ необходима разработка и реализация комплексной государственной программы. Ее целью должно стать не только импортозамещение отдельных компонентов, но и формирование замкнутых технологических циклов – от производства специализированных робототехнических комплексов и разработки уникальных алгоритмов ИИ до экспорта готовых решений «под ключ» на глобальный рынок.

Список источников

1. ГОСТ Р 22.10.01-2021. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Оценка уязвимости объектов критической информационной инфраструктуры. Общие положения. – Введ. 2022-01-01. – М. : Стандартинформ, 2021. – 24 с.

2. Залецкий А. В. Перспективы развития беспилотной авиации для решения задач арктической зоны российской федерации / А. В. Залецкий // Арктика 2035. – 2023. – № 3 (15). – С. 45–50.

3. Официальный сайт ПАО «Газпром». Цифровая трансформация. [Электронный ресурс]. URL: https://sustainability.gazpromreport.ru/2024/role-in-national-economy/digital-transformation/ (Дата обращения: 10.01.2026).

4. Официальный сайт ПАО «Россети». Цифровой трансформация. [Электронный ресурс]. URL: https://rossetimr.ru/spec_projects/tsifrovaya-transformatsiya-new/ (Дата обращения: 12.01.2026).

5. Zhang, L. A Review of Computer Vision-Based Structural Health Monitoring at Global and Local Scales / L. Zhang, F. Wang, B. Sun // Sensors. – 2023. – Vol. 23, no. 2. – P. 563. – DOI: 10.3390/s23020563.

УДК 339.13

Комплексный подход к международным проектам как основное конкурентное преимущество (на примере ГК «Росатом»)

Крылов Арсений Артемович
Студент, Государственный университет управления, 6843-0889,
arseniy-krylov40@bk.ru
Юдина Василиса Васильевна
Аспирант, Государственный университет управления,
vaskatechniker@hotmail.com
Борисова Виктория Владимировна
доцент, Государственный университет управления,
SPIN-код: 9961-4760, viktoria.borisova@yandex.ru

Аннотация. В статье сделан аналитический обзор интегрированного предложения ГК «Росатом», реализуемого на международном рынке атомной отрасли. Выделены ключевые особенности предложения, обеспечивающие его высокую конкурентоспособность. Проведено сравнение продуктов госкорпорации и её ближайших иностранных конкурентов.

Ключевые слова: атомная отрасль, проектное управление, конкурентные преимущества.

В 2025 году атомная промышленность России отмечает своё 80-летие. За это время было реализовано множество проектов, позволивших министерству среднего машиностроения СССР, а затем и его преемнику госкорпорации «Росатом» стать одним из мировых лидеров в атомной отрасли.

В настоящий момент компания «Росатом» занимает первое место на рынке экспорта АЭС. Во многом спрос на продукцию госкорпорации обусловлен уникальным интегрированным предложением, представляющим собой комплекс продуктов и услуг, связанных не только с сооружением АЭС, но и его эксплуатацией, а также обучением персонала атомной отрасли и развитием ядерной инфраструктуры в целом.

Цель статьи – провести сравнительный анализ интегрированного предложения корпорации с зарубежными продуктами.

Таблица 1 – Сравнение предложения ГК «Росатом» и его ближайших конкурентов

Параметр	**Росатом**	**CNNC (Китай)**	**Westinghouse electric company (США)**
Энергетическое решение	Сооружение АЭС “под ключ” (проектирование станции, организация строительно-монтажных работ, поставка оборудования и материалов и т.д.).	Проектирование и сооружение АЭС (инжиниринг, поставка оборудования, строительно-монтажные работы).	Услуги по проектированию, сооружению и модернизации АЭС.
Топливное решение	Производство и поставка ядерного топлива. Полный ядерный топливный цикл.	Поставка ядерного топлива странам-заказчикам, однако больший акцент делается на внутренние нужды страны.	Снабжение топливом работающих станций в странах-заказчиках.
Обращение с ОЯТ и РАО	Вывод из эксплуатации отработавшего ядерного топлива (ОЯТ) и радиоактивных отходов (РАО). Возможный возврат РАО в Россию.	Не оказывает услуги в данной области. Ответственность переносится на локальные организации.	Оказывает услуги только по промежуточному хранению ОЯТ и РАО. Долгосрочное обращение с отходами переносится на страну-заказчика.
Подготовка персонала	Подготовка кадров широкого профиля: от сервисного персонала до руководителей высшего звена.	Осуществляет обмен опытом с зарубежными партнёрами (в т.ч. ГК “Росатом”), акцент делается на подготовке кадров для конкретного проекта.	Глобальная сеть учебных центров по подготовке персонала.
Работа с общественной приемлемостью	Разработка стратегии коммуникации для обеспечения общественной приемлемости ядерных технологий.	Компания публикует материалы о полезности атомной энергии, на масштабной работе с общественной приемлемостью в стране-заказчике не проводит.	Проводятся общественный слушания в рамках требований NRC, создаются информационные центры.

Анализ таблицы показывает, что ГК «Росатом» сохраняет крепкую конкурентную позицию благодаря комплексности и созданию со странами-заказчиками долгосрочного стратегического партнёрства. Комплексный подход раскрывается в трёх основных аспектах:

- контроль за всей технологической цепочкой (от добычи ядерного топлива до помощи в долгосрочной эксплуатации станции);
- работа с ядерными отходами – одним из самых трудных процессов особенно для стран с зарождающейся атомной отраслью;
- стратегическая стабильность благодаря гибким схемам финансирования и государственной поддержке корпорации.

Однако для дальнейшего развития и удержания конкурентной позиции на мировом рынке госкорпорации необходимо решить следующие задачи:

- Развитие технологического лидерства в новых нишах атомной отрасли: ядерная медицина, работа в области замкнутого топливного цикла, разработка водородной энергетики и т.д.
- Адаптация механизмов управления международными проектами в условиях геополитической неопределённости, роста протекционизма и фрагментации глобальных рынков.
- Создание экосистем технологического партнёрства в странах-заказчиках: вовлечение локальных компаний в сооружение и эксплуатацию АЭС и других атомных объектов. Это позволит укрепить проект в экономике государства-заказчика и создать сообщество, поддерживающее развитие атомной отрасли.

Таким образом интеграционная модель Росатома, доказавшая свою эффективность, обладает перспективами для совершенствования и выхода на новый уровень, который будет осуществляться в соответствии с принципами гибкости, адаптации к изменяющимся экономическим и геополитическим условиям. Реализуя данный подход, госкорпорация укрепит своё положение на мировой арене на десятилетия вперёд.

Список источников

1. Официальный сайт Госкорпорации «Росатом». [Электронный ресурс]. URL: https://rosatom.ru/index.html (Дата обращения: 07.12.2025).

2. Стратегические цели госкорпорации «Росатом» до 2030 года: документ. [Электронный ресурс: заглавие с экрана]. URL: https://niiar.ru/sites/default/files/rosatom_strategy_17-08-17_1.pdf?ysclid=mipxebf5w4388340879 (Дата обращения: 07.12.2025).

3. Официальный сайт China National Nuclear Corporation. [Электронный ресурс]. URL: https://en.cnnc.com.cn/ (Дата обращения: 05.12.2025).

4. Официальный сайт Westinghouse Nuclear. [Электронный ресурс]. URL: https://westinghousenuclear.com/ (Дата обращения: 05.12.2025).

УДК 331.101.54

Глобальные тренды ИКТ и инноваций: оценка по данным международных индексов GII, IDI, GDII и прогноз для рынка труда

Ларионов Евгений Евгеньевич
аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, larionov.eugenee@gmail.com
Ткаченко Елена Анатольевна
профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, SPIN-код:8451-9540, eletkachenko@yandex.ru

Аннотация. Сравнительный анализ индексов цифрового развития (GII, IDI, GDII) и данных Международной организации труда (МОТ) выявляет парадокс: технологический прогресс не решает проблему занятости, а усиливает глобальное неравенство. В развитых странах технологический прогресс способствует автоматизации и сокращению рабочих мест, а в отстающих – закреплению неформальной занятости. По данным проведённого исследования показано, что одним из ведущих критериев инновационного прогресса должно стать не только технологическое лидерство, но и способность общества к созданию инклюзивных условий на рынке труда и обеспечению социальной вовлечённости всех его членов.

Ключевые слова: Цифровая трансформация, искусственный интеллект (ИИ), рынок труда, занятость, молодёжная безработица, технологическое неравенство.

Цифровая трансформация, движимая искусственным интеллектом и данными, стала ключевым драйвером глобальной экономики. Однако её воздействие на общество и рынок труда неоднозначно. Настоящее исследование предлагает комплексную оценку глобальных трендов через призму трёх взаимодополняющих международных индексов за 2025 год: широкого Global Innovation Index (GII) от Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), специализированного ICT Development Index (IDI) от Международного союза электросвязи (МСЭ) и продвинутого Global Digitalization&Intelligence Index (GDII) от Huawei [4,5,3]. Сводный анализ этих индексов представлен в таблице 1.

Каждый из индексов служит своей цели, но вместе они формируют многослойную картину цифрового развития, акцентируя внимание на разных аспектах – от базовой доступности до создания интеллектуальной ценности.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика международных индексов GII, IDI и GDII за 2025 год

Параметр	Global Innovation Index (GII) 2025	ICT Development Index (IDI) 2025	Global Digitalization & Intelligence Index (GDII) 2025
Разработчик	Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС)	Международный союз электросвязи (МСЭ)	Huawei

Окончание табл. 1

Основной фокус	Широкий инновационный потенциал и результаты экономики	Уровень развития и доступности базовой инфраструктуры ИКТ	Способность к интеллектуальной трансформации и созданию ценности на основе данных и ИИ
Ключевые показатели	78 индикаторов, включая институты, человеческий капитал, инфраструктуру, развитие рынков, результаты знаний и креативной деятельности	Доступ к ИКТ, использование ИКТ, цифровые навыки (в рамках концепции Universal and Meaningful Connectivity)	Цифровая инфраструктура, внедрение ИИ, спрос на вычисления (AI Tokens), отраслевая цифровая трансформация
Главный вывод 2025	Географическая диверсификация инноваций: рост активности стран со средним доходом (Индия, Вьетнам и др.) Замедление роста инвестиций в НИОКР,	Прогресс в глобальном доступе при сохраняющимся огромном неравенстве. Риск формирования устойчивого цифрового разрыва между богатыми и бедными странами.	Углубление «интеллектуального разрыва» (Intelligence Divide). Лидеры создают замкнутые циклы генерации ценности из данных, отстающие рискуют остаться на периферии.
Топ-5 стран	Швейцария, Швеция, США, Южная Корея. Сингапур, а среди ведущих инновационных кластеров лидирует китайский регион Шэньчжэнь-Гонконг-Гуанчжоу.	Без рейтинга стран	Рейтинг стран с высоким доходом возглавил Сингапур (индекс 77,4) США (77,2) Финляндия (70,6) и Швеция (70,5), и Нидерланды (69,3)

По данным таблицы 1 проведён сводный анализ трёх индексов и выявлены два противоречивых, но взаимосвязанных глобальных тренда:

1. Технологическая и инновационная дивергенция: индексы подтверждают формирование «двухскоростного» мира с углубляющимся разрывом между странами-лидерами в области ИИ и цифровой периферией.

2. Конвергенция методологий: все индексы эволюционируют от оценки простого наличия технологий к измерению их социально-экономического воздействия и способности создавать ценность.

Вышеизложенный анализ трёх индексов, дополненный выводами доклада МОТ от 2026 года, позволяет выявить глубинные социально-экономические последствия технологического прогресса и сформировать прогноз для глобального рынка труда.

Доклад МОТ (2026) показывает парадокс: рост технологий (по индексам GII/GDII) не создаёт качественные рабочие места для молодёжи [1]. Глобальный уровень молодёжной безработицы достиг 12,4% (260 млн. человек не учатся и не работают), но причины для стран, находящихся по разную сторону технологической иерархии противоположны:

В бедных странах (низкий GII/GDII) имеет место проблема отсутствия технологий: недостаток цифровой инфраструктуры и современных рабочих мест ведёт к неформальной занятости (27,9% молодёжи не заняты). В развитых странах (высокий GII/GDII) проблема, напротив, заключается в избытке технологий: автоматизация способствует алгоритмизации технологических процессов и сокращению рабочих мест, тем самым угрожая традиционным карьерам образованной молодёжи и стимулируя миграцию [2].

Процессы цифровой трансформации экономики по данным международных индексов GII, IDI и GDII позволили выявить ряд противоречий. Прогресс в развитии ИКТ перестал быть линейным путём к всеобщему процветанию. Напротив, он становится мощным драйвером новой глобальной дивергенции. С одной стороны, индексы GII и GDII фиксируют впечатляющую географическую диверсификацию инноваций и рост «интеллектуального потенциала» ряда стран со средним уровнем дохода. С другой стороны – данные индексы выявляют углубляющийся «интеллектуальный разрыв», который обусловлен несоответствием технологических и экономических возможностей стран. Ключевым выводом статьи является тот факт, что в эпоху цифровых технологий и искусственного интеллекта критерием подлинного экономического прогресса должно стать не столько технологическое лидерство, сколько способность общества к обеспечению инклюзивного характера технологических преобразований. Это требует опережающей социальной, здоровье сберегающей, образовательной и трудовой политики.

Список источников

1. Доклад МОТ: миллионы работающих людей по-прежнему живут в бедности // Официальный сайт Организации Объединённых наций. [Электронный ресурс]. URL: https://news.un.org/ru/story/2026/01/1467176 (дата обращения: 19.01.2026).

2. Уровень безработицы – список стран -Европа // Trading Economics. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.tradingeconomics.com/country-list/unemployment-rate?continent=europe (дата обращения:17.01.2026).

3. Global Innovation Index 2025: Innovation at a Crossroads // World Intellectual Property Organization (WIPO).: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/assets/80937/2000EN%20Global%20Innovation%20Index%202025%20-%20Full%20-%20v8.pdf (accessed: 25.01.2026).

4. Huawei Global Digitalization and Intelligence Index 2025 // Huawei Technologies Co., Ltd. URL: https://www-file.huawei.com/admin/asset/v1/pro/view/15f502d6621c4a3bade5c5d8dc188b24.pdf (accessed: 20.01.2026)

5. Measuring digital development: The ICT Development Index 2025 // International Telecommunication Union (ITU). URL: https://www.itu.int/hub/publication/D-IND-ICT_MDD-2025-1/ (accessed: 24.01.2026).

УДК 338

Технологический суверенитет в промышленной отрасли Российской Федерации

Леонов Максим Александрович
Магистрант, Липецкий филиал «Финансовый университет при Правительстве РФ»
SPIN-код: 7093-2400, samulnkv@gmail.com
Рубцова Лариса Николаевна
профессор, Липецкий филиал «Финансовый университет при Правительстве РФ»
SPIN-код: 9956-3755, lnrubtsova@fa.ru

Аннотация. В условиях санкционного давления Россия перешла от модели догоняющего импортозамещения к стратегии технологического суверенитета. В статье оценивается динамика промышленного производства в ключевых секторах. Исследование выявило, что по итогам 2024 года индекс производства в обрабатывающих отраслях вырос на 8,5%. На основе статистических данных авторами определены структурные сдвиги в станкостроении и микроэлектронике.

Ключевые слова: импортозамещение, технологический суверенитет, национальная экономика, обрабатывающая промышленность.

Современный этап развития национальной экономики России характеризуется фундаментальным пересмотром подходов к промышленной политике. Если в период 2014-2021 гг. доминирующей парадигмой являлось классическое импортозамещение, ориентированное на замену зарубежных товаров отечественными аналогами, то с 2022 года приоритетом стал технологический суверенитет [2, с. 282]. В соответствии с утвержденной Правительством РФ «Концепцией технологического развития на период до 2030 года» под этим термином понимается наличие в стране критических и сквозных технологий собственных линий разработки, обеспечивающих устойчивое функционирование производственных систем независимо от внешнего влияния [1, с. 6]. Ключевым целевым индикатором стратегии является достижение к 2030 году доли отечественной высокотехнологичной продукции в общем объеме потребления на уровне не менее 75% [3].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки промежуточных итогов данной трансформации. Несмотря на значительное внимание к теме в трудах отечественных экономистов, вопросы количественной оценки сдвигов в высокотехнологичных секторах по итогам 2024 года остаются недостаточно изученными.

Цель работы – проанализировать структурные изменения в промышленности РФ и определить эффективность государственных мер по достижению технологической независимости.

Институциональный каркас новой экономической модели был существенно укреплен в 2023-2024 гг. Принятие Федерального закона «О технологической политике» усилило правовые механизмы управления жизненным циклом технологий [6].

Для реализации содержащихся в документах целей были запущены мегапроекты технологического суверенитета, охватывающие станкостроение, беспилотные авиационные системы, микроэлектронику и медицинскую промышленность. Подобные национальные технологические инициативы в 2024 году были реализованы с помощью мер господдержки промышленности. Они осуществлялись через федеральные программы, субсидии Минпромторга и Фонд развития промышленности (ФРП) с общим финансированием госпрограммы «Развитие промышленности» в 702 млрд рублей. Вместе с тем важным инструментом стало льготное финансирование станкостроения через анонсирование нового национального проекта «Средства производства и автоматизации» с бюджетом более 300 млрд рублей до 2030 года [5].

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что процесс адаптации российской экономики к внешним шокам завершился переходом к фазе роста, драйвером которого выступает обрабатывающий сектор.

Согласно данным Росстата, индекс промышленного производства в обрабатывающих отраслях по итогам 2024 года составил 108,5% к уровню предыдущего года. При этом в IV квартале 2024 года рост ускорился, достигнув в декабре 14,0% в годовом выражении [4]. Такая динамика обусловлена не только гособоронзаказом, но и ростом инвестиционного спроса со стороны корпоративного сектора, вынужденного замещать ушедшие западные технологии.

Наиболее высокие темпы роста продемонстрировали отрасли, критически важные для технологического суверенитета (табл. 1).

Таблица 1 – Лидеры роста промышленного производства по итогам 2024 г.

Отрасль промышленности	**Темп роста (в %) по отношению к 2023 г.**
Производство готовых металлических изделий	+ 35,3
Производство прочих транспортных средств (в т. ч. авиация)	+ 29,6
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	+ 28,8
Производство лекарственных средств	+ 18
Производство автотранспортных средств, прицепов	+ 16,5

Источник: составлено авторами на основе [4]

Особого внимания заслуживает сектор станкостроения, являющийся базой для воспроизводства средств производства. По данным ассоциации «Станкоинструмент», выпуск металлорежущих станков в натуральном выражении за пе-

риод 2019-2024 гг. вырос в 2,8 раза [5]. Производство станков с числовым программным управлением (ЧПУ) увеличилось с 652 единиц в 2022 году до 1183 единиц в 2024 году (+81%).

Несмотря на позитивную динамику, национальная экономика сталкивается с рядом структурных ограничений.

Во-первых, сохраняется высокая зависимость от импорта в сегменте сложного оборудования. По оценкам экспертов, в количественном выражении доля импортных станков на рынке в 2024 году все еще составляла около 98%, что объясняется масштабными закупками оборудования в дружественных странах для покрытия острого дефицита мощностей [5]. Во-вторых, наблюдается разрыв между темпами роста производства и кадровым обеспечением. Дефицит инженерно-технических специалистов становится главным сдерживающим фактором для дальнейшего наращивания выпуска высокотехнологичной продукции. В-третьих, замещение западных технологий на решения из нейтральных стран решает тактические задачи, но не всегда способствует достижению подлинного технологического суверенитета, так как сохраняет внешнюю зависимость, лишь меняя ее вектор.

Проведенный анализ показывает, что российская экономика демонстрирует высокую адаптивность и способность к структурной трансформации. Импортозамещение эволюционировало из точечных мер в системную политику технологического суверенитета. Рост обрабатывающей промышленности на 8,5% в 2024 году подтверждает эффективность выбранного курса. Однако для достижения стратегической цели – контроля над критической инфраструктурой – необходимо перейти к опережающему развитию собственных научных школ и инженерных компетенций, а также существенно снизить долю импорта в средствах производства.

Список источников

1. Альес, М. Ю. Проблематика задач обеспечения технологического суверенитета в условиях санкционной политики на примере предприятий Удмуртской Республики / М. Ю. Альес, А. И. Коршунов, Д. А. Гаврилов // Социально-экономическое управление: теория и практика. – 2025. – Т. 21, № 2. – С. 5-11. – DOI 10.22213/2618-9763-2025-2-5-11. – EDN KYCNJO.

2. Каверин, А. С. Обеспечение экономической безопасности России через реализацию политики импортозамещения / А. С. Каверин, А. А. Карапетян // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2025. – № 3. – С. 280-287. – EDN ZDUZTP.

3. Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=400000&volume=1002023022000&page=1&sort=position&limit=50&volid=1002023022000&nd=170 (Дата обращения: 14.12.2025).

4. Росстат оценил рост промпроизводства в стране в 2024 году // Интерфакс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/business/1006512 (Дата обращения: 12.12.2025).

5. Сделано в России: кто и как заменяет импорт в станкостроении // СберПро Медиа. [Электронный ресурс]. URL: https://sber.pro/publication/sdelano-v-rossii-kto-i-kak-zamenyaet-import-v-stankostroenii/ (Дата обращения: 15.12.2025).
6. Федеральный закон «О технологической политике в Российской Федерации» [принят Государственной Думой в 2024 г.] // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/documents/2025/01/09/fz523-tekhnologicheskaya-politika-doc.html (Дата обращения: 10.12.2025).

УДК 65.011

Перспективы и точки роста ресурсно-производственного потенциала компаний нефтегазового профиля

Лукин Андрей Анатольевич
Аспирант, Тюменский индустриальный университет, ddkup@mail.ru
Газеев Мансур Хамитович
профессор, Тюменский индустриальный университет,
SPIN-код: 3881-4068, gazeevmh@tyuiu.ru
Осиновская Ирина Владимировна
доцент, Тюменский индустриальный университет,
SPIN-код: 8738-4629, osinovskajaiv@tyuiu.ru

Аннотация. В статье раскрываются основные точки роста ресурсно-производственного потенциала нефтегазодобывающих структур в условиях нестабильной внешней среды и сдерживающих внутренних отраслевых факторов. Акцент делается на перспективы в условиях роста трудноизвлекаемых запасов и действующих ограничений по добыче нефти в рамках соглашения ОПЕК+. В качестве приоритетных направлений развития выделяются такие, как интенсификация добычи за счет технологических инноваций, более активная цифровизация производственных и управленческих процессов.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, производственный потенциал, добыча нефти, ограничения, развитие.

В условиях глобальной энергетической трансформации и нестабильности внешней среды управление ресурсно-производственным потенциалом компаний нефтегазового профиля приобретает стратегическое значение для обеспечения их долгосрочной конкурентоспособности и устойчивого развития. Актуальность исследования перспектив управления ресурсно-производственным потенциалом обусловлена необходимостью адаптации нефтегазовых компаний к меняющимся рыночным условиям, включая волатильность цен на углеводороды, геополитическую нестабильность и растущее давление со стороны альтернативных источников энергии.

Современные вызовы, такие как цифровизация производственных процессов, внедрение технологий искусственного интеллекта и необходимость снижения углеродного следа, требуют переосмысления традиционных подходов к

управлению ресурсной базой и производственными мощностями в нефтегазовом секторе.

Научный интерес к данной проблематике усиливается в связи с потребностью в разработке комплексной методической основы оценки и оптимизации ресурсно-производственного потенциала, учитывающих как технико-технологические аспекты, так и экономические, экологические и социальные факторы. Исследование перспективных направлений совершенствования управления ресурсно-производственным потенциалом нефтегазовых компаний представляет значительную практическую ценность в контексте поиска точек роста для их развития, а также для формирования эффективных направлений развития нефтегазодобывающей отрасли в целом в условиях энергетического перехода и санкционных ограничений.

Ресурсно-производственный потенциал нефтегазодобывающих компаний – «это совокупность возможностей по добыче углеводородного сырья при рациональной эксплуатации месторождений нефти и газа» [1]. Увеличение добычи нефти и газа в РФ возможно при условии широкого внедрения новейших технологий для повышения коэффициента извлечения углеводородов из залежей и интенсификации добычи нефти и газа. Для достижения этих целей важно обеспечить [2]:

- «рациональное использование разведанных запасов нефти и газа, расширенное воспроизводство сырьевой базы нефтедобывающей промышленности;

- ресурсо- и энергосбережение, сокращение потерь на всех стадиях технологического процесса при подготовке запасов, добыче, транспортировке и переработке нефти и газа».

В условиях действия ограничений ОПЕК+ (табл. 1) и продолжающегося роста доли трудноизвлекаемых запасов углеводородного сырья, ключевыми точками роста для нефтегазодобывающей промышленности России в контексте развития ресурсно-производственного потенциала выступают качественные преобразования в технологической и организационной сферах. Перспективным направлением является существенное повышение коэффициента извлечения нефти (КИН), где увеличение данного показателя на 5-10% способно обеспечить значительный прирост добычи без расширения географии разработки. Технологической основой данного процесса становится развитие и совершенствование методов гидроразрыва пласта (ГРП) и достижение технологического суверенитета в производстве соответствующего оборудования, что в совокупности обеспечивает до 30% всей нефтедобычи в стране.

Таблица 1 – Объемы добычи нефти на 2026 гг. для стран – участниц соглашения ОПЕК+, дополнительно добровольно сокративших добычу (тыс. барр./сут.) [1]

Месяц	**Алжир**	**Ирак**	**Кувейт**	**Сауд.Аравия**	**ОАЭ**	**Казахстан**	**Оман**	**Россия (2025)**	**Россия (2026)**
Январь	936	4122	2488	9534	3169	1514	782	8978*	9240
Февраль	939	4134	2496	9589	3195	1518	785		9266
Март	942	4147	2503	9645	3221	1523	787		9292

Окончание табл. 1

Месяц	Алжир	Ирак	Кувейт	Сауд.Аравия	ОАЭ	Казахстан	Оман	Россия (2025)	Россия (2026)
Апрель	945	4159	2511	9700	3246	1527	789	9004	9318
Май	948	4171	2518	9756	3272	1532	792	9083	9344
Июнь	951	4183	2526	9811	3298	1536	794	9161	9371
Июль	953	4196	2533	9867	3324	1541	796	9240	9397
Август	956	4208	2541	9922	3349	1545	799	9344	9423
Сентябрь-декабрь	959	4220	2548	9978	3375	1550	801	9135**	9449

* – январь-март 2025; ** – значение за сентябрь 2025

Россия демонстрирует устойчивую динамику роста добычи нефти в 2025–2026 годах (табл. 1), что свидетельствует о сохранении значительного производственного потенциала отрасли. Прогнозируемые показатели на 2026 год (от 9240 тыс. баррелей в сутки в январе до 9449 тыс. баррелей в сутки в сентябре-декабре) указывают на планомерное увеличение объемов добычи, что в условиях действия ограничений ОПЕК+ может быть достигнуто преимущественно за счет качественных преобразований в технологической сфере.

Сравнительный анализ показывает, что Россия сохраняет второе место по объемам добычи после Саудовской Аравии, значительно опережая других участников соглашения, включая Ирак, ОАЭ и Казахстан. При этом динамика роста российской добычи в 2025 году (с 8978 до 9344 тыс. баррелей в сутки с января по август) свидетельствует о наличии резервов производственных мощностей, которые могут быть задействованы при изменении рыночной конъюнктуры.

В контексте производственно-ресурсного потенциала представленные данные подтверждают возможность реализации стратегии, основанной на интенсификации добычи за счет технологических инноваций. Устойчивый рост объемов производства при сохранении ограничений указывает на эффективность мер по повышению коэффициента извлечения нефти и освоению трудноизвлекаемых запасов. Прогнозируемое увеличение добычи в 2026 году на 2-3% относительно показателей 2025 года может быть обеспечено за счет дальнейшего внедрения технологий гидроразрыва пласта, цифровизации производственных процессов и оптимизации эксплуатации действующих месторождений.

Важным аспектом является также сравнительная стабильность добычи в России на фоне умеренного роста у других участников ОПЕК+, что свидетельствует о сбалансированности производственной системы и наличии механизмов адаптации к изменяющимся рыночным условиям. Данный фактор имеет принципиальное значение для долгосрочного развития ресурсно-производственного потенциала, поскольку позволяет минимизировать риски, связанные с волатильностью мировых цен на углеводороды и изменениями в регуляторной политике международных энергетических организаций.

Список источников

1. Галеева Е.А., Нефтяной рынок во II квартале 2025 года // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. – 2025. – № 13 (195)

2. Зоидов, З. К. Механизмы адаптации методик технико-экономического анализа проектов цифровизации буровых бизнес-процессов / З. К. Зоидов, Е. С. Лобова, С. В. Пономарева // Экономика и управление. – 2019. – № 12(170). – С. 79-89. – DOI 10.35854/1998-1627-2019-12-79-89. – EDN TBGOZR.

3. Кузьмина, Е. С. Система показателей оценки ресурсно производственного потенциала нефтегазодобывающих предприятий / Е. С. Кузьмина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 13(132). – С. 279-285. – EDN PEKKKF.

УДК 338.45:622.323

Арктические нефтегазовые проекты как драйвер индустриального роста: мультипликативный эффект и стратегические вызовы

Мейксина Екатерина Максимовна
аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, SPIN-код: 2854-9372,
e-mail: meyksina@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется роль масштабных арктических нефтегазовых проектов в стимулировании комплексного индустриального роста российской экономики. На основе анализа ключевых проектов лидеров рынка («Газпром нефть», «Новатэк», «Роснефть») выявлены и систематизированы каналы формирования мультипликативного эффекта для смежных отраслей: судостроения, машиностроения, логистики и строительного комплекса. Проведен экономический анализ затрат и потенциальных выгод, связанных с импортозамещением и созданием новых технологических цепочек. Сделан вывод о необходимости перехода от точечной поддержки проектов к формированию целостной государственной программы промышленного развития Арктики, ориентированной на закрепление создаваемых компетенций.

Ключевые слова: Арктика, нефтедобыча, мультипликативный эффект, промышленный рост, импортозамещение, шельфовые проекты, судостроение, логистика.

Освоение ресурсов Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) давно перешло из категории стратегической перспективы в плоскость практической реализации. В условиях структурной перестройки экономики и санкционного давления арктические проекты перестают быть сугубо сырьевыми и начинают играть роль «проектов-локомотивов» для широкого спектра отраслей промышленности [3]. Их уникальность заключается не только в запасах углеводородов, но и в беспрецедентно сложных природно-климатических условиях, которые создают специфический, технологически емкий спрос. Целью данной статьи является анализ мультипликативного эффекта от арктических нефтегазовых проектов на российскую промышленность, выявление ключевых точек роста и институциональных вызовов на примере действующих и планируемых проектов лидеров рынка.

Мультипликативный эффект в контексте освоения Арктики проявляется через цепную реакцию инвестиций и развития: капитальные вложения в добывающий проект стимулируют спрос на продукцию и услуги смежных отраслей, что, в свою очередь, ведет к росту занятости, налоговых поступлений и дальнейшим инвестициям в этих отраслях [1]. Его можно количественно оценить через коэффициент мультипликатора (КМ), который показывает, сколько рублей совокупного дохода генерируется в экономике на 1 рубль первоначальных инвестиций в базовый проект.

Для арктических проектов КМ имеет сложную структуру, оказывая прямой эффект – создание рабочих мест и инфраструктуры непосредственно на месторождении, а также косвенный эффект в части развития отраслей-поставщиков (судостроение, машиностроение, металлургия). Индуцированный эффект проявляется в росте доходов населения и спроса на товары и услуги в сопряженных секторах. Расчеты для подобных мегапроектов, например, «Ямал СПГ», показывают, что совокупный КМ может достигать 2.5–3.0 в долгосрочной перспективе [2]. Основные каналы формирования эффекта представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Ключевые каналы мультипликативного эффекта арктических нефтегазовых проектов (составлено автором)

Проект компании «Газпром нефть» по освоению Приразломного месторождения в Печорском море является показательным примером вынужденной, но успешной технологической адаптации. После введения санкций 2014 года компания столкнулась с необходимостью полной локализации сервиса и части оборудования. Это привело к:

- Развитию судостроения: Создание и эксплуатация первой в мире стационарной ледостойкой платформы (МЛСП «Приразломная»), строительство челночных танкеров ледового класса («Михаил Ульянов», «Кирилл Лавров») на отечественных верфях («Балтзавод», «Адмиралтейские верфи»).
- Стимулированию машиностроения: Локализация производства систем безопасности, элементов бурового оборудования, средств связи для работы в экстремальных условиях.
- Формированию логистического кластера: Отлаженная система ледокольного сопровождения, круглогодичная навигация, создание компетенций в области морской арктической логистики.

Экономический анализ показывает, что, несмотря на высокие удельные капитальные затраты, проект сыграл роль «пионера», сформировав критически важный опыт и кадровый потенциал для последующих арктических инициатив [4].

Хотя «Ямал СПГ» от компании «Новатэк»– газовый проект, его инфраструктурная модель оказала прямое влияние на все арктическое промышленное развитие:

Трансформация судостроения: Заказ 15 газовозов ледового класса Arc7 на верфи в Республике Корея с параллельным развитием собственной судостроительной базы («Звезда» в Приморье) для последующих серий.

Создание опорной инфраструктуры: С нуля построен порт Сабетта, который стал многофункциональным хабом для всего западного сектора СМП, аэропорт, город.

Интеграция логистических цепочек: Проект доказал коммерческую эффективность круглогодичной навигации по СМП, что резко повысило инвестиционную привлекательность всей арктической логистики для других компаний.

Проект «Восток Ойл» компании «Роснефть» на полуострове Таймыр является самым амбициозным и с точки зрения объемов добычи, и с точки зрения требований к промышленности:

Плановые потребности: Строительство более 50 судов различного класса, нового порта «Бухта Север», нескольких аэродромов, жилых городов, собственной энергосистемы (ТЭЦ) суммарной мощностью свыше 1 ГВт [5].

Эффект масштаба: Объем инвестиций и комплексность проекта создают беспрецедентный спрос, способный «вытянуть» целые отрасли, но также требуют беспрецедентной координации усилий государства и частного бизнеса.

На основе анализа проектов можно выделить следующие точки роста (Таблица 1) и сопутствующие им вызовы.

Таблица 1 – Точки промышленного роста
от арктических проектов и ключевые вызовы

Точка роста	Примеры	Ключевые вызовы
Судостроение	Строительство танкеров, газовозов Arc7, ледоколов (в т.ч. атомных и дизельных), платформ.	Высокая капиталоемкость, дефицит компетенций для проектирования, зависимость от критических импортных компонентов (системы управления, материалы).
Арктическое машиностроение	Локализация буровых установок, систем энергоснабжения, модулей ЗИП, средств автоматизации.	Длительный цикл НИОКР, необходимость сертификации для экстремальных условий, создание устойчивых кооперационных цепочек.
Логистическая инфраструктура	Порты (Сабетта, Бухта Север), развитие СМП, аэродромная сеть, спутниковая связь.	Климатические риски, необходимость госсубсидий для инфраструктуры общего пользования, экологические стандарты.
Энергетика и строительство	Строительство изолированных ТЭЦ, модульное домостроение, производство морозостойких материалов.	Удаленность и высокая стоимость доставки, проблема утилизации отходов в хрупкой экосистеме, кадровый дефицит.

Главным стратегическим вызовом является переход от реализации отдельных проектов к формированию устойчивой арктической промышленной экосистемы. Это требует скоординированной политики в области образования (подготовка инженеров-арктиков), НИОКР (целевые государственные программы) и регулирования (гибкие специальные режимы, например, ТОР и СПИК).

Проведенный анализ подтверждает, что освоение арктических месторождений нефти и газа представляет собой мощный драйвер индустриального развития, выходящий далеко за рамки ТЭК. Мультипликативный эффект от проектов лидеров рынка формирует спрос на высокотехнологичную продукцию и стимулирует импортозамещение в критически важных отраслях, таких как судостроение и тяжелое машиностроение.

Таким образом, для максимизации экономических выгод от арктических проектов необходима консолидация усилий государства и бизнеса не только на этапе добычи, но и на этапе формирования сквозных промышленных цепочек. Стратегической целью должно стать превращение России в глобального экспортера не только арктических углеводородов, но и уникальных арктических технологий, компетенций и промышленных решений.

Список источников

1. Гончаров А.В., Петров И.В., Мультипликативные эффекты устойчивого развития энергетических проектов Арктической зоны Российской Федерации // ЭПП. 2024. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/multiplikativnye-effekty-ustoychivogo-razvitiya-energeticheskih-proektov-arkticheskoy-zony-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 15.01.2026).

2. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов / А. Г. Гранберг. – 4-е изд. – М. : ГУ ВШЭ, 2004. – 495 с.

3. Проект «Восток Ойл». // Официальный сайт ПАО «НК «Роснефть» [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosneft.ru/about/Glance/OperationalStructure/Dobicha_i_razrabotka/Vostochnaja_Sibir/vostokoil/ (Дата обращения: 10.01.2026).

4. Проект «Приразломное». // Официальный сайт ПАО «Газпром нефть». [Электронный ресурс]. URL: https://shelf.gazprom-neft.ru/business/proekt-prirazlomnoe/ (Дата обращения: 10.01.2026).

5. Стратегическое развитие Арктической зоны Российской Федерации как социально-экономической системы / О. В. Филатова, С. А. Семенов, В. С. Шишмонин, В. Е. Ионова // Государственная служба. – 2024. – Т. 26, № 6(152). – С. 57-64. – DOI 10.22394/2070-8378-2024-26-6-57-64. – EDN PSCYFT.

УДК 332

Экономика замкнутого цикла, как фактор регионального роста отечественной промышленности

Рудаков Михаил Алексеевич
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
SPIN-код: 5112-3906, misha.rudakov.2017@mail.ru
Научный руководитель – д-р экон. наук, профессор, Будагов Артур Суренович

Аннотация. В статье проведено изучение отечественной промышленности в условиях постоянных изменений. Проанализирована динамика преобразований исследуемой области с выявлением влияющих шоков и обоснована перспективная модель улучшения суверенной промышленности, характеризуемая как экономика замкнутого цикла. В качестве перспектив внедрения предложена реализация совместного межотраслевого проекта, позволяющего поэтапно проработать точечные основы формирования модели экономики замкнутого цикла.

Ключевые слова: экономическая система, система управления, промышленность, экономика замкнутого цикла, межотраслевое взаимодействие.

Современная экономическая система государства подвергается серьёзным как внешним, так и внутренним воздействиям.

Управление экономической системой уже включает не только классические способы роста и развития ключевых региональных секторов и отраслей экономики, но и механизмы борьбы с недобросовестными элементами воздействия недружественных заинтересованных субъектов, целью которых является собственное обогащение за счет неправомерных и нелегитимных рычагов.

Зачастую именно такое влияние показывает общие достоинства и недостатки текущего уровня устойчивости управления экономической системы. В условиях становления технологического суверенитета, модель экономического

развития государства должна определяться принципами независимости и самостоятельности, опираясь на внутреннюю интеллектуальную и сырьевую ресурсообеспеченность.

Данные принципы лежат в основе становления отечественной суверенной промышленности, которая за последние годы пережила множество шоков.

К основным испытаниям, следует отнести:

1. Развитие отраслей промышленности экономической системы осуществляется во всех возможных направлениях с учетом влияния потребностей реального сектора, что приводит к необходимости внедрения инноваций и инвестиций со стороны заинтересованных лиц и к обновлению производственных мощностей. Однако найти их становится крайне затруднительно, поскольку введенные ограничения только отторгают потенциальных инвесторов. Формат взаимодействия государственно-частного партнерства тоже несет значительные риски для обеих сторон, так как близкий горизонт тактического и стратегического планирования, а также недостаточный уровень освоенных компетенций, может не позволить в полной мере реализовать задуманные бизнес-проекты.

2. Недостаточный уровень правильности принятия управленческих решений для повышения эффективности и результативности субъектов промышленной деятельности экономической системы. Текущие методы их оценки строятся чаще всего на понятиях «эффективности» и «результативности». При этом эффективность – это насколько вложенные ресурсы, будут окупаемые в будущем, а результативность – какое значение необходимо, чтобы быть лидером в чем-то. Необходимость изменения восприятия классических и традиционных способов повышения данных оценочных методов, обусловлена тем, что экономическая система по управлению бизнес-моделью должна быть адаптивной и гибкой при резких колебаниях внешних факторов, а для этого важно изменить подход к оценке имеющегося ресурса, например, использовать вторичный ресурс.

3. Кооперацию между межотраслевыми, межведомственными и предпринимательскими структурами, направленную на обеспечение стабильности факторов промышленного роста. Определение ключевых драйверов, направленных на повышение качества отраслей промышленности, должно сопровождаться взаимодействием и обсуждением различных заинтересованных субъектов. Преследование индивидуальных выгод и продвижение заведомо невостребованных рычагов, не даст необходимого результата для всех отраслей промышленности. Поэтому важно определить такую траекторию совместного устойчивого развития, которая бы приносила результат по изменению отрасли, а не ее коммерциализации и обеспечивала как региональный, так и национальный суверенитет.

«То есть предполагается, что любое воздействие на общество, экологию, институциональную среду сопоставимо и восполняемо с точки зрения получения прибыли» [1].

На рисунке 1 [2] покажем изменение динамики промышленного производства Российской Федерации с 2023 г. по 3 кв. 2025 г.

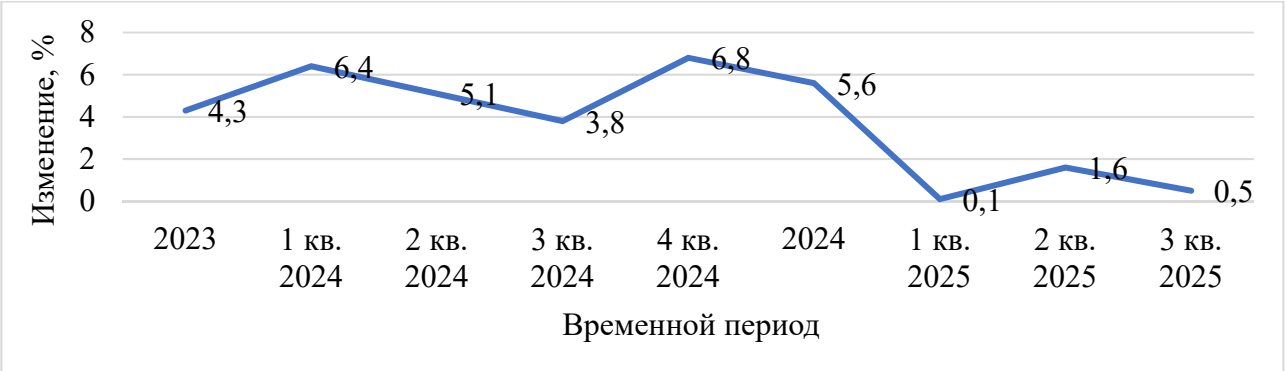

Рисунок 1 – Изменение динамики промышленного производства Российской Федерации с 2023 г. по 3 кв. 2025 г.

Анализ динамики промышленного производства Российской Федерации, также подтверждает, что снижение роста исследуемой сферы в 3 кв. 2025 г. по сравнению с 3 кв. 2024 г. составило -3,3%, что также доказывает актуальность проводимого научного исследования.

В качестве одной из возможных мер, направленной на повышение роста суверенной промышленности, можно считать внедрение экономики замкнутого цикла.

«Экономика замкнутого цикла (далее ЭЗЦ) представляет собой совокупность мероприятий, направленных на управление любым видом и типом производственного актива, который уже был использован, как основной, но потерял свои конкурентоспособные свойства и качества» [4].

Необходимость внедрения экономики замкнутого цикла, обоснована тем, что текущая линейная модель управления экономической системой построена на основе принципа «произвести-потребить». Соответственно, субъекты промышленной деятельности при производстве своей продукции создают актив, который может быть использован лишь единожды, без какой-либо возможности быть примененным в иных сферах. Это снижает общий уровень универсальности данного актива, поскольку он должен оставаться в производственном процессе, как неотъемлемый элемент, который за счет своих уникальный преимуществ способен повышать общий уровень промышленной устойчивости.

«Однако стоит отметить, что в настоящее время предпринимательские структуры, экологи и другие заинтересованные стороны всё чаще обращаются к концепции экономики замкнутого цикла» [3].

В качестве реализации пилотных проектов экономики замкнутого цикла, включающих межотраслевое взаимодействие между индустриальными партнерами, экологическими ведомствами и социально-экономическими институтами следует предложить разработать единую производственную цепочку по созданию новых видов активов из вторичных ресурсов, целью которых является формирование инновационных производственных циклов.

Список источников

1. Головцова, И. Г. Формирование систем управления в условиях трансформации экономики / И. Г. Головцова, Л. В. Рудакова, Н. В. Андросенко. – Санкт-Петербург :

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. – 164 с. – ISBN 978-5-7310-6359-3. – EDN REGFUX.

2. О динамике промышленного производства. Сентябрь 2025 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL:https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskieobzory/o_dinamike_promyshlennogo_proizvodstva_sentyabr_2025_goda.html (Дата обращения: 06.01.2026).

3. Рудакова, Л. В. Экологическая проблематика участия предпринимательских структур в устойчивом развитии отрасли / Л. В. Рудакова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 1, № 2(155). – С. 23-29. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.02.01.004. – EDN WQCEOM.Рудаков, М. А. Учет правовых аспектов информационной безопасности экономики замкнутого цикла как новой экономической системы / М. А. Рудаков // Учет и контроль. – 2025. – № 10. – С. 97-106. – DOI 10.36871/u.i.k.2025.10.01.010. – EDN CBCEMN.

УДК 621.3:631.3

Электротехнический комплекс как основа для технологического рывка в сельском хозяйстве и промышленности

Саньков Артём Олегович
студент, Тверская государственная сельскохозяйственная академия,
a.sankov999@gmail.com
Серов Алексей Геннадьевич
старший преподаватель, Тверская государственная
сельскохозяйственная академия,
SPIN-код: 3656-4147, aserov@tvgsha.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы о роли электротехнического комплекса в обеспечении технологического прорыва в агросекторе и промышленности России. Основное внимание уделено проблемам старения энергетической инфраструктуры, низким темпам цифровизации и дефициту квалифицированных кадров. Рассмотрены вопросы подготовки кадров и реформирования образовательных программ, направленных на удовлетворение нужд индустрий. Сделаны выводы о ключевой роли государства в инициировании и реализации стратегических инициатив, сформулированы конкретные практические рекомендации.

Ключевые слова; электротехнический комплекс, агросектор, промышленность, инновации, цифровизация, кадровый голод, экономическая эффективность, государственные инициативы, экология, устойчивое развитие.

В XXI веке технологический суверенитет агросектора начинается с электротехники. Сегодня эта отрасль перестала быть лишь вспомогательной инфраструктурой и стала критической основой для развития «умного» сельского хозяйства, роботизации и перехода к биоэкономике. Глобальные вызовы – от необхо-

димости удвоения продуктивности для обеспечения продовольственной безопасности до требований декарбонизации – делают радикальную модернизацию электротехнической базы АПК императивом. Устаревшие энергосистемы являются ключевым ограничивающим фактором, сдерживающим внедрение инноваций и снижающим конкурентоспособность.

Электротехнический комплекс в АПК является интеграционной системой, объединяющая генерацию, распределение и потребление электроэнергии со специализированным электрооборудованием и электротехнологиями, целенаправленно применяемыми в агропромышленном секторе. Его ядром являются не просто провода и трансформаторы, а «умные» энергоинформационные системы, обеспечивающие прецизионное управление производственными процессами «от поля до прилавка».

Агросектор испытывает серьезные трудности из-за изношенных электросетей, высокого уровня потерь электроэнергии и нестабильного качества поставляемого электричества. Это препятствует росту производительности и мешает внедрению высокоэнергоемких технологий.

Современные «умные» сети позволяют повысить устойчивость и эффективность энергосистем благодаря следующим преимуществам: автоматизированные системы управления распределением энергии. Такие системы включают интеллектуальные регуляторы напряжения, мониторинг состояния линий передачи и балансировку нагрузок в режиме реального времени; самовосстанавливающиеся сети, способные быстро устранять аварии и поддерживать стабильное питание потребителей; интеллектуальный учет потребления с помощью автоматизированных информационно-измерительных систем коммерческого учёта электрической энергии (АИИС КУЭ) [1].

Переход к возобновляемой энергии снижает экологическую нагрузку и повышает автономность аграрных хозяйств: установка солнечных панелей на крышах животноводческих ферм и зернохранилищ; биогазовые установки на органических отходах сельскохозяйственной деятельности; малая ветроэнергетика для удалённых регионов.

Эта стратегия стимулирует спрос на инновационную продукцию: солнечные модули, преобразователи постоянного тока в переменный (инверторы), системы накопления энергии и диспетчерские центры) [2].

Современная техника остается зависима от дорогостоящего дизельного топлива и несовершенных гидравлических приводов. Решение проблемы лежит в области масштабной электрификации сельскохозяйственного транспорта и оборудования: гибридные и полностью электрические трактора для помещений; замена традиционной гидравлики на электромеханику.

Это потребует необходимость развития мощной аккумуляторной индустрии, совершенствования электродвигателей и систем рекуперации.

Следующим этапом является внедрение роботов и автоматических агентов, использующих электричество как источник энергии. Например: автономные электроагенты для точного земледелия; электрические манипуляторы для ухода за животными.

Разработка и применение подобных систем требует выпуска высокопроизводительной элементной базы: высококачественных серводвигателей; контроллеров управления движением; сенсоров ориентации и локализации.

Сегодня традиционные промышленные процессы страдают низкой эффективностью и большими потерями ресурсов. Решением являются современные электротехнологические методы: инфракрасная сушка зерна сокращает затраты времени и сохраняет высокое качество продукта; импульсная светотерапия улучшает продуктивность культур; электродеионизация воды и стерилизация ультрафиолетовым светом значительно повышают микробиологическую чистоту пищевых продуктов.

Все это потребует инвестиций в новые производственные мощности для выпуска соответствующего оборудования: излучателей света, нагревательных приборов, фильтров и камер обработки.

Традиционно сельское хозяйство страдает от слабой интеграции и ручной координации операций. Устранить этот недостаток помогут автоматизированные системы управления технологическими процессами: централизованные платформы для управления климатом в теплицах, питанием животных, обработкой урожая; реализация концепции «Интернет вещей» для подключения всех объектов хозяйства к единой цифровой экосистеме.

Этот этап требует значительных усилий по разработке собственных контроллеров, датчиков, коммуникационной инфраструктуры и ПО для эффективного управления производственными циклами).

Одной из главных проблем агросектора и промышленности остаётся дефицит высококвалифицированных кадров. Традиционная система подготовки специалистов не успевает за темпами научно-технического прогресса, вследствие чего многие нововведения остаются невостребованными.

Решить проблему нехватки специалистов помогут меры: интеграция вузовских учебных программ с промышленными предприятиями и научными центрами; создание региональных центров компетенций для переподготовки сотрудников, повышения квалификации и стажировок; поддержка талантливых студентов и молодых ученых грантами и стипендиями.

Реализуя предложенные меры, мы обеспечим подготовку достаточного количества профессионалов, способных эффективно управлять современными системами агроэлектротехники) [3].

Российская экономика нуждается в глубоком обновлении своего электротехнического сектора, способного обеспечить прорыв в развитии сельского хозяйства и промышленности. Такой подход даст двойной выигрыш: повышение эффективности и конкурентоспособности сельского хозяйства за счёт внедрения современных электротехнологий; возможность занять лидирующее положение на мировом рынке высокотехнологичной продукции и услуг.

Решение стоящих перед страной задач возможно путём активного инвестирования в развитие электротехнического комплекса, подготовки инженерных кадров и формирования благоприятных условий для бизнеса. Таким образом, инвестиции в агроэлектротехнику станут залогом успешного будущего всей экономики России.

Кроме того, особая роль отводится обучению и привлечению молодых специалистов, которые смогут успешно развивать и эксплуатировать новейшие электротехнические решения.

Список источников

1. Косарев, Б. А. Методики управления децентрализованными электротехническими системами с распределенной генерацией: специальность 05.09.03 "Электротехнические комплексы и системы" : диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук / Б. А. Косарев. – Омск, 2020. – 185 с. – EDN UEURZU.

2. Макаров, А. И. Перспективы применения возобновляемых источников энергии в сельском хозяйстве / А. И. Макаров, М. В. Недожогина // Перспективы инновационного развития в агротехнических и энергетических системах: Материалы Международной научно-практической конференции, Балашиха, 20 ноября 2024 года. – Балашиха: Российский государственный университет народного хозяйства им. В.И. Вернадского, 2024. – С. 274-281. – EDN FXQCPH.

3. Манаенков, К. А. Подготовка инженерных кадров для реализации программ научно-технического развития АПК / К. А. Манаенков, М. С. Колдин // Интеллектуальные технологии и техника в АПК : Материалы Международной научно-практической конференции, Мичуринск, 18–20 октября 2016 года. – Мичуринск: Общество с ограниченной ответственностью "БИС", 2016. – С. 29-37. – EDN YNWPFB.

УДК 338.22

Оценка влияния неприменения налога на сверхприбыль на финансовые результаты топливно-энергетического сектора в РФ и налоговые поступления федерального бюджета РФ в 2023 г.

Синицкий Дмитрий Геннадьевич
аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, sinickiy.00@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется действие Федерального закона “О налоге на сверхприбыль” 2023 г. на финансовые результаты крупнейших компаний топливно-энергетического сектора РФ, оценён возможный эффект при применении налога на сверхприбыль для федерального бюджета РФ.

Ключевые слова: налог на сверхприбыль, финансовый результат, топливно-энергетический сектор, прибыль до налогообложения.

04 августа 2023 г. Президентом РФ В.В. Путиным был подписан Федеральный закон “О налоге на сверхприбыль” [4], который несколько дней ранее был принят Государственной Думой (21 июля 2023 г.) и одобрен Советом Федерации (28 июля 2023 г.) Федерального Собрания РФ. Данный налог носил разовый характер и взимался в 2023–2024 гг.

Плательщиками налога являлись налоговые резиденты РФ и иностранные организации, имеющие постоянные представительства на территории РФ, зарегистрированные до 1 января 2021 г. В начале 2024 г. Министерство Финансов РФ

отчиталось о том, что общие поступления от налога на сверхприбыль составили 318,8 млрд рублей [3]: из них 315 млрд рублей были уплачены в 2023 г., что составляет 1,08% доходной части государственного бюджета РФ. Однако, следует отметить, что ряд компаний были освобождены от уплаты налога на сверхприбыль: помимо субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) такими компаниями стали, например, застройщики, реализующие проекты с привлечением средств участников долевого строительства (если они в 2021–2022 гг. не выплачивали дивиденды).

Также не уплачивали налог на сверхприбыль и ряд организаций топливно-энергетического комплекса. Речь идёт о компаниях, осуществлявших добычу углеводородного сырья, угля, переработку нефтяного сырья и производство сжиженного природного газа.

Тем временем, в 2022 г. ряд компаний топливно-энергетического сектора других стран распространили действие налога на сверхприбыль в первую очередь в отношении компаний топливно-энергетического сектора. До марта 2028 г. компании Великобритании уплачивают подобный налог в размере 35% от сверхприбыли, а компании, добывающие полезные ископаемые в Казахстане платят 60% от сверхприбыли [1].

Европейский союз в 2022 г. ввёл “временный взнос солидарности”, согласно которому прирост стоимости энергетических компаний с января по сентябрь 2022 г. облагается по ставке 33% [5].

Объектом налогообложения по windfall tax в Росии являлась сверхприбыль, по общему правилу рассчитываемая как превышение средней арифметической величины прибыли за 2021 год и 2022 год над аналогичным показателем 2018 года и 2019 года. Однако, если средняя арифметическая величина прибыли не превысила 1 млрд рублей, то налоговая база по данному налогу равна нулю. Ставка налога составляет 10%, однако в случае уплаты обеспечительного платежа в период с 1 октября до 30 ноября 2023 г. налогоплательщику предоставлялся вычет в размере до 50% от уплаченной суммы налога.

Рассмотрим прибыль до налогообложения ряда крупнейших компаний российского топливно-энергетического сектора (ПАО “Газпром”, ПАО “Лукойл”, ПАО “Татнефть”). Важно отметить, что показатели взяты не из отчётности по налогу на прибыль, а из консолидированной финансовой отчётности по МСФО.

Таблица 1 – Прибыль (убыток) до налогообложения компаний топливно-энергетического сектора РФ в 2018–2022 гг. (млрд руб.) [2] и потенциальная величина налоговых поступлений компаний в случае уплаты налога на сверхприбыль

Компания	**2018 г.**	**2019 г.**	**2021 г.**	**2022 г.**	**База**	**Налог**
ПАО “Газпром”	911	1 200	3 209	1 022	1 060	53
ПАО “Лукойл”	773	793	63	790	0	0
ПАО “Татнефть”	274	252	184	307	0	0

Исходя из вышеуказанных данных, налоговая база ПАО “Газпром” составила бы 1060 млрд руб., а величина налога составила бы 10% от указанной величины, а при уплате обеспечительного платежа сумма бы могла уменьшиться до 53 млрд руб.

Налоговая база, равно как и величина налога на сверхприбыль к уплате у ПАО “Лукойл” и ПАО “Татнефть” были бы равны нулю, т.к. среднее арифметическое значение прибыли до налогообложения в 2021 г. и 2022 г. ниже, чем в 2018 г. и 2019 г.

Таким образом, если бы налог на сверхприбыль собирался бы с компаний топливно-энергетического сектора, величина сборов бы могла вырасти как минимум на 53 млрд руб., что ухудшило бы чистую прибыль компаний и составило бы почти 20% от общей величины поступлений по налогу на сверхприбыль.

Список источников

1. Зверева Т.В. Особенности применения налога на сверхприбыль для крупных компаний в Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 5. – с. 15. – DOI: 10.24412/2072-4098-2024-5272-15-23

2. Интерфакс – Сервер раскрытия информации. URL: https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=17&type=3 (дата обращения: 15.01.2025 г.)

3. Новость \ Бюджет получил 318,8 млрд рублей от налога на сверхприбыль // МинФин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38838-byudzhet_poluchil_3188_mlrd_rublei_ot_naloga_na_sverkhpribyl (дата обращения: 15.01.2025 г..

4. О налоге на сверхприбыль : Федеральный закон от 04 авг. 2023 г. № 414 : в ред. От 08 августа 2024 г. Доступ из справочно-правовой системы “Консультант-Плюс”

5. Шаров А.А. Проблематика теории и практики налога на сверхприбыль в России и за рубежом // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2024. – №66. – с. 89. – DOI: 10.17223/19988648/66/6

УДК 332.14

Модернизация системы управления регионального бизнеса в промышленности с государственной поддержкой

Титов Алексей Сергеевич
аспирант, Новгородский Государственный Университет
имени Ярослава Мудрого
SPIN-код: 1041-3429, email: titovalekx@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются управленческие проблемы, возникающие при использовании государственной поддержки в региональной промышленности. Рассматривается недостаточность мотивированности руководителей проектов. Предлагается внедрить систему ключевых показателей эффективности (KPI), ориентированных на реальные экономические выгоды от привлечения государственных средств, что позволит повысить заинтересованность менеджеров реализации инновационных проектов с поддержкой от государства.

Ключевые слова: государственная поддержка, промышленность, инновации, система мотивации, KPI

Государственная поддержка промышленности регионов сегодня является важным элементом, стимулирующим развитие экономики. Использование инструментов помощи, предлагаемых государством, может стать эффективным стратегическим решением при реализации крупных проектов в сфере инноваций и промышленности [1, 2]. Однако, несмотря на очевидные преимущества, при привлечение государственного финансирования компании сталкиваются с рядом управленческих проблем. В данной статье рассматриваются основные управленческие проблемы, возникающие при применении государственной поддержки, и предлагаются способы их решений для эффективной организации управления проектов путем внедрения системы ключевых показателей эффективности (KPI) для руководителей проектов.

Одной из проблем при планировании и реализации инновационных и промышленных проектов является недостаточная мотивация команд, что часто рассматривается в различных исследованиях по управлению проектами [5]. Проведение процедур инвестиционного анализа, разработки стратегии развития, маркетинговых исследований и технико-экономической оценки различных показателей являются трудозатратными процессами. Дополнительные процедуры по привлечению государственного финансирования, которые, как правило, связаны со значительными временными затратами на подготовку, корректировку, согласование документации [4], воспринимаются руководителями проектов, как ограничивающий гибкость процесс. Данные ограничения сказываются особенно негативно в условиях высокой потребности адаптивности менеджмента.

Кроме того, существенным препятствием, по мнению лидеров проектов, является сложность предоставления отчетности по ходу реализации. Для получения финансирования от государственных учреждений необходимо соблюдать множество условий отчетности, которые требуют строгого соблюдения сроков и высокого уровня вовлеченности. Дополнительно растет уровень ответственности управленческого персонала инициатив, что также влечет меньшую заинтересованности в применении данных механизмов. В связи с этим единые ответственные лица предпочитают использовать финансирование через коммерческие банки, средства акционеров или другие менее регулируемые источники, что в конечном счете влечет к увеличению стоимости реализации проектов, низкой доходностью и увеличению кредитного портфеля предприятий [3].

С целью стимулирования руководителей проектов использовать государственную поддержку, необходимо внедрять систему ключевых показателей эффективности, ориентированную на реальные достижения. Одним из таких ключевых показателей может быть начисленный процент премии за привлечение государственных средств, рассчитанный на привнесенной выгоде сравнительно ставок, привлеченных в банках и от государственных институтов поддержки.

Первый способ мотивации и оценки показателей KPI предлагается использовать в рамках реализации крупных проектов. Данный подход способствует повышению интереса к привлечению грантов, субсидий и иных средств, положительно влияющих на финансовую эффективность, так как мотивация руководителя проекта зависит от стоимости привлеченных средств.

Таблица 1. Расчет процентов показателей KPI

	Кредитная организация	**Фонд развития промышленности**	**Центр Поддержки Инжиниринга и Инноваций**
Процентная ставка	20%	3%	0%
Объем финансирования	1 000 000	1 000 000	1 000 000
Срок использования средств (лет)	3	3	3
Переплата	337 780,94	46 915,68	0
1 способ: KPI менеджера, составляющий 10% от выгоды	0	29 086,526	100 000
2 способ: KPI менеджера, составляющий 1% от привлеченных средств	0	30 000	30 000

Второй способ направлен на стимулирование привлечения большего объема денежных средств. Данный способ позволяет стимулировать привлечения различных финансовых инструментов, которые более выгодны, чем предложения кредитных организаций, таких как банки.

Стоит заметить, что оценка показателей способна эффективно распределять ресурсы, повысить вовлеченность в проекты, которые предполагают привлечение льготного финансирования. Использование предлагаемого метода планирования позволит сделать вклад в повышение общей эффективности работы и устранить барьеры, ограничивающие использование мер государственной поддержки.

Таким образом, использование государственной поддержки в проектах требует решения управленческих проблем. Высокий уровень ответственности, строгие требования к отчетности и соблюдению сроков являются ограничивающим фактором. Предлагаемый способ по внедрению системы оценки ключевых показателей эффективности для руководителей проектов, оценивающих вклад в привлечение льготного финансирования, поможет значительно повысить эффективность применения государственной поддержки. Мотивация менеджеров с помощью инструментов финансового поощрения позволит выстраивать систему управления проектов более эффективно, способствуя увеличению числа успешных проектов и повышению инновационной активности регионов.

Список литературы

1. Дагаева, Е. А. Государственная поддержка как фактор стимулирования готовности студенческой молодежи к предпринимательству / Е. А. Дагаева // Век качества. – 2024. – № 1. – С. 142-162. – EDN JETBDW.

2. Деникин, А. В. Ключевые проблемы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства и направления их решения / А. В. Деникин, З. Д. Деникина, Т. Н. Юдина // Социально-политические науки. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 70-75. – DOI 10.33693/2223-0092-2023-13-3-70-75. – EDN FFHSQG.

3. Лебедева, Н. Ю. Экономические вызовы: как рост ключевой ставки ЦБ РФ меняет правила игры для бизнеса и граждан? / Н. Ю. Лебедева, Е. С. Лобачева // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 4. – С. 134-143. – DOI 10.22394/2079-1690-2024-1-4-134-143. – EDN FSZGQB.

4. Ракова, Л. А. Актуальные проблемы государственной поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации / Л. А. Ракова // Экономика и социум. – 2017. – № 4(35). – С. 1146-1149. – EDN YUSYOJ.

5. Романцева, Е. Е. Мотивация проектных команд: к проблеме сбалансированного подхода / Е. Е. Романцева // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 2(202). – С. 68-73. – DOI 10.24158/tipor.2025.2.8. – EDN GRCEXD.

УДК 338.45

Экономика замкнутого цикла как фактор производительности в России

Черевко Валерий Евгеньевич
студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
SPIN-код: 2532-0542, valcherev@list.ru
Бережных Михаил Алексеевич
студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
SPIN-код: 4805-1656, mikhailber@list.ru
Научный руководитель – д-р экон. наук, профессор Харламов Андрей Викторович
SPIN-код: 2384-9310, Kharlamov_2000@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются экономические стимулы развития циркулярной экономики в России и их влияние на производительность. Опора делается на концепцию ресурсосбережения и институциональной эффективности, где переработка отходов становится не только экологическим, но и экономическим фактором роста. Показано, что эффект от внедрения стимулов переработки напрямую связан с уровнем организационных издержек и зрелостью рыночных институтов обращения с вторичными ресурсами.

Ключевые слова: экономика замкнутого цикла, циркулярная экономика, промышленность, вторичные ресурсы, экологический сбор, производительность, ресурсосбережение.

Развитие циркулярной экономики в России рассматривается как ключевой элемент перехода к модели устойчивого экономического роста. Несмотря на активное развитие нормативной базы, результаты пока остаются неоднозначными. Научная проблема заключается в том, что влияние циркулярных механизмов на производительность трактуется упрощённо – как линейная зависимость между ростом переработки и снижением материалоёмкости. Между тем на практике экономический эффект определяется не столько объёмом переработки, сколько структурой издержек и эффективностью институтов, обеспечивающих обращение с вторсырьём [6].

Актуальность темы обусловлена тем, что с 2024 года в России реализуется федеральный проект «Экономика замкнутого цикла» в составе национального проекта «Экологическое благополучие» [1]. Целью проекта является формирование устойчивого рынка вторичных ресурсов и стимулирование использования переработанных материалов в производстве. На уровне законодательства закреплены базовые ставки экологического сбора, перечни продукции с обязательной долей вторичного сырья и новые правила взимания платежей за утилизацию [2, 4]. Эти меры формируют систему стимулов, однако их воздействие на производительность не всегда очевидно.

Обзор литературы показывает, что российские исследователи сходятся во мнении о высокой значимости институциональных факторов – инфраструктуры, координации участников, стандартизации качества вторсырья [3, 5, 6]. Без этого переработка превращается в затратный процесс, не приносящий прямого экономического эффекта. Таким образом, ключевым условием повышения производительности становится снижение трансакционных издержек в цепочке обращения с вторичными ресурсами: от сортировки и транспортировки до сертификации и реализации переработанного материала.

Экономический смысл циркулярных стимулов состоит не только в перераспределении потоков отходов, но и в изменении структуры затрат предприятий. Чем меньше требуется первичных материалов на единицу выпуска, тем выше потенциальная производительность. Однако если стоимость координации, логистики и нормативного контроля растёт быстрее, чем экономия на материальных ресурсах, совокупный результат может быть нейтральным или отрицательным. Следовательно, положительный эффект циркулярной политики реализуется лишь при одновременном снижении материалоёмкости и институциональных барьеров.

Данный вывод подтверждает официальный показатель – индекс использования вторичных ресурсов и сырья из отходов, утверждённый Минприроды России [2]. Этот индекс отражает динамику включения переработанных материалов в производство и является индикатором эффективности циркулярной политики. По данным федерального проекта [1], базовое значение индекса в 2024 г. составило 10,04%, а к 2027 г. предусмотрено достижение уровня 16%. К 2030 г. целевой показатель увеличивается до 25%, что свидетельствует о планируемом ускорении внедрения технологий переработки и утилизации (рис 1).

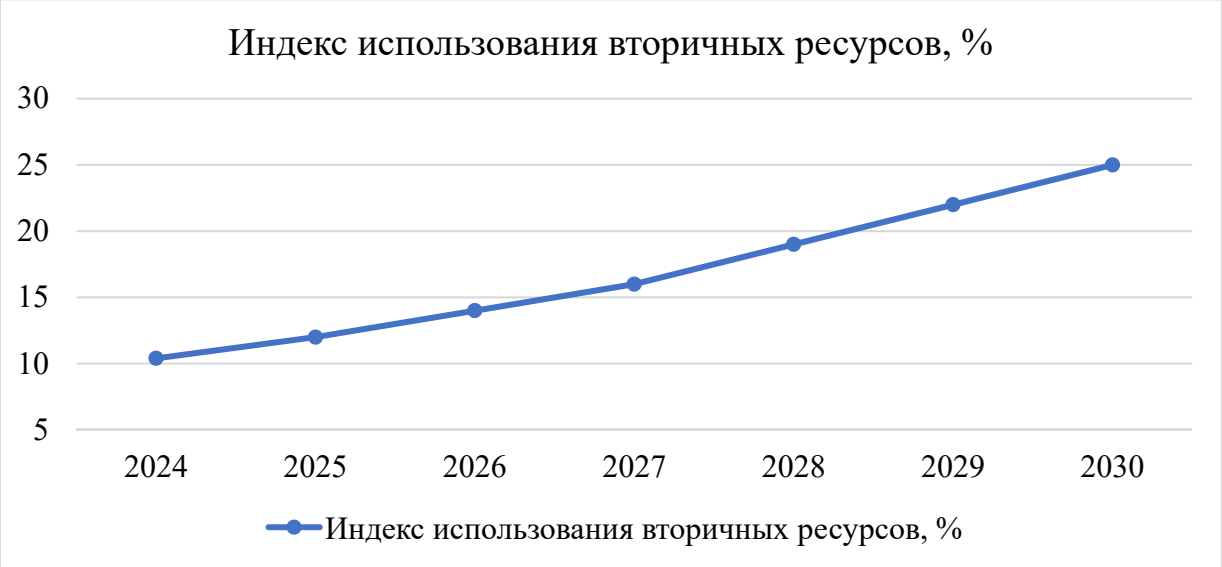

Рисунок 1 – Динамика индекса использования вторичных ресурсов и сырья из отходов в 2024-2030 гг. [4, 5]

Из приведённой динамики видно, что планируется кратное увеличение темпов роста переработки. Однако столь резкое ускорение возможно лишь при снижении трансакционных издержек – в частности, при развитии инфраструктуры сортировки, цифровизации прослеживаемости отходов и стандартизации требований к вторичному сырью. Без этого административное увеличение доли переработки приведёт к росту затрат, а не к повышению эффективности.

Таким образом, стимулирование переработки оказывает положительное влияние на производительность только в тех случаях, когда сопровождается институциональными мерами, уменьшающими издержки взаимодействия между участниками рынка. Экономическая значимость циркулярной экономики проявляется не в количестве переработанных отходов, а в устойчивом снижении материалоёмкости выпуска и росте добавленной стоимости. Дальнейшее развитие циркулярной модели в России требует фокусировки не столько на нормативных квотах переработки, сколько на создании экономических условий для самоподдерживающегося спроса на вторичные ресурсы. Это предполагает развитие перерабатывающих мощностей, внедрение стимулов для предприятий, использующих вторсырьё, и совершенствование государственного регулирования.

Список литературы

1. Паспорт национального проекта «Экологическое благополучие». Федеральный проект «Экономика замкнутого цикла» [Электронный ресурс]. URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/environmental_well-being/federalnyy-proekt-ekonomika-zamknutogo-tsikla/ (дата обращения: 12.01.2026).

2. Приказ Минприроды России от 29.11.2024 № 692 «Об утверждении методики расчёта показателя «Индекс использования вторичных ресурсов и сырья из отходов в отраслях экономики» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497253/ (дата обращения: 12.01.2026).

3. Становая, А. А. Экономическая безопасность региона как условие его устойчивого развития / А. А. Становая // Конкуренция хозяйственных систем евразийского и западно-европейского типа: Сборник научных статей по итогам VIII международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19–20 октября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – С. 164-168. – EDN DTHCOG.

4. Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 12.01.2026).

5. Харламов А.В., Бережных М.А. Институциональная модель человеческого капитала в логике технологического суверенитета России // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 6, № 7(160). – С. 136-144. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.07.06.015. – EDN LUWQIT.

6. Харламов А.В., Черевко В.Е. Государственная политика стимулирования устойчивого развития российской экономики // Журнал правовых и экономических исследований. – 2025. – № 2. – С. 236-248. – DOI 10.26163/GIEF.2025.29.68.032. – EDN EDPKBB.

УДК 338.4

Проблемы и возможности отрасли станкостроения на современном этапе

Чжан Фэнхао
студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, a1669068265@qq.com
Сопина Наталья Владимировна
доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
SPIN: 8533-6919, nsopina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, характеризующие направления развития промышленности России в настоящее время. Особое внимание уделяется отрасли станкостроения, которая может выступить в качестве основы развития национальной промышленности, и основы достижения технологического суверенитета через разработку, внедрение критически важных технологий.

Ключевые слова: промышленность, станкостроение, технологический суверенитет, импортозамещение.

Развитие промышленного сектора экономики является приоритетной задачей для России. Правительство разрабатывает и реализует программы, которые направлены на развитие различных отраслей российской промышленности. Доля промышленной продукции в ВВП России за последние 3 года показывает положительную динамику, наблюдался прирост промышленного производства. Однако за 2025 год наблюдается снижение доли промышленного производства в ВВП до 27%. За 11 месяцев 2025 года рост промышленного производства составил около 1%. [7] Так за первые полгода рост в обрабатывающем секторе соста-

вил 4%, а по результатам всего года прогнозируется рост до 3%. [4] Следует отметить, что прирост обеспечивается за счет роста оборонного сектора, гражданская промышленность в лучшем случае стагнирует, а в отдельных сегментах показывает спад.

Если сравнивать с другими странами, то можно заметить, что вклад промышленного производства в ВВП страны у нас близок с показателями Китая, но и у него динамика показателей становиться отрицательной в связи с проблемами роста экономики страны. Для США и стран Европы традиционно большая доля в ВВП занимает сектор услуг, поэтому доля промышленности в ВВП стран невелика (см. табл.1).

Таблица 1 – Доля промышленности в ВВП по странам, % [1]

Страна	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**
Россия	32,55	32,15	29,72	31,79	32,23	30,41	30,72
Китай	38,98	37,76	36,91	38.09	37,89	36,77	36,48
США	18,32	17,86	17,12	17,5	18,08	17,75	17,33
Германия	25,94	25,63	25,38	25,31	25,69	27,29	25,84

В настоящее время, в условиях значительной цифровой трансформации ориентирами для развития российской промышленности становятся следующие направления, которые находят отражение в государственных программах и концепциях: [5,2]

- Достижение технологического суверенитета;
- Реализация политики импортозамещения в критически важных отраслях;
- Достижение устойчивого развития.

Одной из ведущих и значимых отраслей промышленности России является отрасль станкостроения. Развитие станкостроения является основой для создания критических технологий, которые будут способствовать достижению технологического суверенитета России и будут давать возможность для производства высокотехнологичной продукции.

В последнее время отрасль активно развивается и программа импортозамещения, которая реализуется дает хорошие результаты. Так производство металлорежущих станков с 2019 по 2024 гг. выросло в 2,8 раза, кузнечно-прессовых машин – в 2,4 раза. В 2022 году было выпущено 652 единицы станков ЧПУ, а в 2024 уже 1183. При этом объем потребления станков на внутреннем рынке тоже показывал рост. В 2023 году он вырос почти в 2 раза, а в 2024 году еще возрос на 25% [6].

В целом отрасль показывает неплохие результаты, так за 2024 год объем производства в стоимостном выражении составил 89 млрд. руб., что на 23% выше, чем в 2023 году. В том числе стоимость произведённого металлообрабатывающего оборудования достигла 63 млрд рублей (+31%), кузнечно-прессового оборудования – 18,6 млрд рублей (+23%), деревообрабатывающего оборудования – 7,3 млрд рублей (+12%) [6].

Однако в отрасли существуют и проблемы. Одной из них является высокая зависимость от импорта. Так в 2024 году на рынке 98,3% приходилось на долю иностранных станков. В структуре импорта 71% приходится на Китай, 7%- Тайвань, 4% – Япония, 3% – Германия, 2,5% – Южная Корея, по 2% – Индия и Турция [6].

Другой проблемой выступает нехватка квалифицированных специалистов, инженеров.

В решении данных проблем должен помочь реализуемый правительством национальный проект «Средства производства и автоматизации» [3]. Целями данного национального проекта является:

- Разрабатывать и производить высокотехнологичные станки и комплектующие к ним.
- Разрабатывать, производить и внедрять на различные предприятия промышленных роботов.
- Обеспечить производство новых видов литейного и технического оборудования.
- А также закрыть потребность отрасли через подготовку специалистов, которые будут заниматься производством станков и внедрять промышленных роботов на предприятия.

Но главная задача, которую должен решить национальный проект «Средства производства и автоматизации» – это снижение зависимости отрасли от импортного оборудования. К 2030 году доля отечественной высокотехнологической продукции в общем объеме производства должна составлять 75%, а снижение коэффициента технологической зависимости должно быть в 2,5 раза [3,2].

Список источников

1. Доля промышленности в ВВП // statbace. [Электронный ресурс]. URL https://statbase.ru/data/rus-industry-value-added-share/ (Дата обращения: 29.01.2026).

2. Концепции технологического развития на период до 2030 г. // garant. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/ (Дата обращения: 29.01.2026).

3. Национальный проект «Средства производства и автоматизации» // Национальные проекты. [Электронный ресурс]. URL: https://национальныепроекты.рф/new-projects/sredstva-proizvodstva-i-avtomatizatsii/ (Дата обращения: 29.01.2026).

4. Промышленность России в 2025 году: рост, спад или стагнация? // indpages. [Электронный ресурс]. URL: https://indpages.ru/prom/promyshlennost-rossii-v-2025-godu-rost-spad-ili-stagnacziya/ (Дата обращения: 27.01.2026).

5. Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года // garant. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407545698/ (Дата обращения: 29.01.2026).

6. Сделано в России: кто и как заменяет импорт в станкостроении // sber. pro. [Электронный ресурс]. URL:https://sber.pro/publication/sdelano-v-rossii-kto-i-kak-zamenyaet-import-v-stankostroenii/ (Дата обращения: 29.01.2026).

7. Социально-экономическое положение России январь –ноябрь 2025 г. // rosstat. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-11-2025.pdf (Дата обращения: 27.01.2026).

УДК 631.95:338.43:004.9

Технологический суверенитет России через синтез АПК и промышленности

Шибаев Андрей Иванович
студент, Тверская государственная сельскохозяйственная академия,
andreyka.shibaev.98@mail.ru
Серов Алексей Геннадьевич
старший преподаватель, Тверская государственная сельскохозяйственная академия SPIN: 3656-4147, aserov@tvgsha.ru

Аннотация. В статье рассмотрен агросектор как ключевой заказчик и полигон для отечественной промышленности. Раскрыта роль «умного поля» (IoT, робототехника) и электрификации в создании нового технологического уклада. Обосновано, что интеграция АПК и промышленности формирует устойчивый инновационный цикл, обеспечивающий технологический суверенитет и экономическую безопасность России.

Ключевые слова: технологический суверенитет, промышленный симбиоз, стратегический синтез, умное поле, цифровая автоматизация, робототехника, экономическая безопасность, биоэкономика, агроэлектротехническое оборудование, импортозамещение, зелёная генерация, автономная техника, глубокие переработки, человеческий капитал.

Агросектор перестал быть «сырьевым придатком» и превратился в ключевого заказчика и испытательный полигон для отечественной промышленности. Ключевым механизмом этой трансформации становится стратегический синтез – целенаправленное и взаимовыгодное слияние компетенций, технологий и рынков сельского хозяйства и промышленности, порождающее принципиально новые, синергетические отрасли и продукты. Технологическая модернизация АПК через тотальную электрификацию и цифровую автоматизацию – это не только путь к продовольственному изобилию, но и главный драйвер для перехода российской экономики на рельсы высокотехнологичного, суверенного производства, создающий внутренний рынок для критически важных инноваций.

Этот драйвер проявляется в формировании принципиально нового технологического уклада, основанного на конвергенции биологических и цифровых технологий. Его ключевой элемент – «умное» поле, то есть экосистема, основанная на интернете вещей (IoT), роботах и больших данных. Каждый гектар, оснащенный автономной техникой, формирует конкретный спрос на продукцию целых отраслей. Принципиально важно для экономической безопасности отказаться от иностранных «цифровых экосистем» в АПК, что снижает риски шпионажа, саботажа и технологического шантажа. Собственная автоматизация – это прямой контроль над критической продовольственной инфраструктурой, позволяющий гибко реагировать на внешние вызовы и обеспечивать бесперебойность поставок.

Однако цифровая автоматизация немыслима без принципиально новой энергетической базы, которая должна быть устойчивой, распределенной и адаптивной. Поэтому электрификация становится кровеносной системой агроиндустрии, формируя новую технологическую парадигму. Её суть – переход от простой подачи энергии к созданию интеллектуальных, автономных энергокомплексов, способных управлять спросом, накапливать излишки и торговать ими на энергорынках. Эта парадигма основана на двух взаимозависимых столпах: распределенной «зеленой» генерации для автономии хозяйств и повсеместном переходе на электропривод в технике, системах климат-контроля и переработки. Такая трансформация формирует прямой и емкий заказ не только для отечественного электромашиностроения и аккумуляторной индустрии, но и для производителей систем управления микросетями, стимулируя создание новой подотрасли – агроэлектротехнологического оборудования. Именно в этой нише, на стыке (синтезе) агрономии, энергетики и электроники, Россия может стать лидером за счет разработки, например, высокоэффективных систем импульсного света с адаптивным спектром для ускорения фотосинтеза или энергосберегающих СВЧ-сушилок, сохраняющих питательные свойства зерна и овощей.

В результате формируется устойчивый промышленный симбиоз, основанный на взаимообогащающем партнерстве. Агросектор создает конкретный, емкий и долгосрочный спрос, модернизируя традиционные отрасли: машиностроение, получая заказ на электротракторы и роботизированные линии глубокой переработки (например, для выделения белка из люпина или рапса), эволюционирует от простой сборки к созданию интеллектуальных киберфизических систем; химия и биотехнологии, обеспечивая экологическую безопасность и повышение маржинальности через производство микробных препаратов и биоразлагаемых материалов, переводят АПК в статус высокотехнологичной биоэкономики; логистика, трансформируясь в «умную» и полностью отслеживаемую, становится мультипликатором стоимости, минимизируя потери.

Наиболее показателен пример машиностроения. Создание электрических и автономных тракторов – это не просто замена двигателя, а рождение нового класса техники. Эти платформы, способные работать в составе роя, обмениваться данными в реальном времени и взаимодействовать с элементами «умного» поля, требуют принципиально иных компетенций: разработки высокомоментных электродвигателей с жидкостным охлаждением, сложных систем рекуперации энергии при спуске, интеллектуальных бортовых компьютеров на отечественных процессорах и алгоритмов компьютерного зрения для распознавания сорняков, и вредителей. Такой заказ вынуждает отрасль смещать фокус с металлообработки на глубокую инженерию, микроэлектронику, становясь драйвером её качественной трансформации в поставщика высокотехнологичных решений. Энергетическая автономность таких решений, основанная на локальной «зелёной» генерации, не только повышает устойчивость всей продовольственной системы, но и создает стратегический буфер.

Описанная технологическая трансформация меняет саму суть экономической безопасности АПК. Она уже не сводится только к продовольственной самодостаточности, а становится многогранной задачей обеспечения. Её новая формула – это динамическое равновесие, основанное на передовых технологиях и уникальных компетенциях, которое обеспечивает отрасли долгосрочную конкурентоспособность и стабильность доходов всех участников цепочки при любых внешних шоках.

Достижение этой цели требует системных, скоординированных инвестиций в новую парадигму развития. Государству, бизнесу и науке необходимо совместно направлять ресурсы не только в материальные активы, но в первую очередь в нематериальный капитал, формирующий основу будущего суверенитета: в патентные портфели и фундаментальные исследования, в отечественные цифровые платформы для управления данными и стандарты их обмена, в современную логистическую и телекоммуникационную инфраструктуру села и, что критически важно, в человеческий капитал – подготовку нового поколения агрокибернетиков, биоинформатиков и инженеров-энергетиков через создание междисциплинарных образовательных программ. Именно такой сбалансированный подход позволит превратить АПК из сырьевого, уязвимого сегмента в стратегический, высокотехнологичный и самодостаточный локомотив национальной экономики, способный задавать тренды на глобальном рынке.

Ключевые барьеры на этом пути – хронический кадровый дефицит в регионах, сохраняющаяся цифровая и энергетическая диспропорция в развитии сельской инфраструктуры и острый дефицит «длинных» инвестиционных денег с приемлемой ставкой – должны восприниматься не как непреодолимые препятствия, а как приоритетные направления для консолидированных стратегических инвестиций в суверенитет страны. Их преодоление запускает мощный синергетический эффект.

Таким образом, агросектор становится главным конвейером, живой лабораторией и катализатором для инноваций российской промышленности, обеспечивая полный цикл. Инвестиции в электрификацию и автоматизацию «умного» поля создают не просто сиюминутный урожай, а самовоспроизводящийся технологический цикл, виртуозную петлю положительной обратной связи между сельским хозяйством и индустрией. Этот стратегический синтез одновременно усиливает промышленный и научный потенциал страны, гарантирует её продовольственную, энергетическую и технологическую безопасность и формирует траекторию устойчивого, суверенного развития, основанного на знаниях и высоких технологиях [1].

Список источников

1. Черкасова, Т. П. Технологический суверенитет России в сфере АПК: современные вызовы и направления их преодоления / Т. П. Черкасова, Е. Л. Черкасов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 4. – С. 168-175. – DOI 10.22394/2079-1690-2024-1-4-168-175. – EDN ENBUQP.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ЭПОХУ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

УДК 631.95:338.43:004.9

Предпринимательство в эпоху санкций и устойчивого развития как стратегия технологического суверенитета АПК

Аксентьева Евгения Юрьевна
студент, Тверская государственная сельскохозяйственная академия,
Aksenteva2008@gmail.com
Иванова Анастасия Юрьевна
студент, Тверская государственная сельскохозяйственная академия

Аннотация. В статье санкционное давление рассматривается как катализатор для формирования технологического суверенитета российского АПК. Определены ключевые предпринимательские ниши на стыке импортозамещения и устойчивого развития: от сельхозробототехники и биопрепаратов до энергоавтономии и замкнутых агроэкосистем. Раскрыта роль государственной поддержки как стратегического партнёра бизнеса. Обосновано, что агротех-предприниматель становится создателем национальной технологической экосистемы, обеспечивающей продовольственную безопасность и суверенное развитие.

Ключевые слова: технологический суверенитет, предпринимательство в АПК, импортозамещение, санкционное давление, устойчивое развитие, агротехнологии (AgriTech), сельхозробототехника.

Санкционное давление недружественных стран, первоначально воспринятое как угроза, стало мощнейшим драйвером для пересмотра парадигмы развития российского АПК. Ограничения на импорт техники, семян, средств защиты растений и цифровых платформ обнажили критическую зависимость. В этих условиях устойчивость обрела новый, стратегический смысл: это уже не только экологическая и экономическая стабильность, но и технологический суверенитет – способность обеспечивать продовольственную безопасность на основе собственных разработок и производств. Для предпринимателя это открывает уникальное окно возможностей.

Конкретные возможности сосредоточены в нескольких стратегических нишах, где импортозамещение трансформируется в опережающее развитие. Во-первых, это разработка и мелкосерийное производство современной сельхозтехники и робототехники на отечественной элементной базе: дроны для мониторинга, роботизированные платформы для прополки, датчики IoT. Государственный заказ и программы субсидирования создают для таких решений гарантированный спрос.

Во-вторых, крайне актуальна биологизация и производство отечественных биопрепаратов – эффективных микроорганизмов, биофунгицидов, энтомофагов, биостимуляторов и органических удобрений. Это снижает зависимость от импортной химии и соответствует растущему тренду на «зеленую» продукцию.

В-третьих, значительный потенциал имеет создание российских цифровых платформ и AgriTech-софта – аналогов зарубежных систем управления фермой, адаптированных к работе в условиях слабого интернета, интегрированных с государственными системами и ориентированных на безопасность данных [1].

Ещё одно перспективное направление – развитие логистики и глубокой переработки внутри страны. Речь идёт о создании региональных сетей приемки, хранения и переработки сельхозсырья, например, для производства растительного белка, крахмала или фруктовых пюре. Это увеличивает маржу фермеров и сокращает издержки на транспортировку.

Кроме того, обеспечение энергетической автономии хозяйств через установку солнечных панелей, ветрогенераторов и биогазовых установок не только снижает операционные расходы, но и защищает от колебаний цен на топливо и перебоев в сетях, предлагая модель бизнеса по принципу «Энергосервис для фермы».

Развитие органического земледелия, ориентированного на требовательного внутреннего потребителя и растущие рынки Востока, наряду со строительством высокотехнологичных тепличных комплексов замкнутого цикла на отечественном семенном материале, представляет собой стратегический ответ на вызовы продовольственного суверенитета и климатической изменчивости.

Однако данные направления отличаются не только высокой капиталоёмкостью начальных вложений, но и длительными сроками окупаемости, а также необходимостью привлечения узкоспециализированных знаний в области агробиологии, инженерии и цифрового управления. В этих условиях именно государство, выступая ключевым партнёром и страхующим риски инвесторов, обеспечивает критически важный импульс для развития.

Его поддержка носит комплексный характер: помимо прямого финансирования через грантовые механизмы, льготное кредитование и адресные федеральные программы, создаётся полноценная инновационная инфраструктура. Речь идёт о предоставлении предпринимателям доступа к уникальному оборудованию, испытательным полигонам и экспертной базе инжиниринговых центров, технологических парков и промышленных кластеров, созданных на базе ведущих университетов.

Это позволяет не только разделить финансовое бремя, но и ускорить цикл «исследование-внедрение», обеспечивая быстрый переход от лабораторной разработки к коммерчески успешному агротех-продукту. Для апробации инноваций создаются специальные правовые режимы, «регуляторные песочницы», позволяющие тестировать новые технологии в реальных условиях. Кроме того, государственный заказ и офсетные контракты формируют устойчивый спрос на отечественные компоненты, обязывая крупные агрохолдинги обеспечивать долю локализации.

Однако, даже при наличии развитой поддержки, предпринимателю необходимо учитывать ряд системных вызовов. Для минимизации риска срывов цепочек поставок стратегией является диверсификация партнёров на страны Азии и

Ближнего Востока, а также сотрудничество с отечественными микроэлектронными предприятиями.

Для решения проблемы нехватки квалифицированных кадров эффективно партнёрство с аграрными и техническими вузами для создания целевых образовательных программ. Чтобы снизить риски, связанные с высокой капиталоёмкостью проектов, рекомендуется активнее использовать инструменты государственно-частного партнёрства и венчурного финансирования.

Жизнеспособность описанной модели – синергии предпринимательской инициативы, технологий и господдержки – наглядно демонстрирует практический кейс перехода от санкций к суверенитету. Речь идёт о проекте по созданию первого российского робота-патрульного для виноградников.

Проблема зависимости отрасли от дорогого импорта средств защиты и ручного труда была решена разработкой электроробота на гусеничном ходу с компьютерным зрением на отечественном процессоре. Успеху способствовали грант по программе «Импортозамещение в АПК», пилотный проект в Крыму и интеграция с российской метеостанцией. В результате затраты на защиту растений удалось снизить на 40%, повысить качество урожая и получить полный технологический контроль.

Таким образом, санкции кардинально изменили правила игры. Сегодня предприниматель в АПК – это не просто бизнесмен, а создатель национальной технологической экосистемы, чей успех измеряется не только прибылью, но и вкладом в продовольственную безопасность и суверенитет страны.

Формула этого успеха – в сочетании технологической смелости, глубокого понимания агрономии, умения использовать меры государственной поддержки и постоянного фокуса на практическую пользу фермеру. Самые востребованные проекты будут рождаться на стыке дисциплин: робототехники и биологии, цифровых технологий и энергетики, глубокой переработки и логистики. Начинать можно с малого – с консалтинга, локальной франшизы или сервиса по модернизации техники.

Устойчивое развитие в условиях санкций – это стратегический императив, и именно предприниматели, способные превратить вызовы в инновации, станут архитекторами нового, суверенного и процветающего АПК России [2].

Список источников

1. Проблемы реализации импортозамещения: региональный аспект: материалы межвузовской научно-практической конференции, Омск, 25 мая 2023 года / Омский государственный технический университет. – Омск: Омский государственный технический университет, 2023. – 116 с. – ISBN 978-5-8149-3684-4. – EDN FPRMFO.

2. Моисеев, В. В. Санкции и их влияние на экономику современной России: учебное пособие / В. В. Моисеев. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: ООО «Директ-Медиа», 2024. – 472 с. – ISBN 978-5-4499-4020-9. – EDN SEZPCJ.

УДК 657.6

Роль внутреннего аудита в обеспечении устойчивого развития предпринимательских структур в России

Квартникова Анна Олеговна
студент, Липецкий филиал РАНХиГС,
kvartnikova.anna@mail.ru
Колесников Виктор Викторович
доцент, Липецкий филиал РАНХиГС,
SPIN-код: 176-2596, wwkolesnikoff@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль внутреннего аудита в обеспечении устойчивого развития предпринимательских структур в России. Анализ основан на обобщении практических кейсов 2020–2025 гг., где финансовые нарушения выявлялись в ходе внутренних проверок. Показано, что внутренний аудит способствует повышению прозрачности и снижению рисков корпоративного мошенничества. Обоснована необходимость создания штатных служб внутреннего аудита и применения цифровых аналитических инструментов.

Ключевые слова: внутренний аудит, устойчивое развитие, предпринимательские структуры, внутренний контроль, управление рисками, экономическая безопасность.

В эпоху устойчивого развития предпринимательства и трансформации экономических процессов особое значение приобретает способность предпринимательских структур обеспечивать долгосрочную финансовую устойчивость, прозрачность деятельности и эффективное управление рисками [1]. Для организаций среднего и крупного бизнеса устойчивое развитие предполагает не только достижение экономических результатов, но и формирование механизмов внутреннего контроля, направленных на предотвращение финансовых нарушений и обеспечение ответственного корпоративного управления [2].

Внутренний аудит является независимой и объективной деятельностью, ориентированной на оценку эффективности системы внутреннего контроля, управления рисками и бизнес-процессов организации (Ефимова О.В., 2020). В отличие от внешнего аудита, внутренний аудит функционирует на постоянной основе и позволяет своевременно выявлять отклонения, нарушения и потенциальные угрозы, способные негативно повлиять на устойчивое развитие предпринимательских структур [1].

Анализ практики российских компаний в контексте устойчивого развития предпринимательства показывает, что в период 2020–2025 гг. внутренний аудит всё чаще используется в организациях среднего и крупного бизнеса как инструмент повышения финансовой дисциплины, контроля за использованием ресурсов и оценки надёжности контрагентов. Вместе с тем даже в крупных предпринимательских структурах функции внутреннего аудита нередко реализуются формально либо недостаточно интегрированы в систему корпоративного управления, что снижает эффективность управления рисками и повышает вероятность корпоративного мошенничества.

Практическая часть исследования основана на анализе конкретных кейсов выявления финансовых нарушений, опубликованных в официальных источниках. Так, в Государственной корпорации «Роскосмос» (г. Москва) хищение более 600 млн руб. при реализации оборонного заказа в Научно-испытательном центре ракетно-космической промышленности было выявлено в результате совместной проверки службы внутреннего аудита и подразделений экономической безопасности корпорации [6]. В коммерческой оптовой компании г. Москвы внутренняя проверка бухгалтерских и банковских операций позволила обнаружить недостачу свыше 70 млн руб., связанную с неправомерными финансовыми операциями сотрудников [5]. В региональной практике (г. Сатка, Челябинская область) внутренний аудит выявил фиктивные начисления заработной платы главным бухгалтером на сумму около 5 млн руб., а в торговой компании г. Хабаровска внутренняя ревизия позволила установить хищение денежных средств в размере 1 млн. 385 тыс. руб. [4, 7].

Приведённые примеры демонстрируют, что независимо от масштаба и отраслевой принадлежности организаций наиболее уязвимыми зонами остаются бухгалтерский учёт, расчёты с персоналом, движение денежных средств и контрактная деятельность. Во всех рассмотренных случаях именно внутренний аудит и внутренние проверки стали первичным механизмом выявления нарушений, тогда как внешние контрольные органы подключались уже после фиксации фактов мошенничества. Тем самым внутренний аудит выполняет не только контрольную, но и стратегическую функцию, способствуя устойчивости бизнеса и предотвращению угроз его долгосрочному развитию.

В условиях перехода предпринимательства к модели устойчивого развития особую значимость приобретает развитие внутреннего аудита как инструмента долгосрочного управления рисками. Формирование штатных служб внутреннего аудита, обладающих организационной независимостью и подчинённых высшему уровню управления, позволяет повысить эффективность внутреннего контроля. Дополнительным фактором является внедрение риск-ориентированного подхода и использование цифровых технологий, включая инструменты анализа больших данных (Big Data). Применение аналитики позволяет выявлять аномалии в финансовых потоках, нетипичные транзакции и повторяющиеся схемы нарушений, что способствует снижению финансовых и репутационных рисков [3].

Экономическая эффективность внутреннего аудита проявляется в предотвращении финансовых потерь, повышении качества управленческих решений и укреплении доверия заинтересованных сторон, что напрямую влияет на устойчивое развитие предпринимательских структур среднего и крупного бизнеса.

Проведённое исследование подтверждает, что в эпоху устойчивого развития предпринимательства внутренний аудит становится одним из ключевых инструментов обеспечения долгосрочной устойчивости предпринимательских структур в России. Практика выявления финансовых нарушений показывает, что именно внутренние проверки позволяют своевременно обнаруживать риски корпоративного мошенничества и минимизировать их последствия. Развитие штатных служб внутреннего аудита и внедрение современных аналитических инстру-

ментов формируют основу для повышения прозрачности, финансовой устойчивости и ответственного корпоративного управления в организациях среднего и крупного бизнеса.

Список источников

1. Аренс, А. А. Аудит: учебник для вузов / А. А. Аренс, Дж. К. Лоббек. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. – 672 с. – ISBN 978-5-238-03343-9.

2. Ефимова, О. В. Внутренний аудит и контроль в системе корпоративного управления: учебное пособие / О. В. Ефимова. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 256 с. – ISBN 978-5-16-013480-7.

3. Ковалев, В. В. Финансовый контроль и внутренний аудит : учебное пособие / В. В. Ковалев. – Москва: Проспект, 2022. – 304 с. – ISBN 978-5-392-35592-4.

4. Бухгалтер присвоила 1,385 млн рублей из кассы фирмы в // AmurMedia. [Электронный ресурс]. URL: https://amurmedia.ru/news/2253069/ (Дата обращения: 13.12.2025).

5. Бухгалтер столичной компании уличена полицией в мошенничестве на сумму свыше 70 млн руб. // МВД Медиа. [Электронный ресурс]. URL: https://mvdmedia.ru/news/operativnye-novosti/bukhgalter-stolichnoy-kompanii-ulichena-politsiey-v-moshennichestve-na-summu-svyshe-70-mln-rubley/ (Дата обращения: 14.12.2025).

6. В громком уголовном деле о хищении у госкорпорации «Роскосмос» более 600 млн руб. появился новый фигурант // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5317771 (Дата обращения: 15.12.2025).

7. В Челябинской области бухгалтер присвоила около 5 млн рублей // Pchela.news. [Электронный ресурс]. URL: https://pchela.news/news/detail/45826 (Дата обращения: 13.12.2025).

УДК 658

Проблематика принятия обоснованных управленческих решений на основе данных в условиях малого предпринимательства

Крайнова Алёна Сергеевна
студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
alena.kraynova.13@mail.ru
Бобровникова Виктория Владимировна
студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
viktoriashamsheeva2005@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы принятия обоснованных управленческих решений в условиях малого предпринимательства. Анализируется текущее состояние малого бизнеса в России и приводится соответствующая статистика. Выявлены ключевые факторы, снижающие эффективность управленческих решений. В качестве решения предлагается внедрение системы KPI в сочетании с цифровыми аналитическими инструментами. Проведен сравнительный анализ цифровых платформ.

Ключевые слова: малый бизнес, управленческие решения, KPI, цифровизация, бизнес-процессы.

Малый бизнес представляет собой один из ключевых сегментов экономической системы современного развитого или развивающегося государства. Именно данный сектор экономики становится драйвером развития и появления новых товаров и услуг на рынке. В настоящее время развитие малого бизнеса становится приоритетом как государственной, так и региональных политик. Это в свою очередь способствует расширению перечня мер поддержки субъектов малого предпринимательства, а также значительно упрощает процедуры ее получения. По данным Федеральной Налоговой службы, на начало 2025 года в России насчитывается 226,6 тыс. зарегистрированных предприятий малого бизнеса. При этом впервые после пандемии COVID-19 наблюдается рост не только количества, но и доли малого бизнеса в общем числе предприятий. Данные представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Динамика малых предприятий в России в 2019-2025 гг.

Особо значимый скачок роста численности малых предприятий наблюдается в 2025 году. Это в свою очередь вызвано активным внедрением и совершенствованием государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. Однако, в Российской Федерации наблюдается снижение доли малых предприятий. Данные представлены на рисунке 2.

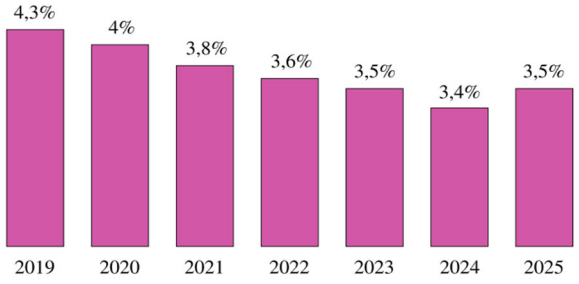

Рисунок 2 – Доля малого бизнеса в России в 2019-2025 гг.

По статистике на 2025 год количество малого бизнеса в России не занимает и 5%. Основную часть «бизнеса» составляет микробизнес. Малый бизнес имеет низкий процент выживаемости в нашей стране. Исследователи отмечают, что большинство малых предприятий сталкиваются с высокими рисками закрытия. На это могут влиять следующие факторы: отсутствие структурированной информации в компании; человеческий фактор и зависимость от эмоций; отсутствие единой системы мотивации сотрудников; отсутствие четко определенных целей.

В условиях современной экономики влияние данных факторов можно минимизировать за счет активного внедрения искусственного интеллекта в деятельность предприятий и перевода большего числа производственных процессов в формат цифровизации. Цифровые технологии помогают собирать точные, актуальные и релевантные данные. Одним из инструментов по повышению эффективности процедуры принятия управленческих решений является внедрение системы KPI с цифровой аналитикой данных. KPI (Key Performance Indicator) – это ключевые показатели эффективности, выраженные в цифрах или процентах [3]. Они позволяют объективно оценивать результаты работы компании, подразделения или отдельных работников.

Внедрение цифровых программ по аналитике KPI позволит менеджерам компаний минимизировать влияние человеческого фактора, ускорить работу для вычисления ключевых показателей эффективности и упростить алгоритм их расчета. Существует множество инструментов для аналитики и автоматизации расчета основных показателей эффективности. Ключевые из них представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнение цифровых программ по аналитике KPI

Название платформы	**Стоимость внедрения**	**Размер бизнеса**	**Достоинства**	**Недостатки**
Google Looker Studio	Бесп.	Малый и средний бизнес	Интеграция с сервисами; совместная работа и отчеты в онлайн-режиме	Низкая скорость работы с большими объемами данных; сложность в освоении
Битрикс24	109000 руб. за 12 чел.	Универс. платформа	Интеграция с сервисами; широкий набор функций	Сложность в освоении; стоимость платных тарифов
amoCRM	499-1599 руб. в месяц за чел.	Малый и средний бизнес, стартапы	Легкость внедрения; удобный функционал	Недостаточный функционал
1С	10000 руб. – 10 млн. руб.	Универс. платформа	Удобный интерфейс; адаптация под отечественные предприятия;	Обучение персонала; сложность настройки;

Проведенное исследование показало, что выбор оптимальной программы определяется спецификой организационных условий и предполагает предварительный анализ имеющихся на рынке продуктов под требования предприятия.

Внедрение системы KPI в деятельность субъектов малого предпринимательства имеет ряд преимуществ [1]: четкое разграничение коллективной и индивидуальной ответственности; расчет премии сотрудника с привязкой к его личным достижениям; выделение личного вклада каждого сотрудника; дополнительная система мотивации. Однако в ряде случаев внедрение системы KPI может привести к отрицательным результатам и крупным убыткам для компании. Рассмотрим некоторые случаи, когда система будет неэффективна [3]: несоответствие системы KPI целям компании; чрезмерная стандартизация рабочих процессов, без учета индивидуальных характеристик предприятия; выделение в качестве KPI показателей, не зависящих от результатов деятельности сотрудников; постоянные изменения KPI; взаимозависимость всех показателей друг от друга.

Таким образом, можно сказать, что внедрение системы KPI на основе цифровых платформ в деятельность субъектов малого бизнеса – необходимый элемент их адаптации к современным вызовам. Однако, перед внедрением любого программного продукта, необходим тщательный и глубокий анализ.

Список источников

1. Тангалычева, Р. К. Влияние применения инструментов цифровизации на процесс принятия решений в малом предпринимательстве / Р. К. Тангалычева, Н. И. Даудрих // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 6. – С. 36-40.

2. Лучшие инструменты для оценки KPI: автоматизация, сравнение и советы по выбору // Convert Monster. [Электронный ресурс]. URL: https://convertmonster.ru/blog/marketing-blog/luchshie-instrumenty-dlya-oczenki-kpi-avtomatizacziya-sravnenie-i-sovety-po-vyboru/ (дата обращения: 07.11.2025).

3. KPI: плюсы, минусы нюансы внедрения // GeekBrains. [Электронный ресурс]. URL: https://gb.ru/blog/kpi/ (дата обращения: 18.11.2025).

УДК 334

Инструменты поддержки молодежного научного предпринимательства в условиях устойчивого развития экономики

Купрякова Анастасия Владимировна
ассистент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
SPIN-код: 6099-6568, kupryakova.a@unecon.ru

Аннотация: статья посвящена исследованию роли молодежного научного предпринимательства в устойчивом развитии экономики. Автором рассмотрены существующие инструменты поддержки молодых ученых и предпринимателей. Сделаны выводы о ключевых проблемах и предложены рекомендации по оптимизации действующей системы поддержки.

Ключевые слова: молодежное научное предпринимательство, инструменты поддержки, устойчивое развитие, конкурентоспособность экономики, бизнес.

Молодежное научное предпринимательство выступает в роли неотъемлемого элементы устойчивого развития современной экономики. Оно способствует формированию креативного потенциала государства, стимулирует процесс технологического обновления и обеспечивает рост конкурентоспособности национальной экономики. Одним из важнейших аспектов является вклад молодежного научного предпринимательства в диверсификацию экономики, поскольку именно молодое поколение чаще всего ориентировано на разработку уникальных технологий, нестандартных решений и принципиально новых отраслей. В последние годы все более активно развивается инструментарий поддержки научных бизнес-инициатив молодого поколения, формируются масштабные экосистемы, целью которых является всесторонняя помощь начинающим предпринимателям в развитии их проектов.

Инструменты финансовой поддержки включают государственные гранты [3], реализуемые фондами типа Фонда содействия инновациям и Российского научного фонда, субсидии по процентным ставкам кредита, предлагаемые партнерами-банками, налоговые послабления для стартапов в области науки и технологий, а также проекты частно-государственного партнерства.

Институциональная поддержка молодежного научного предпринимательства осуществляется через формирование инфраструктуры технопарков и инновационных кластеров, создающих благоприятные условия для технологических разработок и коммерциализации научных идей [1]. Важнейшими элементами данной поддержки становятся центры защиты интеллектуальной собственности, обеспечивающие упрощенную процедуру патентования и повышение правовой защищенности авторских прав, а также образовательные программы, формирующие профессиональные компетенции молодых исследователей и предпринимателей.

Информационная и консультационная помощь в сфере молодежного научного предпринимательства обеспечивается через создание платформ открытого доступа к результатам научных исследований, проведение программ наставничества, организуемых опытными профессионалами, а также регулярное проведение конференций, выставок и ярмарок проектов, направленных на демонстрацию инновационных разработок молодежи инвесторам и заинтересованным партнерам [2].

Социальная мотивация и популяризация молодежного научного предпринимательства реализуются через систему государственных и общественных премий, конкурсы и стипендии, поддерживающие талантливых молодых ученых и поощряющие успешные проекты. Важную роль играют мероприятия, привлекающие широкую аудиторию к участию в волонтерских инициативах и социальным проектам, а также активная работа по повышению престижа научной карьеры и предпринимательской деятельности среди молодежи, осуществляемая через масс-медиа и специализированные события.

В таблице 1 представлена сравнительная характеристика рассмотренных инструментов.

Таблица 1 – Инструменты поддержки
молодежного научного предпринимательства

Инструмент	**Вид**	**Преимущества**	**Недостатки**	**Особенности в России**
Гос. гранты	Фин.	Финансирование на безвозмездной основе	Ограниченный объем, сроки и отчетность	Широкая география
Субс. кредитов	Фин.	Льготные условия, снижение кредитной нагрузки	Сложность оформления документации	Участие крупных банками
Налоговые льготы	Фин.	Снижение издержек бизнеса	Длительный срок, сложность оформления	Региональный уровне
ГЧП	Фин. + инст.	Объединение ресурсов	Длительный согласовательный процесс	Уровень взаимного доверия структур
Технопарки и кластеры	Инст.	Предоставление дорогостоящей инфраструктуры	Высокие издержки на аренду помещений	Наличие региональных особенностей
Патентование и защита ИС	Инст.	Гарантированная собственность на результаты	Издержки и длительность процедуры	Несовершенство правовой системы
Образов. программы	Инст.	Подготовка специалистов в области науки и бизнеса	Недостаточная прикладная ориентация	Широко распространяется в университетах
Платформы научных данных и МСП	Инф.	Быстрый доступ к данным и услугам	Большой объем данных, требующих анализа и проверки	Активное развитие, недостаточный охват
Бизнес-настав-во	Конс.	Передача опыта и знаний	Нехватка квалифицированных наставников	Малый охват регионов
Конференции, выставки и ярмарки	Инф.	Возможность продвижения, нетворкинг	Большие временные и ресурсные затраты	Большая доля онлайн-мероприятий
Награды и премии	Соц. + поп	Признание заслуг, продвижение проектов	Небольшой размер выплат, сложность отбора	Процедуры отбора университетами и высшими органами власти
Вовлечение обществ.	Соц. + поп	Общ. интерес, нетворкинг	Слабая координация недостаточная цифровизация	Широкий охват институтов и структур
Повышение престижа	Поп.	Укрепление имиджа науки и бизнеса	Долгосрочные результаты	Национальные кампании

Анализ выявил существенное разнообразие инструментов поддержки молодежного научного предпринимательства в России. Наиболее заметными недостатками стали ограниченная емкость государственных грантов, несмотря на их

ключевую роль в обеспечении начальных вложений, сложность документооборота, связанная с налоговыми льготами и кредитованием, низкий темп согласования контрактов в рамках модели частно-государственного партнерства, дороговизна эксплуатации инфраструктуры технопарков и инновационных кластеров, недостаток практической направленности образовательных программ и нерегулярный охват мероприятий по популяризации науки и предпринимательского духа.

Однако даже при таком множестве доступных инструментов наблюдается фрагментарность и отсутствие интегративной стратегии, объединяющей разные элементы в единое целое. Таким образом, существует необходимость в формировании целостного механизма поддержки, подразумевающего усиленную интеграцию и кооперацию между субъектами, усовершенствование порядка распределения грантов, сокращение административной нагрузки и обеспечение равных возможностей доступа к ресурсам и сервисам информационной поддержки. Данные шаги позволят создать благоприятные условия для активизации и устойчивого роста молодежного научного предпринимательства в России.

Список источников

1. Поддержка молодых предпринимателей в 2025 году // Контур. [Электронный ресурс]. URL: https://kontur.ru/articles/1137 (Дата обращения: 25.01.2026).

2. Что способствует развитию молодежного предпринимательства // Мой бизнес. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--76-9kcqjffxnf3b.xn--p1ai/news/chto-sposobstvuet-razvitiyu-molodezhnogo-predprinimatelstva/ (Дата обращения: 25.01.2026).

3. Какая существует поддержка молодых предпринимателей в 2025 году? // ENDORPHIN. [Электронный ресурс]. URL: https://stm-endorphin.ru/articles/kakaya-sushchestvuet-podderzhka-molodykh-predprinimateley-v-2025-godu (Дата обращения: 25.01.2026).

УДК 347.78

Регулирование нейросетей в авторском праве

Бабичева Софья Валерьевна
студент, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал)
Донского государственного технического университета в г. Шахты,
babicheva.nauka@gmail.com

*Аннотация. С*тремительное развитие технологий искусственного интеллекта ставит новые вызовы перед авторским правом. В фокусе дискуссии – вопросы установления правообладателя на контент, созданный нейросетью, и допустимость использования охраняемых произведений для обучения алгоритмов. Участники обсудят возможные модели правового регулирования, направленные на баланс интересов правообладателей, разработчиков ИИ и общества.

Ключевые слова: нейросети, авторское право, искусственный интеллект, правообладатель, правовое регулирование.

Регулирование нейросетей в авторском праве представляет собой одну из наиболее сложных и актуальных правовых проблем современности. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта, способных генерировать тексты, изображения, музыку и иной контент, опережает формирование адекватной правовой базы, создавая значительную неопределённость для авторов, правообладателей, разработчиков и пользователей. Центральными вопросами становятся установление авторства на результаты, созданные с участием ИИ, правомерность использования охраняемых произведений для обучения моделей, а также выстраивание эффективного баланса между стимулированием инноваций и защитой классического творческого труда. Разрешение этих коллизий требует комплексного анализа существующих правовых доктрин, сравнительного изучения формирующейся международной практики и разработки новых юридических конструкций.

Ключевой правовой дилеммой является вопрос о признании авторских прав на контент, сгенерированный нейросетью. Согласно устоявшимся принципам, например, в российском законодательстве, автором признаётся гражданин, творческим трудом которого создано произведение [1, с. 3]. При этом сам результат должен быть продуктом творческой деятельности и иметь объективную форму. Нейросеть, будучи инструментом, не может считаться субъектом права, что порождает дискуссии о том, кто в данном случае может быть признан автором: разработчик алгоритма, пользователь, сформулировавший запрос, или же такой результат вообще не охраняется. Российские эксперты отмечают, что для возникновения авторских прав принципиальное значение имеет степень творческого участия человека. Если пользователь ограничился простым запросом и не

вносил творческой доработки в результат, его вклад признаётся минимальным, и шансы на защиту такого объекта авторским правом крайне низки. Однако если оператор нейросети активно управлял процессом генерации, задавая детальные параметры, комбинируя результаты и осуществляя последующую творческую обработку, его вклад может быть признан достаточным для возникновения прав [2, с. 17]. Аналогичные подходы формируются и в международной практике. Так, Ведомство по авторскому праву США в своём отчёте указывает, что произведения, созданные ИИ без творческого вмешательства человека, не подлежат охране авторским правом. Таким образом, тренд заключается не в признании авторства за ИИ, а в тщательной оценке творческой роли человека, использующего ИИ в качестве сложного инструмента, подобного фотоаппарату или графическому редактору [3, с. 53].

Не менее острой является проблема использования охраняемых авторским правом произведений для обучения нейросетей. Для эффективного функционирования генеративные модели требуют обработки огромных массивов данных, включая тексты, изображения и музыкальные композиции, часто без получения прямого разрешения от правообладателей. Это приводит к массовым судебным спорам [4, с. 80].

Таблица 1 – Сравнительные подходы к регулированию авторского права в сфере ИИ в разных юрисдикциях

Юрисдикция	**Подход к авторству на результат ИИ**	**Подход к обучению ИИ на защищённом контенте**	**Законодательные инициативы**
Россия	Признаётся при значительном творческом вкладе человека. Требуются поправки в ГК РФ.	Отсутствует прямое регулирование. Обсуждается введение исключений и механизмов компенсации.	Проект закона об ИИ с классификацией по рискам, поправки к ст. 1259 ГК РФ.
США	Охрана не предоставляется при отсутствии творческого участия человека	Доктрина «добросовестного использования», оцениваемая судами в каждом случае	Требует прозрачности данных обучения, защита голоса и имиджа
Китай	Возможна охрана при творческом вкладе (судебный прецедент)	Требуется соблюдение законов об ИС, возможно лицензирование	Жёсткое регулирование, обязательное лицензирование алгоритмов и контроль контента

Таким образом, формирование правового регулирования нейросетей в сфере авторского права находится на начальном, но активном этапе. Основным вектором развития является не создание абсолютно новых правовых режимов «для ИИ», а адаптация и уточнение классических принципов авторского права к новым технологическим реалиям [5, с. 119]. Будущая эффективность регулирования будет зависеть от способности законодателя найти тонкий баланс между

несколькими критически важными целями: защитой прав и экономических интересов традиционных создателей контента, обеспечением правовой определённости и стимулов для разработчиков инновационных технологий, а также поддержанием свободы творчества и доступа к знаниям для общества в целом. Основной рекомендацией для решения данной проблемы является, в первую очередь, система лицензирования, которая помогла бы сохранить возможность технологического развития, не нарушая при этом авторского права. Кроме того, рекомендуется адаптировать классическую систему авторского права под стремительно развивающийся искусственный интеллект, например, считать создание контента искусственным интеллектом не простым единичным действием, а полноценным творческим процессом. Необходимо переосмыслить и дополнить современную систему авторского права, а не полностью от нее избавляться.

Список источников

1. Амирова, М. Г. Регулирование генеративного ИИ: авторские права на контент, созданный нейросетями // М. Г. Амирова, Б.Г. Абакарова. – 2025. – №5. – С. 1-8.

2. Павлов А.И. Искусственный интеллект и авторское право: новые вызовы для правовой системы / А.И. Павлов // Право интеллектуальной собственности. – 2023. – № 3. – С. 15-28.

3. Петрова М.В. Проблемы правового регулирования создания произведений с использованием технологий машинного обучения / М.В. Петрова, С.Н. Кузнецов // Вестник гражданского права. – 2024. – № 2. – С. 45-67.

4. Пономарев В.С. Субъекты авторского права в эпоху цифровых технологий: традиционные подходы и новые реалии / В.С. Пономарев // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 8. – С. 78-91.

5. Орлов Д.А. Охрана интеллектуальных прав на произведения, созданные искусственным интеллектом: сравнительно-правовой анализ / Д.А. Орлов // Журнал российского права. – 2024. – № 1. – С. 112-125.

УДК 349

Сервитут как ограниченное вещное право: проблемы защиты в земельно-правовых отношениях

Григорьев Никита Евгеньевич
студент, Курский государственный университет,
franzbtw@vk.com

Аннотация. В работе выявлены системные противоречия в защите сервитута, проистекающие из его дуалистичной (частно-публичной) природы и несовершенства законодательной конструкции. Доказывается, что ключевой проблемой является отсутствие в российском праве специального вещного иска (конфессорного), что делает защиту прав сервитуария фрагментарной и неэффективной. Анализируются коллизии,

связанные с оценочными категориями «нуждаемости» и «соразмерного вознаграждения», а также правовые риски, вызванные неопределенностью в наследовании сервитута.

Ключевые слова: сервитут, защита вещных прав, конфессорный иск, законодательные пробелы, нуждаемость, соразмерное вознаграждение, наследование сервитута.

Современный российский сервитут, сохраняя классическую вещно-правовую сущность (абсолютный характер, право следования), функционирует как комплексный институт на стыке частного и публичного права. Его двойственная природа, выражающаяся в разделении сервитута на частный (для нужд конкретного лица) и публичный (для общественных интересов), провоцирует системные противоречия в вопросах обеспечения защиты прав сервитуария.

Сервитут занимает уникальное место в системе вещных прав как «минимальное» обременение, предоставляющее лишь конкретное правомочие пользования (например, прохода), но не владения. Эта специфика изначально делает малопригодными классические вещные иски, сконструированные для защиты права собственности, предполагающего полноту господства.

Вследствие этого основная проблема заключается в отсутствии в российском законодательстве специального вещного иска для защиты ограниченного права пользования – конфессорного иска (лат. actio confessoria). Классические вещные иски малопригодны: виндикационный иск (ст. 301 ГК РФ) неприменим, так как сервитут не включает владение. Подача негаторного иска (ст. 304 ГК РФ), как считают С. А. Зинченко и В. В. Галова, представляется невозможной, поскольку в основе негаторного иска лежит противопоставление прав владельца и деятельности несобственника [1, с. 172]. На практике этот пробел заполняется исками о признании права (на основании ст. 12 ГК РФ), что ведет к правовой неопределенности, усугубляемой необходимостью доказывания земельно-учетных характеристик [2]. Защита также затруднена при столкновении частного сервитута с публично-правовыми ограничениями (например, при установлении публичного сервитута, изменении вида разрешенного использования), где гражданские механизмы неэффективны.

Правоприменительные коллизии возникают при реализации ключевых условий установления и осуществления сервитута. Понятие «нуждаемости» (ст. 274 ГК РФ), сохраняя оценочный характер, получило в современной судебной практике новое наполнение. Отказ от его упрощенного толкования демонстрирует, например, дело Семилукского районного суда (№ 2-26/2025). В настоящее время суды проводят комплексный анализ, опираясь на данные строительно-технической экспертизы, чтобы избрать вариант сервитута, который является наименее обременительным для собственника служащего участка. Такой подход позволяет реализовать принцип баланса интересов и наименьшего обременения (п. 8 ст. 23 ЗК РФ) [3]. Таким образом, сегодня критерий «нуждаемости» фактически означает необходимость обоснования единственно разумного способа защиты прав сервитуария.

Неопределенность в регулировании также характерна для другого ключевого понятия – «соразмерное вознаграждение» (п. 5 ст. 274 ГК РФ, п. 12 ст. 23 ЗК).

Законодатель не устанавливает четкого алгоритма его определения, что вынуждает правоприменителя формировать этот механизм самостоятельно. На примере дела Синарского районного суда (№ 2-34/2025) видно, как суд, для установления размера платы выстраивает многоступенчатую процедуру. Она включает установление правового основания, обращение к разъяснениям ВС РФ, назначение экспертизы для учета кадастровой стоимости, площади и характера ограничений [4]. Подобный подход, по сути заменяющий нормативное регулирование, указывает на необходимость законодательной стандартизации расчетных принципов.

Проблема наследования сервитутов остается неразрешенной как в теории, так и на практике. Противоречия возникают из-за двойственной природы сервитута: это вещное право, следующее за господствующим участком (ст. 275 ГК РФ), но одновременно выступает как субъективное имущественное право пользования. Наследованию подлежит именно это право, обременяющее чужую вещь в интересах своей, переходящей к наследнику. Поэтому отказ в наследовании, мотивированный «следованием за вещью», является логическим и правовым противоречием. Подобная неопределенность негативно влияет на государственную регистрацию в ЕГРН, создавая риски для добросовестных приобретателей.

На основании проведенного исследования предлагаются следующие меры по совершенствованию законодательства, направленные на формирование сбалансированного и предсказуемого правового режима сервитутов:

1. Введение конфессорного иска. В ГК РФ (раздел II, гл. 20) необходимо включить специальную норму о праве сервитуария предъявлять иск о признании и осуществлении сервитута. Его предметом должно быть подтверждение права и устранение любых препятствий в его осуществлении.

2. Конкретизация земельно-правовых критериев. Ст. 23 ЗК РФ следует дополнить, указав, что при оценке «нуждаемости» учитывается экономическая и хозяйственная целесообразность альтернатив с учетом целевого назначения участка. Также необходимо закрепить принципы определения вознаграждения с обязательной привязкой к кадастровой стоимости и характеру ущерба.

3. Урегулирование вопросов правопреемства и регистрации. В Федеральном законе «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 №218-ФЗ требуется четко прописать порядок внесения в ЕГРН записи о переходе права сервитута по наследству.

4. Введение приобретательной давности для сервитутов. Целесообразно дополнить ст. 274 ГК РФ новым основанием возникновения – открытым, добросовестным и непрерывным пользованием чужим участком в качестве сервитута в течение 15 лет (по аналогии со ст. 234 ГК РФ). Это стабилизирует сложившиеся земельные отношения.

5. Установление в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации или Земельном Кодексе Российской Федерации обязательного досудебного порядка урегулирования спора об установлении сервитута. Закрепить обязанность потенциального сервитуария направить собственнику служащего участка проект соглашения об установлении сервитута до обращения в суд. Для публичных сервитутов аналогично ввести обязанность уполномоченного органа по пер-

сонифицированному уведомлению правообладателей. Это не только формализует досудебную процедуру, но и заставит истца четко сформулировать предмет, условия и размер вознаграждения, что объективно облегчит и судебное разбирательство.

Реализация данных мер позволит устранить ключевые пробелы, обеспечить эффективную защиту вещных прав и способствовать рациональному и устойчивому использованию земель – основной цели земельного законодательства (п. 1 ст. 1 ЗК РФ).

Список источников

1. Слепенюк, Ю. Н. Сервитутное право: основания возникновения и проблемы защиты : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Слепенок Юлия Николаевна. – Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации. – Москва, 2015. – 210 с.

2. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466/ (дата обращения: 19.12.2025).

3. Решение Семилукского районного суда Воронежской области от 29.04.2025 по делу № 2-26/2025 // Sudact. [Электронный ресурс]. URL: //sudact.ru/regular/doc/kWzKLmAbJ3l1/ (дата обращения: 19.12.2025).

4. Решение Синарского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области от 25.02.2025 по делу № 2-34/2025 // Sudact. [Электронный ресурс]. URL: // sudact.ru/regular/doc/If0NhQOXeLo4/ (дата обращения: 19.12.2025).

УДК 347.4

О врачебных ошибках в эпоху развития искусственного интеллекта

Жижкун Александра Игоревна
магистрант, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, SPIN-код: 3467-3120, alexasha.m@yandex.ru
Жижкун Илья Константинович
независимый исследователь, zhizhkun2001@yandex.ru

Аннотация. В статье дается общая характеристика соглашения в сфере применения искусственного интеллекта (ИИ), приводятся результаты анализа практики применения с целью определения границ ответственности. Авторы предлагают возлагать ответственность при возникновении спора по причине допущения ошибки в процессе осуществления профессиональной деятельности на медицинского сотрудника.

Ключевые слова: искусственный интеллект, здравоохранение, врачебная ошибка, экспериментальный режим.

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) понятие искусственного интеллекта раскрывается как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [5].

В рамках данного исследования определяющее значение имеет тот факт, что искусственный интеллект *имитирует* человеческое мышление: в отличие от человеческого, «живого» интеллекта, он представляет собой сложный обучаемый алгоритм, начинающий свою работу с определенного запроса, который формируется не автоматически, а задается извне. В данном смысле следует рассматривать человеческое мышление через призму взаимодействия интеллектуального и волевого аспектов. Интеллектуальный аспект связан с тем, как человек использует свои когнитивные способности в процессе решения той или иной задачи – от анализа до выбора определенного решения. Волевой аспект связан и с возникновением цели мышления (задачи, стоящей перед человеком, вопроса и пр.), и с последующими предпринимаемыми действиями для реализации решения. Так, искусственный интеллект не может являться субъектом права. Определяя границы ответственности при использовании искусственного интеллекта, представляется обоснованным отметить, что в любом случае инициатива исходит от человека, запрограммировавшего или запустившего алгоритм искусственного интеллекта [7, с. 65].

Квалифицируя правоотношения, возникающие в связи с использованием искусственного интеллекта, следует кратко охарактеризовать основу таких правоотношений. Несмотря на доступность использования для обывателя, внедрение таких систем в профессиональных сферах на данный момент не столь распространено. На рынке присутствуют предложения по коммерческому использованию специально разработанных систем под конкретные задачи – сервисы, подразумевающие собой передачу определенного запроса в поле для ввода нейросети. Соглашение по поводу использования данного сервиса, по своей сути, обладает признаками лицензионного соглашения (ст. 1235 ГК РФ). Отметим, искусственный интеллект определяется как программа для электронной вычислительной машины (ЭВМ) по смыслу ст. 1225 ГК РФ [2].

Поскольку вопрос распределения ответственности не уточнен законодателем, авторами был проведен анализ уже представленных на рынке коммерческих программ с искусственным интеллектом. По результатам допустимо прийти к выводу, что на практике ответственность при использовании искусственного интеллекта может быть возложена как на разработчика, т.е. пользователь должен принять на себя полную ответственность по использованию данной программы [6], так и на пользователя [3].

Применительно к теме исследования, следует отметить, что был выявлен только один пример использования искусственного интеллекта в здравоохранении (по смыслу законодательства, искусственный интеллект является медицинским изделием): в соответствии с Постановлением правительства Москвы от

21.11.2019 № 1543-ПП «О проведении эксперимента по использованию инновационных технологий в области компьютерного зрения для анализа медицинских изображений и дальнейшего применения в системе здравоохранения города Москвы» на базе медицинских учреждений запущен проект по внедрению технологий искусственного интеллекта (МосМедИИ) с целью сокращения времени, затрачиваемого для анализа и описания исследований, полученных в процессе функциональной диагностики состояния здоровья пациента [4].

Споры в сфере медицины связаны с причинением вреда здоровью и ненадлежащим качеством, в связи с чем, при применении технологий искусственного интеллекта, могут возникать сложности в части распределения ответственности при допущении врачебной ошибки. Обращаем внимание, что в соглашении об информационно-технологическом взаимодействии между Департаментом здравоохранения города Москвы и Пользователем не предусмотрены положения, определяющие границы ответственности при использовании программы. Не стоит исключать и техническое регулирование в данной сфере, а именно, ГОСТ Р 59921.6-2021 [1]. Исходя из анализа, интерпретация результатов подлежит обязательной проверке врачом соответствующей специальности, т.е. ответственность за неверный ответ ИИ, как и в случае с соглашением о коммерческом использовании таких технологий, лежит непосредственно на пользователе.

Подытоживая вышесказанное, развитие и внедрение систем искусственного интеллекта в различных сферах жизни неизбежно сталкивается с определенными трудностями – как правовыми, так и практическими, связанными со спецификой конкретных общественных отношений. Несмотря на наличие отдельных положений, регулирующих внедрение и использование искусственного интеллекта в национальном законодательстве, по мнению авторов, на практике могут возникают споры. По итогам проведенного анализа представляется возможным сделать вывод, что применение технологий ИИ не исключает ответственности врача при осуществлении своей деятельности, напротив, создает дополнительный фактор риска. Учитывая, что использование подобных технологий на данный момент не повсеместно и реализуется на основании экспериментального режима, отобрать прецеденты в сфере здравоохранения не представляется возможным. Однако, практика может пойти по пути априорного возложения ответственности на медицинского специалиста, как на лицо, принявшее решение по использованию сервиса.

Список источников

1. ГОСТ Р 59921.6-2021 от 2025 г. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Общие требования к эксплуатации // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=45903&dst=100015#EzX8BAV2no1iWOrI (дата обращения: 28.01.2026 г.).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 51-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52. – Ст. 5496.

3. Лицензионное соглашение на использование программы «Нейроюрист» // Yandex. [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/legal/neurolegal_termsofuse/ru/ (дата обращения 28.01.2026).

4. О проведении эксперимента по использованию инновационных технологий в области компьютерного зрения для анализа медицинских изображений и дальнейшего применения в системе здравоохранения города Москвы : постановление Правительства Москвы от 21 ноября 2019 г. № 1543-ПП // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=199832#zVrzFAV4CY9D3Dzq (дата обращения: 28.01.2026 г.).

5. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

6. Соглашение об использовании сервиса GigaChat API по постоплате для корпоративных пользователей // developers.sber. [Электронный ресурс]. URL: https://develo-pers.sber.ru/docs/ru/policies/gigachat-agreement/corporate-clients-beta (дата обращения 28.01.2026).

7. Шахназаров Б.А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. № 9. – С. 64-65. – DOI 10.17803/1994-1471.2022.142.9.063-072. – EDN YOWNJO.

УДК 347.1

Цифровое наследие: особенности правового регулировании перехода цифровых прав

Павлова Дария Андреевна
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, SPIN-код: 2810-4428, pavlova.d@unecon.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых проблем, связанных с переходом цифровых прав в порядке наследования. Исследуется противоречие между формальным отнесением цифровых прав к объектам гражданских прав (ст. 128, 141.1 ГК РФ) и фактическими ограничениями их оборотоспособности, устанавливаемыми правилами информационных систем. В работе выявляются ключевые пробелы в законодательстве, предлагаются пути их преодоления через совершенствование института наследственного права и развитие механизмов «цифрового завещания».

Ключевые слова: цифровое наследие, цифровые права, наследование, информационная система, «цифровое завещание», пользовательское соглашение.

Современный этап развития гражданского оборота характеризуется стремительной цифровизацией и появлением новых видов имущественных благ, зафиксированных в цифровой форме. Введение в отечественное законодательство «цифровых прав» (статья 141.1 ГК РФ) являлось закономерным результатом развития имущественного оборота и цифровых технологий. Однако правовой режим данных объектов остается не до конца определенным, что порождает ряд вопросов в рамках классических цивилистических институтов, в частности, института наследования. Одним из примеров в указанном направлении является сформировавшаяся и получившая в последние годы развитие доктринальная правовая коллизия: с одной стороны, цифровые права отнесены к объектам гражданских прав,

способным переходить к другим лицам в порядке универсального правопреемства, а с другой – их существование и осуществление неразрывно связано с информационными системами, правила которых не содержат норм о наследственном преемстве.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Легальное определение цифровых прав как обязательственных и иных прав, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы (пункт 1 статьи 141.1 ГК РФ), позволяет сделать вывод об их принципиальной способности входить в наследственную массу в качестве имущественных прав.

Исходя из буквальной содержательной составляющей цифровых прав, они представляют собой традиционные субъективные права (преимущественно обязательственного характера), оборот которых осуществляется в цифровой среде. Следовательно, в данном случае наследованию подлежит не сам «цифровой код», а то субъективное право, формой фиксации и средством обращения которого этот код является. Данный подход согласуется с позицией Е. А. Лачиной, согласно которой «наследство включает в себя все права, принадлежащие умершему физическому лицу на использование, доступ и управление цифровыми активами» [2, с. 184]. Основное практическое препятствие для перехода цифровых прав по наследству возникает не на уровне гражданско-правовой доктрины, а на уровне законодательного и договорного регулирования. Правила информационных систем (в том числе пользовательских соглашений), в которых осуществляется учет цифровых прав, зачастую содержат запреты на отчуждение аккаунта, его передачу иным лицам, а также условия о прекращении договора с пользователем в связи с его смертью. Например, положения соглашений крупнейших социальных сетей и игровых платформ сводят права наследников к возможности подачи запроса на удаление аккаунта или его «мемориализацию», полностью исключая возможность входа и управления. Таким образом, возникает своеобразное противоречие: норма абзаца второго пункта 2 статьи 141.1 ГК РФ устанавливает, что осуществление, распоряжение и ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в соответствующей информационной системе, но правила этой системы могут фактически блокировать реализацию императивных норм наследственного права о универсальном правопреемстве. Также, как отмечает А. Н. Быкова, конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни, включая тайну корреспонденции, формируют правовое ограничение для наследования цифровых активов, содержащих личные данные умершего [1, с. 48]. Помимо вышеизложенного, во-первых, интерес представляет вопрос о том, могут ли входить в состав наследства права доступа к аккаунтам (логины, пароли), неразрывно связанные с личностью наследодателя, но являющиеся ключом к осуществлению имущественных цифровых прав. Ведь технически доступ представляет собой конфиденциальную информацию, наследование которой прямо не урегулировано законом. Во-вторых, возникает вопрос о «конфликте» между императивной нормой гражданского законодательства в части наследственного правопреемства и

условием, предусмотренным пользовательским соглашением, запрещающим переход прав третьим лицам. При этом в немногочисленной судебной практике преобладает формальный подход, отдающий приоритет условиям соглашения, что лишает наследников возможности защиты своих интересов [1, с. 50]. Как представляется, для разрешения указанных вопросов следует обратиться к схожим по своим конструкциям нормам ГК РФ, посвященных завещанию средств на банковском счете посредством специального распоряжения и их дальнейшей выдаче наследникам на основании свидетельства (статья 1128 ГК РФ) и нотариальному запросу, предусмотренного для получения сведений о банковских вкладах (ст. 1171 ГК РФ) с целью потенциальной адаптации норм к особенностям цифровых прав. Интересной представляется идея о введении самостоятельного вида распоряжения на случай смерти применительно к цифровым правам и наделения операторов информационных систем обязанностями обеспечить перенесения цифровых прав на основании свидетельства о праве на наследство. Внимание заслуживает предложенный П. А. Непомнящим подход с учетом опыта зарубежных регуляторов, предусматривающий разработку государственной автоматизированной информационной системы цифровых завещаний с использованием технологии централизованного блокчейна, и наделения владельца цифровых прав возможностью указания необходимых для наследования данных [3, с. 337]. При этом следует помнить, что указанные предложения могут быть применимы только в случае создания необходимых нормативных (формирования правовых коллизий и конкуренции норм) и технических условий (недопущения несанкционированного вмешательства третьих лиц, неправомерного раскрытия информации, ненадлежащей аутентификации и проч.).

Подводя итоги, можно сделать вывод, что для обеспечения устойчивого развития цифровой экономики необходима дальнейшая гармонизация законодательства, с установлением примата норм ГК РФ о наследовании над ограничительными условиями пользовательских соглашений в части перехода имущественных (цифровых) прав. Разработка и внедрение специальных процедур, таких как цифровое завещательное распоряжение и удостоверенный нотариальный запрос к оператору, позволят сбалансировать интересы всех участников правоотношений – платформ, пользователей и их правопреемников, обеспечив преемственность прав в цифровую эпоху.

Список источников

1. Быкова, А. Н. Правовой режим наследования цифровых прав в российской Федерации / А. Н. Быкова // Актуальные проблемы науки и практики. – 2025. – № S2. – С. 47-50. – EDN XAXBAI.

2. Лачина, Е. А. К вопросу о совершенствовании правового регулирования наследования цифровых прав / Е. А. Лачина // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 11(239). – С. 182-184. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_182. – EDN JTMPSH.

3. Непомнящий, П. А. Цифровое завещание как форма осуществления права наследования цифровых прав / П. А. Непомнящий // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 4. – С. 333-339. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-4-333-339. – EDN SIDTTZ.

УДК 341

Международное усыновление детей-инвалидов: отдельные вопросы правового регулирования

Пупкова Анна Сергеевна
студент, Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины,
annagomel22032005@gmail.com

Аннотация: Актуальность проблематики международного усыновления, особенно детей-инвалидов из Республики Беларусь, определяется существующими социальными, правовыми и процедурными ограничениями. Ключевой проблемой является отсутствие в национальном законодательстве специальной ускоренной процедуры усыновления для детей-инвалидов, чье состояние здоровья требует незамедлительной помощи и реабилитации. Не менее острой остается проблема недостаточного пост-усыновительного контроля за жизнью детей, вывезенных за границу, из-за отсутствия эффективных международных механизмов принуждения усыновителей к постановке на консульский учет. В качестве решения предлагается активизация работу по заключению двусторонних договоров с другими странами для усиления контроля и развития международного сотрудничества. Таким образом, совершенствование правового регулирования требует, как изменения национальных процедур в интересах ребенка, так и укрепления международно-правовых гарантий пост-усыновительного контроля.

Ключевые слова: международное усыновление, дети-инвалиды, процедура усыновления, срок усыновления, интересы ребенка

Актуальность проблемы международного усыновления, и в особенности усыновления детей-инвалидов Республики Беларусь, иностранными гражданами, обусловлена комплексом социальных, экономических и правовых факторов.

На сегодняшний день Италия является единственной страной, у которой есть соглашение с Беларусью о международном усыновлении. В соответствии с Протоколом о сотрудничестве между Министерством образования Республики Беларусь и Комиссией по международному усыновлению при Президиуме Совета Министров Итальянской республики по вопросам усыновления несовершеннолетних граждан Республики Беларусь гражданами Итальянской Республики согласована процедура международного усыновления, а именно граждане Италии не могут усыновить неопределённого ребенка, а только тех детей, которых они неоднократно принимали в своей семье на оздоровительный отдых, а также в случае установления между ребёнком и семьей полноценных детско-родительских отношений.

Правовую основу международного усыновления в Республике Беларусь составляют Кодекс о браке и семье (далее – КоБС) [2], постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31.01.2007 № 122 «О вопросах усыновления (удочерения), установления опеки, попечительства над детьми» (далее – Постановление № 122) [3], а также международные договоры, прежде всего Гаагская

конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления [1]. Несмотря на обширное правовое регулирование, на данный момент существует ряд неразрешенных проблем в сфере международного усыновления несовершеннолетних детей, в том числе детей-инвалидов.

На наш взгляд, одной из проблем является недостаточный государственный контроль за жизнью и соблюдением прав белорусских детей, усыновленных иностранными гражданами, после их вывоза за пределы Республики Беларусь. Основным инструментом контроля является постановка ребенка на консульский учет в стране проживания усыновителей, однако на данный момент отсутствуют действенные международные правовые механизмы принуждения усыновителей к его исполнению и привлечения их к ответственности за неисполнение. Как следствие, консульские учреждения Республики Беларусь часто обладают неполной и неточной информацией о судьбе усыновленных детей, что делает невозможным эффективный надзор.

Помимо проблем пост-усыновительного контроля, значительным препятствием для своевременного устройства в семью детей-инвалидов, нуждающихся в срочной медицинской помощи, выступает отсутствие в законодательстве специальных ускоренных процедур на всех этапах усыновления. В связи с этим необходим комплексный подход, направленный на реформирование законодательства как на национальном, так и на международном уровне.

Представляется целесообразным закрепление в законодательстве положения о приоритетности рассмотрения таких дел в судах. Это отвечает интересам ребенка, способствуя его скорейшему устройству в семью, где он сможет получить необходимый уход, лечение и реабилитацию. Так, требуется внесение соответствующих изменений в КоБС, а именно статьи 233 КоБС «Международное усыновление», которую необходимо дополнить частью седьмой следующего содержания: «Рассмотрение дел о международном усыновлении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являющихся инвалидами, либо нуждающихся в срочном медицинском вмешательстве, проведении реабилитации или санаторно-курортном лечении, подлежит приоритетному и внеочередному порядку рассмотрения областными (Минским городским) судами. Подача заявления об усыновлении такого ребенка в суд, а также назначение судебного заседания по делу осуществляются в срок не позднее трех рабочих дней со дня поступления необходимых документов в суд. Суд обязан рассмотреть такое дело и принять решение по существу в первоочередном порядке».

Кроме того, необходимо усиление международно-правового механизма пост-усыновительного контроля. Для этого необходимо активно работать над заключением или активизацией двусторонних международных договоров со странами, являющимися основными усыновителями. Такие договоры должны предусматривать не только четкие процедуры взаимодействия компетентных органов (в Республике Беларусь – Национальный центр усыновления, в иностранных государствах – Комиссия по международному усыновлению при Президиуме Совета Министров Итальянской Республики, Комиссия по проблеме усыновления детей из других стран при Правительстве Швеции, Центр по вопросам усыновления

при Министерстве по гражданским делам Китая, Совет по вопросам международного усыновления Финляндии, Управление по делам молодежи Германии, Межведомственная комиссия по усыновлению Франции, Управление по делам усыновления Ирландии и другие), но и конкретные меры ответственности усыновителей за неисполнение обязательств по постановке на консульский учет и не предоставление отчётов. В договорах следует закрепить санкции, которые могут включать, в зависимости от характера и тяжести нарушения, административную ответственность (например, штрафы), гражданско-правовые последствия (возможность истребования отчётности в судебном порядке), а в случае выявления жестокого обращения или иных действий, подпадающих под уголовное преследование, – механизмы взаимодействия правоохранительных органов.

Таким образом, на основании проведенного исследования проблем международного усыновления детей-инвалидов в Республике Беларусь можно сформулировать следующие выводы. Существующее правовое регулирование не в полной мере учитывает особые потребности данной категории детей, требующих зачастую срочного медицинского вмешательства и реабилитации. Ключевыми проблемами являются отсутствие дифференцированных сокращенных сроков на всех этапах процедуры усыновления и недостаточная эффективность механизмов пост-усыновительного контроля после вывоза ребенка за границу.

Для решения первой проблемы целесообразно внесение изменений в статью 233 КоБС, вводящую приоритетный и сжатый порядок судебного рассмотрения дел об усыновлении детей-инвалидов, а также подчеркивает необходимость аналогичного ускорения досудебных процедур. Для решения второй проблемы, помимо активизации работы по заключению двусторонних договоров, необходимо включать в них конкретные механизмы ответственности усыновителей за нарушение обязательств по пост-усыновительному контролю, включая административные, гражданско-правовые и, в соответствующих случаях, уголовно-правовые инструменты.

Список источников

1. Гаагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления от 29.05.1993 [Электронный ресурс] // Эталон-Online. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=i09300076 (дата обращения: 21.12.2025).

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г. № 278-З : Принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : Одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года : в ред. Закона Республики Беларусь от 8 июля 2024 г. № 26-З [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900278 (дата обращения: 21.12.2025).

3. О вопросах усыновления (удочерения), установления опеки, попечительства над детьми: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 31.01.2007 № 122 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C20700122 (дата обращения: 21.12.2025).

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И МОДЕЛИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОГО РОСТА

УДК 311.313

Статистическая оценка региональной насильственной смертности в контексте достижения цели устойчивого развития

Волкова Елена Витальевна
Студент, РЭУ им. Г.В. Плеханова,
SPIN-код: 2730-2164, volkova.ev11@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

Аннотация. Работа посвящена региональному анализу числа умышленных убийств как одного из индикаторов достижения цели устойчивого развития. Рассмотрено распределение показателя по субъектам России, выделены неблагополучные территории. С целью определения детерминант данного типа общественно опасного деяния проведен корреляционно-регрессионный анализ. Определено влияние социально-экономических показателей на насильственную смертность.

Ключевые слова: устойчивое развитие, преступность, насильственная смертность, корреляционный анализ, криминогенные факторы

В 2015 году Генеральной ассамблеей ООН провозглашено 17 взаимосвязанных целей в области устойчивого развития. Цель 16 направлена на содействие «миру, правосудию и инклюзивным институтам», поскольку поддержание социальной стабильности и повышение уровня безопасности населения способствуют устойчивому развитию государства в области экономики, образования и здравоохранения. Для оценки реализации ЦУР 16 используется ряд индикаторов, одним из которых является число жертв умышленных убийств. Для проведения территориальных сопоставлений рассчитывается на 100 тыс. чел. населения.

Росстатом разработан и с 2022г. собирается показатель числа лиц, потерпевших от преступлений, направленных на умышленное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью и повлекших смерть потерпевшего (16.1.1). Индикатор также интерпретируется как уровень умышленных убийств [2].

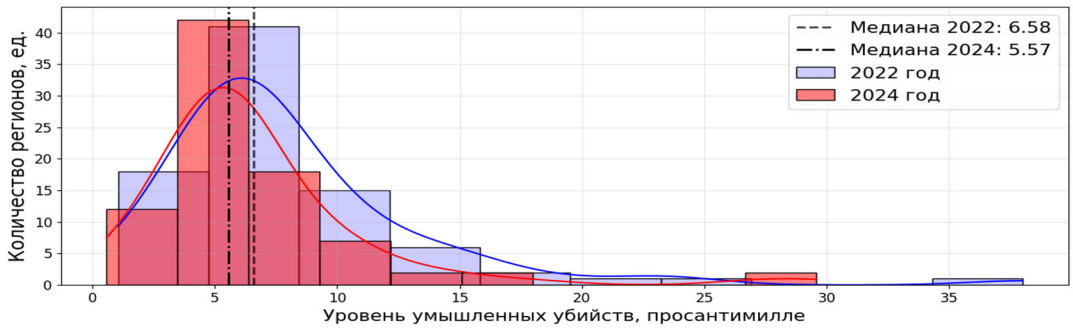

Рисунок 1 – Распределение регионов России по уровню умышленных убийств в 2022 и 2024 гг., просантимилле

Проведенный анализ показал, что распределение субъектов России по уровню умышленных убийств неоднородно, является островершинным и имеет правостороннюю асимметрию в 2022-2024гг. При этом за рассматриваемый период наблюдается смещение распределения вправо, то есть значения показателя в субъектах снижается (рис. 1). Так, среднее значение по регионам в 2022г. составило 8,0 просантимилле, а к 2024 г. показатель сократился в 1,208 раза и составил 6,6 просантимилле.

Не смотря на положительную динамику, в рассматриваемом распределении наблюдаются выбросы с аномально высокими значениями. Наибольшие значения показателя, превышающие среднерегиональные более чем на три стандартных отклонения, в 2024 г. имеют Республика Тыва и Чукотский автономный округ: 29,6 и 27,1 просантимилле соответственно. Отметим, что значения показателя в отстающих регионах имеют разную динамику. Так, уровень насильственной смертности в Республике Тыва за 2022-2024г. сократился на 8,4 просантимилле, а в Чукотском АО напротив вырос на 4,1 просантимилле. При этом индикаторы остаются аномально высокими, что требует внимания со стороны правоохранительных органов.

Благополучными субъектами, стабильно имеющими низкие значения, входящие в 10% группу с наименьшим уровнем насильственной смертности являются город Москва и Санкт-Петербург, Ненецкий АО, а также территории северного Кавказа: Республики Ингушетия, Дагестан, Чеченская и Северная Осетия. Низкий уровень насильственной смертности связывают с экономическим благополучием, отсутствием неравенства и психических расстройств, низким уровнем потребления алкоголя и благополучной криминологической ситуацией [4]. На уровень особо тяжких преступлений, таких как убийства, также оказывает влияние заболеваемость наркоманией, уровень бедности и эффективность деятельности правоохранительных органов в регионе [1].

Для определения факторов, оказывающих влияние на уровень умышленных убийств, был проведен корреляционно-регрессионный анализ. В качестве факторов отобраны следующие региональные показатели за 2024г. [3]: экономические (уровень безработицы, бедности, коэффициент Джини, реальные располагаемые доходы, доля населения с доходами более 60 тыс. руб.); социальные (заболеваемость расстройством психики, наркоманией, алкоголизмом, потребление алкоголя); криминологические (уровень преступности, доля рецидивной преступности, вовлеченность населения в незаконный оборот наркотиков, раскрываемость преступлений). Результативным показателям является число жертв умышленных убийств на 100 тыс. чел. населения.

Расчет парных коэффициентов корреляции показал, что большинство рассматриваемых факторов имеют очень слабую связь с уровнем умышленных убийств. Значимыми на 5% уровне являются: коэффициент Джини, среднедушевые денежные доходы, доля населения с доходами выше 60 тыс. руб., заболеваемость алкоголизмом и расстройством поведения, а также все криминологические факторы. Среди рассмотренных детерминант наибольшее прямое влияние на уровень насильственной смертности оказывают общий уровень преступности и

доля рецидивных преступлений. Наименьшее воздействие на уровень умышленных убийств имеют экономические показатели.

На основе отобранных показателей была построена регрессионная модель, линейный характер связи подтвержден видом корреляционного поля. При построении модели были исключены наблюдения, стандартизированные остатки которых превышают 2, то есть являющиеся статистическими выбросами, преимущественно это регионы, описанные выше. Мультиколлинеарность устранена посредством исключения факторов с меньшим влиянием на результативную переменную. В таблице 1 представлены характеристики построенной линейной регрессионной модели, параметры и сама модель значимы на уровне 0,05.

Таблица 1 – Результаты регрессионного анализа

Показатель	**Коэффициенты**	**Эластичность**	**Р-Значение**
Константа	-3,515	-	0,000
Доля населения с доходами выше 60 тыс. руб.	0,019	0,102	0,051
Доля рецидивных преступлений, %	0,134	0,719	0,000
Уровень преступности, просантимилле	0,003	0,838	0,000
Данные модели: R2 = 0,71, значимость F = 0,000			

Согласно параметрам модели, при увеличении доли населения с доходами выше 60 тыс. на 1 п.п., уровень умышленных убийств возрастает на 0,02 просантимилле, при увеличении рецидивной преступности и уровня преступности на единицу, показатель возрастает на 0,13 и 0,003 просантимилле соответственно. Слабое влияние остальных рассмотренных социально-экономических показателей и невысокая детерминация модели указывает на сложность рассматриваемого явления. В отличие от остальных видов преступлений, которые сильнее подвержены воздействию общественных явлений [1], умышленные убийства в большей мере обусловлены общим развитием преступной среды в регионах, в связи с чем их предотвращение требует повышения эффективности правоохранительных мер.

Список источников

1. Волкова, Е. В. Статистическое изучение влияния факторов на сокращение преступности в России / Е. В. Волкова // Вестник кафедры статистики российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2024. – С. 131-137. – ISBN 978-5-7307-2278-1 – EDN ILLYRL.

2. О целях устойчивого развития // Росстат [Электронный ресурс] – URL: https://rosstat.gov.ru/sdg (дата обращения 25.01.2026)

3. Официальный сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы // ЕМИСС [Электронный ресурс] – URL: https://fedstat.ru/ (дата обращения 25.01.2026)

4. Тростянский А. С. Модели количественной зависимости насильственной преступности в России от уровня алкоголизации населения А.С. Тростянский, С.Н. Тростянский //Регион: системы, экономика, управление. – 2024. – №. 2 (65). – С. 205-210. – DOI: 10.22394/1997-4469-2024-65-2-205-210 – EDN PWPSFM.

УДК 330.322

Статистическая оценка влияния инвестиций в инновации на устойчивость рыночной капитализации российских компаний

Горюнова Анастасия Александровна
студент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
anastasiia.2003@inbox.ru
Сергеева Вероника Вадимовна
студент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
sergeeva_vv_555@mail.ru
Алиев Аяз Аладдин оглы
доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
aliev.aao@rea.ru

Аннотация. Работа посвящена статистической оценке связи между инвестициями в инновации и рыночной капитализацией российских компаний. В качестве показателя инновационной активности рассматриваются расходы на НИОКР. Анализ основан на применении корреляционно-регрессионных методов к панельным данным публичных компаний. Полученные результаты показывают наличие положительной связи между уровнем инновационных затрат и рыночной капитализацией при учёте финансовых характеристик бизнеса.

Ключевые слова: устойчивый рост, инновационные инвестиции, рыночная капитализация, НИОКР, эконометрический анализ, инновации.

Экономический рост всё чаще связывают не с расширением производства, а с качественными изменениями внутри компаний. Существенную роль здесь играют инвестиции в инновации, прежде всего затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Для бизнеса такие расходы связаны с долгосрочными ожиданиями, поскольку их эффект проявляется не сразу, сопровождается повышенной неопределённостью. При этом фондовый рынок реагирует на подобные вложения через изменение рыночной капитализации компаний. В условиях поиска источников устойчивого роста становится актуальным анализ того, как инвестиции в инновации отражаются в динамике рыночной стоимости российских публичных компаний и могут ли они рассматриваться как фактор её устойчивости.

Актуальность темы подтверждается ростом внутренних затрат на научные исследования и разработки в Российской Федерации. По данным Росстата, в период с 2010 по 2024 год их номинальный объём увеличился с 523 млрд руб. до 1885 млрд руб. (рис. 1). Указанная динамика отражает расширение масштабов финансирования инновационной сферы, однако должна интерпретироваться с учётом инфляционных процессов. Даже с поправкой на изменение цен данный тренд указывает на сохранение интереса государства и бизнеса к инвестициям в исследования и технологическое развитие.

Рисунок 1 – Внутренние затраты на научные исследования и разработки в РФ в период с 2010 по 2024 гг. [1]

Инвестиции в НИОКР могут восприниматься рынком как фактор будущего увеличения доходов, укрепления конкурентных позиций, сигнала о долгосрочной стратегии компании. Одновременно такие вложения сопровождаются неопределённостью, поскольку их результат не гарантирован и проявляется с временным лагом [2]. В этой связи влияние инновационных затрат на рыночную капитализацию требует количественной проверки. В рамках исследования выдвигается гипотеза о наличии положительно статистической связи между расходами на НИОКР и рыночной стоимостью российских публичных компаний.

Для проверки гипотезы используется регрессионный анализ панельных данных, где зависимой переменной выступает рыночная капитализация компании, а показателем инновационной активности – расходы на НИОКР.

Эмпирическая база включает публичные российские компании, торгующиеся на Московской бирже, раскрывающие расходы на НИОКР в отчётности по МСФО. Анализ охватывает период 2022–2024 гг., итоговая выборка состоит из семи компаний различных отраслей [3]. Существенные различия по масштабу деятельности и финансовым показателям обусловили использование логарифмического преобразования переменных, что позволило повысить сопоставимость данных, корректность оценок.

На первом этапе был выполнен визуальный анализ данных с использованием диаграммы рассеяния (рис. 2). Полученные результаты показывают положительную зависимость между расходами на НИОКР и рыночной капитализацией компаний, что указывает на возможную связь между рассматриваемыми показателями. Однако разброс наблюдений на диаграмме указывает на влияние дополнительных факторов, что обуславливает переход к многомерному регрессионному анализу.

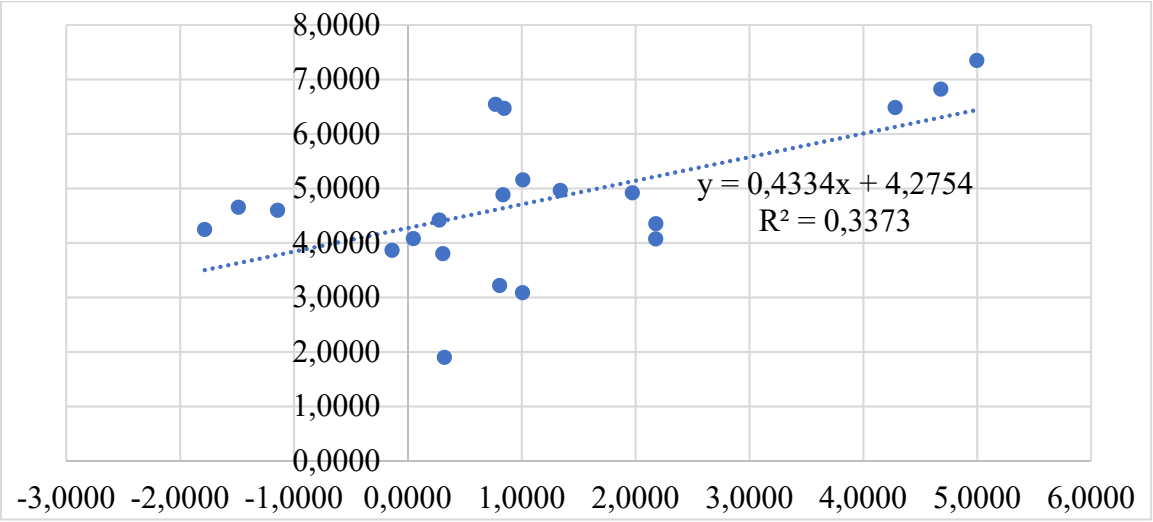

Рисунок 2 – Зависимость логарифма рыночной капитализации от логарифма расходов на НИОКР

В результате оценки была получена следующая регрессионная зависимость:

$$ln\ ln\ (\text{Рын. капит.}) = 4{,}75 + 0{,}7 * ln\ ln\ (\text{НИОКР}) - 2{,}05 * ln\ ln\ (\text{Выручка}) + \\ + 1{,}75 * ln\ ln\ (\text{Активы}) + \varepsilon_{it}$$

Оценка регрессионной модели показывает положительную связь между расходами на НИОКР и рыночной капитализацией компаний. Увеличение затрат на НИОКР на 1% связано с ростом рыночной капитализации примерно на 0,7% при прочих равных условиях.

Отрицательный коэффициент при выручке связан с высокой корреляцией показателей масштаба бизнеса. При одновременном учёте выручки и активов их оценки отражают относительный вклад факторов, при этом активы остаются значимым элементом рыночной оценки компании.

Таким образом, с учётом выявленных методологических ограничений полученные результаты следует рассматривать как эмпирическое подтверждение существования связи между инвестициями в инновации и рыночной капитализацией компаний. В рамках основной спецификации модели увеличение расходов на НИОКР на 1% связано с ростом рыночной капитализации примерно на 0,7% при прочих равных условиях. Вместе с тем оценки зависят от состава модели и объёма выборки, что ограничивает их обобщение, задаёт направления для дальнейших исследований.

Список источников

1. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 14.12.2025).

2. Шишков, П. О. Анализ практического использования информационной асимметрии на финансовых рынках / П. О. Шишков, М. А. Канаева // Отходы и ресурсы. – 2022. – Т. 9. – № 4. – DOI: 10.15862/41ECOR422. – EDN: UMMGXI.

3. Smart-Lab : сайт о фондовом рынке и инвестициях [Электронный ресурс]. – URL: https://smart-lab.ru/ (дата обращения: 14.12.2025).

УДК 311

Методические аспекты расчёта индекса потребительских цен при анализе инфляции: на примере данных по РФ за 2025 год

Каменев Никита Олегович
студент, Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: k.a.m.e.n.e.v@yandex.ru
Дашкевич Павел Михайлович
ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет,
SPIN-код 2411-0261, e-mail: p.dashkevich@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные методические аспекты расчёта индекса потребительских цен (ИПЦ), как ключевого статистического показателя инфляции. Установлено, что учёт сезонных колебаний вносит существенные корректировки в оценку уровня инфляции, о чём свидетельствует сравнение данных органов государственной статистики и Банка России, а также анализ динамики ежемесячных данных об уровне ИПЦ в 2025 г. Полученные результаты подтверждают важность обоснованного выбора методики расчёта ИПЦ для корректных выводов об инфляционных процессах.

Ключевые слова: индекс потребительских цен; инфляция; индекс Ласпейреса; весовая структура; сезонная корректировка; Росстат; Банк России.

Индекс потребительских цен (ИПЦ) относится к базовым экономическим показателям, которые используются для оценки изменения общего уровня потребительских цен. Для обоснованной оценки инфляции при расчёте ИПЦ требуется обеспечить корректность исполнения трёх важных методических аспектов: организация наблюдения цен (выборка объектов и спецификаций товаров и услуг), определение системы весов (структуры потребительских расходов), обоснование индексной формулы и правил агрегирования. В международной статистической практике для ИПЦ применяется многоуровневая схема расчётов: сначала строятся индексы на «элементарном» уровне, затем выполняется агрегирование по иерархии классификации; при этом предпочтение отдаётся двухэтапной агрегации Ласпейреса, позволяющей избегать нежелательных длинных сопоставлений цен при некоторых режимах наблюдений [5].

В России расчёт индекса потребительских цен на товары и услуги на государственном уровне осуществляется органами государственной статистики (Росстатом) по национальным методологическим документам [4]. Исходной информационной базой выступают первичные данные федерального статистического наблюдения по форме № 1-потребительские цены «Бланк регистрации потребительских цен и тарифов на товары и услуги» месячной периодичности. Расчёт индекса потребительских цен к предыдущему месяцу на уровне страны производится по модифицированной формуле Ласпейреса [4]. Такой подход предполагает, что для расчёта показателя необходима обоснованная система весов. Согласно методологии Росстата, формирование системы весов для расчёта ИЦП и

средних цен на товары и услуги осуществляется на базе структур потребительских расходов населения. Изменение весов (пересмотр структуры расходов) может повлиять на оценку инфляции не меньше, чем сами ценовые наблюдения.

Отдельный прикладной аспект – отделение устойчивой ценовой динамики от сезонных и административно обусловленных колебаний. В своих аналитических материалах Банк России производит сезонную корректировку ИПЦ, используя для этого непрямой подход: сезонность устраняется на уровне каждого индивидуального индекса цен, после чего индексы агрегируются [3]. Для выделения сезонной компоненты применяется алгоритм X13-ARIMA-SEATS – алгоритм сезонной корректировки и анализа данных временных рядов [3]. Отметим, что для регулируемых тарифов (в частности, коммунальных услуг) названный алгоритм может быть недостаточно эффективен из-за того, что сроки и величины индексации тарифов различаются по годам. В таком случае сезонный фактор, связанный с изменением тарифов, Банк России рассчитывает отдельно для каждого месяца по опубликованной информации о планируемой индексации [3]. Следовательно, месячные всплески ИПЦ, связанные с индексацией тарифов, корректнее трактовать как единоразовые (или календарно-административные) эффекты. Таким образом, для оценки текущего инфляционного давления лучше использовать значения ИПЦ с сезонной корректировкой.

В рамках данной статьи были проанализированы опубликованные Росстатом значения ИПЦ, рассчитанные цепным способом по месяцам за 2025 г. (рис. 1). Как видно из рисунка, динамика изменения цен в течение года была неравномерной. С начала года вплоть до июня наблюдалось замедление роста цен, после чего произошло кратковременное ускорение роста в июле и резкое снижение в августе, затем рост цен снова ускорился и незначительно замедлился к концу года. В целом за 2025 год, согласно данным Росстата, инфляция в стране составила 5,59%.

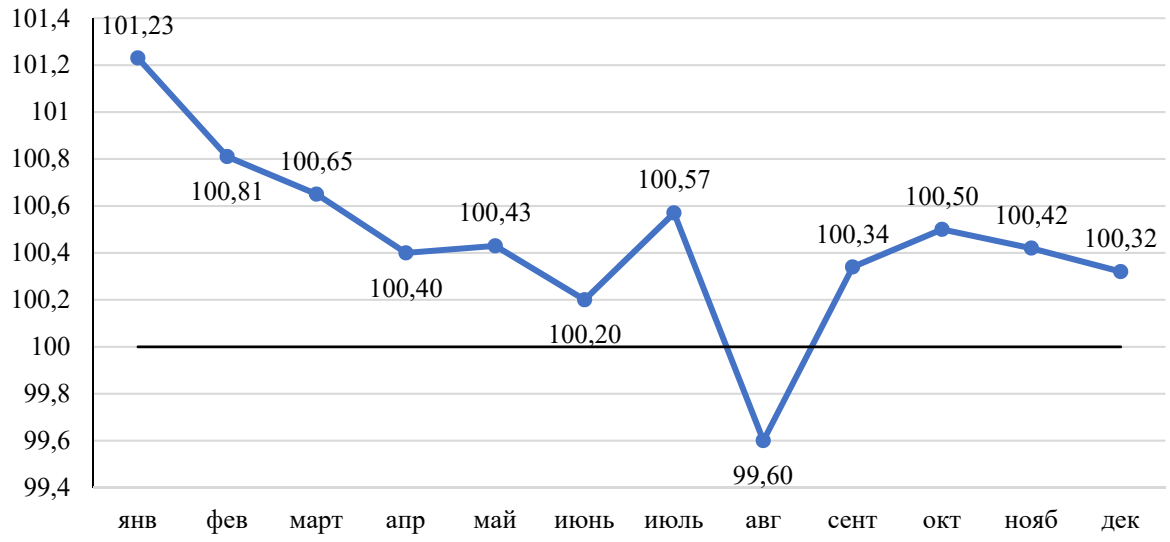

Рисунок 1 – Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 2025 г., % [2]

Факт разового ускорения роста цен в июле согласуется с аналитическим отчётом Банка России: в июле 2025 г. прирост потребительских цен составил 0,57%, ускорение носило единовременный характер и было связано с индексацией коммунальных услуг [1]. При этом, стоит отметить, согласно аналитическим выводам Банка России, общий уровень инфляции в РФ с применением сезонной корректировки в годовом выражении составил 8,5%. Таким образом, одно и то же наблюдаемое изменение ИПЦ может быть по-разному агрегировано в годичное значение – в зависимости от того, рассматривается ли «сырое» значение индекса или берётся оценка с сезонной корректировкой. Для прикладного анализа инфляции это означает, что выводы о «развороте тренда» по одному месяцу без учёта сезонной корректировки могут быть статистически необоснованными.

Таким образом, ИПЦ, как важный экономический показатель, даёт корректную оценку инфляции при соблюдении методических требований к организации наблюдения за ценами, корректном определении весов и выборе индексной формулы. При этом проведённое исследование показало, что часть колебаний ИПЦ может быть вызвана систематическими сезонными эффектами, а также единоразовыми факторами, в частности индексацией коммунальных тарифов. Поэтому для повышения точности анализа инфляционного давления следует использовать оценки ИПЦ, скорректированные на сезонность.

Список источников

1. Динамика потребительских цен: информационно-аналитический комментарий // Банк России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/57161/cpd_2025-7.pdf (Дата обращения: 20.01.2026)

2. Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) // Росстат. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipc_mes_12-2025.xlsx (Дата обращения: 20.01.2026).

3. Методика сезонной корректировки индекса потребительских цен Банка России // Банк России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/108630/meth_cpi.pdf (Дата обращения: 20.01.2026)

4. Об утверждении Официальной статистической методологии наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен: приказ Росстата № 915 от 15.12.2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Prikaz_915_15122021.pdf (Дата обращения: 20.01.2026).

5. Consumer Price Index Manual: Concepts and Methods. Geneva: International Labour Organization; Washington, DC: International Monetary Fund, 2020. – 509 p.

УДК 338.46

Моделирование спроса на рынке дентальных имплантатов в России

Лежнин Даниил Сергеевич
аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
SPIN-код 4692-1265, lezdaniil@yandex.ru

Аннотация. В статье приведены результаты моделирования спроса на рынке дентальных имплантатов на примере статистических данных компании производителя. Целью работы является построение модели, пригодной для прогнозирования спроса. В основе моделирования использована авторегрессионная модель.

Ключевые слова: рынок дентальных имплантатов, анализ временных рядов, авторегрессионная модель, прогнозирование, автокорреляционная функция.

Рынок дентальных имплантатов – быстроразвивающийся в современной отечественной экономике. За последние годы по данным Росстата и других аналитических организаций он показывает уверенный рост. Только за 2019-2023 годы реализация дентальных имплантатов на отечественном рынке увеличилась на 81%: с 0,9 до 1,6 млн изделий [1]. Данное явление подтверждается наличием тенденции в продажах компании-производителя.

Рост рынка обусловлен развитием технологий дентальной имплантации, старением населения [2], а также модой на здоровье и эстетику полости рта. По предоставленным Росстатом данным прослеживается увеличение год к году количества удаленных постоянных зубов, что также отражает рост рынка. Количество удаленных зубов с 2020 по 2023 год выросло на 6% с 10,5 млн до 11,1 млн зубов. Исследования рынка в открытом доступе малочисленны в силу отсутствия статистических данных, что обуславливает актуальность темы статьи.

В России работают 4 крупных производителя дентальных имплантатов, помимо них отечественные стоматологии используют и импортные изделия, что в свою очередь повышает конкуренцию на рынке. Для построения модели были использованы статистические данные за 2022 – 2025 годы компании-производителя дентальных имплантатов в России «Lenmiriot», отражающих спрос продукции. Несмотря на широкий ассортимент имплантационных систем, как отечественных, так и импортных, компания занимает лидирующую позицию и демонстрирует рост. В связи с этим статистические данные компании отражают текущее положение на рынке, что подтверждает их релевантность для целей исследования.

В предыдущем нашем исследовании данных [3] было установлено, что в имеющемся временном ряду присутствует тренд и сезонная компонента. В связи с этим в текущей работе на первом шаге была устранена сезонность. При выполнении данной процедуры использован метод скользящей средней. Выявление длины периода для сглаживания произведено с помощью анализа автокорреляционной функции, который показал, что оптимальным является период из

12 наблюдений (месяцев), парный коэффициент корреляции составил 0,933. После устранения сезонности был получен временной ряд, на основе которого было произведено моделирование.

Исходный временной ряд был протестирован на стационарность с помощью теста Дики-Фуллера. Так как в ряду имеется тренд, то был выбран тест с константой и трендом, *p*-значение которого составило 2,374e-10, на основании чего нулевая гипотеза единичного корня отвергается и делается вывод о стационарности ряда вокруг линейного тренда.

Перед построением авторегрессионой модели был проведен анализ автокорреляционной функции для определения порядка модели. С помощью графика (рисунок 1) определен процесс *AR* (2).

На следующем этапе была построена авторегрессионная модель [4], в которой параметры оказались незначимыми, а также остатки не распределены по нормальному закону. В связи с этим был проведен анализ первых разностей исходного ряда. *ADF*-тест определил, что новый временной ряд стационарен, *p*-значение теста с константой составило 6,261e-28.

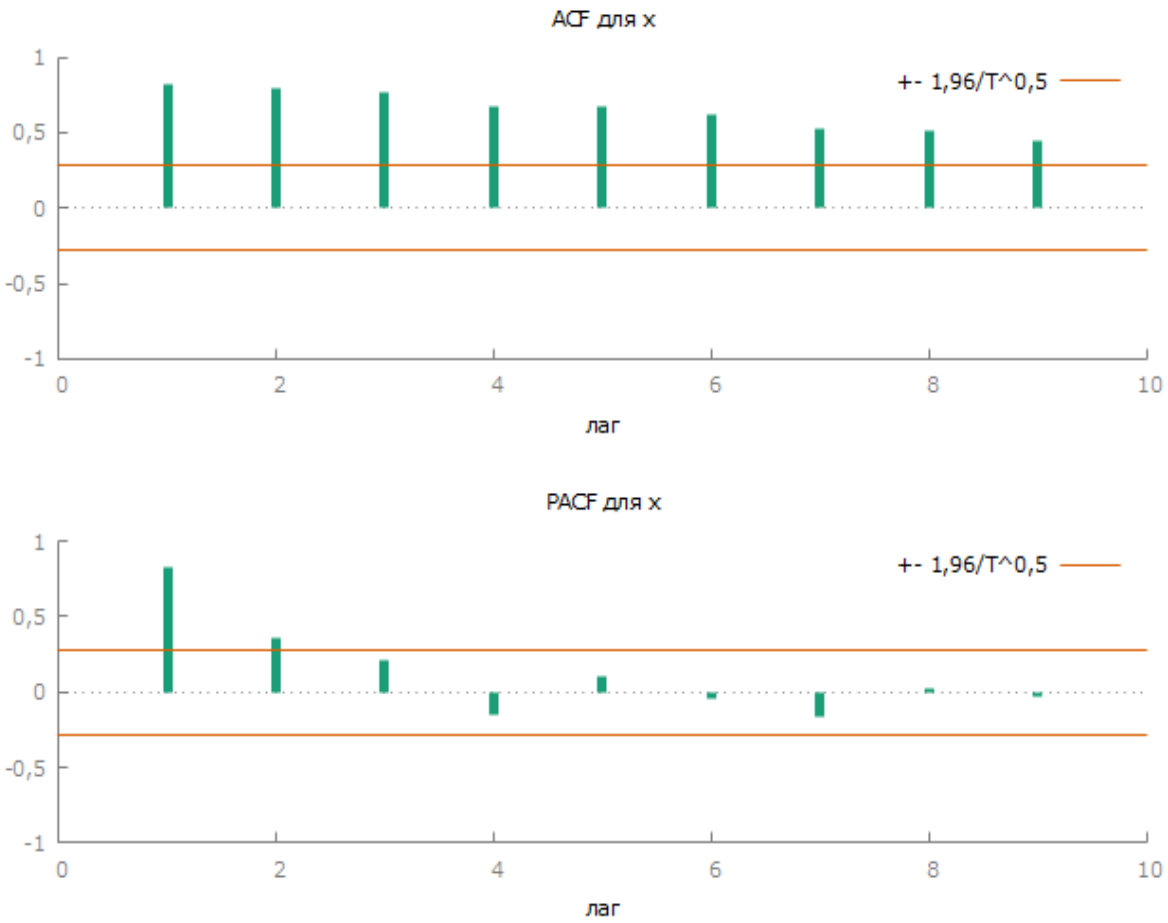

Рисунок 1 – График коррелограммы ряда данных

Далее была построена авторегрессионная модель *ARIMA* (2, 1, 0). Результаты модели приведены в таблице 1 и в таблице 2.

Таблица 1 – Оценка параметров авторегрессионой модели

Параметр	Коэффициент	Ст. ошибка	z	p-значение
const	4370,59	1115,32	3,919	<0,0001
phi_1	−0,87	0,11	−7,993	<0,0001
phi_2	−0,61	0,12	−5,224	<0,0001

Таблица 2 – Информационные критерии модели

Информ. критерий	Значение	Информ. критерий	Значение
Среднее завис. перемен	1579,938	Ст. откл. завис. перем	11007,62
Среднее инноваций	4,85e-13	Ст. откл. инноваций	7031,753
R-квадрат	0,610474	Исправ. R-квадрат	0,601415
Лог. правдоподобие	−460,9185	Крит. Акаике	927,8370
Крит. Шварца	933,2570	Крит. Хеннана-Куинна	929,8575

Тест на нормальное распределение ошибок показал, что остатки распределены по нормальному закону, *p*-значение = 0,364472 (нулевая гипотеза – ошибки распределены по нормальному закону).

LM тест на наличие автокорреляции до порядка 3 показал отсутствие автокорреляции в остатках. Нулевая гипотеза: автокорреляция отсутствует, *p*-значение = 0,4562.

Далее был проведен тест на наличие *ARCH* процессов, в результате которого было определено их отсутствие, что говорит о гомоскедастичности. Нулевая гипотеза: *ARCH* процессы отсутствуют, *p*-значение = 0,693741.

На основании полученной модели было спрогнозировано значение для следующего периода и построен доверительный интервал. Показатель спроса компании, полученный в периоде, для которого было произведено прогнозирование, оказался в рамках доверительного интервала, что в свою очередь подчеркивает состоятельность рассчитанной модели.

В результате исследования можно сделать вывод о том, что данные временного ряда зависят от предыдущих значений с лагом 2. Проведенные тесты и значимость параметров показывают, что данную модель можно использовать при прогнозировании спроса на дентальные имплантаты компании. При этом необходимо отметить, что при прогнозировании спроса по полученному уравнению необходимо учитывать сезонную компоненту, так как изначально при обработке данных сезонность была исключена.

Список источников

1. За 2019-2023 гг продажи стоматологических имплантатов в России выросли на 81%: с 0,9 до 1,6 млн упаковок // Магазин исследований РБК. URL: https://marketing.rbc.ru/articles/14800/ (дата обращения: 29.01.2026).

2. Имплантация зубов заняла 15% рынка стоматологических услуг в России // Версия.ру. URL: https://versia.ru/implantaciya-zubov-zanyala-15-rynka-stomatologicheskix-uslug-v-rossii (дата обращения: 29.01.2026).

3. Лежнин, Д. С. Сезонность и тренды в продажах дентальных имплантатов: анализ временных рядов / Д. С. Лежнин. // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 10. – EDN VYDQPN

4. Эконометрика : учебник для вузов / под редакцией И. И. Елисеевой. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 449 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-00313-0. – EDN EJFRHC.

УДК 330.35 + 311.33

Методологические ограничения традиционных макроэкономических индикаторов устойчивого роста и статистические подходы к их преодолению

Матвеев Павел Игоревич
студент, Санкт-Петербургский государственный университет
pasha.matv2006@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются методологические ограничения традиционных макроэкономических показателей в системе статистической оценки устойчивого экономического роста и обосновывается необходимость их включения в расширенную систему многомерных индикаторов. Сделан вывод о том, что устойчивый рост является латентной характеристикой, требующей согласованного анализа агрегированных и дезагрегированных данных, что повысит аналитическую ценность статистических оценок социально-экономического развития.

Ключевые слова: устойчивый экономический рост; ВВП; экономическая статистика; многомерные индикаторы; воспроизводственные процессы; институциональные факторы.

В условиях трансформации мировой и национальных экономик проблема измерения устойчивого экономического роста приобретает не только прикладное, но и методологическое значение. Современная система макроэкономической статистики продолжает опираться преимущественно на валовой внутренний продукт (ВВП), валовой региональный продукт (ВРП) и производные от них темпы роста, которые воспринимаются как универсальные индикаторы экономической динамики, однако усложнение воспроизводственных процессов, рост роли нематериальных факторов, институциональных условий и социальных эффектов объективно ставят под сомнение достаточность данных показателей для оценки устойчивости роста [1, с.159]. В результате возникает противоречие между расширяющимся содержанием категории «устойчивый рост» и статистическими инструментами, применяемыми для его количественного анализа.

Исторически показатели ВВП и ВРП формировались как универсальные агрегированные показатели объема добавленной стоимости, что обеспечило их широкое применение благодаря сопоставимости и относительной простоте рас-

чета, однако ориентация данных индикаторов на фиксацию количественного результата, а не условий и качества развития, существенно ограничивает их аналитические возможности. С позиции устойчивого роста ключевым становится не сам факт увеличения производства, а способность экономики поддерживать воспроизводственные процессы, снижать структурные дисбалансы и обеспечивать долгосрочную стабильность, что не отражается традиционными показателями [3, с.110].

Основные методологические ограничения ВВП и ВРП заключаются: во-первых, в агрегированном характере показателей, сглаживающем структурные сдвиги и не позволяющем выявлять источники экономической динамики; во-вторых, в возможности фиксации положительных темпов роста при одновременном ухудшении структуры экономики, усилении ресурсной зависимости и институциональных дисфункций; в-третьих, в отсутствии отражения распределительных эффектов развития, качества занятости и воспроизводства человеческого капитала. Дополнительной проблемой является использование темпов экономического роста как самостоятельного критерия эффективности экономической политики, поскольку их высокая чувствительность к эффекту базы, циклическим колебаниям и краткосрочным шокам приводит к статистической фиксации восстановительных или ценовых эффектов, а не реального повышения устойчивости экономического развития.

Преодоление методологических ограничений традиционных макроэкономических индикаторов следует рассматривать не как их замену, а как изменение логики их использования – показатели ВВП и ВРП целесообразно включать в расширенную систему оценки устойчивого роста [2, с.17], в рамках которой они перестают выступать самостоятельными критериями развития и приобретают значение элементов иерархически выстроенной совокупности взаимодополняющих показателей. В данном контексте динамика ВВП получает аналитическую значимость лишь при сопоставлении с показателями, характеризующими структурные, воспроизводственные и институциональные условия экономического развития, что позволяет рассматривать его не как цель роста, а как индикатор, требующий содержательной интерпретации.

Аналитические возможности традиционных и расширенных подходов к оценке устойчивого роста представлены в обобщенном виде в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика традиционных и расширенных статистических индикаторов устойчивого роста

Критерий анализа	**ВВП, ВРП, темпы роста**	**Расширенная система индикаторов**
Чувствительность к структуре экономики	Низкая, структурные сдвиги нивелируются агрегированием	Высокая, обеспечивается выявление отраслевых и воспроизводственных диспропорций
Учет воспроизводственных факторов	Ограниченный, преимущественно косвенный	Комплексный, с прямым учетом устойчивости факторов роста

Окончание табл. 1

Критерий анализа	ВВП, ВРП, темпы роста	Расширенная система индикаторов
Отражение институциональных условий	Не осуществляется	Частичное, через показатели качества институтов и среды развития
Интерпретация долгосрочной устойчивости	Косвенная и методологически ограниченная	Более прямая и аналитически обоснованная
Аналитическая применимость	Универсальная, но редуцированная	Контекстно-ориентированная и диагностическая

В представленном сопоставлении расширенная система индикаторов рассматривается не как альтернатива традиционным агрегатам, а как аналитическая рамка, в которой показатели ВВП и темпов роста получают дополнительную интерпретационную глубину за счет их согласования с характеристиками структуры, воспроизводственных процессов и институциональных условий экономического развития.

Формирование расширенной системы показателей должно опираться не на механическое увеличение их числа, а на принцип согласованной проверки количественных и качественных характеристик экономической динамики: изменения традиционных агрегированных показателей (например, рост ВВП) целесообразно анализировать во взаимосвязи с индикаторами из разных групп, отражающими условия и источники роста (например, рост инновационной активности и снижение ресурсоемкости). Такой подход позволяет выявлять ситуации, при которых формально положительная динамика выпуска сопровождается ухудшением качественных параметров развития, и тем самым перейти от простой фиксации экономического роста к анализу его структуры и устойчивости, избегая сведения сложных процессов к одномерным статистическим оценкам. При этом расширенная система индикаторов устойчивого роста не предполагает произвольного увеличения числа статистических показателей, а основывается на их методологически обоснованном отборе – включаемые индикаторы должны обладать воспроизводственной значимостью, быть статистически наблюдаемыми и устойчивыми во времени, а также обеспечивать однозначность интерпретации получаемых оценок. Игнорирование данных требований приводит к перегруженности аналитической системы и снижению качества выводов, вследствие чего расширение системы показателей следует рассматривать не как формальное усложнение статистики, а как целенаправленный процесс повышения ее диагностической способности.

В рамках такого подхода устойчивый рост предстает не как непосредственно наблюдаемая величина, а как латентная характеристика, реконструируемая на основе согласованного анализа агрегированных и дезагрегированных показателей, чувствительных к воспроизводственным процессам, структурным изменениям и институциональным условиям развития. ВВП, ВРП и темпы роста сохраняют значение базовой статистической основы, однако их использование в качестве доминирующих критериев допустимо лишь в сочетании с многомерными статистическими моделями, позволяющими адекватно оценивать долгосрочную устойчивость социально-экономического развития в условиях трансформации экономики.

Список источников

1. Гарбузова, Т.Г. Механизмы устойчивого экономического роста в условиях структурной трансформации / Т.Г. Гарбузова, Л.Б. Шубин, А.Р. Идрисов, И.В. Воробьева, С.С. Усов // Modern Economy Success. – 2025. – №5. – С.157-164. – EDN VROBKE.
2. Кремлев, Н.Д. Статистика как отражение современных вызовов в научных исследованиях / Н.Д. Кремлев // Национальная Ассоциация Ученых. – 2022. – № 84-3. – С.13-21. – DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2022.3.84.653. – EDN BWESOK.
3. Олейник, О.С. Оценка устойчивого развития регионов страны с учетом качества жизни населения / О.С. Олейник, А.Б. Олейник, И.В. Борисова // Региональная экономика. Юг России. – 2022. – Т.10. – №1. – С.108-117. – DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2022.1.10. – EDN WJUGUX.

УДК 502.174.3

Анализ развития возобновляемой энергетики в Российской Федерации в контексте глобального мегатренда «зеленая энергетика»

Тусупханова Шакиман
студент, Санкт-Петербургский государственный университет,
st135228@student.spbu.ru
Дашкевич Павел Михайлович
ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет,
SPIN-код 2411-0261, p.dashkevich@spbu.ru

Аннотация. В исследовании анализируется развитие возобновляемой энергетики в РФ через динамику мощностей солнечных и ветровых электростанций. Установлено, что за период 2014-2023 гг. произошло существенное наращивание установочных мощностей, чему способствовали механизмы государственной поддержки. Вместе с тем, вклад солнечной и ветровой генерации в общем энергобалансе страны остается крайне низким и существенно уступает в темпах и масштабах ведущим странам-лидерам.

Ключевые слова: возобновляемая энергетика, возобновляемые источники энергии, солнечная энергетика, ветроэнергетика, Российская Федерация.

Зависимость мировой экономики от минерально-сырьевых ресурсов является одной из причин, сдерживающих глобальный энергопереход [5]. В рамках данного исследования предлагается провести анализ динамики развития отрасли возобновляемой энергетики в РФ и обозначить ее перспективы в новой экономической реальности.

Возобновляемая энергетика представляет собой отрасль, в которой производство энергии осуществляется из постоянно восполняемых (солнце, ветер, вода, геотермальное тепло, биомасса) или неисчерпаемых в долгосрочной перспективе источников. Исторически, в РФ широкое распространение получила гидроэнергетика – сегодня в стране насчитывается более 360 гидроэлектростанций (ГЭС). Совокупная установленная мощность всех ГЭС страны за период

2014–2023 гг. составила 51,3–52,7 ГВт. Анализ динамики выявил незначительные колебания данного параметра в пределах 1–2%, что свидетельствует о высокой освоенности потенциала гидроэнергетики в обжитой части страны. Колебания обусловлены в большей степени не строительством новых ГЭС, а модернизацией и заменой оборудования на действующих станциях, либо корректировками.

Значительный интерес в контексте зеленой энергетики вызывают возможности использования солнечных и ветровых ресурсов. На рисунке 1 представлена динамика установленной мощности солнечных и ветровых энергетических станций в РФ.

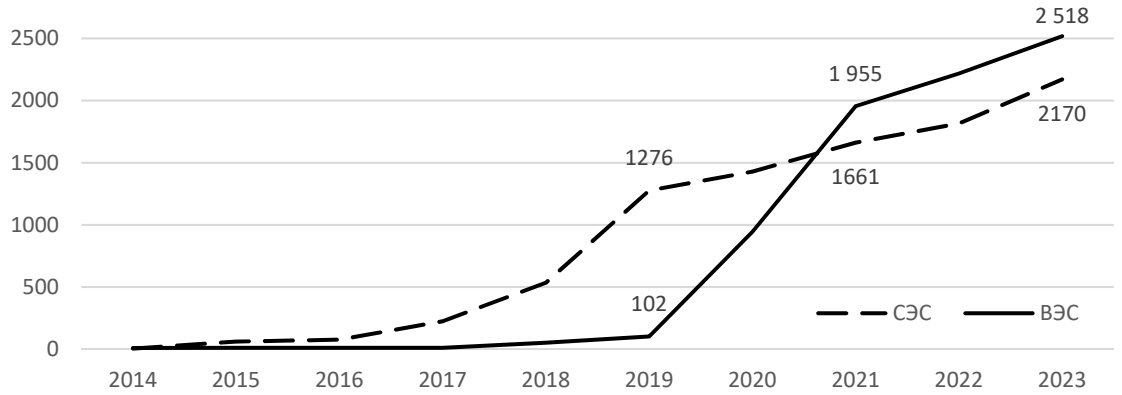

Рисунок 1 – Установленная мощность солнечных (СЭС) и ветряных (ВЭС) электростанций в России, МВт
Источник: составлено автором по данным [7].

За рассматриваемый период солнечная и ветряная энергетика получили значительное развитие. При этом наращивание мощностей солнечных электростанций происходило более равномерным образом, чем ветряных. С почти нулевых значений в 2014 г. (5 МВт) к 2019 г. мощность СЭС увеличилась до 1276 МВт, в то время как мощности ВЭС с 11 МВт выросли только до 102 МВт. Активному росту мощностей СЭС способствовал запуск в 2013 г. механизма государственной поддержки инвестиций в ВИЭ-генерацию (Постановление Правительства РФ от 28.05.2013 № 449 «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности»). Инвесторам обеспечивался гарантированный возврат вложенных капитальных средств через долгосрочные договоры предоставления мощности от возобновляемых источников энергии (ДПМ ВИЭ). Это снизило инвестиционные риски и стимулировало локализацию производства оборудования. Пик ввода мощностей СЭС пришелся на 2017–2019 гг., после чего рост стабилизировался по мере выполнения контрактов [1; 2]. В среднем ежегодный темп роста после 2019 г. составил около 14,2%.

Отставание темпов роста мощностей ветряных электростанций от солнечных обусловлено тем, что запуск программы государственной поддержки ветроэнергетики был на три года позже (2017 г.). Связано это с тем, что к моменту запуска ДПМ ВИЭ ветроэнергетика в России технологически оказалась менее

подготовленной, в первую очередь из-за отсутствия локализованного производства ключевых компонентов ветроустановок. Рост установочных мощностей ВЭС начался только с 2019 г., что обусловлено одновременным вводом объектов первой волны ДПМ ВИЭ и созданием в России полного производственного цикла – от лопастей до гондол (заводы в Ульяновске, Таганроге). Это позволило выполнить требования по локализации и снизить зависимость от импорта. В 2023 г. суммарные мощности ВЭС превысили мощности СЭС и составили 2518 МВт.

Наращивание установленных мощностей солнечных и ветровых электростанций является ключевым фактором увеличения объемов производства «зеленой» электроэнергии. В 2014 г. вклад солнечной и ветровой генерации в общий объем выработки электроэнергии в РФ был практически незаметен: доля СЭС составляла лишь 0,0007%, а ВЭС – 0,0005% [3; 4; 7]. Строительство и ввод новых мощностей солнечных и ветряных станций позволил к 2022 г. существенно увеличить долю возобновляемой энергии, однако она по-прежнему остается незначительной: доля солнечной генерации достигла 0,2%, а ветровой 0,49% от совокупного производства электроэнергии в стране [3; 4; 7]. Для сравнения, в Китае, как в одной из стран лидеров по развитию ВИЭ, в 2014 году доля солнечных электростанций в структуре выработки электроэнергии составляла 0,04%, а ветровых – 0,28% [6, 7]. Однако уже к 2022 г. эти показатели выросли до 0,5% и до 0,88% соответственно, что отражает более динамичное развитие отрасли возобновляемой энергетики чем в России [6, 7].

Результаты показывают, что, несмотря на многократный рост мощностей солнечной и ветряной генерации, данные направления возобновляемой энергетики являются пока еще новыми для России. Их доля в энергобалансе страны остается крайне низкой, а темпы существенно уступает ведущим странам-лидерам. Но несмотря на скромную долю, в перспективе данные ВИЭ в нашей стране постепенно приобретут статус традиционных и получат высокую интеграцию в энергетическую отрасль страны.

Список источников

1. Анализ развития солнечной энергетики в России / К. Суслов, А. Дорошин, В. Кабанов, Д. Переверзев // Энергетическая политика. – 2023. – № 7(185). – С. 26-45. – EDN NIIOLV.

2. Воробьев, И. С. О необходимости государственной поддержки отрасли возобновляемой энергетики в России / И. С. Воробьев, А. М. Воротников // Журнал естественнонаучных исследований. – 2021. – Т. 6, № 1. – С. 16-23. – EDN QXYRFY.

3. Отчет о функционировании ЕЭС России в 2014 году // Системный оператор Единой энергетической системы. [Электронный ресурс]. URL: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/reports/disclosure/2015/ups_rep2014.pdf (Дата обращения: 16.01.2026).

4. Отчет о функционировании ЕЭС России в 2024 году // Системный оператор Единой энергетической системы. [Электронный ресурс]. URL: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/reports/disclosure/2023/ups_rep2022.pdf (Дата обращения: 16.01.2026).

5. Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России / Н. А. Архипов, Е. В. Буряк, Ю. В. Галкин [и др.]. – Москва : Институт энергетических исследований РАН, 2015. – 400 с. – ISBN 978-5-91438-019-6. – EDN VFKOPJ.

6. Data from the State Information Center and China Economic Information Network // ceidata. URL: https://ceidata.cei.cn/ (Date of access: 16.01.2026).

7. Renewable Energy Statistics 2024 // International Renewable Energy Agency. Abu Dhabi: IRENA, 2024. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2024/Jul/IRENA_Renewable_Energy_Statistics_2024.pdf (Date of access: 15.01.2026).

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО РЫНКОВ

УДК: 336.748.12:336.711

Инфляция и валютные риски: сравнительный анализ антиинфляционных мер Центрального банка России и центрального банка Турции

Шамсиддин Абдужабборов
студент, Университет Самсун, Турция
9230538063@samsun.edu.tr

Аннотация. В данной статье представлен сравнительный анализ антиинфляционной политики, проводимой Центральным банком России и Центральным банком Турции в 2022-2026 годах. Обе страны столкнулись со значительными инфляционными проблемами, но при этом применяли заметно отличающиеся подходы к денежно-кредитной политике. Россия придерживалась агрессивной стратегии повышения процентных ставок, в то время как Турция первоначально проводила нестандартную политику, прежде чем перейти к традиционному ужесточению в 2023 году. В исследовании рассматривается эффективность этих мер в сдерживании инфляции и управлении валютными рисками.

Ключевые слова: инфляция, денежно-кредитная политика, Центральный банк России, Центральный банк Турции, ключевая процентная ставка, валютные риски, сравнительный анализ.

Inflation and Currency Risks: Comparative Analysis of Anti-Inflation Measures by the Central Bank of Russia and the Central Bank of Turkey

Shamsiddin Abdujabborov
student, Samsun University, Turkey,
9230538063@samsun.edu.tr

Abstract. This article presents a comparative analysis of anti-inflation policies implemented by the Central Bank of Russia and the Central Bank of Turkey during 2022-2026. Both countries faced significant inflationary challenges yet applied markedly different monetary policy approaches. Russia maintained an aggressive rate-hiking strategy, while Turkey initially pursued unorthodox policies before shifting to conventional tightening in 2023. The study examines the effectiveness of these measures in controlling inflation and managing currency risks.

Keywords: inflation, monetary policy, Central Bank of Russia, Central Bank of Turkey, key interest rate, currency risks, comparative analysis.

In the contemporary global economy, inflation management remains one of the most critical challenges for central banks. The period of 2022-2026 presented particularly acute inflationary pressures for both Russia and Turkey, driven by external shocks,

structural economic factors, and distinct policy choices. Russia experienced inflation reaching 9.5% by late 2024, while Turkey faced unprecedented levels exceeding 85% in 2022, declining to approximately 31% by December 2025 [1, 2].

The divergent monetary policy frameworks employed by the Central Bank of Russia (CBR) and the Central Bank of Turkey (CBRT) offer valuable insights into different approaches to inflation control. Russia maintained orthodox monetary tightening throughout the crisis, while Turkey initially pursued heterodox policies before shifting to conventional approaches in mid-2023. This comparative analysis examines the effectiveness of these measures and their implications for currency stability [3].

Inflationary Context in Russia and Turkey. Russia's inflation trajectory during 2022-2026 was characterized by significant volatility. Following external economic shocks in early 2022, annual inflation peaked at approximately 17% in April 2022 before gradually declining. By the end of 2024, inflation stood at 9.5%, remaining substantially above the CBR's 4% target. The key rate reached an unprecedented 21% in September 2024, representing the highest level in two decades [3].

Turkey's inflationary experience was even more dramatic. The country experienced hyperinflationary pressures, with annual inflation reaching 85.4% in October 2022. The average inflation rate for 2024 was 58.5%, one of the world's highest. Multiple factors contributed to this situation, including loose monetary policy, currency depreciation, and expansionary fiscal policies. By December 2025, inflation had moderated to 30.89%, still significantly above the CBRT's 5% medium-term target [4, 5].

Table 1 – Comparative Anti-Inflation Measures

Parameter	Russia (CBR)	Turkey (CBRT)
Peak Key Rate	21% (Sept 2024)	50% (2023-2024)
Current Rate (Jan 2026)	16%	37%
Peak Inflation	17% (Apr 2022)	85.4% (Oct 2022)
Current Inflation (Dec 2025)	~6%	30.89%
Policy Approach	Aggressive orthodox tightening	Initially unorthodox, orthodox since May 2023

Monetary Policy Instruments and Implementation. The CBR maintained a consistently orthodox approach, rapidly raising rates in response to inflationary pressures. Following the initial shock in early 2022, the CBR raised its key rate from 9.5% to 20%, subsequently adjusting it to 21% in September 2024. This aggressive tightening successfully reduced inflation from 17% to approximately 6% within three years. The policy demonstrated strong commitment to price stability despite economic costs, including slower GDP growth projected at 0.5-1% for 2025 [2, 6].

Turkey's experience highlights the risks of policy inconsistency. The CBRT maintained low rates despite soaring inflation, with rates as low as 8.5% even as inflation exceeded 80%. Only after the May 2023 elections, with new economic leadership,

did Turkey adopt conventional monetary tightening. Subsequent rate hikes to 50% by March 2024 contributed to disinflation, though inflation remained at 31% by end-2025. This demonstrates that delays in implementing orthodox policies can substantially prolong inflationary episodes [4, 5].

Currency Risks and Exchange Rate Dynamics. Currency volatility represented a critical challenge for both countries. The Russian ruble experienced significant fluctuations during 2022-2024, initially depreciating to over 120 RUB/USD in March 2022 before stabilizing around 100-105 RUB/USD by late 2024. The CBR's orthodox monetary policy and capital controls helped anchor inflation expectations and provided currency stability, though geopolitical factors remained dominant.

The Turkish lira faced more severe pressures, losing approximately 80% of its value between 2021 and 2024, trading around 35 TRY/USD by early 2026. This depreciation created a vicious cycle where currency weakness fueled import inflation, which further weakened the currency. The shift to orthodox policy in mid-2023 helped stabilize the lira, but credibility damage meant higher real rates were required to attract capital compared to countries with consistent frameworks. Both experiences underscore the relationship between monetary policy credibility and currency stability [7].

Conclusion. This comparative analysis reveals several important findings. Both countries made substantial progress in reducing inflation through monetary tightening, though with varying success. Russia's consistent orthodox approach achieved more rapid disinflation from a lower baseline, reducing inflation from 17% to 6% over three years while maintaining relative currency stability. Turkey's delayed policy correction resulted in a prolonged battle, with rates declining from 85% to 31% but requiring more extreme measures.

The analysis underscores the critical importance of central bank credibility and policy consistency. Turkey's unorthodox experiment severely damaged institutional credibility, requiring higher real rates once conventional policies were adopted. Currency risks and inflation are deeply interconnected in emerging markets, as demonstrated by both cases. The experiences of Russia and Turkey provide valuable lessons for other emerging markets, emphasizing the importance of timely, credible, and consistent monetary policy responses to inflationary pressures.

References

1. Bank of Russia. Monetary Policy Guidelines for 2025-2027 / Bank of Russia. – Moscow, 2024. [Electronic resource]. URL: https://www.cbr.ru/eng/about_br/publ/ondkp/on_2025_2027/ (accessed: 10.01.2026).

2. Bozhechkova, A., Knobel, A., & Trunin, P. Russia's Monetary Policy in 2023 / A. Bozhechkova, A. Knobel, P. Trunin // Gaidar Institute for Economic Policy. – 2024. – DOI 10.2139/ssrn.4913766.

3. Central Bank of the Republic of Turkey. Inflation Report 2024-I / CBRT. – Ankara, 2024. [Electronic resource]. URL: https://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/EN/TCMB+EN/Main+Menu/Publications/Reports/Inflation+Report/ (Accessed: 05.01.2026).

4. Gürkaynak, R. S., Kısacıkoğlu, B., & Lee, S. S. Exchange rate and inflation under weak monetary policy: Turkey verifies theory / R. S. Gürkaynak, B. Kısacıkoğlu, S. S. Lee // Economic Policy. – 2023. – Vol. 38, No. 115. – P. 519-560. – DOI 10.1093/epolic/eiad020.

5. International Monetary Fund. Republic of Türkiye: 2024 Article IV Consultation / IMF. – Washington, D.C., 2024. – IMF Staff Country Reports No. 2024/312.

6. Mishkin, F. S. Inflation targeting for emerging-market countries / F. S. Mishkin // American Economic Review. – 2000. – Vol. 90, No. 2. – P. 105-109.

7. Monetary policy frameworks in EMEs: inflation targeting, the exchange rate and financial stability / Bank for International Settlements // BIS Annual Economic Report 2019. – Basel: BIS, 2019. – Chapter II.

УДК 339.98

Демографический кризис Китая и его экономические последствия

Ахметова Камилла Аслановна
студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
kami.naito@mail.ru
Шибаев Вениамин Юрьевич
студент, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
venyashibaev32@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются причины и текущее состояние демографического кризиса в Китайской Народной Республике. Анализируются основные факторы спада рождаемости, включая долгосрочные последствия политики «одна семья – один ребенок», а также современные экономические и социальные ограничения. Особое внимание уделяется последствиям эффекта старения населения: сокращение численности рабочей силы, замедление роста ВВП. Оценена результативность мер государственной демографической политики, включающей в себя в том числе увеличение пенсионного возраста. Цель работы – проанализировать влияние демографических сдвигов на экономическое развитие Китая.

Ключевые слова: Демографический кризис; Китай; рождаемость; рынок труда; экономический рост.

На протяжении долгого времени экономическое развитие КНР опирался на «демографический дивиденд», обеспеченный многочисленной и дешёвой рабочей силой. Однако уже к 2020 году ситуация очень сильно изменилась: согласно данным Национального бюро статистики КНР, численность населения страны начала значительно сокращаться, а процесс старения нации приобрел масштабный характер. Актуальность данного исследования определяется тем, что демографический спад в КНР выходит за рамки внутренней проблемы и, становится фактором глобального экономического риска.

Демографический кризис сформировался в результате наложения исторических, административных и управленческих решений на современные социально-экономические тенденции.

Во-первых, ключевым фактором стала политика «одна семья – один ребенок», которая реализовывалась с 1979 по 2015 гг. Государственное регулирование

привело к принудительному ограничению рождаемости, которое способствовало не только к предотвращению перенаселения, но и к формированию устойчивой малодетной модели семьи. Однако, сформировалось поколение, для которого наличие и воспитание единственного ребенка стало социальной нормой. Кроме того, дополнительным негативным последствием стали селективные аборты, которые связаны традиционным предпочтением ребенка мужского пола, тем самым создав гендерный дисбаланс, сократив число репродуктивных матерей.

Во-вторых, современные экономические условия в мегаполисах существенно ограничивают репродуктивное поведение населения. Высокие цены на жилье в городах «первого уровня», огромные расходы на получение образования и жесткая конкуренция на рынке труда вынуждают молодежь откладывает момент вступления в брак и рождение детей. Распространенная практика в Китае «996», которая подразумевает труд с 9:00 до 21:00, не оставляя времени на семейную жизнь и воспитание детей, делает меры по стимулированию рождаемости крайне малоэффективными.

Согласно данным, в период 2024–2025 гг., Китай прошел точку невозврата в демографическом плане. В 2025 году зафиксировано рекордное падение рождаемости – до 7,92 млн человек, при этом смертность выросла до 11,31 млн. Естественная убыль населения превысила 3 млн человек за год [4].

В это же время замечено стремительное старение населения. Доля граждан старше 60 лет превысила 22% (примерно 310 млн человек). Прогнозы Всемирного банка показывают, что Китай стареет быстрее, чем развитые экономики, но делает это при значительно более низком уровне доходов на душу населения, что может привести к угрозе попадания в «ловушку среднего дохода» [3].

Демографические сдвиги оказывают прямое негативное влияние на ключевые макроэкономические показатели. Так, видна нехватка квалифицированных кадров, вызванная демографическим спадом в возрастной группе от 16 до 59 лет. Из-за дефицита рабочих рук производства вынуждены повышать заработные платы, чтобы удержать персонал, но это увеличивает себестоимость продукции. В результате Китай теряет статус глобального производственного центра. Теперь гораздо дешевле производить продукцию в Индии или Вьетнаме, поэтому инвесторы переносят заводы туда, что приводит к замедлению индустриального развития.

В Китае наблюдаются проблемы пенсионного обеспечения и то, как они влияют на государственные финансы. Увеличение доли нетрудоспособных граждан по отношению к трудоспособному населению создает внушительную нагрузку на государственный бюджет. В отдельных регионах пенсионные фонды уже сталкиваются с дефицитом средств, в свою очередь, требуя дополнительных дотаций из бюджета. Такая ситуация ограничивает способность страны инвестировать на развитие инфраструктуры и внедрение новых технологий.

Помимо этого, прослеживается замедленный рост внутреннего потребления, которые связаны с демографическими факторами. Население Китая пожилого возраста способствует формированию накопительного поведения, поскольку граждане стремятся накопить на будущие медицинские расходы. Данная тенденция препятствует реализации стратегической задачи по трансформации китайской экономики от экспортно-ориентированной к модели, основанной на

внутреннем спросе, как это было рекомендовано Международным валютным фондом. Как итог, темпы роста ВВП замедляются. Если ранее нормой считался рост в 6–8%, то прогнозы на 2025–2026 годы варьируются в пределах 4–4,5% [3].

Для нормализации демографической ситуацией в стране власти КНР составили комплекс административных мер. Так в мае 2021 года была запущена Программа с финансовой поддержкой из Госбюджета «Одна семья – три ребёнка», но к 2024 году она не смогла изменить ситуацию из-за дороговизны жизни. К тому же, в сентябре 2024 года была проведена пенсионная реформа: в течение 15 лет пенсионный возраст будет постепенно повышен до 63 лет для мужчин и 58 лет для женщин. Эта мера направлена на сохранение квалифицированных рабочих и уменьшение нагрузки на бюджет.

Проведенный анализ показывает, что демографический спад в КНР приобрел необратимый характер. Компенсировать сокращение рабочей силы с помощью административных мер (разрешение на третьего ребенка, повышение пенсионного возраста) перестало быть возможным. Поэтому для восстановления темпов роста ВВП Китаю необходимо масштабировать автоматизацию производств, поскольку дефицит кадров в скором времени станет не просто социальной проблемой, а главным тормозом экономики.

Список источников

1. Ван, Ц. Новая демографическая политика трехдетности в Китае // Социологические исследования. – 2023. – № 4. – С. 112-118. – EDN ZJZOCL

2. Ковалев, М.М. Старение населения Китая как фактор торможения экономического роста // Журнал международного права и международных отношений. 2024. – № 2. – С. 45-50.

3. World Bank. China Economic Update, December 2024: Moving Beyond Real Estate. Washington, DC: World Bank, 2024. P. 1-45.

4. National Bureau of Statistics of China. Statistical Communiqué on the 2024 National Economic and Social Development. Beijing, 2025. P. 1-12.

УДК 338.2

Водород в российском энергетическом комплексе как фактор экономического развития

Бабенко Михаил Андреевич
аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
SPIN-код: 2194-3215, mikhail.babenko01@gmail.com

Аннотация. В работе рассматривается целесообразность развития проектов по производству энергетического водорода как части энергетического комплекса России. Необходимость подобного анализа обоснована тенденцией низкоуглеродного развития, противоречивостью экономических результатов по уже существующим проектам во

всем мире, а также значительным потенциалом для России на формирующемся международном рынке в условиях высокой турбулентности.

Ключевые слова: энергетический комплекс, водород, низкоуглеродная энергетика, диверсификация, экономическое развитие, энергетическая политика.

Энергетический сектор во всем мире претерпевает существенные изменения в последние годы, что сопряжено с трендом на декарбонизацию, истощением ресурсной базы углеводородов, успехом и одновременно неуспехом ряда проектов низкоуглеродной энергетики, а также кризисами в странах-лидерах по добыче ископаемых энергоресурсов. Россия является одной из лидирующих стран по добыче энергоресурсов и испытывает на себе последствия изменений на энергетическом рынке. При этом нефтегазовые доходы составляют 25-30 % от общего бюджета государства, однако в ближайшие годы ожидается их снижение как в относительном значении, так и в абсолютном [1]. По данным Минэкономразвития и Минфина РФ, отрицательная динамика нефтегазового сектора не только ожидается в будущем, но и наблюдается на протяжении последних 5 лет, что продемонстрировано в таблице 1.

Таблица 1 – Динамика ключевых показателей нефтегазового сектора России

Показатель	**Год**				
	2021	**2022**	**2023**	**2024**	**2025**
Цена Urals, долл./барр.	66,0	76,1	63,0	63,4	55,6
Курс доллара США	73,7	68,5	85,3	92,6	83,5
Добыча нефти, млн т	538,8	548,5	541,6	526,4	516,0
Экспорт нефти, млн т	244,1	264,7	239,2	243,1	240,1
Добыча газа, млрд $м^3$	702,1	618,4	586,4	629,9	627,1
Экспорт газа, млрд $м^3$	240,9	168,4	130,8	152,5	158,0

Такая динамика нефтегазового сектора России обосновывается напряженной геополитической обстановкой, удорожанием добычи углеводородов и переориентацией рынков. Несмотря на перечисленные сложности, нефть и газ занимают половину во всей структуре экспорта России, а основные направления экспорта ископаемого сырья – это Китай и страны Европы (на эти направления пришлось 57 % экспорта нефти и 73 % экспорта природного газа России в 2024 году), а также Индия, Южная Корея и страны СНГ [7].

Чтобы оценить перспективность экспорта ископаемого энергосырья на перечисленные рынки, стоит рассмотреть структуру потребления энергии в динамике и потенциал энергетических рынков этих стран. Динамика потребления энергии за последние пять лет показана на рисунке 1.

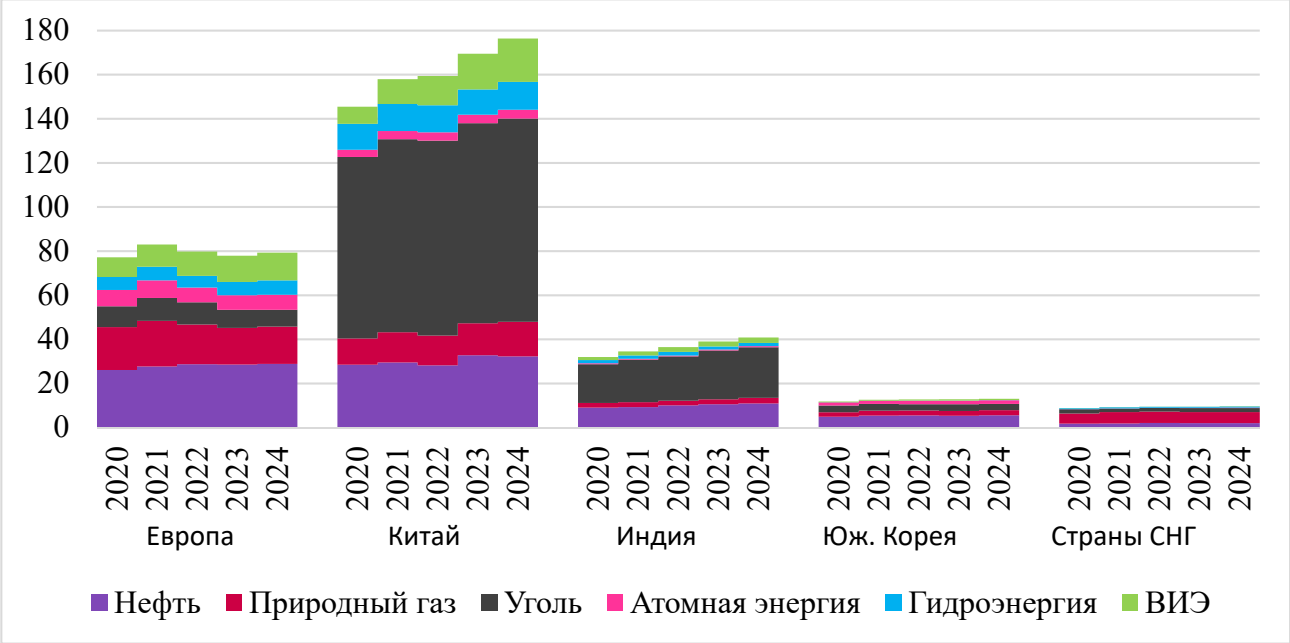

Рисунок 1 – Динамика потребления первичной энергии по видам топлива среди основных направлений экспорта российских энергоресурсов, ЭДж. Составлено автором по [3, 6, 7]

Из графика видно, что большую часть потребления занимают ископаемые энергоресурсы, однако с каждым годом доля возобновляемых источников энергии (ВИЭ) растет. Кроме того, часть ископаемого сырья направляется на производство низкоуглеродных источников энергии, таких как водород, аммиак, метанол.

Китай в 15-м пятилетнем плане развития отмечает необходимость совершенствования водородной отрасли и наращивания его потребления [4], а также прогнозирует снижение удельной стоимости производства с целью повышения конкурентоспособности ресурса [5]. Евросоюз, в свою очередь, ввел в 2023 году механизм трансграничного углеродного налога (CBAM) [8], который с каждым годом делает ископаемое топливо все менее выгодным с экономической точки зрения, стимулируя тем самым развитие низкоуглеродных ресурсов. Несмотря на геополитическую обстановку, географически Европа является выгодным торговым партнером для России, поэтому необходимо рассматривать данный регион как место сбыта в будущем.

В Энергетической стратегии России до 2050 года отмечается, что водородная энергетика является стратегически важным направлением развития и что Россия должна стать одним из мировых лидеров по его производству [2], однако на сегодняшний день существуют лишь единичные проекты по его генерации, а энергетические компании зачастую отказываются от реализации подобных проектов ввиду их дороговизны относительно традиционных видов бизнеса.

Учитывая все перечисленное выше, водородная энергетика могла бы стать потенциальным фактором развития российской экономики, мерой по снижению антропогенного углеродного следа и возможностью для компаний по выходу на новые рынки. Тем не менее, на данный момент есть множество неопределенностей, а существующих методов стимулирования и поддержки недостаточно, чтобы энергетические компании масштабно разворачивали проекты производства низкоуглеродного водорода.

Список источников

1. Бюджет для граждан 2025–2027. К проекту Федерального закона о Федеральном бюджета на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов // Министерство финансов Российской Федерации, 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ common/upload/library/2024/12/main/BDG_2025-2027.pdf (Дата обращения: 17.01.2026).

2. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года : утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р // Правительство Российской Федерации, 2025. [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/files/LWYfSENa10uBrrBoyLQqAAOj5eJYlA60.pdf (Дата обращения: 17.01.2026).

3. BP Statistical Review of World Energy 2021// BP. [Electronic resource]. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/ statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf (Accessed on 12.01.2026).

4. China Targets Industrial Green Hydrogen Growth in 15Th Five-Year Plan (2026–2030) // Fuel Cells Works. [Electronic resource]. URL: https://fuelcellsworks.com/2025/11/04/clean-hydrogen/china-targets-industrial-green-hydrogen-growth-in-15th-five-year-plan-2026-2030 (Accessed on 14.01.2026).

5. Chinese hydrogen producers target cost of production reductions // S&P Global. [Electronic resource]. URL: https://www.spglobal.com/energy/en/news-research/latest-news/energy-transition/111025-chinese-hydrogen-producers-target-cost-of-production-reductions (Accessed on 14.01.2026).

6. Energy Institute Statistical Review of World Energy 2023 // The Energy Institute. [Electronic resource]. URL: https://www.emccement.com/pdf/Statistical_Review_of_World_ Energy_2023.pdf (Accessed on 12.01.2026).

7. Energy Institute Statistical Review of World Energy 2025 // The Energy Institute. [Electronic resource]. URL: https://www.energyinst.org/statistical-review/resources-and-data-downloads (Accessed on 12.01.2026).

8. Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a carbon border adjustment mechanism // Official Journal of the European Union. [Electronic resource]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023R0956 (Accessed on 15.01.2026).

УДК 339

Трансформация российской экономики под влиянием санкций

Каменских Анна Витальевна
студент, Уральский государственный экономический университет,
kamenskihanni@yandex.ru
Научный руководитель – к.и.н., доцент В. В. Шведов

Аннотация. В статье рассмотрена трансформация российской экономики под влиянием санкционного давления. Актуальность работы заключается в необходимости осмысления формирования нового экономического порядка в РФ. Научная новизна обусловлена комплексным подходом, содержащем методы воздействия и противодействия, к анализу санкционного влияния на российскую экономику.

Ключевые слова: санкции, ограничено открытая экономика, импортозамещение, диверсификация экономики, государственное регулирование.

В настоящее время значительное количество научных трудов посвящено трансформации российской экономики в условиях санкционного давления. Связано это с рекордным количеством рестрикций, обращенных против России экономически развитыми странами, такими как США, Великобритания, Франция, Япония и другими. На начало 3 квартала 2025 года на РФ было наложено 30 159 ограничений. Запреты устанавливаются в отношении физических и юридических лиц, их деятельности и активов, отраслей экономики и Российской Федерации в целом. Проводимая объединенным Западом политика привела к [3]:

- значительным нарушениям в поставках высокотехнологичной продукции и результатов научной деятельности в Россию;
- снижению человеческого потенциала из-за ограничений доступа к международным образовательным практикам и обмену опытом;
- снижению прямого экспорта товаров нефтегазового сектора экономики;
- перебоям в работе денежной системы и разгону инфляции;
- ограничениям в отношении компаний третьих стран за ведение бизнеса с Россией по Правилу 50%;
- оттоку инвестиций.

В целом, первые пакеты санкций нанесли значительный ущерб российской экономике в силу высокой чувствительности к изменениям на мировом рынке – по состоянию на 2022 год 30,9% ВВП РФ составляли товары и услуги, поставляемые на экспорт; преимущественно углеводороды, продовольствие, удобрения и металлы – продукция с низким уровнем переработки [4].

Однако на начало 2025 года была проведена масштабная диверсификация российской экономики:

- многие торговые потоки были перенаправлены на рынки Восточных стран [5], преимущественно в Китай (товарооборот вырос со 190,27 млрд долларов в 2022 г. до 244,81 млрд долларов в 2024 г.) и Индию (рост товарооборота с 35 млрд долларов в 2022 г. до 70,6 млрд долларов в 2024 г.);

- ограничен импорт ряда товаров для создания благоприятных условий для отечественных предпринимателей;
- отсутствие компонентов привело к форсированному импортозамещению (к товарам российского производства относятся 75% серверов и устройств банковского сектора, 68% семян, 43% ПО, около 80% оборудования нефтегазового сектора);
- была расширена сеть международных платежей в национальных валютах, легализирован «серый» импорт (постановление Правительства РФ №506 от 29.03.2022), увеличено количество посредников в международной торговле [1];
- началась активная поддержка отечественного производства (выделение грантов на НИОКР до 300 млн рублей и субсидий на покрытие кредитов до 90% от ставки ЦБ; ставка налога на имущество 0% на 5 лет при внедрении нового оборудования);
- увеличены запасы золота (с 2329,65 т в 2022 г. до 2385,59 т в 2024 г.) и снижены вложения в долговые бумаги Казначейства США (с 170 млрд долларов в 2013 г. до 28 млн долларов в 2024 г.)

Указанные факторы становятся основой для формирования ограниченно открытой экономики – модели, подразумевающей снижение включенности в мировую экономику и повышение суверенности [2]. Это позволит в значительной степени нигилировать последствия наложения санкций и укрепить самодостаточность Российской Федерации в приоритетных областях экономики.

Но необходимо акцентировать следующий факт: ограничения действительно осложняют экономическую деятельность, так как цены значительно выросли из-за увеличившихся издержек на логистику и импортозамещение [6]. Также сохраняются трудности с удовлетворением спроса в ряде отраслей, так как аналоги не всегда сопоставимы по качеству и цене, их производство требует финансовых вложений и квалифицированных специалистов. Но, как отмечалось ранее, обеспечить прежний уровень квалификации рабочей силы и количества инвестиций сейчас не представляется возможным. Однако предпринимаются шаги для поддержания и развития российской экономики, так реакцией на ограничения послужила локализации производства и поиск новых рынков сбыта, что привело к перераспределению торговых потоков, изменению бизнес-стратегий и росту обмена опытом с партнерами из стран Восточного региона.

В завершение можно сказать, что трансформация российской экономики является сложным процессом, который будет продолжаться в течение несколько лет, до тех пор, пока Россия не достигнет достаточного уровня экономической независимости для обеспечения собственной безопасности и суверенитета.

Список источников

1. Афанасьев, А. А. Прогноз значений основных показателей внешней торговли в условиях формирования ограниченно открытой экономики России / А. А. Афанасьев // Экономические отношения. – 2022. – Т. 12, №4. – С. 635-650. – DOI 10.18334/eo.12.4.115163. – EDN NJBFUG.

2. Афанасьев, А. А. Становление ограниченно открытой экономики суверенного типа в современной России: понятие, этапы, сущностные характеристики / А. А. Афанасьев // Экономические отношения. – 2022. – Т. 12, №3. – С. 345-366. – DOI 10.18334/eo.12.3.115123. – EDN PDDYOX.

3. Гудкова, О. Е. Влияние международных технологических санкций на инновационное развитие национальной экономики России / О. Е. Гудкова // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, №5. – С. 1753-1768. URL: https://1economic.ru/lib/120948 (Дата обращения 06.12.2025).

4. Казанцев, С. В. Относительная оценка чувствительности экономики России к ограничению ее внешней торговли / С. В. Казанцев // Экономическая безопасность. – 2023. – Т. 6, №3. – С. 865-876. – DOI 10.18334/ecsec.6.3.118630. – EDN RVMEFK.

5. Кошман, В. В. Внешняя торговля России: анализ проблемы и решения / В. В. Кошман, А. В. Зимовец, А. В. Ханина // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7, №4. – С. 887-904. – DOI 10.18334/ecsec.7.4.120925. – EDN UAMIHA.

6. Потемкин, А. С. Санкции против России: экономические последствия, стратегии адаптации и перспективы международных отношений / А. С. Потемкин // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7, №7. – С. 1947-1970. – DOI 10.18334/ecsec. 7.7.121468. – EDN FRKTDN.

УДК 339.37:004.738.5

Сравнительное исследование расходов продавцов товаров на российских и зарубежных маркетплейсах

Никитин Максим Андреевич
аспирант, РЭУ им. Г. В. Плеханова,
SPIN-код: 7403-5253, pbysh@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования расходов продавцов товаров на российских и зарубежных электронных маркетплейсах. Целью исследования является сравнительный анализ структуры и характера расходов продавцов, выявлены ключевые различия в подходах российских и зарубежных маркетплейсов к их формированию, а также оценено влияние данных различий на экономические результаты субъектов торговли. Полученные выводы позволяют расширить представления о трансформации рынков в условиях развития платформенной экономики.

Ключевые слова: маркетплейсы, платформенная экономика, расходы продавцов, цифровая торговля, трансформация рынков.

Развитие цифровых платформ и маркетплейсов стало одним из ключевых факторов трансформации современных товарных рынков. Электронные маркетплейсы, выступая в роли посредников между продавцами и покупателями, формируют новые модели взаимодействия, перераспределяя функции логистики, маркетинга и обслуживания клиентов. В результате существенно меняется структура расходов субъектов торговли, что оказывает прямое влияние на их финансовую устойчивость и конкурентоспособность.

В научных исследованиях отмечается, что платформенная экономика характеризуется смещением значительной части транзакционных и операционных издержек на сторону продавцов, при одновременном усилении зависимости бизнеса от условий, устанавливаемых платформами [2, с. 5; 3, с.7]. При этом в российской и зарубежной практике функционирования маркетплейсов данные процессы протекают в различных институциональных условиях, что обуславливает отличия в механизмах формирования расходов продавцов.

Несмотря на наличие исследований, посвященных цифровой торговле и платформенным бизнес-моделям, сравнительный анализ расходов продавцов на российских и зарубежных маркетплейсах остается недостаточно разработанным [2, с. 1; 3, с. 1; 4, с. 1]. Чаще всего такие вопросы рассматривается фрагментарно либо в рамках отдельных национальных рынков [1, с. 12].

Целью настоящей статьи является сравнительное исследование структуры и особенностей расходов продавцов товаров на российских и зарубежных маркетплейсах. Для достижения поставленной цели в работе систематизированы основные виды расходов продавцов, а также проведен анализ различий в подходах платформ к их формированию.

Маркетплейсы относятся к многосторонним цифровым платформам, обеспечивающим взаимодействие различных групп пользователей и извлекающим доход за счет посреднических функций [6, с. 3]. В рамках данной модели платформа не только предоставляет цифровую инфраструктуру, но и формирует правила перераспределения издержек между участниками.

Ряд авторов подчеркивает, что ключевой особенностью маркетплейсов является концентрация значительной части расходов на стороне продавцов [5, с. 11]. В целях проведения сравнительного анализа в работе выделены следующие укрупненные группы расходов продавцов:

- комиссионные расходы;
- логистические расходы;
- маркетинговые расходы;
- транзакционные расходы;
- сервисные расходы.

Предложенная классификация позволяет сопоставлять различные модели маркетплейсов независимо от конкретных тарифов и условий обслуживания.

Для российских маркетплейсов (Ozon, Wildberries, Яндекс Маркет) характерна высокая доля логистических и сопутствующих расходов в структуре издержек продавцов, а также относительная нестабильность тарифных условий. Частые изменения правил обслуживания снижают предсказуемость итоговой нагрузки на продавцов и осложняют планирование unit-экономики [4, с. 4].

Зарубежные маркетплейсы, такие как Amazon и eBay, используют более регламентированные модели взаимодействия с продавцами. Выбор маркетплейсов Amazon и eBay для сравнительного анализа обусловлен их высокой степенью институциональной зрелости, значительной долей на глобальном рынке электронной коммерции, а также длительным периодом функционирования платформенных моделей. Данные платформы выступают репрезентативными примерами зарубежных маркетплейсов, на основе которых формировались базовые подходы к

регламентации взаимодействия с продавцами и стандартизации структуры издержек. Это позволяет использовать их в качестве корректного ориентира при сопоставлении с российскими маркетплейсами в части формирования и управления расходами продавцов. Несмотря на сравнительно высокий уровень комиссий, данные платформы обеспечивают большую прозрачность и прогнозируемость расходов по сравнению с российскими аналогами, что повышает управляемость экономических показателей бизнеса [7, с. 8].

Сравнительная характеристика расходов продавцов на российских и зарубежных маркетплейсах представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика расходов продавцов на маркетплейсах [составлено автором на основе анализа источников 1 – 7]

Показатель	**Российские маркетплейсы**	**Зарубежные маркетплейсы**
Основная модель дохода платформы	Комиссия, логистика, сервисы	Комиссия и сервисы
Доля расходов в выручке продавца	Высокая и нестабильная	Высокая, но прогнозируемая
Прозрачность тарифов	Средняя или низкая	Высокая
Роль логистических расходов	Ключевая	Вспомогательная
Маркетинговые расходы	Часто вынужденные	Преимущественно добровольные
Управляемость unit-экономики	Ограниченная	Относительно высокая

Выявленные различия отражают особенности трансформации российского и зарубежных рынков в условиях развития платформенной экономики.

Проведенное исследование показало, что расходы продавцов товаров на маркетплейсах формируются в рамках различных институциональных моделей. Для российских платформ характерна высокая и менее предсказуемая нагрузка на продавцов, в то время как зарубежные маркетплейсы предлагают более стабильную, но зачастую более затратную модель взаимодействия. Полученные результаты могут быть использованы при выборе маркетплейса и разработке стратегий присутствия продавцов на цифровых платформах.

Список источников

1. Блинов, А.О., Рудакова О. В. Электронные маркетплейсы как фактор трансформации розничной торговли // Экономика и предпринимательство. –2023. – № 10. – С. 112-118.

2. Болгова, Е. И. Платформенная экономика и трансформация торговых процессов // Управленческий учёт. – 2024. – № 3. – С. 45-52.

3. Голубков, Е. П. Развитие цифровых платформ и их влияние на рынок торговли // Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2023. – № 5. – С. 18-27.

4. Каращук, О. С., Никитин М. А. Формирование расходов продавцов на российских электронных маркетплейсах // Торгово-экономический журнал. – 2024. – № 2. – С. 34–42.

5. Рощина, Н. В. Трансакционные издержки в условиях цифровизации торговли // Вопросы экономики. – 2022. – № 9. – С. 98-109. – DOI: 10.32609/0042-8736-2022-9-98-109.

6. G. Parker, M. Van Alstyne , S. Choudary Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy. –New York: W. W. Norton & Company, 2016.

7. F. Zhu, Q. Liu Competing with complementors: An empirical look at Amazon Marketplace // Strategic Management Journal. –2018. – Vol. 39, No. 10. – P. 2618-2642. – DOI: 10.1002/smj.2932.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

УДК 316.334.4

Ретроспектива и адаптация социолого-правовой концепции Макса Вебера в современной юридической мысли

Абдужалилов Тимур Фарходович
аспирант, Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого
SPIN-код: 1965-9592, timur.abduzhalilov@yandex.ru

Аннотация. Предмет статьи охватывает междисциплинарные феномены гуманитарной научной сферы. Исследование характеризуется как теоретическое и комплексное ввиду применения метода логического синтеза к изучению концептуальных закономерностей между юриспруденцией и социологией. Цель работы в ретроспективном описании воздействия идей Макса Вебера на социологию права и современную юридическую мысль. Декомпозируется содержание работ Макса Вебера, анализируется сущность его концепции осмысления государственно-правовых явлений.

Ключевые слова: социология права, правопонимание, теория права, теория государства, концепция Вебера, междисциплинарное познание, ретроспектива.

Социология права как наука самим своим существованием уже вызывает научный спор по причине эклектичности [1] своего предмета и по причине отсутствия однозначного разграничения между социологией и юриспруденцией. В то же время, можно заметить, что эта научная сфера зарождается небезосновательно. Раннее появление социологии права базируется на кризисе философского постпозитивизма конца IX – начала XX века. В этот период появилась философская концепции Эмиля Дюркгейма, в которой право описывается как результат социальной солидарности и коллективной осознанной деятельности. Эта концепция исключительна ввиду эксцентричного содержания, которое расширяло существовавшую на тот момент научную парадигму появлением и развитием социологии права как самостоятельной науки [2].

С появлением нового кризиса I мировой войны социолого-правовая мысль Дюркгейма не была признана полностью безуспешной, напротив, социология права прошла через новый виток эволюционного переосмысления [3] через применение более универсальных идей Вебера, дополняющих концепт Дюркгейма. Научная деятельность Максимилиана Вебера охватывает практически всю первую четверть XX века, однако, его наиболее значимые работы о социологии права были опубликованы его женой и коллегами, получили мировое признание научного сообщества лишь после его трагической смерти от пневмонии.

Переходя к непосредственному анализу содержания теории Макса Вебера, необходимо описать её концептуальность в науке. Она состоит в том, что

теория Макса Вебера кардинально изменила существовавшую ранее позитивистскую научную парадигму. Социологический позитивизм факта Дюркгейма сменился новой смысловой социологией действия Вебера. Существовавшая идея коллективного сознания Дюркгейма впервые в истории социологии была подвергнута корректировке и наполнена дополнениями. Новая версия концепции стала более универсальной. Коллективное сознание приписывалось социуму на макроуровне, Вебер этого не отрицал, его дополнение было связующим. В своих идеях он выразил то, что крупные макроструктуры и социологические феномены, описываемые как коллективное сознание возникают из системы осознанных актов индивидов. Ввиду этого перед социологией права открылась новая сфера исследования, которая состояла в познании детерминант поведения индивидов.

Методологический индивидуализм в социологии Вебера именуется классической. В юриспруденции рассматриваемая социолого-правовая концепция также была воспринята с научным энтузиазмом. Восприятие права как объективного и позитивно установленного элемента пережило философский онтологический и аксиологический кризис. Научная мысль была поставлена в тупик, а мировые геополитические и внутригосударственные социальные нестабильности стали катализатором к переосмыслению существовавших на тот момент позитивных концепций понимания государства и права. Тогда получила свою актуальность концепция живого динамичного права Макса Вебера. Право отныне перестало восприниматься объективным придатком коллективного разума, Вебер показал корреляцию связи права с управляющим кругом власти, который действует по принципу легитимности и придерживается социальных предпосылок, которые выражаются не только в наличии лидерской группы, но и в наличии подвластных, которые подтверждают характер правоотношений населения и государства путём подчинения правилам поведения.

В исследовании государства и права Вебер выявил социальную модель, схожую с учреждением, в котором государство выступает в качестве начальства, обладающего легитимной монополией на осуществление насилия, а в качестве подчинённых выступает народ, проживающий на соответствующей территории. Он указал на то, что стабильность государства подтверждается уровнем готовности народа передать осуществление насилия в монополию государства. Такая готовность легитимизировать насилие должна быть мотивированной той или иной причиной, по изучении которых Веберу удалось выстроить ценностную социологическую типологизацию государственного управления:

1. Традиционный тип управления мотивируется глубокими религиозными убеждениями и приверженностью народа к соблюдению обычаев и консервативных порядков.

2. Харизматический тип управления возникает из мотивации народа, обусловленной героическим восприятием правителя.

3. Рациональный тип управления реализуется в случае, если коллективное сознание социума сфокусировано на прагматических ценностях, среди которых могут быть убеждения в укреплении принципа законности, эффективности правовой системы и тому подобным рациональным социальным ориентирам.

Адаптация концепции Максимилиана Вебера может быть выявлена в современных социологических исследователях. В России социология права развивалась инклюзивно [4], однако, в качестве примера успешной адаптации можно рассмотреть концепцию французского социолога Пьера Бурдьё. Его идеи чем-то перекликаются с позицией Вебера, например, он не отрицает полностью коллективное сознание, однако, вводит более насыщенный новый термин «габитус», который расширяет коллективное сознание, поддерживающее легитимность правопорядка дополнением в него бессознательных пресуппозиций и предубеждений. Бурдьё отходит от представлений Вебера о монополии на осуществление физического насилия и вводит термин символического насилия, при котором власть закрепляется в рамках социальных полей влияния, а право служит инструментом для внутреннего подчинения социальному полю. В то же время право по его концепции является ещё более живым чем у Вебера, а влиять на социальные поля можно, развивая индивидуальные знания и накапливая ресурсы, обращаясь к помощи публичных механизмов. В некоторых источниках адаптация заменяется термином модификация [5], однако, смысл этих процессов весьма схож.

В заключение отметим, что социология права находится в динамике постоянного развития. Однако, несмотря на это, прогресс научной мысли является закономерным и эволюционным. Прошлые теории и концепции сохраняются как важные идеи, становящиеся опорой будущим исследованиям.

Список источников

1. Геец, Н. Ф. Социология права: наука или область знания? / Н. Ф. Геец // Тенденции развития науки и образования. – 2025. – № 121-3. – С. 57-60. – EDN WEPKUW.

2. Круглов, А. Ю. Право как социальный факт: роль теоретических воззрений Эмиля Дюркгейма в зарождении социологии права / А. Ю. Круглов // Advances in Law Studies. – 2023. – Т. 11, № 2. – С. 1-5. – DOI 10.29039/2409-5087-2023-11-2-1-5. – EDN HCOZXI.

3. Краевский, А. Концептуальные основания социологии права П.А. Сорокинаи М. Вебера / А. Краевский // Социологическое обозрение. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 108-123. – DOI 10.17323/1728-192x-2023-2-108-123. – EDN KBONPT.

4. Крусс, В. И. Феномен аконституционной инновации как "вторичный иммунодефицит" социологии и политики права / В. И. Крусс // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 31-40. – EDN MIDSHB.

5. Матвеев, Д. В. Перспективы Прагматического подхода в социологии права / Д. В. Матвеев // Альманах молодого исследователя. – 2022. – № 12. – С. 35-39. – EDN GBENMR.

УДК 316.4

Оценка цифровых рисков и социальной безопасности населением Санкт-Петербурга

Багдасарян Диана Арцруновна
аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
SPIN-код: 7199-2434, bagdasaryan.di@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется восприятие цифровых рисков и социальной безопасности населением Санкт-Петербурга. Эмпирическую основу исследования составили данные анкетного опроса жителей мегаполиса. Установлено, что при общем росте цифрового комфорта усиливаются опасения, связанные с безопасностью данных и доверием к цифровым технологиям.

Ключевые слова: социальная безопасность, цифровые риски, цифровизация, анкетный опрос, искусственный интеллект.

В условиях цифровизации социальная безопасность всё чаще рассматривается как результат взаимодействия технологических изменений и управленческих практик, влияющих на устойчивость и стабильность общественных процессов. Обеспечение социальной стабильности в цифровой среде предполагает учёт не только институциональных механизмов управления, но и субъективных оценок населения, отражающих уровень доверия и восприятие новых рисков [1]. Кроме того, цифровая трансформация управленческих и кадровых процессов сопровождается ростом неопределённости и управленческих рисков, что напрямую влияет на ощущение защищённости и стабильности в обществе [2]. В этой связи анализ оценок цифровых рисков населением выступает важным инструментом диагностики состояния социальной безопасности на региональном уровне, что и определило эмпирическую направленность настоящего исследования.

Исследование проводилось в 2024-2025 гг. с использованием электронной анкеты (Google Forms), выборка составила 315 респондентов, из которых 78,8% указали местом проживания Санкт-Петербург, остальные – близлежащие регионы Северо-Запада. Выборка носила целенаправленный характер и формировалась по принципу «снежного кома» среди студентов, выпускников вузов и молодых специалистов, социально-демографический профиль респондентов указан в таблице 1.

Таблица 1 – Социально-демографический профиль респондентов

Показатель	**Характеристика**	
Пол	Женщины – 71,1%	Мужчины – 28,9%
Возраст	18–24 года – 82,9%; 25–34 года – 9,5%; 35 лет и старше – 7,6%	
Уровень образования	Неоконченное высшее – 59,0%; высшее – 32,4%; учёная степень – 4,1%; среднее / среднее специальное – 4,6%	
Основной профиль образования	Социальные науки (социология, политология) – 27,5%	

Результаты опроса показывают высокий уровень цифровой интеграции городской молодёжи. Ежедневно цифровыми услугами пользуются 79,4% респондентов, ещё 16,8% – несколько раз в неделю. Таким образом, 96,2% участников опроса используют цифровые сервисы не реже нескольких раз в неделю, что превышает среднероссийские показатели и отражает специфику мегаполиса.

Цифровизация воспринимается респондентами преимущественно позитивно: 91,4% опрошенных отметили рост уровня комфорта в повседневной жизни за последние 3-5 лет. Основными преимуществами цифровых услуг названы возможность получения услуг без выхода из дома (85,1%), экономия времени (73,7%) и расширение выбора товаров и услуг (68,6%).

Несмотря на активное использование цифровых сервисов, респонденты испытывают высокий уровень тревожности: только 24,8% опрошенных заявили, что не сталкивались с угрозами в цифровой среде, тогда как 75,2% указали на наличие негативного опыта, чаще всего – кибермошенничество (47,6%), нарушение конфиденциальности персональных данных (47%) и атаки вредоносным ПО (36,5%). Таким образом, цифровые риски носят не абстрактный, а практический характер и непосредственно затрагивают повседневную жизнь населения, указывает на дефицит доверия к цифровым платформам и институтам. Это подтверждает вывод о том, что доверие выступает ключевым условием устойчивой цифровой трансформации и элементом социальной безопасности региона.

Анализ общественных ожиданий показал, что респонденты связывают повышение цифровой безопасности прежде всего с технологическими и образовательными мерами. Наиболее эффективными инструментами названы развитие технологий защиты данных (74,6%) и обучение населения цифровой грамотности (73,3%). Усиление законодательства в сфере цифровой безопасности поддержали 47,6% опрошенных. Полученные данные свидетельствуют о запросе на комплексный подход к обеспечению социальной безопасности в цифровой среде, сочетающий технические решения, правовое регулирование и просветительскую работу.

Отдельный блок исследования был посвящён технологиям искусственного интеллекта (ИИ). Более половины респондентов (51%) сталкиваются с ИИ ежедневно, ещё 36% – несколько раз в неделю, что отражает высокую степень проникновения алгоритмических технологий в повседневную жизнь.

Отношение к ИИ можно назвать позитивным: около 59% опрошенных заявили, что скорее доверяют технологиям ИИ, тогда как примерно 24% выразили недоверие. Основными причинами доверия респонденты назвали положительный опыт использования ИИ (в т.ч. на работе) (77%), широкое распространение ИИ во многих сферах (51%), объективность и беспристрастность ИИ (49%), способность ИИ к самообучению и улучшению со временем (49%). Не доверяют ИИ из-за риска ошибок алгоритма, сбоев и непредусмотренных ситуаций (95%), угроз приватности (95%), этических и социальных рисков (решения ИИ могут противоречить нравственным нормам, 80%). Это указывает на необходимость институционального и этического регулирования использования алгоритмических технологий в социальной и управленческой сферах.

Результаты исследования показывают, что цифровая трансформация в Санкт-Петербурге воспринимается населением как фактор повышения комфорта и эффективности повседневной жизни, однако одновременно сопровождается ростом цифровых рисков. Полученные данные подтверждают необходимость развития региональной политики социальной безопасности, ориентированной на снижение цифровых рисков, повышение цифровой грамотности и формирование доверия к новым цифровым решениям.

Список источников

1. Маргулян, Я. А. Обеспечение социальной стабильности общества в условиях цифровизации: управленческий аспект / Я. А. Маргулян, Д. А. Багдасарян // Современный менеджмент: проблемы и перспективы : Сборник статей по итогам XX Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. – С. 148-152. – EDN THQCAB.

2. Пономаренко, Б. Т. Цифровая трансформация управления персоналом в современных организациях / Б. Т. Пономаренко // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право : Сборник научных трудов: материалы III Ежегодной Международной научно-практической конференции, Всероссийского круглого стола и Всероссийских научно-практических конференций, Москва, 16 мая – 27 2024 года. – Москва: Московский психолого-социальный университет, 2024. – С. 2027-2031. – EDN KODCIC.

УДК 331.5

Направления развития деловой карьеры в условиях цифровой экономики

Бурова Вероника Андреевна
студент, Брестский государственный технический университет,
veronikaburova99@gmail.com
Мишкова Маргарита Петровна
доцент, Брестский государственный технический университет

Аннотация. Статья раскрывает специфику кадровых стратегий России и Беларуси, направленных на формирование адаптивного человеческого капитала для реализации приоритетов в области прикладного ИИ и экспортного ИТ-сервиса. Установлено, что развитие междисциплинарных компетенций в рамках национальных программ выступает ключевым фактором технологического суверенитета и долгосрочной устойчивости экономик обеих стран.

Ключевые слова. цифровая экономика, междисциплинарные компетенции, адаптивный человеческий капитал, технологический суверенитет, союзное государство.

Цифровое партнерство России и Беларуси на современном этапе перерастает рамки обычного технологического обмена. В центре внимания оказывается формирование динамического интеллектуального ресурса, ключевым свойством которого становится способность к превентивной трансформации компетенций [3, с. 12]. Такая «текучесть» навыков выступает своего рода связующим звеном между российскими амбициями по тотальному внедрению искусственного интеллекта в индустрию [9] и белорусской стратегией удержания экспортных высот в ИТ-секторе [2].

Российский маневр: гибридный капитал вместо узкой специализации

К 2026 году стало очевидно: эпоха «чистых» технических специалистов уходит в прошлое. Обновленный нацпроект «Кадры» [4, с. 5] фактически провозгласил манифест против узкопрофильного техницизма, сделав ставку на конвергентный человеческий потенциал. Это прямое следствие векторов «Экономики данных» [5], где разработка программного обеспечения сама по себе вторична по отношению к искусству его вживления в живую ткань социальных и промышленных систем.

Масштаб этой образовательной встряски отчетливо прослеживается в регламентах Минтруда [7]. Перечень из 186 профессий, подлежащих переобучению, представляет собой не просто список, а карту дефицитов реального сектора. Ключевым требованием времени становится симбиоз классических отраслевых навыков и умения работать с нейросетевыми алгоритмами [9]. В рамках этой модернизации выделяются две опорные точки:

1. Интеллектуализация менеджмента: профессиональная траектория руководителя сегодня жестко привязана к культуре управления на основе данных [8]. Менеджер эволюционирует из пользователя цифровых сервисов в архитектора смыслов для сложных прогностических систем.

2. Прикладной суверенитет: потребность в автономности сформировала спрос на инженеров, способных обеспечить бесшовную миграцию предприятий на отечественные программные «рельсы» без остановки производственного цикла.

Белорусский сценарий: трансформация Парка высоких технологий и промышленная конвергенция

В Беларуси наблюдается не менее глубокая мутация технологической модели. Парк высоких технологий [2] перестал быть изолированным экспортным хабом, превратившись в основного донора цифровых решений для госсектора и промышленности [6]. Как подчеркивается в работах Г. Г. Головенчик, выживание в глобальной цепочке разделения труда теперь прямо пропорционально кросс-функциональности национальных кадров [1, с. 84].

Эволюцию квалификационных требований в республике определяют три триггера:

1. Усложнение структуры сервисов: ИТ-компании мигрировали от простого кодинга к стратегическому консалтингу, сохраняя при этом экспортную гибкость [10, с. 45].

2. Цифровое госуправление: модель «Электронного правительства» [6] сформировала запрос на специалистов, умеющих переводить бюрократические процедуры на язык алгоритмов.

3. Завод как цифровая лаборатория: в цехах машиностроительных и нефтехимических гигантов границы между инженером и программистом фактически стерлись [1, с. 112]. Это требует навыков оперирования сложными комплексами, соответствующими мировым стандартам.

Белорусский кейс наглядно подтверждает: накопленная годами экспортная экспертиза может служить мощным рычагом для внутренней модернизации. На авансцену выходит специалист-универсал, чей профиль объединяет технологическую глубину, аналитическую хватку и понимание административных механизмов [1, с. 112; 6]. В конечном итоге взаимодействие в рамках Союзного государства фокусируется на развитии адаптивного человека [3], что позволяет гармонично сочетать российскую потребность в технологической автономности с экспортным драйвом Беларуси.

Список источников

1. Головенчик, Г. Г. Цифровизация белорусской экономики в современных условиях глобализации / Г. Г. Головенчик. – Минск : Белорусский государственный университет, 2019. – 257 с. – ISBN 978-985-553-581-3. – EDN NBJLSV.

2. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» // Эталон-Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=pd1700008 (дата обращения: 09.02.2026).

3. Договор о создании Союзного государства (подписан в г. Москве 08.12.1999) // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/ (дата обращения: 09.02.2026).

4. Паспорт национального проекта «Кадры» : утв. протоколом заседания Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 22 дек. 2025 г. № 12. – М., 2025 // ИПП Гарант. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412295680/ (дата обращения: 09.02.2026).

5. Паспорт национальной программы «Экономика данных и экономика предложения» : утв. распоряжением Правительства РФ от 25 дек. 2024 г. № 3824-р. – М., 2024 // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3RjPVx (дата обращения: 09.02.2026).

6. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 марта 2021 г. № 176 «О Государственной программе „Цифровое развитие Беларуси“ на 2021–2025 годы» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100066 (дата обращения: 09.02.2026).

7. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 января 2026 г. № 14н «Об утверждении перечня профессий для профессионального обучения и переподготовки в рамках национального проекта „Кадры“» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: https://mintrud.gov.ru/employment/340 (дата обращения: 09.02.2026).

8. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 09.02.2026).

9. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. от 15.02.2024) //

СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 09.02.2026).

10. Digital Economy Report 2024 : Shaping a sustainable and inclusive digital future. – Geneva : UNCTAD, 2024. – 210 p. – DOI: 10.18356/9789210029.

УДК 316.4

Трансформация управленческого контроля и автономии в условиях дистанционной работы

Гремилов Александр Владимирович
аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, grsanek@icloud.com

Аннотация. В статье рассматривается трансформация управленческого контроля и трудовой автономии в условиях дистанционной работы. Обосновывается тезис о переходе от контроля присутствия к контролю результата, а также показывается, что рост автономии работников носит условный характер и сопровождается усилением цифровой наблюдаемости и формализации оценки труда. Дистанционная работа интерпретируется как особый режим организационного управления, изменяющий традиционные основания управляемости.

Ключевые слова: дистанционная работа, оценка труда, контроль, автономия, цифровизация труда.

Распространение дистанционной работы стало одним из наиболее заметных организационных сдвигов последних лет. В управленческом и общественном дискурсе удалённый формат нередко описывается через категории гибкости, свободы и роста автономии работников [1]. Однако подобные оценки зачастую опираются на поверхностное понимание трансформаций, связанных с отказом от физического присутствия на рабочем месте.

В действительности дистанционная работа затрагивает базовые механизмы управленческого контроля, трансформируя способы обеспечения дисциплины, ответственности и предсказуемости трудового поведения. В этой связи особый интерес представляет анализ смещения управленческого контроля от фиксации присутствия к оценке результатов деятельности.

Целью настоящей статьи является анализ изменений соотношения контроля и автономии работников в условиях дистанционной работы и выявление управленческих последствий данного сдвига.

В классических организационных моделях контроль присутствия выступал одним из ключевых инструментов управления. Фиксированное рабочее время, пространственная локализация труда и визуальная доступность работников позволяли обеспечивать управляемость без необходимости постоянной формализации результатов деятельности. Присутствие работника на рабочем месте выпол-

няло не только функциональную, но и символическую роль, выступая индикатором включённости в организацию и соблюдения трудовой дисциплины. Даже при отсутствии непосредственной загрузки наличие сотрудника на рабочем месте воспринималось как признак его вовлечённости в деятельность организации. Сам факт физического присутствия в офисе – нахождение за рабочим столом в установленное время – служил сигналом соблюдения трудовой дисциплины и лояльности организационным нормам, независимо от реального объёма выполненной работы.

Однако с переходом к дистанционной работе данные механизмы теряют свою эффективность. Отсутствие физической совместности делает контроль присутствия невозможным или формальным, что вынуждает организации искать альтернативные основания управляемости. Основным объектом управления становятся не действия работника в процессе труда, а измеримые итоги: выполненные задачи, соблюдение сроков, достижение показателей эффективности [3].

Данный сдвиг сопровождается активным внедрением систем целеполагания, показателей эффективности и цифровых платформ управления задачами. Контроль приобретает опосредованный характер и осуществляется через фиксацию результатов в цифровой среде, что позволяет поддерживать управляемость при пространственной разобщённости участников трудового процесса.

Подобная трансформация часто интерпретируется как расширение автономии работников. Действительно, дистанционный формат предоставляет больше свободы в организации рабочего времени и способов выполнения задач. Однако данная автономия оказывается строго ограниченной рамками формализованных ожиданий и показателей результативности.

Кроме того, в более широком контексте данные процессы связаны с социальной безопасностью: с одной стороны, расширяются управленческие возможности, а с другой – формирует новые социальные риски, затрагивающие сферу труда и социальную защищённость работников [2]. Например, освобождение от пространственного и временного контроля компенсируется усилением требований к прозрачности и отчётности. Работник получает возможность самостоятельно выстраивать рабочий процесс, но одновременно оказывается включён в систему постоянной цифровой фиксации результатов и активности.

В дистанционной работе работник вынужден не только выполнять задачи, но и демонстрировать свою продуктивность в цифровом формате. Таким образом, автономия сопровождается ростом самоконтроля и ориентацией на соответствие формализованным метрикам.

Переход от контроля присутствия к контролю результата приводит к изменению самой логики управляемости организаций. Управление всё меньше опирается на поведенческие индикаторы и всё больше – на абстрактные показатели эффективности.

Для работников это означает изменение оснований профессиональной идентичности: ценится не участие в процессе, а способность производить измеримый результат. Для управленцев – необходимость балансировать между доверием и контролем, избегая как избыточного надзора, так и потери управляемости.

Дистанционная работа не устраняет управленческий контроль, а трансформирует его основания и инструменты. Смещение от контроля присутствия к контролю результата сопровождается формальным расширением автономии работников, которое на практике сочетается с усилением цифровой наблюдаемости и самодисциплины.

Рассмотрение дистанционной работы через призму трансформации контроля и автономии позволяет интерпретировать её не как временное отклонение от «нормального» режима труда, а как устойчивую управленческую модель, характерную для цифровизирующихся организаций. Данный подход открывает возможности анализа новых форм власти и ответственности в условиях дистанционной занятости.

Список источников

1. Балабанова, Е. С. Труд в условиях удаленной и гибридной занятости (на примере работников IT-компаний) / Е. С. Балабанова, Д. А. Молчанова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 3-25. – DOI 10.21638/spbu12.2022.101. – EDN REROUN.

2. Бразевич, С. С. Влияние процессов цифровизации на систему управления социальной безопасностью российского социума / С. С. Бразевич, Я. А. Маргулян, Д. А. Багдасарян // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 11(187). – С. 25-32. – DOI 10.24158/tipor.2023.11.2. – EDN YTDFCT.

3. Миролюбов, А. С. Методы оценки эффективности управления в распределенных (удаленных) IT-командах / А. С. Миролюбов // Журнал прикладных исследований. – 2025. – №8. – С. 52-57.

УДК 316.334.3

Региональная идентичность у молодежи как ресурс устойчивого социально-экономического развития субъектов Российской Федерации

Дерябин Владислав Сергеевич
аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, SPIN-код: 9707-2849,
DeryabinVS@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается региональная идентичность молодежи как социокультурный ресурс устойчивого социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Обосновывается значимость региональной идентичности в контексте трансформационных процессов и реализации стратегий устойчивого развития. Делается вывод о необходимости институциональной интеграции региональной идентичности в систему государственной молодежной и региональной политики.

Ключевые слова: региональная идентичность, молодежь, устойчивое развитие, социально-экономическое развитие, региональная политика, государственное управление.

В условиях современных социально-экономических трансформаций устойчивое развитие регионов Российской Федерации все в большей степени зависит не только от материальных ресурсов и экономических показателей, но и от социокультурных факторов. Одним из таких факторов выступает региональная идентичность молодежи, формирующая ценностные ориентации, модели социального поведения и отношение к пространству проживания. В стратегических документах, посвященных устойчивому развитию, подчеркивается необходимость комплексного учета человеческого капитала и нематериальных ресурсов территорий, что актуализирует научный интерес к феномену региональной идентичности [1, с. 224-226].

Региональная идентичность представляет собой форму социальной идентичности, отражающую осознание индивидом своей принадлежности к определенному региональному сообществу, основанную на общности территории, исторического опыта, культурных символов и социально-экономических условий. В молодежной среде данный тип идентичности находится в стадии активного формирования и отличается высокой чувствительностью к институциональным и социокультурным воздействиям. Именно поэтому молодежь выступает ключевой социальной группой, через которую региональная идентичность может трансформироваться в ресурс устойчивого развития [3, с. 501-504].

С точки зрения теории устойчивого развития, социальная устойчивость региона предполагает наличие устойчивых социальных связей, доверия к институтам власти и готовности населения участвовать в реализации долгосрочных стратегий развития. Региональная идентичность молодежи способствует формированию этих характеристик за счет укрепления чувства сопричастности к региону, повышения мотивации к профессиональной и гражданской самореализации на территории проживания, а также снижения миграционных установок, ориентированных на выезд из региона. Таким образом, региональная идентичность может рассматриваться как фактор стабилизации социально-экономических процессов [2, с. 118-121].

Особое значение региональная идентичность молодежи приобретает в контексте воспроизводства человеческого капитала. Устойчивое социально-экономическое развитие невозможно без закрепления квалифицированных молодых специалистов в регионах. Осознание ценности «малой родины», позитивное восприятие регионального пространства и доверие к региональным институтам власти повышают вероятность того, что молодежь будет связывать свое профессиональное будущее с конкретным субъектом Российской Федерации. В этом смысле региональная идентичность выполняет функцию нематериального стимула, дополняющего экономические механизмы региональной политики [5].

Вместе с тем региональная идентичность не является автоматически позитивным ресурсом устойчивого развития. Ее влияние во многом определяется институциональным контекстом и характером государственной политики. При отсутствии эффективных каналов включения молодежи в социально-экономиче-

ские и управленческие процессы акцентуация региональной идентичности может носить декларативный характер и не приводить к реальным социально-экономическим эффектам. Более того, чрезмерная локализация идентичности без интеграции в общенациональное пространство способна формировать установки замкнутости и снижать уровень межрегиональной мобильности [6, с. 71-73].

В современных условиях особую роль приобретает согласование механизмов формирования региональной идентичности молодежи с инструментами региональной социально-экономической политики. Программы поддержки молодежных инициатив, территориально ориентированные грантовые конкурсы, а также развитие проектных форм участия молодежи в решении локальных социально-экономических задач способствуют трансформации идентичности из символического конструкта в практический ресурс развития. Включенность молодежи в реализацию региональных проектов повышает уровень социальной ответственности, формирует навыки коллективного действия и укрепляет доверие к институтам публичной власти, что соответствует целям устойчивого роста территорий.

В этой связи важным направлением государственной и муниципальной политики является институционализация региональной идентичности молодежи через механизмы образования, молодежного самоуправления, проектной деятельности и участия в региональных программах развития. Интеграция регионального компонента в образовательные и воспитательные практики позволяет формировать у молодежи устойчивое понимание социально-экономической специфики региона, его стратегических приоритетов и перспектив развития. Это, в свою очередь, повышает управляемость региональных процессов и способствует реализации долгосрочных целей устойчивого роста [4].

Следует учитывать, что эффективность использования региональной идентичности молодежи как ресурса устойчивого развития ограничивается рядом структурных и институциональных факторов. К ним относятся социально-экономическая дифференциация регионов, неравномерность доступа молодежи к образовательным и профессиональным возможностям, а также различия в качестве регионального управления. При отсутствии комплексной стратегии развития акцент на региональной идентичности может не сопровождаться реальными социально-экономическими изменениями, что снижает доверие молодежи к заявленным целям устойчивого развития и ограничивает потенциал данного ресурса.

Таким образом, региональная идентичность молодежи может рассматриваться как значимый ресурс устойчивого социально-экономического развития субъектов Российской Федерации при условии ее институциональной поддержки и включенности в систему регионального управления. Формирование и воспроизводство данного ресурса требует комплексного подхода, сочетающего социокультурные, управленческие и экономические инструменты. Результаты анализа позволяют сделать вывод о необходимости дальнейших эмпирических исследований, направленных на выявление конкретных механизмов трансформации региональной идентичности молодежи в фактор устойчивого развития территорий.

Список источников

1. Горев, Д. В. Факторы устойчивого развития региональных социально-экономических систем / Д. В. Горев // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2013. – Т. 169. – С. 221-230. – EDN LXDNOZ.

2. Киселева, А. М. Устойчивое развитие региона на основе баланса интересов населения, органов власти и бизнес-сообщества / А. М. Киселева // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 117-129. – DOI 10.24147/1812-3988.2021.19(4).117-129. – EDN EZRADK.

3. Леухова, М. Г. Региональная идентичность в стратегировании / М. Г. Леухова, Т. И. Грицкевич // Стратегирование: теория и практика. – 2022. – Т. 2, № 4(6). – С. 500-516. – DOI 10.21603/2782-2435-2022-2-4-500-516. – EDN MUHEDE.

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации "Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г."" от 17 августа 2024 г. № 2233-р // Официальный интернет-портал правовой информации // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_484654/ (Дата обращения: 09.02.2026).

5. Сериков, А. В. Региональная идентичность в контексте молодежного экстремизма в российском обществе / А. В. Сериков // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – № 2. – С. 235-241. – DOI 10.22394/2079-1690-2019-1-2-235-241. – EDN ZTMZZZ.

6. Тумакова, К. Е. Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс / К. Е. Тумакова // Власть. – 2010. – № 3. – С. 70-73. – EDN LALWZP.

УДК 364

Бескорыстность бизнеса и НКО в контексте концепции устойчивого развития

Карташова Маргарита Сергеевна
магистрант, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, ya.Rita-ta@yandex.ru

Аннотация. В статье показана связь между социальными инициативами организаций, бескорыстным поведением их сотрудников и реализацией концепции устойчивого развития. Замечено, что от того, как организация сама включается в общественную повестку, зависит и то, как будут включаться и отдельные ее работники, что подкрепляется результатами двух эмпирических исследований. Таким образом достигается больший вклад в реализацию ESG-повестки.

Ключевые слова: устойчивое развитие, корпоративный альтруизм, бескорыстность, бизнес, некоммерческие организации, социальные инициативы, благотворительность.

В современных реалиях общество стало требовать от бизнес-структур и их представителей участия в решении социальных вопросов.

Из данных, полученных в ходе проведения с начала 1950-х годов западными учеными эмпирических исследований, было выработано две теории – «корпоративный эгоизм» и «корпоративный альтруизм» [2, 3]. Первая подразумевает, что не бизнес, а только государство должно заниматься общественной повесткой. Причины следующие: во-первых, для бизнеса дорого вкладывать деньги в проблемы общества, во-вторых, автоматически дорого это становится для клиентов и персонала, ведь страдающий от дополнительных издержек бизнес закладывает их в виде надбавки к цене конечного продукта и уменьшает заработную плату сотрудников [2, 3]. Теория «корпоративного альтруизма» противоположна. Здесь бизнес представляет собой альтруистически настроенные организации и их лидеров, которые считают помощь своим моральным долгом и готовы вкладываться в общественные проекты, благосостояние своих работников, охрану окружающей среды. Однако, существует помеха – не все организации могут позволить себе весомые траты на решение социальных вопросов. Включиться в этот процесс вместе с государством могут лишь крупные компании; организациям же меньших размеров экономически более трудно быть полноценно вовлеченными в общественную повестку. Соответственно, с учетом того, что каждая компания по-своему проявляет социальную ответственность, имеет на нее свои взгляды и объем финансовых средств, выделяется три наиболее частых способа участия бизнеса в решении социальных вопросов и реализации альтруизма: 1) уплачиваются налоги в государственные органы, а также соблюдаются установленные законодательно меры; 2) проявляется забота о сотрудниках компании, то есть осуществляется непосредственно внутренняя корпоративная ответственность и 3) улучшается жизнь различных слоев общества с помощью участия бизнеса в проектах, организации им собственных мероприятий благотворительности. При этом, полноценной бескорыстной деятельностью компаний считается именно третье направление [2, 3].

Некоммерческие же организации представляют собой организации, которые формулируют в качестве главной цели не получение прибыли, а благо общества и решают социальные проблемы. Они нередко занимаются сбором средств для нуждающихся, оказывают социальные услуги и поддержку, проводят культурные мероприятия, помогают людям обучиться необходимым навыкам, занимаются охраной окружающей среды. Они следуют принципам социальной ответственности и открытости, привлекают волонтеров и добровольцев к реализации своих проектов.

В 2015 году, 25 сентября, Организацией Объединенных Наций были приняты 17 целей устойчивого развития, которые необходимо достичь к 2030 году. Сюда входят сокращение неравенства, ликвидация голода и нищеты, ответственное потребление, бережное отношение к экосистемам. Такой четкий и исчерпывающий список требующих внимания направлений повышения и поддержания социального благополучия, возрастающий запрос общества на просоциальность организаций, а также позитивный пример, показываемый НКО, побуждают бизнес все больше включаться в повестку дня, проявляя бескорыстность, и заниматься полезной для общества деятельностью. Более того, все чаще избираемое

компаниями направление «корпоративного добровольчества» приносит множество преимуществ и ощутимые позитивные эффекты, – от усиления имиджа корпорации и бренда работодателя до личностного роста отдельных сотрудников [1].

В рамках подготовки выпускной квалификационной работы автором было проведено исследование на тему «Бескорыстное поведение сотрудников организации», направленное на выявление проявлений бескорыстности в разных типах профессий и организаций. Далее будут раскрыты аспекты, которые касаются непосредственно организаций.

Выборка группового анкетного опроса состояла из 21 респондента, из которых 11 опрошенных представляли собой работников организаций и 10 – студентов ВУЗов. Разделение по полу представляло собой соотношение из 71,5% женщин и 28,5% мужчин; возрастное разделение представляло 9,6% (2 респондента) до 20 лет, 71,4% (15 респондентов) попали в категорию «20-44» и 19% (4 респондента) составили возрастную группу 45 и более лет.

Проведенный опрос закрепил утверждение, что альтруистичное поведение работников действительно зависит от профессии и организации, в которой они трудятся. В свою очередь, участие организациями в благотворительных и иных мероприятиях зависит от сферы деятельности. Было выявлено, что в коммерческом секторе, в частности, банковском, представители которого стали респондентами исследования, участие представлено в виде прямой благотворительности, спонсорства, перечисления средств в детские дома, фонды. Зачастую сами организации создают данные мероприятия. В организациях государственного сектора бескорыстность реализуется через участие в социальных проектах, проведение выступлений перед ветеранами, поездки в детские дома и больницы. Действуют и НКО.

Устойчивое развитие подразумевает под собой и бескорыстие, то есть действия на благо других людей без выгоды для себя. К примеру, ликвидация голода и нищеты, если декомпозировать эту цель до уровня организации и уровня отдельных работников, как раз и будет выражаться в бескорыстных поступках во благо нуждающимся. И от того, как организация относится к помощи обществу, зависит и вовлеченность в эти инициативы отдельных работников. Также влияет на это деятельность самих работников, профессия, личностные черты каждого отдельного человека.

Еще одним проведенным исследованием стал анкетный опрос, уточняющий инструменты управления бескорыстным поведением сотрудников организаций.

Было опрошено 35 человек, из которых 25 – работники организаций и 10 – студенты ВУЗов. Насчитано 14 сотрудников некоммерческого сектора, в том числе государственных организаций, связанных с медициной, образованием, жилищно-коммунальным хозяйством, подземным строительством; 11 сотрудников коммерческих организаций в сферах жилого строительства, информационных технологий, услуг, розничной торговли, транспорта и банковской сфере.

Удалось выяснить, что существование в оргкультуре ценностей взаимопомощи и поддержки, личный пример руководителя, участие самой организации

как единого целого в мероприятиях благотворительности стимулируют и отдельных сотрудников к проявлению бескорыстия, в том числе в формах участия в социальных, благотворительных мероприятиях и волонтерстве. Кроме того, выявлено, что участие организации в общественных инициативах, чтобы оно несло побуждающий эффект на сотрудников, необходимо подкреплять подробной обратной связью о результатах таких мероприятий, чтобы люди понимали, насколько важно помогать другим, какие достигаются успехи и как важен вклад каждого отдельного человека в решение социальных проблем.

Таким образом, участвуя в тех или иных общественных инициативах и вовлекая в это своих сотрудников, бизнес и НКО делают весомый вклад в достижение целей устойчивого развития.

Список источников

1. Белановский Ю. Корпоративное и социальное волонтерство. Опыт брендов и мнения экспертов – М.: Омега-Л, 2017. – 320 с.

2. Смирнова, О. А. Влияние корпоративной социальной ответственности бизнеса на устойчивое развитие / О. А. Смирнова, С. В. Челак, Н. В. Пяткова // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2025. – № 3(51). – С. 36-50. – DOI 10.37468/2307-1400-2025-3-36-50. – EDN SRFTWN.

3. Токарева, С. Б. Социальная ответственность: мотивы, ценности, морально-нравственные основания (на примере бизнес-организаций и НКО Г. Волгограда) / С. Б. Токарева, О. В. Голубь // Logos et Praxis. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 46-54. – DOI 10.15688/lp.jvolsu.2019.3.5. – EDN CVWKEQ.

УДК 37.014

Молодёжная политика – стратегически важная сфера и инструмент укрепления национальной идентичности и государственности

Максимова Александра Николаевна
студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, anmaksimova07@gmail.com
Лунева Светлана Курусовна
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, SPIN-код:2753-6064, isvetlana1508@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ молодежной политики в стране для реализации молодежи в различных сферах деятельности, раскрытия способностей, получения образования, участия в общественно-политической жизни страны и государства. Молодежь, как наиболее активная часть населения с ранних лет необходимо вовлекать в различные виды деятельности. Национальный проект «Молодёжь и дети» является качественно новым направлением реализации молодёжной политики.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, демографические вызовы, национальные проекты, идентификация

Молодежь представляет одну из самых активных слоев общества, «завтрашний день» страны, они будут строить экономику, культуру, государство. В условиях демографических вызовов, социальной нестабильности и внешних давлений важно, чтобы молодые люди имели возможности для образования, развития, социальной самореализации, чувствовали себя нужными и причастными к процессам, происходящим в стране, идентифицировали себя, как часть общества. Очень важно в настоящее время сориентировать молодежь, дать верные направления движения и развития с гражданской идентификацией. Молодёжная политика – инструмент, который может превратить этот потенциал в реальные достижения, сплачивать поколение, формировать ценности – и таким образом укреплять государственность. Анализ современных практик и проблем особенно важен сейчас, поскольку система молодёжной политики активно реформируется: принят новый национальный проект, обновлена стратегия до 2030 года [1].

Молодёжь – это не просто часть населения определенного возраста, она представляет инвестиции в будущее страны, её интеллектуальный, культурный и социальный капитал. Государственная молодёжная политика – это попытка обеспечения реализации молодежи в различных сферах деятельности, раскрытия способностей, получения соответствующего желаниям и способностям образования, участие в общественно-политической жизни страны и государства. Вследствие чего государство при формировании молодёжной политики, преследует следующие цели:

- подготовка нового поколения, способного обеспечить устойчивость конкурентоспособность страны, готовое к созиданию и развитию ее;
- защита прав и законных интересов молодежи;
- создание и обеспечение равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического и социального развития и самореализации молодежи.

В России к категории «молодёжь» по закону относятся граждане от 14 до 35 лет включительно. По данным на начало 2023–2024 годов, в разных регионах и субъектах РФ молодёжь составляет значительную долю населения: например, в Самарской области на 1 января 2023 – 772,7 тыс. человек (около 25 % населения региона), в Костромской области на 2025 год – около 22 % населения. [2] В целом молодые люди чаще проживают в городах: отражается тенденция урбанизации, миграции из сёл в города в поисках возможностей. Несмотря на усилия, значительная часть молодёжи – в составе так называемых NEET (не работают, не учатся, не проходят обучение). По оценкам, доля NEET-молодёжи 15–24 лет в России составляет около 17,8 %, что выше, чем в ряде некоторых стран Европы и США [3]. Это говорит о том, что не всем молодым людям удаётся найти своё место, и государственная поддержка далеко не всегда доходит до всех. Таким образом, молодёжь – огромный ресурс и одновременно группа, часть которой уязвима. Это подчёркивает значимость грамотной, продуманной молодёжной политики для страны в целом.

Можно выделить следующие значимые проблемы и вызовы молодежной политики:

- Неравномерность охвата: нацпроекты предполагают охват 75 % молодёжи мероприятиями по самореализации, но на практике многие могут остаться неохваченными, особенно в регионах сельской местности, отдалённых территориях. В российских регионах доля молодёжи и её распределение по городам/сёлам сильно различаются.

- Высокий уровень NEET-молодёжи говорит о пробелах в механизмах вовлечения молодёжи, недостатке рабочих мест или возможностей, а также о социальном отчуждении части молодёжи.

- Риск идеологизации и ограниченного подхода к самореализации с учётом того, что часть молодёжных программ направлена на патриотическое воспитание и укрепление «ценностного иммунитета», есть опасность, что политика может становиться более контролирующей, с меньшим вниманием к критическому мышлению, плюрализму и индивидуальным потребностям. Например, критики указывают, что средства молодёжной политики могут использоваться как инструмент идеологического влияния.

- Низкая мотивация молодежи к участию в проектах: молодёжь не видит практической пользы, поэтому часто проекты воспринимаются как формальные, «для отчёта» и не влияющие на будущее молодого человека. Также многие взрослые не воспринимают подростков как самостоятельную и ответственную личность.

- Демографические и социально-экономические вызовы: хотя молодёжь сама по себе – ресурс, значительная доля молодых людей сталкивается с неблагоприятными экономическими и социальными условиями, что влияет на семейное планирование, рождение детей, стабильность жизни – и это усложняет задачи политики. Несмотря на участие молодёжи в решении демографических задач, демографические показатели – рождаемость, миграция – остаются проблемой.

Запуск национального проекта «Молодёжь и дети» – важный шаг, демонстрирующий, что государство готово инвестировать в молодое поколение. Финансирование значительное, масштаб широкий, цели – амбициозные. До 2030 года молодёжная политика будет развиваться в направлении цифровизации, индивидуальных траекторий развития, расширения волонтёрских и карьерных возможностей, укрепления идеологической составляющей и адресных региональных проектов. Таким образом, национальный проект «Молодёжь и дети» является качественно новым направлением реализации молодёжной политики. Основные цели и задачи проекта:

- Становление и развитие поколения российских граждан, патриотически настроенного, высоконравственного, ответственного – способного обеспечить суверенитет, конкурентоспособность и развитие страны [2].

- Создание условий для раскрытия талантов молодёжи, её самореализации, образования, творчества [1].

- Развитие инфраструктуры для молодёжи: образовательной, социальной, культурной, спортивной [1].

- Патриотическое воспитание, формирование ценностной и нравственной базы [1].

Ключевые «федеральные проекты» внутри нацпроекта: такие направления, как «Россия – страна возможностей», «Мы вместе (воспитание гармонично развитой личности)», «Россия в мире», «Всё лучшее – детям», «Ведущие школы», «Педагоги и наставники» [1].

Можно привести достаточно много примеров реализации проекта на местах, например:

- развитие современной молодёжной инфраструктуры: в регионах активно открываются молодёжные центры нового типа, где молодые люди могут получать образование, заниматься творчеством, участвовать в волонтёр и реализовывать свои проекты;

- рост волонтёрского движения и платформы участия, что сделало добровольчество массовым, по данным государства и крупных исследований, количество вовлечённых молодых добровольцев стабильно растёт: движение «МыВместе» стало одним из крупнейших добровольческих объединений. В регионах появились десятки пунктов помощи, центров сопровождения добровольцев, запускаются акции по поддержке социальных учреждений;

- программы развития карьеры, образования и лидерства: «Россия – страна возможностей». Большинство регионов участвует в таких программах, как «Битва умов», «Большая перемена», «Твой ход», «Лидеры России»;

- профориентационные центры и цифровые платформы – в рамках реформы образования и нацпроектов запущены следующие проекты: «Проектория» – федеральная площадка для выбора профессии, центры «Навигаторов детства» в школах, региональные центры карьерного развития студентов;

- развитие поддержки молодёжных инициатив: грантовые конкурсы, количество грантов заметно выросло, а участие стало доступнее;

- появление новых форматов участия и диалога с молодёжью;

- поддержка культурных, спортивных и творческих программ.

Таким образом можно выделить, что государственная молодежная политика – стратегически важная сфера, а инвестирование в молодёжь – инвестиция в будущее страны.

Новый национальный проект «Молодёжь и дети» – шаг в правильном направлении, он имеет потенциал охвата значительной части молодёжи и дать им возможности для развития. Но вместе с тем необходимо внимательно бороться с следующими рисками: обеспечить реальную поддержку всем слоям молодёжи, не допускать идеологического давления, сохранять разнообразие программ, развивать инфраструктуру и кадровый потенциал, особенно в регионах и сельской местности. Важно отслеживать эффективность проекта – статистику, вовлечённость, реальные результаты: трудоустройство, образование, социальную активность, снижение NEET, удовлетворённость молодёжи.

Рекомендуется в рамках анализа молодёжной политики рассматривать не только федеральные программы, но и региональные практики, что является важным, потому что их реализация зависит от условий и возможностей на местах.

Список источников:

1. Национальный проект «Молодёжь и дети» // Правительство России. URL: http://government.ru/rugovclassifier/914/about/ (дата обращения: 21.11.2025).

2. Статистический регистр // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://rosstat.gov.ru/folder/522 (дата обращения: 21.11.2025).

УДК 379.85

Социальные ожидания и условия развития внутреннего туризма в региональных образованиях

Потемкин Константин Александрович
Студент, колледж бизнеса и технологий
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
potemkinkonstantin34@gmail.com

Аннотация. Стабильность и устойчивое социально-экономическое развитие страны и территориальных образований предопределило развитие внутреннего туризма, в основе которого в настоящее время преобладают две стратегии: экономическая и маркетинговая. Автор теоретически и эмпирически доказывает необходимость в стратегии развития, которая основывается на социальных ожиданиях реальных и потенциальных потребителей турпродукта, формировании социального пространства, в котором туризм становится основанием социокультурного и духовно-нравственного развития человека.

Ключевые слова: туризм, турпродукт, социальные ожидания, социальное пространство, человек, социальная рациональность, социальная стратегия, ценности, социальный контроль.

Развитие внутреннего туризма в системе региональных общественных отношений во многом зависит не только от состояния ресурсов – производственных, экономических, организационно-правовых, но и сущности, предметности туристского продукта, его позиционирования на потребительском рынке, социальных ожиданий потенциальных и реальных участников его формирования, реализации и, конечно, потребления. При этом необходимо учитывать, что создание туристского продукта всегда приобретает процесс коллективного взаимодействия различных субъектов хозяйствования, представляющих политические, экономические, культурные, информационные, организационные структуры народнохозяйственного комплекса, сложившегося в соответствующей системе территориальных образований, а потребление туристского продукта всегда индивидуально. Известно, что Г. Маркузе в работе «Одномерный человек» (1964) предпринял попытку определить современное общество, его конструктивные особенности как «общество потребления», в ко-

тором различные виды продуктов, кстати, к которым можно отнести и туристские продукты, являются общественной необходимостью развития образа и качества жизни людей. При этом продукт потребления человеком становится определяющим в его жизнедеятельности, жизнеспособности и жизнеобеспечении, и в конечном счете, формировании социального порядка, в котором происходит или осуществляется бытие человека, формируется потребительское мышление, поведение в процессах удовлетворения потребностей в различных видах услуг – познавательных, социокультурных, бытовых, рекламных и т.п., образуется социально-психологический конструкт личности, в котором проявляются такие качества, как самовыражение, самоутверждение и поведение. Именно эти качества, как полагал Г. Маркузе, становятся основанием новой социальной реальности, в которой ценности человека, его образ жизни и ожидания общественных трансформаций приобретают качество структурного функционализма. Создаваемый туристский продукт в этом контексте не является исключением, он имеет свои структурные признаки, обладает качествами, определяющими его потребительскую стоимость, становится основанием межиндивидуальных взаимодействий людей на уровне на потребительском рынке, объясняет социальное поведение как рефлекс на продукт, удовлетворяющий их социальные ожидания. В системе региональных общественных отношений туристский продукт вполне функционален, является признаком социальной жизни, по Т. Парсонсу [1], формирует целедостижительную личность, выполняет задачу социокультурного развития человека. Функциональность туристического продукта должна соотноситься с особенностями природно-климатических условий его разработки и потребления, условиями саморегулируемости при изменении его доступности для потребления в конкретной поселенческой общности, интегрированности в различные процессы общественного развития, например, связанные с применением новых информационно-цифровых технологий и искусственного интеллекта в оценке потенциальных возможностей долговечности турпродукта при изменении социального пространства, в котором рассматриваются вопросы социальной разнонаправленности, развития внутреннего туризма при более привлекательном международном туризме. Социальное пространство развития внутреннего туризма в самом начале нового столетия характеризуется социальными ожиданиями населения в удовлетворении экономических потребностей (65,4%), культурных потребностей (20,2%), информационных потребностей (3,0%), профессиональных потребностей (5,1%), политических потребностей (0,1%) [2, с. 65], а при стабилизации условий общественного развития данные потребности среди населения Северо-Западного региона страны получили уже другие оценки, соответственно: 38,0; 26,0; 24,0; 10,0; 1,9; 0,1 (N154). Респонденты отмечали рост информационной недостаточности в выборе туристического продукта и удовлетворения социальных ожиданий: полная исчерпывающая информация о структуре, качестве и доступности туристского продукта (62,0%); низкий уровень информированности о дополнительных или сопутствующих

услугах в зоне приобретенного турпродукта (18,0%), недостаточность информации о безопасности зоны приобретенного продукта (10,0%); отсутствие интереса к турпродукту (10,0%).

Респонденты отмечают степень удовлетворения своих социальных ожиданий в процессе туристского обслуживания более чем 70,0%, проявляют неудовлетворенность только около 20,0% и не более 10,0% признались, что турпродукт «сам по себе хорош, но чего-то не хватает». Наиболее низкие оценки в туристическом обслуживании населения получили: транспортное обслуживание – 12,0%; организация качества питания – 10,0%; культура обслуживания в гостинице, кемпинге – 8,0%. Ограничением развития внутреннего туризма стали, по оценкам респондентов, рост стоимости туристского продукта и соответствующих услуг – 52,0%, отсутствие разнообразного питания, в т.ч. «все включено» – 38,0%; социальная напряженность, вызванная временными разрывами в пространстве туристического обслуживания – 10,0%. Заметим, что в последние 2 десятилетия (2002-2022 гг.) намечалась тенденция падения интереса у населения к внутреннему туризму – 18,0%, а в последнее время рост более чем на 30,0%. Разработка стратегии развития внутреннего туризма, видимо, должна строиться с учетом социальных ожиданий реальных и потенциальных потребителей турпродукта; социального контроля стоимости туристического обслуживания населения; оценки социального самочувствия потребителей турпродуктов в период и после соответствующего туристского обслуживания; учета возрастных характеристик турпродукта и уровня доходов различных групп населения; оценки групп населения, обладающих устойчивым потребительским поведением; определения уровня безопасности в соответствующей территориальной общности; установления ценности турпродукта для социокультурного и духовно-нравственного развития человека [3, с. 64]; активизации деловых контактов, сотрудничества и предложений в создании новых видов турпродукта и систем туристического обслуживания населения территориальных образований. Стратегия развития внутреннего туризма призвана обеспечить равновесие между предложением и спросом в туристическом продукте на потребительском рынке.

Список источников

1. Парсонс Т. О структуре социального действия / Талкотт Парсонс ; Под общ. ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М. : Акад. проект, 2000. – 879 с.

2. Потемкин В.К., Потемкина Е.В. Социальный маркетинг в международном туризме. – СПб.: СПбГУЭФ, 2004.

3. Druker P. Management: tasks, responsibilities, practices. New York. Harper Row, 1973.

УДК 330

Общие принципы и особенности развития человеческого капитала в России и Китае

Цю Сяоди
Аспирант, Санкт-Петербургского государственного экономического университета, qiuxiaodi971204@gmail.com
Антонова Екатерина Алексеевна
к.э.н., старший преподаватель, кафедры проектного менеджмента и управления качеством, Санкт-Петербургского государственного экономического университета, antonova.ea@unecon.ru

Аннотация. В статье проводится сравнительная характеристика развития человеческого капитала. Впервые выявляются особенности развития человеческого капитала в современных условиях экономических трансформаций и формирования экономики знаний. Показываются актуальные подходы, разработанные в Китае по поддержке молодых талантов и превращению страны с высокой численностью населения с высоким уровнем человеческого капитала.

Ключевые слова: экономика знаний, человеческий капитал.

В практике развития человеческого капитала Россия и Китай разработали схожие или различные базовые принципы и характеристики развития, обусловленные сходством и различиями в условиях окружающей среды. Это также привело к сходствам и различиям в современном состоянии развития человеческого капитала в обеих странах.

И Китай, и Россия заложили основополагающий принцип приоритета образования в развитии человеческого капитала, однако особенности их развития различаются из-за национальных условий. В последние годы Китай сосредоточил усилия на совершенствовании структуры распределения ресурсов и увеличении расходов на образование. Стратегия приоритета образования, впервые предложенная на 14-м съезде Коммунистической партии Китая и постоянно укреплявшаяся на 20-м съезде, стала всеобъемлющим и новаторским проектом развития партии и страны. Эта стратегия способствует распределению ресурсов и предоставлению политических гарантий в секторе образования посредством принципа реализации «трех приоритетов» (приоритет образования в планировании экономического и социального развития, приоритет образования в бюджетном финансировании и приоритет образования в государственных ресурсах), создавая систему реализации политики, охватывающую такие аспекты, как усиление идеологического и политического воспитания, формирование педагогического состава, борьба с бедностью посредством образования и поддержка научно-технических инноваций. По состоянию на 2021 год государственные бюджетные расходы на образование на протяжении 10 лет подряд остаются крупнейшими статьями расходов в общем государственном бюджете, среднее количе-

ство лет обучения трудоспособного населения увеличилось до 10,9 лет, и сформирован кадровый резерв, охватывающий 218 миллионов человек с высшим образованием [1]. В последние годы Россия уделяет особое внимание повышению качества и уровня образования (укрепление научно-педагогического потенциала университетов), содействию трансформации результатов исследований и цифровой трансформации, а также продвижению интеграции российского образования в глобальную систему образования для повышения его международной конкурентоспособности в сфере образования, науки и техники. Россия проводит реформы в сфере образования внутри страны, и эти реформы достигли значительного прогресса с момента вступления в силу Федерального закона от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В сентябре 2017 г. министром образования и науки утвержден приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Целью проекта является повышение привлекательности и конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг, улучшение условий обучения за рубежом, что будет способствовать поддержанию имиджа российского образования и увеличению несырьевого экспорта Российской Федерации [2].

В контексте экономики знаний инновации приобретают все большее значение, и потребность в инновационных кадрах особенно актуальна для развития человеческого капитала. И Китай, и Россия установили основополагающий принцип следования развитию, основанному на инновациях. Китай начал развивать интеграцию образования, науки и бизнеса на очень раннем этапе своего развития. Еще в 1988 году Китай реализовал «Программу факела» – программу развития науки и техники, направленную на содействие коммерциализации высокотехнологичных достижений. В том же году была официально создана первая в Китае национальная зона развития высокотехнологичной промышленности – Научный парк Чжунгуаньцунь. На сегодняшний день в Китае насчитывается 178 национальных зон развития высокотехнологичной промышленности, которые стали колыбелью для воспитания инновационных кадров и ключевыми областями для содействия трансформации научно-технических достижений и развитию высокотехнологичных отраслей. Подобно Китаю, российское правительство рано осознало важность технологических инноваций и развития передовых технологий, и первая волна научно-технических парков появилась в конце 1980-х и 1990-х годах. Первым российским научно-техническим парком стал Томский научно-технологический парк, открытый в 1990 году на базе Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. Впоследствии научно-технические парки возникали быстро: к началу 1990-х годов почти в каждом университетском городе был свой. На конец 2023 года в России действовало 84 технопарков. В этих технопарках было зарегистрировано около 3 тысяч резидентов с 59 тысячами рабочих мест. Эти парки стали инкубаторами для разработки новых продуктов и тестирования новых технологий в России, заложив прочную основу для российских инноваций [3]. Сегодня создание научно-технических парков стало одним из важных путей перехода как Китая, так и России к

экономике, основанной на инновациях. Взаимодействие и интеграция образования, науки и бизнеса способствовали концентрации человеческого капитала в различных областях и позволили ему более эффективно участвовать в производственном процессе. И наоборот, развитие новых знаний и технологий, в свою очередь, привело к увеличению инновационной деятельности в национальной и глобальной экономике.

В условиях растущего спроса на высококвалифицированных специалистов в эпоху экономики знаний, как китайское, так и российское правительства уделяют приоритетное внимание развитию человеческого капитала в рамках национальной стратегической программы и в различной степени вмешиваются в процесс его развития. Россия придерживается государственного подхода к развитию человеческого капитала, содействуя подготовке инновационных талантов в университетах и научно-исследовательских институтах посредством разработки политики и финансовой поддержки. Хотя доля расходов на финансирование человеческого капитала в общих расходах в последние годы снизилась из-за различных внешних факторов, согласно Указу Президента Российской Федерации от 07.05.24 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», приоритетные направления государственной политики сосредоточены на развитии человеческого капитала и его основных компонентов, что демонстрирует твердую приверженность российского правительства развитию человеческого капитала [4]. Китай в процессе развития человеческого капитала придерживается принципа партийного управления талантами, делает акцент на реализации мер вмешательства на национальном уровне и направляет и корректирует развитие человеческого капитала посредством различных политических мер. 11 января 2007 года был официально опубликован «Исследовательский отчет по национальной стратегии развития народонаселения» [5]. В докладе была сформулирована стратегическая концепция «приоритетности инвестиций в комплексное развитие людей», предлагающая комплексное использование демографической политики и связанных с ней социально-экономических мер для эффективного контроля численности населения, повышения его качества и корректировки структуры, постепенного достижения более идеального состояния с точки зрения численности, качества и структуры населения, а также содействия превращению страны с высокой численностью населения в страну с высоким уровнем человеческого капитала.

Список источников

1. Чжан Сюэминь, Чжоу Кэсинь, Чэнь Ди. Направление китаизации теории человеческого капитала в новую эпоху: тройной логический анализ, основанный на развитии производительных сил нового качества [J]. Журнал Юго-Западного университета (издание по социальным наукам), 2025, 51(02):46-56+308-309. DOI: 10.13718/j.cnki.xdsk.2025.02.004.

2.Кругова, И. Н. Теория человеческого капитала: предпосылки создания, эволюция развития в России / И. Н. Кругова // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 9. – С. 113-117. – EDN NLAXOK.

3. Кудрявцев, А. В. Развитие интеллектуального человеческого капитала как катализатор экономического роста в современной России через призму теории больших циклов экономической конъюнктуры / А. В. Кудрявцев // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 1. – С. 235-239. – DOI 10.24412/2414-3995-2023-1-235-239. – EDN MTXZVZ.

4. Мамонтов, Д. Д. Теория человеческого капитала и ее значение в развитии современной экономики России / Д. Д. Мамонтов, Е. В. Мелякова // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № S6. – EDN JHRHZV.

5. Сюэ Хайпин, Ху Сяоцин, Су Дань. Естественнонаучное образование и развитие инновационных талантов с точки зрения теории человеческого капитала [J]. Народное образование, 2024(23):55-59.

УДК 332.1

Интегрированная модель управления социальным проектом на базе цифровой валюты и кооперативных принципов

Кацюба Олег Павлович
Соискатель, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, kacub@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается формирование интегрированной системы управления социальным проектом, направленным на реализацию принципов безусловного базового дохода. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска инновационных механизмов социальной поддержки, способных не только повысить благосостояние граждан, но и стимулировать экономическую активность. Автором предлагается модель, основанная на синтезе кооперативной организационно-правовой формы, цифровой платформы на базе технологии распределенного реестра и механизма демереджа. Делается вывод о том, что предложенная интегрированная модель управления может служить основой для создания устойчивых и самоподдерживающихся социально-экономических экосистем.

Ключевые слова: социальный проект, управление проектами, безусловный базовый доход, цифровая платформа, смарт-контракт, комплементарная валюта, экономическая активность.

Современный этап общественного развития характеризуется наложением двух фундаментальных процессов: углубления социально-экономического неравенства и стремительной цифровой трансформации. Автоматизация производства и внедрение искусственного интеллекта ведут к структурным изменениям на рынке труда, высвобождая рабочую силу и создавая запрос на новые формы социальной защиты. В этих условиях концепция базового гарантированного дохода (БГД) переходит из разряда теоретических дискуссий в плоскость практического поиска механизмов её реализации [3].

Опыт различных стран, включая эксперименты в Финляндии и локальные инициативы в США, демонстрирует как потенциал БГД для снижения социальной напряженности, так и его основное ограничение – высокую фискальную нагрузку на бюджет при традиционном подходе к финансированию [5]. Существующие модели, как правило, рассматривают БГД как пассивную выплату из национальной валюты, что не решает проблему зависимости от экономических возможностей государства и не создает внутренних стимулов для экономической активности.

Целью данной статьи является разработка и теоретическое обоснование интегрированной системы управления социальным проектом по внедрению БГД, которая способна преодолеть указанные ограничения. Предлагаемая модель управления проектом (рис.1) представляет собой трехуровневую систему, объединяющую целеполагание, организационную структуру и технологическую платформу. Фундамент предлагаемой модели базируется на нескольких теоретических подходах.

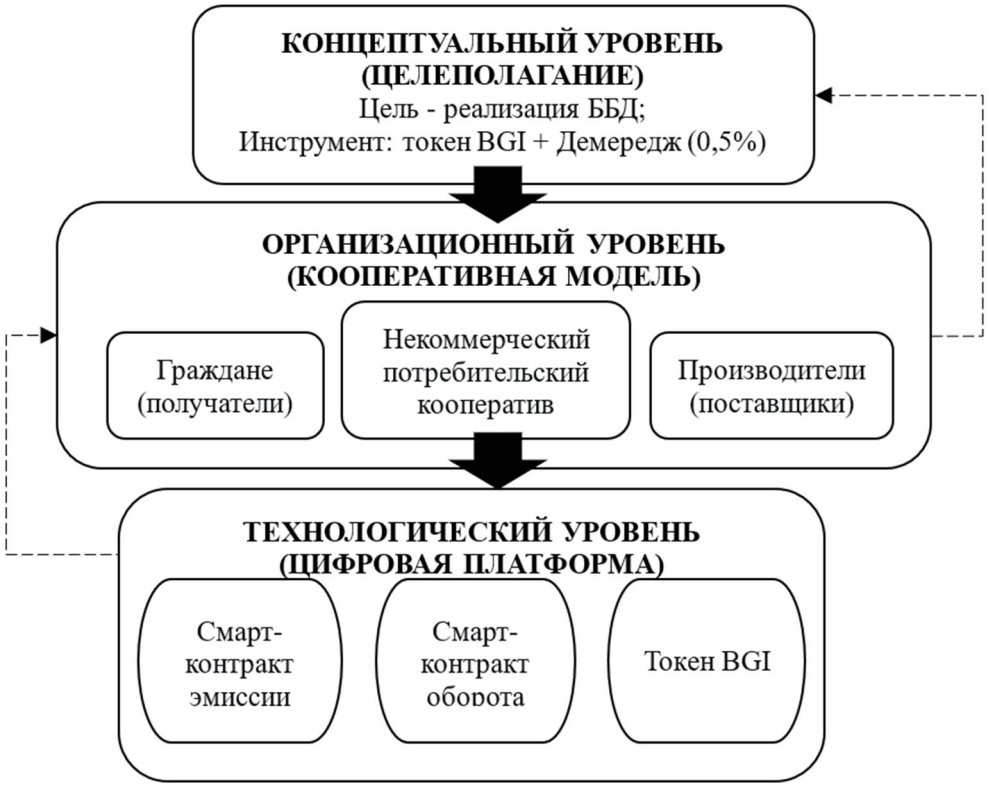

Рисунок 1 – Система управления социальным проектом по внедрению БГД
(авторский рисунок)

Во-первых, это концепция «свободных денег» немецкого экономиста Сильвио Гезеля. Её ключевой элемент – демередж, или «налог на хранение», при котором деньги теряют часть своей номинальной стоимости с течением времени [4]. Как показывают исторические примеры, этот механизм многократно увеличивает скорость обращения денег, превращая их из средства накопления в активный катализатор спроса и предложения.

Во-вторых, важную роль играют идеи комплементарных валют, развитые Бернардом Лиетаром. Такие валюты функционируют параллельно с национальными, решая специфические социальные или экономические задачи на ограниченной территории или в рамках определенного сообщества, повышая его устойчивость [6].

В-третьих, организационная структура проекта должна опираться на принципы кооперации и взаимопомощи. Именно солидарность, а не конкуренция, является ключевым фактором эволюции и выживания сообществ, особенно в кризисные периоды.

Анализ современных дискуссий показывает, что технологическая база для реализации подобных идей уже сформирована. Развитие технологии распределенного реестра (блокчейн) и смарт-контрактов создает возможность для автоматизации и обеспечения прозрачности сложных финансовых взаимодействий без единого центра контроля. Это открывает путь к созданию децентрализованных платформ, управляющих социальными выплатами.

Интеграция трех описанных уровней в единую систему управления социальным проектом способна породить ряд положительных эффектов, выходящих за рамки простого перераспределения средств.

Данные эмпирических исследований, включая опросы респондентов, показывают, что введение гарантированного дохода в цифровой форме может привести к существенному снижению уровня социального стресса и тревожности. Порядка 80-85% потенциальных участников связывают с подобными выплатами ожидания улучшения качества жизни и повышения уверенности в будущем [1].

С экономической точки зрения, введение SDC с демереджем кардинально меняет характер денежного обращения. Высокая скорость оборота (по аналогии с историческими примерами, где она возрастала в 12-14 раз) превращает деньги из статичного актива в постоянный катализатор спроса. Это напрямую стимулирует развитие локальных производителей – участников кооператива, создавая устойчивый и предсказуемый рынок сбыта.

Наконец, кооперативный формат и сам факт получения дохода от сообщества (а не от государства) могут способствовать росту социальной солидарности. Участие в общей системе, где выплаты каждого зависят от общей активности, формирует чувство взаимной ответственности и поддержки, что соответствует принципам социальной экономики и возвращает в общественные отношения ценности взаимопомощи, утраченные в эпоху гипертрофированного индивидуализма.

Формирование интегрированной системы управления социальным проектом на основе цифровой платформы открывает новые перспективы для реализации концепции базового гарантированного дохода. Предложенная модель, синтезирующая социальную цифровую валюту с демереджем, технологию блокчейн и кооперативные принципы организации, позволяет преодолеть основные недостатки традиционных подходов – зависимость от бюджета и пассивный характер выплат [2].

Такая система трансформирует БГД в активный инструмент экономического развития, стимулируя локальный спрос и предложение, а также способ-

ствует позитивным социальным изменениям – снижению тревожности, повышению возможностей для самореализации и укреплению общественных связей. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку правовых механизмов интеграции подобных кооперативных цифровых платформ в национальные экономики, а также на проведение пилотных проектов для эмпирической проверки предложенной модели в различных социально-экономических контекстах.

Список источников

1. Кацюба, О. П. Роль социальной цифровой валюты для всеобщего базового гарантированного дохода в улучшении качества жизни людей, росте взаимопомощи, уменьшении стресса, осознанном выборе занятия и развитии в профессии в современных условиях / О. П. Кацюба // Russian Economic Bulletin. – 2025. – Т. 8, № 1. – С. 416-421. – EDN LWEBDR.

2. Кацюба, О. П. Социальная цифровая валюта как инструмент будущего и ее роль в обеспечении базового гарантированного дохода / О. П. Кацюба // Modern Economy Success. – 2024. – № 6. – С. 291-295. – DOI 10.58224/2500-3747-2024-6-291-295. – EDN UMQBNQ.

3. Adkins L., Cooper M., Konings M. Class in the 21st century: Asset inflation and the new logic of inequality // Environment and Planning A: Economy and Space. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/335721006_Class_in_the_21st_century_Asset_inflation_and_the_new_logic_of_inequality (дата обращения 14.10.2025).

4. Gesell, S. The Natural Economic Order // Internet Archive: Digital Library of Free Books, Movies, Music. [Электронный ресурс]. – URL: https://archive.org/details/gesell-natural-economic-order (дата обращения 14.10.2025).

5. Kangas O., Jauhiainen S., Simanainen M., Ylikännö M. The basic income experiment 2017–2018 in Finland: Preliminary results // Ministry of Social Affairs and Health. [Электронный ресурс]. – URL: https://ubiru.org/wp-content/uploads/2020/03/2019_Finland_Report_The-Basic-Income-Experiment-2017-2018-in-Finland.pdf (дата обращения 14.10.2025).

6. Lietaer, B. The Future of Money // Internet Archive: Digital Library of Free Books, Movies, Music. [Электронный ресурс]. – URL: https://archive.org/details/fe_The_Future_of_Money-Bernard_Lietaer (дата обращения 14.10.2025).

УСТОЙЧИВОСТЬ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ЦЕПОЧЕК ПОСТАВОК

УДК 658.7

Анализ данных и искусственный интеллект как инструменты повышения устойчивости цепей поставок

Есипко Максим Сергеевич
студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, maksaes@gmail.com
Фетисов Павел Алексеевич
студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, pav.fet@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию применения методов анализа данных и алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) для повышения устойчивости логистических цепочек поставок в условиях возрастающей неопределенности. Актуальность работы обусловлена участившимися сбоями в глобальных цепях поставок и необходимостью разработки более устойчивых и гибких логистических систем. Цель исследования – обобщить современные технологии data-driven управления цепями поставок и выявить лучшие практики, позволяющие минимизировать риски перерывов. Научная новизна состоит в объединении технического (AI, Big Data) и управленческого подходов к устойчивости цепей: предложена концепция интеграции интеллектуальных цифровых инструментов с организационными стратегиями для обеспечения непрерывности поставок. Практическая значимость работы заключается в том, что выводы и рекомендации могут быть использованы компаниями для внедрения систем прогнозной аналитики, повышения прозрачности цепей поставок и разработки эффективных мер противодействия сбоям.

Ключевые слова: цепь поставок, устойчивость, логистика, большие данные, искусственный интеллект, управление рисками, цифровизация.

Глобальные цепочки поставок сталкиваются с возрастающей неопределённостью и частыми сбоями, вызванными внешними кризисами. В этих условиях устойчивость цепи поставок (Supply Chain Resilience) становится ключевым фактором, позволяющим компаниям поддерживать стабильную работу и быстро восстанавливаться после нарушений. Устойчивость цепей поставок определяется как способность системы адаптироваться к неблагоприятным событиям, минимизировать потери и восстанавливать выполнение операций в кратчайшие сроки [2]. Как показывают исследования, повышение устойчивости напрямую снижает операционные риски и убытки предприятий, а также позволяет быстрее воспользоваться открывающимися возможностями на рынке в условиях турбулентности [2]. Поэтому для компаний критично выстраивать цепочки поставок с учётом принципов устойчивости и гибкости.

Анализ данных и технологии искусственного интеллекта сегодня рассматриваются как важнейшие инструменты для повышения устойчивости и эффективности цепей поставок. Современные подходы к оптимизации логистических процессов опираются на обработку больших данных, что позволяет улучшить прогнозирование спроса, управление запасами и маршрутизацию поставок [1]. В частности, методы машинного обучения способны в реальном времени обрабатывать данные о производстве, транспорте и рынке, выявляя ранние признаки возможных сбоев. Это даёт компаниям возможность проактивно реагировать на возникающие проблемы, перенастраивать маршруты и цепочки снабжения до того, как нарушения перерастут в кризисную ситуацию [3]. Как отмечается в зарубежных исследованиях, применение технологий ИИ в управлении цепочками поставок повышает их способность противостоять потрясениям за счёт повышения скорости и точности принятия решений [2]. Алгоритмы ИИ уже доказали свою эффективность в таких областях, как оперативное перенаправление потоков при сбоях, прогнозирование колебаний спроса, оптимизация запасов и управление рисками [3]. Всё это напрямую способствует укреплению устойчивости цепей поставок.

Последние эмпирические работы подтверждают, что использование искусственного интеллекта положительно влияет на устойчивость цепей поставок. Например, результаты опроса промышленных предприятий показывают, что внедрение ИИ-технологий оказывает значимый позитивный эффект на способность цепочки поставок справляться с внешними потрясениями [2]. Более того, цифровизация логистики при помощи ИИ зачастую приводит и к сопутствующему росту эффективности: повышается прозрачность процессов, улучшается координация с поставщиками и клиентами, сокращаются ошибки человеческого фактора. Эти факторы – эффективность и сотрудничество – рассматриваются как промежуточные звенья, через которые искусственный интеллект усиливает общую устойчивость цепи [2]. Иными словами, ИИ не только непосредственно повышает устойчивость, но и опосредованно – благодаря оптимизации операций и улучшению информационного взаимодействия между участниками цепочки поставок.

Помимо теоретических обоснований, реальная практика также демонстрирует преимущества данных технологий. Согласно докладу Всемирного экономического форума, глобальные компании активно инвестируют в цифровизацию цепочек поставок, чтобы повысить их гибкость и надёжность [3]. В рамках этой инициативы был реализован пилотный проект UNICEF по обмену данными в режиме реального времени, позволивший предсказывать и устранять сбои в снабжении жизненно важными товарами [3]. Используя передовые аналитические инструменты, организация сумела поддерживать бесперебойные поставки гуманитарной помощи даже в условиях кризиса, что наглядно подтвердило ценность совместного анализа данных для устойчивости цепей. Кроме того, эксперты отмечают, что для долгосрочного успеха недостаточно просто нарастить запасы или резервные мощности – необходимо выстраивать умные цепочки поставок, способные к самонастройке на основе данных [4]. Перспективные разработки в области ИИ, такие как цифровые двойники и прогнозная аналитика, позволяют моделировать различные сценарии развития событий и готовиться к ним заранее

[4]. Тем самым формируется проактивная стратегия управления рисками, где решения принимаются не постфактум, а превентивно, на основании выявленных паттернов и предупреждающих сигналов из больших данных.

В заключение, интеграция методов анализа данных и искусственного интеллекта существенно повышает устойчивость современных цепей поставок. Эти технологии помогают компаниям не только оперативно реагировать на возникающие сбои, но и предвидеть их, создавая более устойчивую, гибкую и адаптивную систему поставок. В условиях продолжающейся цифровой трансформации бизнеса именно данные и ИИ становятся залогом того, что цепочки поставок смогут выдержать будущие потрясения без критических потерь, обеспечивая стабильность и конкурентоспособность компаний на глобальном рынке [1-3].

Список источников

1. Шукуров, М. Б. Оптимизация цепей поставок и логистических процессов с использованием искусственного интеллекта и анализа больших данных / М.Б. Шукуров, А.О. Дурдыева // Инновационная наука. – 2024. – №4. – С. 62–63.

2. Peng H., Zhang N., Wang R. et al. Artificial Intelligence Usage and Supply Chain Resilience: An Organizational Information Processing Theory Perspective // Systems. – 2025. – Vol. 13, №9. – P. 724. – DOI: 10.3390/systems13090724.

3. AI Will Protect Global Supply Chains from the Next Major Shock / World Economic Forum. URL: https://www.weforum.org/stories/2025/01/ai-supply-chains/ (date of access: 20.01.2026).

4. Sunmola F., Baryannis G. Artificial Intelligence Opportunities for Resilient Supply Chains // IFAC-PapersOnLine. – 2024. – Vol. 58(19). – P. 813–818. – DOI: 10.1016/j.ifacol.2024.09.195.

УДК 656.073

Риски использования параллельного импорта российскими автодилерами

Марьин Александр Васильевич
студент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, alexandr.marin1@gmail.com
Митяшин Глеб Юрьевич
ассистент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, SPIN-код: 9998-8553, ORCID: 0000-0003-0416-7556, gleb.mityashin@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются риски параллельного импорта автомобилей российскими автодилерами в условиях санкций. Выделены ключевые этапы цепочек поставок и основные группы рисков (закупка, финансы, таможня, сервис) с практическими мерами минимизации. Параллельный импорт признан временным антикризисным механизмом, требующим системного управления логистикой.

Ключевые слова: параллельный импорт, автодилеры, логистические риски, санкции, цепи поставок, утилизационный сбор, автокомпоненты.

В условиях продолжающегося санкционного давления параллельный импорт автомобилей стал одним из ключевых механизмов поддержания предложения на российском рынке и одновременно источником новых рисков для предприятия [4, 6, 7]. После ухода значительной части иностранных автопроизводителей и их официальных дистрибьюторов спрос начал удовлетворяться за счёт поставок по альтернативным каналам, при которых юридические лица ввозят оригинальные автомобили без согласия правообладателя на основе перечней, утверждаемых правительством и Минпромторгом [7]. По оценкам профильных изданий и отраслевых аналитиков, доля таких поставок в отдельных сегментах рынка достигает 10–50%, хотя на протяжении 2025 года фиксируется тенденция к снижению численности ввозимых машин и сокращению доли новых легковых автомобилей, поступающих по этим схемам [1].

Одновременно в России происходит ужесточение регулирования рынка— индексация ставок утилизационного сбора, изменения порядка расчёта таможенной стоимости, усиление контроля за транзитом через ЕАЭС, которое ведёт к сокращению возможностей использования «серых» схем ввоза и росту совокупной стоимости импортируемых автомобилей [7]. Параллельный импорт сопровождается повышенными юридическими, ценовыми и сервисными рисками для компаний и конечных потребителей, поэтому управление закупочной логистикой в сегменте параллельного импорта автомобилей требует системного анализа структуры цепей поставок, и рисков, которые в них возникают. Цель данной работы – формирование реестра рисков параллельного импорта и возможных способов их минимизации в условиях высокого санкционного давления на рынок.

Введение масштабных торгово-экономических санкций, выход европейских, японских и корейских производителей с российского рынка, а также ограничения транспортно-страхового сервиса, привели к формированию новой многозвенной архитектуры поставок, основанной на транзите через третьи страны по параллельным каналам поставок [1, 5, 7].

Легализация параллельного импорта в России в 2022 году закрепила возможность ввоза оригинальной продукции без прямого разрешения правообладателя при соблюдении требований по таможенному декларированию и безопасности товаров [7]. В автомобильной отрасли доля параллельно поставляемых автомобилей достигала порядка 15% рынка в отдельные периоды, компенсируя сокращение официальных поставок [1, 5].

Для автомобильного сегмента характерно формирование сложных цепей с участием компаний в ОАЭ, Турции, Казахстане и государствах ЕАЭС [5]. Эти цепочки включают дополнительные звенья в виде специализированных операторов внешнеэкономической деятельности, транспортно-экспедиторских компаний, страховых брокеров и финансовых посредников, что одновременно расширяет возможности обхода санкций и повышает совокупный уровень операционного риска.

На основе анализа профильной литературы нами были разработаны схема цепочки поставок по параллельному импорту (рисунок 1) и таблица, раскрывающая основные риски параллельного импорта на каждом этапе цепи поставок (таблица 2).

Рисунок 1 – Цепочка параллельного импорта автомобилей (составлено авторами)

Таблица 1 – Риски закупочной логистики параллельного импорта автомобилей (составлено авторами)

Этап цепи поставок	**Риски**	**Действия, предпринимаемые для минимизации риска**
Закупка	Отказы поставщиков, контрафакт и ценовые скачки	Диверсификация поставщиков, санкционные оговорки, комплексная проверка
Финансы и перевозка	Блокировка платежей, рост фрахта, страховки, задержки	Работа с банками “дружественных” стран/ перевозчиками, распределение маршрутов, расширенное страхование
Таможня и внутренняя доставка	дополнительные, ошибки в декларировании, перегрузка инфраструктуры, удлинение сроков таможенного оформления, отказ в таможенном оформлении	Профессиональные таможенные представители, оптимальный маршрут, распределительные склады.
Продажа и сервис	Несоответствие требованиям, дефицит запчастей, проблемы предоставления гарантии	Адаптация сертификации, запасы запчастей, собственные сервисные программы.

Вероятность возникновения ключевых рисков возможно оценить только на основании вторичных данных – отраслевых отчётов, страховой статистики и экспертных опросов. Опрос транспортных и логистических компаний показывает, что более 60% респондентов рассматривают рост страховых платежей и потерю заказчиков вследствие санкций как наиболее вероятные негативные последствия, а почти половина опасается потери доступа к финансированию [4].

Для автомобильного сегмента дополнительным источником информации служат данные дилерских ассоциаций и отраслевых аналитических агентств, демонстрирующие высокую чувствительность объёмов продаж к изменениям доступности параллельных поставок и к преобразованию режимов регулирования.

Совокупность рассмотренных данных позволяет рассматривать параллельный импорт как временный, но эффективный антикризисный механизм, обеспечивающий насыщение рынка и смягчение спада деловой активности, но сопровождающийся повышенными логистическими и правовыми рисками. В автомобильной отрасли дальнейшая устойчивость этой модели будет зависеть от разви-

тия нормативной базы, регулирования конкуренции между официальными поставками от дилеров и параллельным импортом через иных юридических лиц, а также от способности компаний интегрировать параллельный импорт в долгосрочные цепи поставок в будущем после гипотетической отмены санкций. Опыт автомобильного сегмента может быть частично транслирован в другие отрасли, где критична непрерывность поставок высокотехнологичной продукции, однако требует адаптации с учётом специфики товарных рынков и режимов экспортного контроля.

Проведённый анализ показал, что параллельный импорт автомобилей в условиях санкций выступает одновременно необходимым механизмом поддержания товарного предложения и значимым источником новых логистических, правовых и финансовых рисков для компаний. Разрыв прежних прямых каналов поставок и формирование многоэтапных цепей через третьи страны усилили неопределённость сроков и стоимости поставок, повысили вероятность срывов платежей, таможенных задержек и проблем с послепродажным обслуживанием, что особенно заметно в высокотехнологичном сегменте автомобильного рынка.

Список источников

1. Автостат. Параллельный импорт автомобилей в 2025 сохранится на уровне 2024 года // COMPANIES.RBC.R. [Электронный ресурс]. – URL: https://companies.rbc.ru/news/HnLzFTTP5D/parallelnyij-import-avtomobilej-v-2025-sohranitsya-na-urovne-2024-goda/ (Дата обращения: 26.12.2025).

2. Капустина, И. В. Импорт автокомпонентов как фактор лабильности рынка автомобилестроения / И. В. Капустина, К. А. Григорьева // Beneficium. – 2022. – № 3(44). – С. 49-56. – DOI 10.34680/BENEFICIUM.2022.3(44).49-56.

3. Котляров, И. Д. Антироссийские санкции и союзники России / И. Д. Котляров // Политические институты и процессы в России в условиях современной международно-политической напряжённости : сборник материалов научно-практической конференции Донецкого регионального отделения РАПН ко Дню политолога в Донецком государственном университете, Донецк, 12 сентября 2023 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. – С. 81-85. – EDN DNMKZK.

4. Назарова, Э. А. Параллельный импорт как стратегический инструмент в преодолении санкционного давления и обеспечение экономической стабильности Российской Федерации / Э. А. Назарова, О. И. Николаева, Ж. А. Никифорова // Труды XVI Евразийского научного форума : Сборник статей, Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2024 года. – Санкт-Петербург: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2025. – С. 237-252. – EDN MXYXUG.

5. Параллельный импорт автомобилей в 2025 году // AUTONEWS.RU. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.autonews.ru/news/66043b749a79475d47bb99bb (Дата обращения: 27.12.2025).

6. Плещенко, В. И. Параллельный импорт и челноки: реактуализация старых схем организации товародвижения в условиях санкционных ограничений / В. И. Плещенко // Логистика сегодня. – 2022. – № 3. – С. 180-184. – DOI 10.36627/2500-1302-2022-3-3-180-184.

7. Правительство продлит действие параллельного импорта // RBC. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbcautonews.ru/news/6661dbaf9a79473e1f91c24b (Дата обращения: 27.12.2025).

УДК: 658.7

Логистический аутсорсинг как фактор повышения эффективности российских компаний

Овчинникова Полина Владимировна
студент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, polinapomazan@mail.ru
Митяшин Глеб Юрьевич
ассистент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, SPIN-код: 9998-8553, ORCID: 0000-0003-0416-7556, gleb.mityashin@yandex.ru

Аннотация. В статье систематизированы направления логистического аутсорсинга для российских компаний, выделены критерии отбора 3PL/4PL-провайдеров и проанализирована трансформация бизнес-модели при передаче логистических функций. Доказано, что аутсорсинг обеспечивает снижение капитальных вложений, эффект масштаба и переход к стратегическому управлению через KPI и SLA на фоне роста рынка 3PL до 548 млрд руб. в 2024 г. Предложены практические рекомендации по оптимизации цепей поставок в условиях e-commerce и импортозамещения.

Ключевые слова: логистический аутсорсинг, 3PL-провайдеры, 4PL-провайдеры, KPI, SLA, рынок 3PL России, фулфилмент, цепи поставок.

Под логистическим аутсорсингом понимается передача компанией-клиентом (производственной, торговой или дистрибьюторской организацией) отдельных или комплексных логистических функций (транспортировка, складирование, таможенное оформление) внешним 3PL/4PL-провайдерам при сохранении стратегического контроля за цепью поставок, поскольку это наиболее популярные провайдеры в РФ [7]. 3PL-провайдеры предоставляют операционные услуги (транспортировка, складирование, управление запасами), 4PL-провайдеры выступают интеграторами, координируя нескольких 3PL-подрядчиков и ИТ-системы для управления всей цепью поставок. Такой подход высвобождает ресурсы для ключевых компетенций бизнеса и минимизирует капитальные вложения в инфраструктуру [7]. Под KPI (key performance indicators) понимаются ключевые показатели эффективности, а под SLA (Service Level Agreement) понимается соглашение между поставщиком услуг и заказчиком.

В настоящее время российский рынок логистического аутсорсинга демонстрирует устойчивый рост, большинство российский организаций работают по модели 3PL/4PL-провайдера. В 2024 году объём достиг 548 млрд руб. (+20–21% к 2023 г.), что обусловлено развитием интернет-торговли, импортозамещением и экспансией складов [6, 7]. Цель работы – систематизировать направления логистического аутсорсинга для российских компаний-клиентов, выделить критерии выбора 3PL/4PL-провайдера и оценить трансформацию бизнес-модели на основе анализа рынка и отраслевой практики.

Логистический аутсорсинг становится одним из ключевых инструментов повышения эффективности российских компаний, снижения издержек и перестройки цепей поставок [4]. Наиболее активно к аутсорсингу логистики обращаются производственные и торговые компании, стремящиеся снизить капитальные вложения в собственную инфраструктуру, повысить гибкость и перераспределить ресурсы на профильные виды деятельности [2].

Типичные функции, передаваемые компаниями на аутсорсинг представлены на рисунке 1 [3-5].

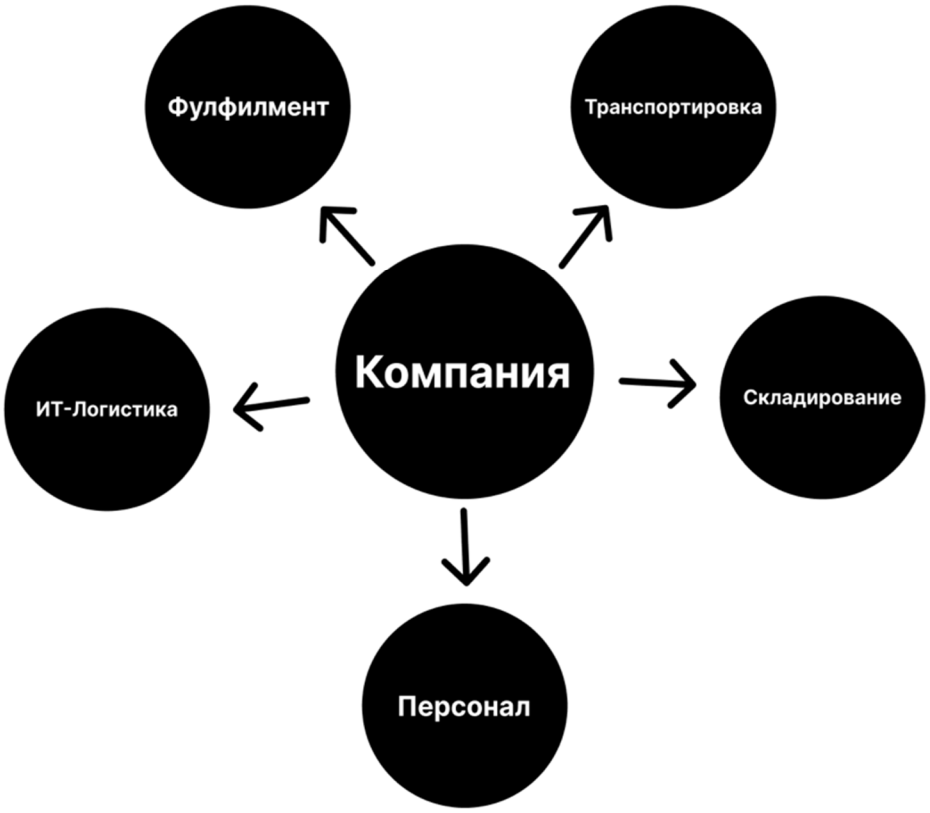

Рисунок 1 – Направления логистического аутсорсинга (составлено авторами)

Отраслевые маркетинговые исследования показывают, что рынок 3PL-логистики в России в последние годы демонстрирует устойчивый рост, отражающий как увеличение спроса на аутсорсинг, так и структурную перестройку цепей поставок [6, 7]. По данным РБК Магазина исследований и аналитической компании «ГидМаркет», объём российского рынка 3PL-услуг в 2024 году достиг порядка 548 млрд руб., показав прирост около 20–21% в текущих ценах и более 6% в реальном выражении по сравнению с 2023 годом [6, 7]. При этом после 2022 года темпы роста рынка в денежном выражении составляли в среднем около 20% в год, что связывают с ускоренным развитием электронной коммерции, импортозамещения и переходом компаний к более комплексному использованию логистических операторов [1, 6, 7].

Для российских компаний логистический аутсорсинг выступает не только механизмом оптимизации затрат, но и элементом трансформации бизнес-модели.

Передача логистических функций внешнему провайдеру позволяет перераспределить управленческое внимание и ресурсы на иные значимые направления [6].

В торговле логистический аутсорсинг наиболее популярен в сегменте электронной коммерции и маркетплейсов, где поддержание высокой скорости доставки и оборачиваемости запасов критично для удержания клиентов [7]. Маркетплейсы и крупные ритейлеры всё чаще используют 3PL-модели «фулфилмент под ключ», включая хранение, комплектацию и последнюю милю, что позволяет сократить путь товара до конечного потребителя и одновременно снизить затраты на создание и эксплуатацию собственной логистической инфраструктуры [1; 6; 7]. Влияние логистического аутсорсинга на модель ведения бизнеса представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Направления логистического аутсорсинга, критерии отбора партнёра и изменения в модели функционирования компании

Направление аутсорсинга	**Критерии отбора партнёра**	**Причины передачи**	**Изменения в модели**
Транспортировка	Тарифы, сроки, география	Нет своего парка	KPI вместо рейсов
Складирование	WMS, точность, класс складов	Сезонность, CapEx	SLA вместо эксплуатации
Таможня/экспедирование	Опыт, скорость оформления	Изменчивость норм	Риски вместо оформления
ИТ-логистика (TMS/WMS)	Интеграция ERP, безопасность	Нет компетенций	Аналитика вместо разработки
Фулфилмент	Скорость доставки, возвраты	Рост онлайн-продаж	Маркетинг вместо последней мили

На российском рынке логистический аутсорсинг фактически выполняет роль экономического интегратора, связывая производителей, дистрибьюторов, ритейлеров и онлайн-площадки в единые цепи поставок и обеспечивая баланс между снижением издержек, повышением качества.

Систематизация направлений аутсорсинга (табл. 1) и визуализация функций (рис. 1) демонстрируют, что передача транспортировки, складирования, таможенных услуг и ИТ-логистики внешним 3PL/4PL-провайдерам позволяет минимизировать капитальные вложения и обеспечить эффект масштаба для самого провайдера. Логистический аутсорсинг также позволяет организациям совершенствовать бизнес-модель: компании переходят от операционного управления (рейсы, эксплуатация складов) к стратегическому контролю (KPI, SLA), высвобождая ресурсы для производства, маркетинга и развития интернет-торговли.

Однако логистический аутсорсинг сопряжён с рисками: зависимость от надёжности провайдера, возможные сбои в поставках и снижение прямого контроля над процессами. Эти угрозы минимизируются тщательным отбором партнёров по группам критериев из табл. 1 (тарифы, WMS-интеграция, опыт), заключением SLA и сохранением резервных компетенций.

Список источников

1. Анализ размера и доли рынка 3PL в России // MORDOR INTELLIGENCE. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/russia-3pl-market (Дата обращения: 28.12.2025).

2. Бандурин, С. А. Аутсорсинг в логистике, современные тенденции / С. А. Бандурин // Актуальные вопросы экономических наук. – 2016. – № 55-1. – С. 167-171. – EDN XHTRET.

3. Ившин, С. Ю. Логистический аутсорсинг в цепях поставок целлюлозно-бумажной продукции : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Ившин Станислав Юрьевич, 2023. – 200 с. – EDN KEOOEO.

4. Котляров, И. Д. Аутсорсинг как форма межфирменной кооперации: теоретический анализ / И. Д. Котляров // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. – № 5. – С. 19-31. – EDN UMLXDF.

5. Курбанов, А. Х. Аутсорсинг: достижение конкурентных преимуществ или ловушка? / А. Х. Курбанов, Р. А. Князьнеделин, В. А. Плотников // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18, № 2. – С. 185-192. – DOI 10.18334/rp.18.2.37362. – EDN ZIUSLR.

6. Российский рынок 3PL-логистики: как развивается ключевой сектор современной экономики // GIDMARK. [Электронный ресурс]. – URL: https://gidmark.ru/news/rossijskij-ryinok-3pl-logistiki-kak-razvivaetsya-klyuchevoj-sektor-sovremennoj-ekonomiki (Дата обращения: 28.12.2025).

7. Рынок 3PL-логистики в РФ: рост под давлением // RBC. [Электронный ресурс]. – URL: https://marketing.rbc.ru/articles/15848/ (Дата обращения: 28.12.2025).

УДК 338.1

Информационные потоки в логистике цепочки поставок: синергия для эффективного управления

Печенко Наталья Сергеевна
доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
SPIN-код: 8048-3363, ORCID: 0000-0002-6663-741, natalya-pechenko@yandex.ru
Отев Кирилл Сергеевич
старший преподаватель, Ухтинский государственный технический университет
SPIN-код: 5214-2883, ORCID: 0009-0007-3073-5090, otev.kirill@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь информационных потоков и логистики цепочки поставок, подчеркивается роль информационных потоков в координации и интеграции различных звеньев цепи поставок: поставщиков, производителей, перевозчиков. Эффективное управление логистическими процессами требует синхронизации движения товаров и информации, использования информационных систем для мониторинга и отслеживания данных в реальном времени. Синергия логистики цепочки поставок и информационных потоков повышает эффективность управления цепочками поставок, предоставляя своевременную и точную информацию для принятия управленческих решений.

Ключевые слова: информационные потоки, логистика цепочек поставок, логистическая информация.

Логистика цепочки поставок характеризуется движением материального потока, который обычно включает товары, продукты, сырье и т. д., и их закупки, производство, продажу. В то же время логистика цепочки поставок включает в себя координационную работу, которая выражается в форме сотрудничества и интеграции нескольких звеньев и совместной работе между поставщиками, производителями и перевозчиками. Логистика требует сотрудничества нескольких сторон для выполнения полной логистической задачи. В процессе логистики из-за большого количества звеньев в цепи поставок видимость логистической информации становится низкой, поэтому необходимо объединить систему управления логистикой для мониторинга и отслеживания логистической информации [6].

«Логистическая цепь представляет собой всю последовательность действий, реализация которых обеспечивает возможность сквозного управления товарным потоком. Чтобы такая цепь работала эффективно, логистика решает сложную задачу синхронизации движения товаров и информации между многочисленными бизнес-процессами в цепи управления поставками. Это достигается путем рассмотрения цепи как целостной системы» [2].

Информационный поток обладает характеристиками виртуальности, точности, полноты и наглядности. В цепочке поставок информационный поток относится к процессу передачи и обмена информацией, что является виртуальным режимом потока, а не фактическим потоком материалов. В процессе передачи данных, информация своевременно передается через информационные системы, обеспечивая точную информационную поддержку для принятия решений во всех звеньях цепочки поставок.

Информационный поток не имеет границ и способен осуществлять передачу и обмен данными на глобальном уровне, оптимизируя управление цепочкой поставок. Благодаря современным информационным системам и технологиям возможно: «вырабатывать логистические стратегии спомощью специальных прикладных программ, которые всесторонне описывают логистическую структуру компании ипозволяют моделировать логистические процессы сцелью дальнейшей оптимизации; интегрировать информационные системы различных структур компании ипредоставлять доступ кединой базе данных; объединять сотрудников компании вединой коммуникационной сети сиспользованием систем электронного обмена данными; использовать безбумажный документооборот; управлять вавтоматическом режиме складским оборудованием; актуализировать информацию об уровне запасов; комплектовать партии товара; идентифицировать товар спомощью штрих-кодирования; оптимизировать маршруты движения складского транспорта; проводить непрерывный мониторинг движения транспортных средств, втом числе тахографический анализ; расчитывать продвижение товара по всей цепи поставок и др.» [4].

Синергия логистики цепочки поставок и информационных потоков повышает эффективность работы цепочки поставок и уровень управления. Логисти-

ческая информация обеспечивает информационную поддержку информационного потока, который управляет логистическими операциями на основе полученных данных. Их взаимодействие повышает эффективность цепочки поставок и способствует улучшению управления.

«В основе процесса решения управленческих задач по перемещению материальных потоков лежит автоматизированная обработка информации, циркулирующая в логистических системах, а в связи с этим одним из ключевых понятий логистики является понятие информационного потока. В информационной логистике информационный поток рассматривается как элемент, существующий между звеньями и структурными подразделениями логистической системы, состоящий из совокупности наборов данных, между которыми установлены определенные функциональные связи и отношения и внешней средой» [1].

Основываясь на информационном потоке, логистика цепочки поставок получает актуальную информацию о запасах, транспортировке и т. д. В цепочке поставок все логистические операции, задействованные в каждом звене, осуществляются при поддержке информационного потока. То есть, можно сказать, что информационный поток управляет логистикой.

В процессе логистики в цепочке поставок, по мере формирования звеньями логистической системы материального потока генерируется логистическая информация. Сгенерированная информация передается в информационный поток цепочки поставок и обеспечивает поддержку данных для функционирования цепочки поставок посредством обмена информацией в информационном потоке [3].

Анализ и обработка логистической информации дают операционные результаты. На их основе осуществляются логистические операции, направленные на решение проблем, повышение эффективности операций, снижение транспортных расходов [5]. Информационный поток оптимизирует логистические операции в цепочке поставок, обеспечивая поддержку принятия решений и повышая эффективность реализации логистических операций.

Таким образом, информация, полученная в процессе осуществления логистических операций, предоставляет точные данные для формирования информационных потоков, которые позволяют наблюдать за логистическими операциями цепочки поставок в реальном времени, отслеживать и контролировать логистику, представлять конкретные детали выполнения логистических операций, добиваться большей прозрачности потоков.

Список источников

1. Гоголин, С. С. Управление информационными потоками логистических систем средствами информационного менеджмента / С. С. Гоголин, Е. Ю. Фаддеева // Вестник Академии знаний. – 2018. – № 29(6). – С. 105-110. – EDN VOEGXS.

2. Ефремов, А. А. К вопросу о координации в логистике и управлении цепями поставок / А. А. Ефремов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2010. – № 6(112). – С. 141-145. – EDN NCOCSF.

3. Печенко, Н. С. Оптимизация трансакционных издержек в экспортно-импортных цепях поставок в Евразийском экономическом союзе / Н. С. Печенко // Hypothesis. – 2018. – № 3(4). – С. 129-138. – EDN GGMVCU.

4. Печенко, Н. С. Кросс-платформенные решения в логистических системах поставок / Н. С. Печенко // Логистика и управление цепями поставок : Сборник научных трудов. Том Выпуск 7(20). – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – С. 180-183. – EDN VYYXNP.

5. Тетеревлева, Е. В. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в промышленную электроэнергетику / Е. В. Тетеревлева, К. С. Отев // Актуальные вопросы инженерной отрасли : Сборник научных трудов. – Калининград : Калининградский государственный технический университет, 2023. – С. 56-61. – EDN EQYBHW.

6. Borisova, V. Sustainable Development of Logistic Infrastructure of the Region / V. Borisova, N. Pechenko // E3S Web of Conferences. – 2021. – Vol. 295. – P. 01042.

УДК 656.073

Гибкость и устойчивость цепей поставок: управление в условиях ограничений

Пигин Михаил Игоревич
магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
misha.pigin@gmail.com
Научный руководитель: канд. экон. наук. Печенко Н.С.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с санкционными ограничениями в сфере международной логистики. Целью статьи является анализ ситуации и выработка путей решения существующих проблем в построении международных логистических цепочек. Предлагаемые решения способствуют построению гибких и устойчивых цепей поставок товаров в условиях санкциях.

Ключевые слова: международная логистика, санкции, международная торговля, цепи поставок, параллельный импорт.

Международные перевозки грузов являются важным компонентом внешнеэкономической деятельности России. Так как внешнеторговая деятельность крупного бизнеса в стране связана с импортом высокотехнологичных товаров и экспортом преимущественно энергоносителей, сырья, сельскохозяйственной продукции и удобрений, выстраивание эффективных логистических цепочек является обеспечивает устойчивость российской экономики в условиях санкционных ограничений.

С 2022 года в отношении России были введены санкционные ограничения в транспортной отрасли со стороны ЕС, Великобритании и США, направленные на разрыв существующих логистических маршрутов. В число ограничений вошли следующие пункты:

- запрет на обслуживание транспортных средств на территории Российской Федерации;

- запрет на деятельность российских логистических компаний на территории ЕС;

- запрет на доступ в порты ЕС судов под российским флагом, а также перевозки российским автотранспортом грузов по территории ЕС.

Также под вторичные санкции подпадают организации и лица, способствующие обходу транспортных ограничений [4].

По причине резкого разрыва устоявшихся логистических цепочек, российскому бизнесу пришлось адаптироваться к новым условиям, перестраивать транспортные маршруты, переориентироваться на азиатские рынки, развивать собственные логистические технологии, ввиду чего повысилась актуальность создания гибких и относительно устойчивых цепей поставок для осуществления международных перевозок [1, с. 58].

В условиях политических и экономических ограничений со стороны недружественных стран необходимо выстраивать логистические цепочки с учетом рисков, связанных с изъятием транспортируемых грузов, недопуском транспортных средств на территории транзитных стран, а также отказ от сотрудничества иностранных контрагентов. Также данные логистические маршруты должны быть устойчивыми как во временном, так и стоимостном измерении, для достижения стабильности ценообразования и расчетного времени в пути для каждой перевозки в рамках одной группы поставок.

Добиться гибкости и устойчивости в управлении цепями поставок в условиях односторонних политико-экономических ограничений (санкций) возможно следующими способами:

- развитие транспортной инфраструктуры на территориях дружественных или нейтральных стран (МТК Север-Юг, Приморье-1 и -2, Северный Морской Путь);

- развитие деловых отношений со странами, находящимися на пересечении ключевых логистических маршрутов, такими как Казахстан, Турция, Сингапур, Египет и странами Аравийского полуострова (ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия), как логистических хабов для развития программ «параллельного импорта» (Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 года №506) [5];

- перестраивание логистических цепочек в сторону мультимодальных перевозок (авиа-, авто- и морской транспорт), что усложнит отслеживание передвижения подсанкционных грузов.

В ходе модернизации и развития альтернативных транспортных коридоров прогнозируется увеличение грузооборота между Россией и странами дальнего зарубежья. Так, с 2022-го по 2023 год общий объём перевозок по МТК «Север – Юг» увеличился в 2024 году до 26,9 млн тонн, с прогнозом до 28,1 млн тонн в 2026 году, что позволит выстроить стабильные маршруты транспортировки грузов на Ближнем Востоке и в Азии [2].

Касаемо юридических аспектов, для сохранения конфиденциальности конечного покупателя при транспортировке груза в контрактах используются следующие защитные механизмы:

- приравнивание возникновения санкционных ограничений к обстоятельствам непреодолимой силы (форс-мажор);

- право на отказ от исполнения обязательств по поставке груза в случае попадания в санкционные списки одной из сторон договора [6];

- юридические лица, между которыми осуществляется документооборот, а также принадлежащие им транспортные средства (автомобили, суда) должны быть зарегистрированы в юрисдикциях третьих стран. Для автотранспорта могут быть выбраны страны, по которым осуществляется перевозка, включая страны-члены ЕС. Морской транспорт в данном случае ходит под флагами Сейшел, Британских Виргинских Островов, Панамы.

- переход на интермодальные перевозки для транспортировки на большие расстояния.

Соблюдение юридических нюансов при подготовке к транспортировке позволит выстроить гибкую систему управления всеми составляющими логистики, а также создать устойчивую цепь поставок, включающую сеть контрагентов и подрядчиков, осуществляющих оплату и транспортировку груза [3].

Таким образом, в 2022 году российский бизнес столкнулся с масштабными санкционными ограничениями, направленными на разрушение устоявшихся логистических маршрутов. Однако, существуют способы снижения влияния данных ограничений, таких как развитие альтернативных маршрутов и задействование транзитных стран для налаживания «параллельного импорта». Результаты исследования указывают на необходимость развития новых транспортных коридоров через дружественные страны и принятия мер юридического характера для обеспечения беспрепятственной перевозки грузов. Использование всех перечисленных предложений создаст условия для выстраивания гибких и устойчивых международных цепей поставок в условиях санкционных ограничений.

Список источников

1. Борисова, В. В. Управление внешнеторговой деятельностью / В. В. Борисова, Н. С. Печенко. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – 81 с. – ISBN 978-5-7310-6166-7. – EDN JDIPLH.

2. «МТК «Север – Юг»: от замысла к реализации» // Газета «Правда.Ру». [Электронный ресурс]. – URL: https://morvesti.ru/analitika/1685/106899/ (Дата обращения: 21.01.2026).

3. Одинцова, Е. В. Влияние антироссийских санкций на логистику и внешнеэкономическую деятельность / Е. В. Одинцова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 2. – С. 73-79. – DOI 10.24412/2072-8042-2023-2-73-79. – EDN ODCWXT.

4. Официальный сайт Еврокомиссии // Европейская Комиссия. [Электронный ресурс]. – URL: https://commission.europa.eu/topics/eu-solidarity-ukraine/eu-sanctions- against-russia-following-invasion-ukraine/sanctions-transport_ru (Дата обращения: 24.01.2026).

5. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. N 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203300003 (Дата обращения: 21.12.2025).

6. Симонов, К. В. Российская логистика и управление цепями поставок: вызовы и актуальные решения / К. В. Симонов // Управленческие науки. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 71-87. – DOI 10.26794/2404-022X-2024-14-1-71-87. – EDN LFDQXM.

УДК 338.2

Обзор перспектив развития рынка цифровой логистики

Удоденко Ульяна Юрьевна
студент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
SPIN-код: 3852-2731, udodenko.ulyana@gmail.com
Согомонян Левон Артурович
доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
SPIN-код: 9530-2558, sla791@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль цифровизации и автоматизации в повышении устойчивости логистических цепей поставок в условиях экономической турбулентности. Особое внимание уделяется анализу ключевых трендов в логистике на перспективу.

Ключевые слова: цифровизация, управление цепями поставок, автоматизация процессов, устойчивость логистических цепей поставок, цифровая реформа.

Цепочки поставок превратились из простых логистических сетей в сложные многоуровневые экосистемы, определяющие развитие современной экономики.

Современная цепь поставок – это важный элемент международной торговли, гарантирующий непрерывное перемещение товаров, услуг и информации между различными отраслями. Независимо от того, производство, розничная торговля или электронная коммерция, компании рассчитывают на стабильность цепей поставок для минимизации издержек и удовлетворения запросов потребителей. Эффективно организованная цепь поставок повышает производительность, сокращает расходы на логистику, уменьшает количество отходов и обеспечивает прибыльный рост бизнеса [2, с. 233]. Однако эта сложность влечет за собой значительные риски. Современные цепи поставок подвержены нарушениям, вызванным геополитическими конфликтами, кибератаками и экологическими проблемами. Неточности в планировании и реализации могут иметь серьезные финансовые последствия. Неверная оценка спроса приводит к увеличению расходов на хранение и снижению прибыльности, а его занижение – к упущенной прибыли и негативному восприятию бренда. Проблемы в логистике, такие как выбор неоптимальных маршрутов или неправильная оценка сроков, увеличивают стоимость транспортировки и приводят к задержкам [1, с. 109]. Компании, не готовые к этим рискам, сталкиваются с сокращением доходов, снижением эффективности работы и репутационными потерями. Устойчивость цепей поставок

в современном мире определяется возможностью систем предотвращать сбои и быстро восстанавливаться в условиях геополитических нестабильностей, цифровизации и климатических изменений. Качественный анализ и применение цифровых и автоматизированных технологий – основа эффективного ответа на вызовы в цепи поставок. Внедрение цифровых технологий и роботизированных систем – определяющая тенденция в современной логистической отрасли, объединяющая ИИ, IoT, блокчейн и другие инновации, направленные на оптимизацию производительности и повышение уровня отслеживаемости. Значимость этого направления подчёркивается увеличением объёма российского рынка информационных технологий в сфере логистики до 24,3 трлн руб. к 2025 году, при этом доля цифровых разработок составляет приблизительно 29%. В таблице 1 представлены наиболее востребованные направления развития логистики за последние годы.

Таблица 1 – Тренды в цифровой логистике

Тренд	**Преимущества**	**Вызовы**
IoT-мониторинг	«Real-time» видимость, оптимизация запасов на 35%, ускорение обработки грузов	Интеграция с устаревшими системами, высокие затраты внедрения
ИИ и машинное обучение	Снижение логистических расходов до 40%, точность прогнозирования на 65%, снижение задержек на 20%	Кибер-риски, зависимость от данных
Блокчейн	Прозрачность транзакций, минимизация мошенничества, время оформления на 50%	Сложность внедрения, интероперабельность информации
Бизнес-стратегия «Nearshoring»	Улучшение коммуникации с поставщиками, сокращение расстояния между производственными площадками и потребителями	Инвестиции в инфраструктуру
Роботизация складов	Сокращение трудозатрат, ускорение операций на 30%, повышение точности выполнения процессов	Масштабирование, управление парком роботов
ЭДО и платформы	Время оформления на 50%, снижение бумажной нагрузки, прозрачность	Обязательный переход, штрафы за несоответствие

Изучение современных тенденций в логистике показывает, что применение ИИ и машинного обучения, а также устройств IoT позволяет отслеживать грузы в режиме реального времени, уменьшая lead-time на 12-20 суток и снижая логистические издержки на 15%, а также складские запасы на 35%. Автоматизация складских операций при помощи роботов и дронов обеспечивает повышенную адаптивность, что особенно актуально в России, где 60% транспортно-логистических компаний внедряют подобные технологии [4, с. 82]. Предполагается, что к 2030 году системы поставок станут полностью автономными и будут использовать самообучающиеся ИИ, автоматизированные робототехнические процессы и

беспилотные транспортные средства для управления логистикой с минимальным участием человека. Тем не менее, компании продолжат сталкиваться с трудностями в цепочках поставок и им потребуется предпринимать шаги для их преодоления. В дальнейших исследованиях необходимо оценить влияние на показатели ESG в условиях усиливающейся глобальной фрагментации.

В связи с переходом с бумажных накладных на электронные документы, в России в настоящее время проводится цифровая реформа для грузоперевозчиков с использованием информационной логистической платформы «ГосЛог», которая представляет собой национальный проект Минтранса РФ, направленный на создание единого цифрового пространства для всех участников цепочек поставок [3]. Платформа объединяет 12 сервисов, включая цифровой паспорт перевозки, электронный документооборот (обязательный с 1 сентября 2026 года), мониторинг инцидентов и аналитику маршрутов, что позволяет сократить затраты на документооборот с 700 до 15 рублей на накладную и повысить скорость доставки на 15%. На перспективу планируется интеграция «ГосЛог» с системами «ЭРА-ГЛОНАСС» и зарубежными платформами, например, китайской «LOGINK», для обеспечения полной прослеживаемости и создания реестра экспедиторских компаний с марта 2026 года. Полное внедрение системы к 2028 году позволит оптимизировать мультимодальные перевозки, сократить количество нелегальных перевозчиков и увеличить пропускную способность транспортной инфраструктуры на 15%.

В настоящее время структура цепочек поставок подвергается радикальным изменениям, вызванным развитием технологий, новыми требованиями клиентов, необходимостью устойчивого развития и геополитической ситуацией. В перспективе управление цепями поставок будет опираться на автоматизацию, аналитику больших данных, снижение рисков с помощью искусственного интеллекта и объединение цифровых инструментов. Компании, не сумевшие приспособиться к этим нововведениям, столкнутся с серьезными сбоями в работе, увеличением издержек и снижением рыночной конкурентоспособности.

Список источников

1. Бойко, О. Н. Цифровая трансформация цепей поставок: тренды и перспективы развития / О. Н. Бойко, У. Ю. Удоденко // Галактика науки – 2025 : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Кубанский государственный университет, 19–26 апреля 2025 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2025. – С. 109-114. – EDN KLUGBR.

2. Бойко, О. Н. Цифровизация в логистике: тенденции развития в современном мире / О. Н. Бойко, У. Ю. Удоденко // Инновационные тренды в международном бизнесе и устойчивом менеджменте : Материалы III Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 16–18 ноября 2023 года. – Ростов-на-Дону: Автономная некоммерческая организация по поддержке научно-исследовательской и просветительской деятельности «Спутник науки», 2024. – С. 232-240. – EDN EEUMLY.

3. «ГосЛог»: национальная цифровая транспортно-логистическая платформа – что изменится для рынка грузоперевозок в России // Астрал. [Электронный ресурс]. – URL: https://astral.ru/aj/elem/goslog-natsionalnaya-tsifrovaya-transportno-logisticheskaya-platforma-chto-izmenitsya-dlya-rynka-gru/ (Дата обращения: 21.01.2026).

4. Удоденко, У. Ю. Цифровая трансформация логистики: от традиций к инновациям / У. Ю. Удоденко, О. Н. Бойко // Научные исследования молодых ученых: новая экономика и тренды в устойчивом развитии: Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 20 февраля 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. – С. 81-84. – EDN DFYXKO.

УДК 339.138

Интеграция маркетинга и логистики как фактор повышения устойчивости цепочек поставок в условиях глобальной экономики

Усенко Арина Александровна
студент, Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского,
anira0757@gmail.com
Кудинов Эдуард Алексеевич
доцент, Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского,
SPIN-код: 6320-0561, eduardac@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается, почему в современной глобальной экономике для компаний критически важно создавать устойчивые и надёжные цепочки поставок. Особое внимание уделяется тесному взаимодействию маркетинга и логистики – одному из главных условий стабильности и успешности бизнеса.

Ключевые слова: маркетинг, логистика, маркетинговая логистика, стратегия, интеграция, глобальная экономика.

В условиях глобальной экономики компаниям всё чаще приходится укреплять устойчивость своих цепочек поставок. Для этого важно обеспечить согласованную работу маркетинга и логистики. Такое взаимодействие помогает стабилизировать спрос, повысить точность и скорость поставок, а также снизить риски, связанные с внешними и внутренними изменениями. Когда эти направления действуют согласованно, цепочки поставок становятся более гибкими и адаптивными, что напрямую повышает конкурентоспособность предприятия.

Практика показывает, что компании, успешно интегрирующие маркетинговые и логистические процессы, демонстрируют более высокую устойчивость, способность к адаптации и готовность внедрять инновации. Это позволяет им уверенно работать как на внутреннем, так и на международном рынке.

Маркетинг – это система действий, которая помогает бизнесу находить своих клиентов, формировать интерес к продукту и поддерживать внимание аудитории на длительной основе. Маркетинг – это умение понимать желания покупателя, и воплощать их, не теряя собственного роста компании [5].

Даже иногда отличный товар не спасет, если нет спроса на продукт. Без стабильного спроса логистика начинает работать хуже, и у компании появляются лишние расходы. Маркетинг способствует поддержанию устойчивого спроса, позволяя компаниям:

- прогнозировать потребности клиентов;
- формировать долгосрочные отношения и лояльность;
- обеспечивать стабильность объёмов поставок;
- повышать предсказуемость логистических операций;
- снижать риски колебаний спроса.

Соответственно, маркетинг становится важнейшим элементом обеспечения устойчивости цепочек поставок, поскольку формирует основу для планирования и оптимизации логистических процессов. В условиях глобальной конкуренции эффективность маркетинга напрямую связана со способностью логистики выполнять установленные сроки, объёмы и стандарты сервиса. Интеграция этих сфер позволяет компаниям повышать надёжность поставок, снижать издержки и укреплять позиции на мировом рынке.

Логистика – это наука, ориентированная на прогнозирование, контроль и оптимизацию процессов передачи товаров, услуг и информации от производителя или поставщика к конечному потребителю. Её главная задача заключается в решении практических вопросов, связанных с сокращением затрат при производстве, хранении и транспортировке продукции [4].

Сегодня хозяйствующим субъектам довольно часто приходится сталкиваться с понятием маркетинговой логистики, без которой на практике не обходится ни одна маркетинговая стратегия. Маркетинговая логистика – это одна из функций маркетинга, которая отвечает за управление потоком товаров и информации от производителя к потребителю, с целью удовлетворения потребностей потребителей и достижения маркетинговых целей компании [3, с. 284].

В условиях глобальной экономики логистические процессы усложняются, а риски возрастают, поэтому интеграция логистики с маркетингом становится стратегически важной. Согласование спроса и логистических возможностей позволяет снижать уязвимость цепочек поставок и повышать их адаптивность. Получается, что маркетинг и логистика представляют собой взаимосвязанные направления, формирующие основу устойчивых цепочек поставок. Их взаимодействие обеспечивает согласование спроса и возможностей поставок, поскольку:

- маркетинговые исследования позволяют точнее прогнозировать потребности клиентов и планировать объёмы поставок, что снижает риск сбоев;
- логистические решения определяют качество реализации маркетинговой стратегии: скорость доставки, наличие товара и уровень сервиса напрямую влияют на стабильность спроса и надёжность цепочек поставок;
- маркетинг создаёт обещание ценности для покупателя, а логистика делает это обещание реальностью [1].

Именно благодаря этой взаимосвязи компании могут обеспечивать стабильность поставок и соответствие ожиданиям клиентов не только на внутреннем, но и на международном уровне.

Маркетинг и логистика – это взаимодополняющие элементы единой системы управления бизнесом. Маркетинг формирует спрос, определяет стратегию продвижения и работу с клиентом, а логистика обеспечивает её практическую реализацию через управление запасами, транспортировку и дистрибуцию [2].

Подводя итоги, следует отметить, что в современных условиях хозяйствования грамотное взаимодействие маркетинга и логистики становится важнейшим фактором устойчивости цепочек поставок. Согласованность прогнозирования спроса, планирования поставок и управления сервисом позволяет компаниям снижать издержки, повышать надёжность доставки и быстрее адаптироваться к внешним изменениям. Разобщённость этих функций, напротив, приводит к сбоям, росту затрат и снижению качества обслуживания. Для укрепления устойчивости цепочек поставок необходимы единая стратегия, цифровые инструменты, межфункциональное взаимодействие и развитие компетенций персонала. Реализация этих мер позволит обеспечить гибкость, стабильность и конкурентоспособность компаний на глобальном рынке.

Таким образом, интеграция маркетинга и логистики является ключевым условием повышения устойчивости цепочек поставок в глобальной экономике. Компании, выстраивающие единое маркетингово-логистическое управление, демонстрируют более высокую адаптивность, оптимизируют издержки и укрепляют свои позиции на международных рынках. Именно комплексный подход к объединению маркетинговых и логистических процессов формирует основу долгосрочной конкурентоспособности и устойчивого развития современных предприятий.

Список источников

1. Интеграция логистики и маркетинга в современных условиях: максимизация эффективности и конкурентоспособности предприятий // Logistics.by. [Электронный ресурс]. – URL: https://logistics.by/blog/integracziya-logistiki-i-marketinga-v-sovremennyh-usloviyah-maksimizacziya-effektivnosti-i-konkurentosposobnosti-predpriyatij (Дата обращения: 03.01.2026).

2. Кегенбеков Ж. К., Алипова А. Н., Бидашева А. Г. Взаимосвязь логистики и торгового маркетинга в компаниях FMCG-сектора // Научные проблемы водного транспорта. – 2021. – № 69 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-logistiki-i-torgovogo-marketinga-v-kompaniyah-fmcg-sektora (Дата обращения: 03.01.2026).

3. Кудинов, Э. А. Интернет-маркетинг и маркетинговая логистика в современном бизнесе / Э. А. Кудинов, Т. С. Пипа // Маркетинг-дайджест : Сборник тезисов научных докладов. Республиканская научно-практическая интернет-конференция преподавателей, аспирантов, студентов и школьников, Донецк, 31 октября 2024 года. – Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, 2024. – С. 283-285. – EDN TTRDYZ.

4. Фокин Д. Что такое логистика // Журнал Совкомбанка. [Электронный ресурс]. – URL: https://journal.sovcombank.ru/glossarii/chto-takoe-logistika#h_64516840113164942 8789799 (Дата обращения: 03.01.2026).

5. Что такое маркетинг: объясняем без воды // Н Карьера. [Электронный ресурс]. – URL: https://career.hh.ru/article/chto-takoe-marketing-obuyasnyaem-bez-vody#chto-takoe-marketing (Дата обращения: 03.01.2026).

УДК 658.8

Управление логистическими рисками при транспортировке сопутствующих продуктов добычи газоконденсатных месторождений в целях обеспечения устойчивости цепочек поставок

Хайдапова Татьяна Евгеньевна
Магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
SPIN-код: 7330-3550, haidapova.tanya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы управления логистическими рисками, возникающими при транспортировке сопутствующих продуктов добычи газоконденсатных месторождений. Показано, что транспортная логистика является одним из ключевых факторов устойчивости цепочек поставок в добывающих отраслях. Выявлены основные виды логистических рисков и раскрыта их связь с нарушением устойчивости цепочек поставок. Обоснована необходимость применения стратегического подхода к управлению логистическими рисками с целью повышения надёжности и адаптивности транспортно-логистических систем.

Ключевые слова: логистические риски, устойчивость цепочек поставок, газоконденсатные месторождения, стратегическое управление, сопутствующие продукты добычи.

Транспортная логистика занимает особое место в системе добычи и реализации сопутствующих продуктов газоконденсатных месторождений, поскольку обеспечивает связь между производственными объектами и конечными потребителями. Эффективно организованная транспортировка позволяет обеспечить бесперебойную работу всего производственного цикла. В то же время специфика газоконденсатной отрасли, а точнее удалённость месторождений, сложные природно-климатические условия и ограниченность инфраструктуры формируют повышенный уровень логистических рисков.

В транспортно-логистическом обеспечении добычи и реализации сопутствующих продуктов используются практически все виды транспорта и во многих случаях доставка продукции осуществляется с применением смешанных перевозок. Передача грузов между различными видами транспорта увеличивает количество логистических операций и, соответственно, повышает вероятность возникновения сбоев, способных негативно повлиять на устойчивость цепочек поставок [1].

Логистический риск в общем виде можно определить как вероятность возникновения событий, приводящих к нарушению движения материальных, информационных или финансовых потоков в цепочке поставок. Для добывающих отраслей характерна высокая взаимосвязанность логистических процессов, при которой даже незначительное отклонение от плановых параметров может вызвать каскадный эффект и привести к существенным потерям. В этой связи возникает необходимость в структурировании логистических рисков, что позволяет системно оценивать их влияние (таблица 1) [1; 2].

Таблица 1 – Основные логистические риски
при транспортировке сопутствующих продуктов
газоконденсатных месторождений

Группа рисков	**Содержание рисков**	**Возможные последствия**
Внешние риски	Географические, климатические, инфраструктурные,	Срывы поставок, рост издержек, приостановка логистических операций
Внутренние риски	Организационные, управленческие, кадровые, технологические	Снижение эффективности логистических процессов
Транспортные риски	Поломки транспорта, аварии, перегрузка логистических узлов	Потери и повреждение продукции
Финансовые риски	Рост тарифов, колебания цен на топливо, валютные риски	Увеличение себестоимости перевозок
Риски контрагентов	Низкое качество услуг, финансовые проблемы перевозчиков	Нарушение устойчивости цепочки поставок

Реализация рассмотренных логистических рисков оказывает прямое влияние на устойчивость цепочек поставок. Под устойчивостью логистической цепочки поставок понимается способность системы сохранять заданный уровень функционирования, адаптироваться к изменениям внешней среды и восстанавливать свою работоспособность после возникновения сбоев. Для цепочек поставок сопутствующих продуктов газоконденсатных месторождений устойчивость имеет стратегическое значение, поскольку нарушение сроков поставки или потери продукции напрямую отражаются на компании [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Причинно-следственная связь между логистическими рисками и устойчивостью цепочек поставок проявляется через нарушение сроков доставки, рост транспортных и операционных издержек, потери продукции, а также снижение надёжности партнёрских отношений. В условиях географической протяжённости цепочек поставок данные последствия могут носить системный характер (рисунок 1).

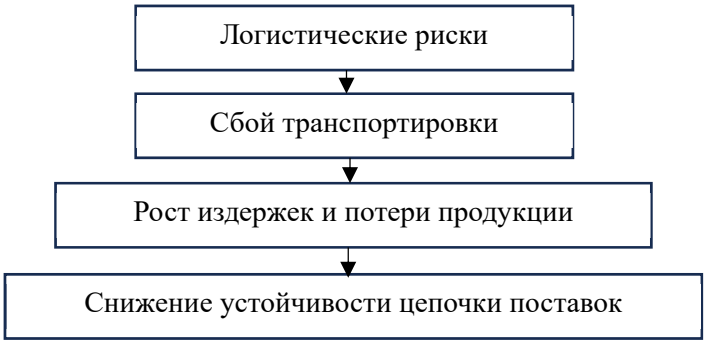

Рисунок 1 – Влияние логистических рисков на устойчивость цепочек поставок

Устойчивость цепочек поставок напрямую зависит от качества управления логистическими рисками. Эффективное управление предполагает не только выявление и оценку рисков, но и разработку мер по их снижению и постоянный контроль состояния логистической системы. В данном контексте управление логистическими рисками следует рассматривать как элемент стратегического управления транспортной логистикой, ориентированный на долгосрочное обеспечение устойчивости цепочек поставок (таблица 2).

Таблица 2 – Основные инструменты управления логистическими рисками

Инструмент	**Содержание**	**Результат применения**
Диверсификация маршрутов и видов транспорта	Использование альтернативных логистических каналов	Снижение зависимости от одного источника риска
Резервирование логистических мощностей	Формирование страховых запасов и резервов	Повышение надёжности поставок
Цифровой мониторинг перевозок	Применение систем GPS	Оперативный контроль и снижение потерь
Сценарное планирование	Подготовка к различным вариантам развития событий	Повышение адаптивности логистической системы
Работа с надёжными контрагентами	Отбор перевозчиков и провайдеров	Снижение рисков сбоев и потерь

Применение указанных инструментов позволяет повысить гибкость и адаптивность транспортно-логистических систем, снизить негативное воздействие внешних и внутренних факторов и обеспечить долгосрочную устойчивость цепочек поставок [3].

Управление логистическими рисками является неотъемлемой частью стратегического управления транспортной логистикой сопутствующих продуктов добычи газоконденсатных месторождений и участвует в обеспечении устойчивого функционирования добывающих предприятий в условиях высокой неопределённости внешней среды.

Список источников

1. Ильина, Ю. А. Устойчивость глобальных цепей поставок в условиях нестабильной внешней среды / Ю. А. Ильина // Актуальные вопросы экономических наук. – 2016. – № 52. – С. 75-79. – EDN WKXEMX.

2. Ларин, О. Н. Вопросы обеспечения устойчивости цепочек поставок / О. Н. Ларин // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник. Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием, Москва, 16–17 декабря 2021 года / Отв. редактор В.И. Герасимов. Том Выпуск 17. Часть 1. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. – С. 457-460. – EDN EAMARW.

3. Ситдиков, Р. Р. Учет логистических рисков в планировании материальных запасов бурового предприятия / Р. Р. Ситдиков, Д. Р. Мусина // Интернет-журнал Науковедение. – 2015. – Т. 7, № 3(28). – С. 66. – DOI 10.15862/05EVN315. – EDN UMFWYV.

4. Пономарева, Е. С. Логистические риски в транспортной деятельности и способы их минимизации / Е. С. Пономарева // Молодой исследователь Дона. – 2024. – Т. 9, № 2(47). – С. 58-61. – EDN CHBBHD.

УДК 656

Барьеры и драйверы устойчивого развития в международных цепях поставок

Хомич Татьяна Андреевна
студент, Брестский государственный технический университет,
khomich1807@gmail.com

Аннотация. Трансформация международных цепей поставок по принципам устойчивого развития сталкивается с барьерами: геополитической турбулентностью, высокими логистическими издержками и управленческими ошибками. В статье содержится анализ драйверов – региональная интеграция, логистические кластеры, цифровизация и ESG-принципы. Создание транзитных хабов, а также внедрение таких технологий, как блокчейн и IoT, обеспечивают конкурентные преимущества и долгосрочную стабильность бизнеса.

Ключевые слова: международные цепи поставок, логистические кластеры, цифровизация логистики, ESG-принципы, геополитические барьеры.

Трансформация международных цепей поставок в соответствии с принципами устойчивого развития (экономической, экологической и социальной устойчивости) стала одной из ключевых задач современного глобального менеджмента. Этот переход обусловлен совокупностью факторов: ужесточением экологического законодательства, изменением потребительских предпочтений, требованиями инвесторов к ESG-раскрытию, а также осознанием компаниями рисков, связанных с климатическими изменениями и социальной нестабильностью.

Одновременно с барьерами формируются мощные драйверы устойчивости, включающие инновации в области «зеленых» технологий, развитие цифровых платформ, таких как блокчейн и Интернет вещей, а также рост экономики замкнутого цикла. В условиях глобализации и текущих геополитических вызовов, которые приводят к удорожанию логистики и удлинению сроков поставок, устойчивое управление цепочками становится ключевым конкурентным преимуществом, обеспечивая долгосрочную стабильность и инновационное развитие бизнеса.

Цель статьи – проанализировать барьеры и драйверы устойчивости международных цепей поставок (МЦП) с учетом текущих вызовов.

Устойчивое развитие МЦП в современном мире представляет собой сложный процесс адаптации, где достижение конкурентоспособности и надежности требует преодоления системных барьеров за счет активизации ключевых драйверов. Центральным и наиболее мощным барьером сегодня является геополитическая турбулентность и санкционное давление. Этот фактор радикально трансформирует десятилетиями формировавшуюся архитектуру глобальных МЦП. Санкции напрямую привели к разрыву традиционных маршрутов, конфискации активов, необходимости экстренного поиска новых партнеров и коридоров [2]. Происходит глубокая дезорганизация международных цепочек поставок, где компании вынуждены экстренно искать альтернативных поставщиков и маршруты, что ведет к постоянным задержкам, росту издержек и удлинению сроков [5]. Это, в совокупности с затруднением финансовых операций через банковские системы и правовой неопределенностью, приводит к значительному росту транспортных и административных расходов [5].

Второй структурно-технологический барьер связан с высокой ресурсоемкостью и низкой эффективностью логистики в экономиках ряда стран, что выражается в показателе «транспортоемкости ВВП», в разы превышающем европейский уровень [1]. Это свидетельствует о глубокой структурной проблеме. Ключевым ее проявлением является аномально высокая доля логистических издержек в конечной стоимости товаров, которая в странах ЕАЭС достигает 20–35%, в то время как среднемировой показатель составляет около 11% [4]. Такая разница указывает на колоссальный резерв для повышения конкурентоспособности через оптимизацию логистики.

При этом внедрение любых новых подходов, включая цифровизацию и ESG, связано с типичными управленческими ошибками. К ним относятся отрыв инициатив от бизнес-логики, когда устойчивость существует отдельно от операционных процессов; отсутствие измеримых KPI; недостаточное вовлечение ключевых подразделений [3]. Преодоление этих ошибок является необходимым условием для реального повышения устойчивости МЦП.

Однако эти вызовы активизируют мощные драйверы, формирующие новую модель устойчивости. На первое место выходит драйвер региональной экономической интеграции и перемещения производств. Такие институты, как ЕАЭС, выступают основой формирования защищенных и предсказуемых МЦП, устраняя таможенные барьеры, гармонизируя стандарты и обеспечивая доступ к общей инфраструктуре [1]. Формирование логистических кластеров, понимаемых как географически сконцентрированное взаимодействие компаний, реализующих полный цикл логистических услуг, становится эффективным инструментом преодоления фрагментарности [4].

Развитие логистических кластеров и региональных альянсов создает идеальную площадку для внедрения единых ESG-стандартов, что дополнительно снижает транзакционные издержки и риски за счет повышения прозрачности и ответственности партнеров [3].

Еще одним критически важным драйвером является стратегическое развитие транзитного и логистического хаба. Инвестиции в логистические центры,

цифровизация коридоров, создание «бесшовных» таможенных процедур – это инструменты притяжения трансграничных потоков и превращения географического положения в устойчивый экономический актив [1, 4]. Этот драйвер напрямую борется с инфраструктурными барьерами и создает основу для долгосрочной конкурентоспособности.

Драйвер технологической трансформации, несмотря на сопутствующие барьеры, остается главным источником повышения гибкости и прозрачности МЦП. Цифровые технологии работают на преодоление сразу нескольких вызовов: блокчейн обеспечивает доверие и неизменность данных в условиях разрыва старых связей; IoT дает реальный мониторинг состояния грузов на сложных альтернативных маршрутах; анализ больших данных позволяет моделировать риски и оптимизировать запасы в условиях нестабильного спроса [6].

При этом формируется мощный драйвер стратегического управления на основе ESG-принципов. ESG становится практическим инструментом повышения устойчивости МЦП, напрямую отвечая на вызовы барьеров и усиливая другие драйверы. На операционном уровне интеграция ESG ведет к снижению издержек через оптимизацию логистики и энергопотребления. В управлении рисками включение ESG-критериев в выбор поставщиков повышает устойчивость цепочек к санкциям и операционным кризисам. На финансовом уровне соответствие улучшает доступ к финансированию, а на уровне человеческого капитала социальная составляющая повышает вовлеченность сотрудников.

Анализ факторов, влияющих на устойчивое развитие глобальных логистических систем, показывает, что геополитическая нестабильность и санкции создают значительные барьеры. Это приводит к нарушению традиционных маршрутов и увеличению издержек. В то же время, эти вызовы стимулируют компании к поиску инновационных решений и внедрению новых подходов, таких как создание логистических кластеров, развитие транзитных хабов и применение цифровых технологий.

Для успешной адаптации к изменяющимся условиям необходима региональная экономическая интеграция и внедрение ESG-принципов, которые способствуют повышению прозрачности и ответственности, а также снижению транзакционных издержек. Технологическая трансформация, основанная на использовании блокчейна и IoT, обеспечивает гибкость и прозрачность цепочек поставок. Для достижения устойчивости МЦП необходимо не только преодолеть существующие барьеры, но и активно использовать возникающие перспективы, что в конечном итоге приведет к повышению конкурентоспособности и стабильности бизнеса в условиях глобальной неопределенности.

Список источников

1. Буцанец, Н. Б. Международные цепи поставок: барьеры и пути развития / Н. Б. Буцанец, Ж. П. Аникина // Логистические системы и процессы в условиях экономической нестабильности : Материалы V Международной заочной научно-практической конференции, Минск, 06–07 декабря 2017 года. – Минск: Белорусский государственный аграрный технический университет, 2017. – С. 18-23. – EDN YNOPUU.

2. Быкова, Г. П. Систематизация проблем цепей поставок вследствие введения санкций, препятствующих устойчивому развитию / Г. П. Быкова, Ф. Д. Венде // Отходы и ресурсы. – 2023. – Т. 10, № 1. – DOI 10.15862/38ECOR123. – EDN BODPYB.

3. Зачем встраивать ESG-инициативы в цепочку создания стоимости // Сколково. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/zachem-vstraivat-esg-iniciativy-v-cepochku-sozdaniya-stoimosti-argumenty-dlya-ceo/(Дата обращения: 30.12.2025).

4. Проблемы в логистике из-за санкций: основные вызовы и действия // БАЛТ Комплект. [Электронный ресурс]. – URL: https://baltkomplekt.ru/problemy-v-logistike-iz-za-sankczij-osnovnye-vyzovy-i-posledstviya/(Дата обращения: 30.12.2025).

5. Рыбина, И.А. Инструменты оптимизации цепи поставок промышленных предприятий в условиях санкционного давления / И.А.Рыбина, М.А.Гончарова, С.С. Ломакин // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 7. – С. 336–343. – DOI 10.17513/vaael.3603

6. Станкевич, Д. В. Лагодич, А.А. Роль ESG–стратегии в устойчивом развитии транспортной логистики / Д.В. Станкевич, А.А. Лагодич // Логистика: современные тенденции развития : Материалы XXIII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 4–5 апреля 2023 года. – СПб: Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, 2024. – С.216-221.

УДК 658.7:004.9

Устойчивость цепочки поставок промышленных предприятий в условиях цифровой трансформации: эволюционно-игровой анализ без субсидирования

Цянь Фэйфань
аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
SPIN-код: 7880-5208, e-mail: 1042238239@rudn.ru

Аннотация. В статье анализируется формирование устойчивости цепочек поставок промышленных предприятий в условиях цифровой трансформации без субсидирования. Цель исследования заключается в изучении стратегического поведения участников двухзвенной цепочки поставок. С использованием эволюционного игрового подхода исследуется выбор стратегий цифровой модернизации. Показано, что формируются координированные и асимметричные устойчивые режимы, что обосновывает необходимость координационных стимулов.

Ключевые слова: устойчивость цепочки поставок, цифровая трансформация, логистическая система, эволюционная теория игр, free-riding, цифровые инвестиции.

Современные цепочки поставок функционируют в условиях высокой турбулентности, обусловленной цифровыми технологиями, нестабильностью рынков и ростом внешних рисков [6, с. 3]. В этих условиях устойчивость цепочки поставок определяется способностью участников координировать цифровые преобразования

и адаптировать бизнес-процессы [2, с. 4; 3, с. 6]. Асимметричное распределение выгод цифровизации способствует распространению поведения типа free-riding, что снижает устойчивость логистических систем [3, с. 12; 4, с. 9].

Цель исследования заключается в анализе стратегических механизмов цифровой трансформации двухзвенной цепочки поставок в условиях отсутствия субсидирования.

Объектом исследования является двухзвенная цепочка поставок, включающая производственное и розничное предприятия. Участники обладают ограниченной рациональностью и выбирают между активной и пассивной стратегиями цифровой модернизации.

Для анализа динамики стратегического поведения применяется эволюционный игровой подход [2, с. 2; 5, с. 6; 6, с. 4]. Динамика выбора стратегий описывается уравнениями репликаторной динамики:

$$\dot{x} = x(1-x)(\Pi_m^A - \Pi_m^P), \quad (1)$$

$$\dot{y} = y(1-y)(\Pi_r^A - \Pi_r^P), \quad (2)$$

где x и y – вероятности выбора стратегии активной цифровой модернизации производственным и розничным предприятиями соответственно.

Анализ модели показывает, что устойчивость цепочки поставок определяется соотношением между чистым эффектом цифровых инвестиций и выгодами free-riding. При превышении эффекта цифровых инвестиций для обоих участников формируется координированный устойчивый режим, характеризующийся совместной цифровой модернизацией. В противном случае возникают асимметричные устойчивые состояния, при которых цифровую трансформацию осуществляет лишь один участник цепочки поставок. При доминировании выгод free-riding координация нарушается, а цифровая трансформация приобретает фрагментарный характер.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что при отсутствии механизмов субсидирования устойчивые режимы цифровой трансформации цепочки поставок не всегда носят координированный характер [4, с. 9; 5, с. 6]. Ключевую роль играет соотношение эффективности цифровых инвестиций и выгод пассивного поведения. Для повышения устойчивости логистических систем целесообразно применение адресных координационных мер, направленных на снижение издержек цифровой модернизации.

Список источников

1. Du, W., Ren, Z. The enabling mechanism of supply chain digital transformation based on evolutionary game modeling // Journal of Management and Humanity Research. – 2024. – DOI: 10.22457/jmhr.v11a062472.

2. Jiang, W., Jiang, F., Zhang, Z., Chen, Z. Study on digital technology collaboration strategy of supply chain enterprises based on evolutionary game // Proceedings of the 4th Management Science Informatization and Economic Innovation Development Conference (MSIEID 2022), Chongqing, China. – 2023. – DOI: 10.4108/eai.9-12-2022.2327699.

3. Li, G., Yu, H., Lu, M. Low-carbon collaboration in the supply chain under digital transformation: an evolutionary game-theoretic analysis // Processes. – 2022. – Vol. 10, No. 10. – DOI: 10.3390/pr10101958.

4. Li, C., Ke, Y., Lu, L., Xu, K. Healthcare supply chain resilience investment strategy analysis based on evolutionary game // Symmetry. – 2024. – Vol. 16. – P. 787. – DOI: 10.3390/sym16070787.

5. Liu, B., Zou, H., Qin, H., Ji, H., Guo, Y. An evolutionary game analysis of digital transformation of multiagents in digital innovation ecosystems // PLOS ONE. – 2023. – Vol. 18. – DOI: 10.1371/journal.pone.0289011.

6. Zhang, G., Wang, X., Wang, Y., Kang, J.-W. Research on the resilient evolutionary game of logistics service supply chain with government participation // Mathematics. – 2022. – Vol. 10, No. 4. – DOI: 10.3390/math10040630.

Научное издание

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ: ЭКОНОМИКА ТРАНСФОРМАЦИЙ И УСТОЙЧИВОГО РОСТА

Сборник материалов
XIII Международной научно-практической конференции молодых ученых

Санкт-Петербург

20 февраля 2026 года

Под научной редакцией
доктора экономических наук, профессора Е.А. Горбашко

Верстка Ю.К. Трубкиной

Подписано в печать 30.06.2026. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 22,75. Тираж 500 экз. Заказ 446.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ